

ДОКТОР

ПОБЕДА

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ДОКТОРА ЛЕЙЛЫ

АДЕЛЬ ХАЙД

Annotation

- [Вторая жизнь доктора Лейлы](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)

- [Глава 68](#)
  - [Глава 69](#)
  - [Глава 70](#)
  - [Глава 71](#)
  - [Глава 72](#)
  - [Глава 73](#)
  - [Глава 74](#)
  - [Глава 75](#)
  - [Эпилог](#)
  - [От автора](#)
-

Вторая жизнь доктора Лейлы

Пролог

«Снова сон, — подумала я, открывая глаза. Во сне я вскакивала с кровати и бежала в больницу, глаза мои видели всё даже без очков, ноги переставлялись быстро, руки были твёрдыми.»

Но реальность была безжалостна, на самом деле я уже «старая развалина». Спасибо всевышним силам, итак, прожила столько, что некоторым и не снилось и работать перестала только год назад, когда уже даже через лупу не смогла разглядеть глазки своего маленького пациента.

Сегодня у меня очередной сто четвёртый день рождения. Сколько всего сделано. Есть чем гордиться. Но сколько всего ещё можно было сделать, столько малышей ещё нуждаются в моей помощи. Так жалко, что уже нет сил...

Сухая старушка, которую все в мире знали под именем доктор Лейла, вздохнула, и словно бы обращаясь к кому-то прошептала: «Вот бы ещё...»

И в этом мире это были её последние слова и последний вздох.

Глава 1

Снова сон, — подумала я, открывая глаза и не узнавая собственную комнату.

В моей комнате было большое окно и всегда было светло. На потолке висела большая люстра, сделанная из разноцветного стекла. А здесь темно, какой-то серый потолок, на котором висит лампа на проводе, испуская тусклый свет.

Я решила встать и неожиданно мне это удалось очень легко, как будто бы все мои мышцы снова стали сильными и упругими. С удивлением посмотрела на свои ноги, обтянутые длинной серой рубашкой. Вот ещё странность, давно такой грубой ткани рубашки не носила, может только в юности.

Приподняла рубашку, ноги под ней были гладкие, с молодой кожей, а не дряблые, с синими следами вен.

Посмотрела на руки. Руки тоже были не мои. Нет, управляла ими совершенно точно я, но откуда у меня, у древней старушечки старше века, такая молодая и упругая кожа. Пощупала лицо. Это совершенно точно не я.

Накатила паника. «А вдруг я утратила разум и теперь мне кажется, что я молоденькая девушка». Это был мой самый большой страх, лишиться ума. Сколько моих подружек, переставали узнавать своих родных, начиная жить в каком-то своём мире.

Вдруг за дверью раздались шаги.

Дверь без стука отворилась, и я легла, притворившись, что сплю. Судя по шагам, вошла женщина. Подошла к кровати и склонилась надо мной. Я слегка приоткрыла глаза, надеясь, что в полумраке комнаты это будет незаметно.

Женщина положила мне руку на лоб. И я решилась. Открыла глаза и в упор на неё посмотрела. Женщина от неожиданности отпрянула, но быстро пришла в себя и спросила:

— Лейла, как ты себя чувствуешь?

Я попыталась ответить, но горло было словно бы склеенное. Мой врачебный мозг сразу начал «исследовать» симптомы: «Такое впечатление, что был отёк гортани, аллергическая реакция»

В конце-концов откашлявшись, мне удалось прохрипеть:

— Не очень, а что произошло? Я не помню, что было вчера.

Женщина всё таким же участливо-фальшивым голосом произнесла:

— Ну как же, Лейла, сегодня тебе исполняется восемнадцать лет и теперь ты уже не можешь оставаться в приюте. Тебе придётся уйти. Но ты же помнишь, что вчера приходила мадам Лестар и предлагала тебе работу.

«Что-то мне всё это не нравится, — подумала я. Приют, судя по всему сиротский, какая-то мадам Лестар, и работа»

А вслух спросила:

— А что за работа?

— Ну как же, работа в её доме. Там и платья тебе пошьют красивые и жильём обеспечат, скоро зима, на учёбу в санитарки уже не принимают, только весной сможешь пойти. А до весны же надо ещё дожить, — продолжала расписывать мои плачевные перспективы женщина.

Мне показалось, что она не уйдёт пока я не соглашусь.

— Я подумаю, мадам, дайте мне немного времени я соберусь.

Лицо женщины из сочувственного стало жёстким, и она уже совсем другим тоном произнесла:

— Ну-ну, думай, думаешь мадам Лестар каждой такое предложение делает? Как бы не так! Вон Стелла слишком много себе позволяла, и её мадам Лестар к себе не взяла, как бы та ни просила. В общем, Лейла, собирайся, после обеда тебя здесь уже не должно быть.

Мадам вышла, оставив меня одну. И почти сразу же дверь снова приоткрылась, но на сей раз словно бы пришедший старался очень осторожно «просочиться» так, чтобы его или её не заметили.

Это была худенькая девушка. Увидев, что я не сплю, а сижу на кровати, свесив ноги, она быстро дошагала до меня и запрыгнула рядом, обнимая.

— Ах, Лейла, ну почему мне только семнадцать, я хотела бы уйти отсюда вместе с тобой. Поклянись, что через год ты заберёшь меня.

Потом девушка взглянула на меня и испуганно спросила:

— Ты чего Лейла? Что сказала тебе эта старая жаба, мадам Вонючка

Я улыбнулась, настолько непосредственной и милой была эта девочка:

— Почему мадам Вонючка?

— Ну вот, опять ты всех защищаешь, Лейла! Нельзя быть такой доброй! А не то все вонючки будут на тебе «ездить», — тоже улыбнулась девочка, потом посерьёзнела и уже совсем другим тоном спросила:

— Лейла, с тобой что-то не так и голос хрипит, ты не заболела?

Я подумала, что было бы неплохо расспросить девочку, а то мне пока много непонятно и вслух сказала:

— Я не пойму, что со мной, еле проснулась, ничего толком не помню, что вчера было, мадам..., — здесь у меня был только один вариант, — Вонючка говорит, что вчера я разговаривала с какой-то мадам Лестар, а я вообще не помню, мысли путаются и голова какая-то тяжёлая

Девочка испуганно на меня посмотрела, глаза её наполнились слезами она снова меня обняла и зашептала:

— Лейлочка, только не иди к мадам Лестар, помнишь, мы же мечтали, что ты станешь доктором, забереешь меня и мы вместе будем работать в больнице, накопим денег, купим себе дом. Ты же обещала, что Лейла и Тина, мы навсегда как сёстры, пусть даже и не родные.

Она посмотрела на меня и с отчаянием в голосе произнесла:

— Ты же ничего не подписала вчера?

Мне стало не по себе, но по крайней мере теперь я знала имя «своей» подруги:

— Я не помню, Тина

— Я уверена, — сказала Тина, — что мадам Вонючка тебе что-то подлила. Так уже было с Настой, помнишь? Мы с тобой ещё удивились, почему она вдруг поменяла решение и вместо того, чтобы пойти вышивальщицей в Модный дом, где её уже ждали, подписала контракт с мадам Лестар.

Вдруг Тина подпрыгнула и почти вскричала, но вовремя прикрыла рот ладонями:

— У...ра!

Я с удивлением посмотрела на неё

— Ты не могла ничего подписать! — заявила Тина, пританцовывая от переполняющих её эмоций.

— Почему ты так думаешь? — спросила я, улыбаясь, потому что как бы мне сейчас ни было страшно, или непонятно, или непривычно, но глядя на эту девочку, со светлыми пушистыми волосами, которые словно одуванчик окружали немного бледное личико, просто невозможно было не улыбаться.

— Потому что, такие бумаги пописывают в присутствии нотариуса, а ты не могла ничего пописать пока тебе не стукнуло восемнадцать, а восемнадцать тебе только сегодня, — подробно и деловито объяснила мне Тина

Потом снова подпрыгнула:

— Ой! Я же забыла, у меня для тебя подарок!

И Тина вытащила из кармана маленькую коробочку, явно склеенную вручную из плотной бумаги, и протянула мне со словами:

— С Днём рождения, Лейла

Я взяла коробочку, потрясла, внутри что-то постукивало

— Открывай! — Тина не отличалась большим терпением

Я открыла. В коробочке лежала... монета

— Это тебе — торжественно произнесла Тина

Я не знала достоинство этой монеты, но мне вдруг стало так приятно, что теперь у меня глаза увлажнились и я от души обняла подругу.

— Спасибо тебе, Тина, обещаю через год я обязательно тебя заберу, только ты тоже ничего не подписывай, пожалуйста.

Вдруг дверь распахнулась и в комнату снова вошла мадам... Вонючка.

Увидев Тину, зашипела:

— Что ты здесь делаешь? Почему не на построении, Тина Лавель?

Тина сразу вытянулась, сделала книксен, склонила голову, не забыв при этом стрелкнуть в меня заговорщицким взглядом:

— Простите меня, мадам...Стинк, уже бегу, просто зашла поздравить Лейлу

«Ага, — подумала я, — значит мадам Стинк»

Тина выскочила за дверь, а мадам Стинк уставилась на меня.

— Ну? Что ты решила? — спросила она и мне показалось, что делает мадам Стинг это с нажимом, будто бы пытаюсь запрограммировать меня на ответ.

«Вот же гадина какая! — подумала я, — удивишься теперь, когда в теле девочки старая опытная циничная бабка.»

А вслух сказала, поразившись как тяжело мне пока говорить:

— Конечно, мадам Стинк, я решила.

Мадам тут же поджала губы, а я немного откашлялась и, «округлив» глаза спросила:

— А нотариус уже прибыл?

Теперь настало время откашливаться мадаме.

— Нет, он после обеда придет, — как будто нехотя произнесла мадам Стинк и развернулась, чтобы выйти из моей комнаты. Но притормозила возле двери и как-то мстительно произнесла:

— Так что к обеду освободи комнату, на неё уже очередь, и сразу после обеда я жду тебя у себя в кабинете.

И вышла.

А я осталась думать, что же мне делать.

Конечно, никакой договор ни с какой мадам я подписывать не собиралась. Но догадывалась, что мне положены какие-то «выходные» деньги. И я намеревалась задать этот вопрос нотариусу. Который скорее всего приезжает оформлять документы для «выпускника» приюта.

А девочку, скорее всего, вчера опоили, и у неё, судя по отёку гортани, случилась аллергическая реакция. Слова до сих пор давались мне с трудом. Надо бы, конечно, по выходу из этой богадельни определить на что у меня аллергия.

После ухода мадам Вонючки я встала, осмотрелась. Пожалела, что мадам отослала Тину. Кто мне расскажет, где здесь что находится? Но жизненный опыт самая ценная вещь после здоровья, и я довольно быстро со всем разобралась.

Вещей у меня было немного, всё уместилось в небольшой потёртый чемоданчик. Я подумала о том, что у девочки обязательно должен был какой-нибудь тайник. И стала искать.

Простучала все стены, со всех сторон осмотрела небольшой деревянный столик, проверила несколько книжек, которые рядом стояли на здесь же на столе. Всё безуспешно. Потом вспомнила, что наиболее часто для тайников используются различные углубления в полу. Стала простукивать и...нашла.

Пол был выложен короткой паркетной доской и под одной из дощечек явно слышалась пустота.

Поискала, чем бы подковырнуть, нашла старые полностью металлические ножницы, вспомнила, что когда-то давно у меня тоже такие были.

Под дощечкой обнаружилась небольшая, вручную сшитая из листов, тетрадь, в которую была вложена потрёпанная карта, и маленький кошелек. В кошельке было около пяти монет. Такую же монетку мне подарила Тина. Её я тоже положила в кошелек.

Убрала тетрадку и кошелек во внутренний карман серого из грубой шерстяной ткани платья, которое надела, обнаружив его в шкафу.

Нашла маленькое зеркальце, попробовала себя рассмотреть. Показалось, что похожа на себя в молодости. Вроде бы светлые волосы, светлая кожа, голубые глаза. В маленькое зеркальце было сложно увидеть весь образ. Но я порадовалась, а ведь могла бы вот так вот очнуться кем-то ещё.

И самой стало весело. Вдруг поняла, что снова живу, снова молода, а то, что снова впереди трудности, так теперь у меня есть преимущество в виде знаний и опыта.

Пока время было решила почитать найденную тетрадку и карту. Порадовало то, что и читать я тоже могла. Было полное ощущение, что это тот же самый язык, на котором я разговаривала всю свою жизнь.

Это, как я и предполагала, был дневник. В нём девочка записывала свои мечты и мысли. Девочка хотела стать врачом. И мечтала лечить детей. На карте были отмечены точки. Я сопоставила с теми адресами, что были на карте и поняла, что это были больницы.

«Спасибо, Лейла, — мысленно поблагодарила я несчастную девочку»

Я подумала, что я обязательно исполню её мечту, потому что лечить детей, это именно то, что я умею делать лучше всего. Там же были написаны адреса больниц и напротив каждой стоял либо плюс, либо минус.

Я предположила, что Лейла готовилась покинуть приют и уже начала подбирать себе работу.

На последней странице был адрес, напротив которого было написано, что одна ночь стоит две кроны.

«Кроны? Неужели так здесь называются деньги? — подумала я, — хорошо бы, если бы так, в этом случае я быстро разберусь достоинстве монет. А по поводу адреса я решила, что это вероятно какой-то пансион, в котором Лейла планировала жить.»

Часов у меня не было и поэтому я, захватив с собой чемоданчик, пошла искать место, где здесь обедают. Есть мне совершенно не хотелось, да и горло ещё немного болело, но я знала, что неизвестно когда мне в следующий раз удастся поесть и поэтому решила использовать свой шанс на последний обед в приюте.

Пока шла навстречу попадались девочки разных возрастов в таких же серых платьях, что было на мне. Многие улыбались и поздравляли. Откуда-то выскочила Тина:

— Лейла, куда ты идёшь? Я думала, что ты будешь на обеде.

— Я и хочу на обед, просто мадам Стинк попросила освободить комнату, вот я и собралась, — ответила Тине

— Тогда пошли — улыбнулась Тина

Обед проходил в большом светлом зале, в котором были большие прямоугольные окна, и я увидела, что сейчас лето, потому что деревья стояли зеленые, но было пасмурно, хотя дождя не было.

В зале стояло несколько длинных столов, за которыми рассаживались девушки, с подносами в руках.

Тина подтащила меня к одному из столов, под который я поставила чемоданчик, и мы пошли к раздаче.

На обед полагалась тарелка похлёбки, какая-то запеканка и стакан с напитком.

Всё было съедобно, хотя белка, конечно, было маловато.

Девушки были разных возрастов, некоторые смотрели на меня так, словно мы никогда не общались, но три девушки подошли и присели к нам с Тиной.

— После обеда уходишь? — спросила одна из них

Я кивнула.

— Всё-таки решила попытать счастья в больницах? Смелая ты, а если заболеешь? Говорят, что там иногда бывают заразные больные, — спросила невысокая рыженькая девушка со смешными веснушками на лице.

А третья, которая всё это время молчала, вдруг как-то с отчаяньем в голосе сказала:

— Ага, так тебе и дали дойти до больницы, мадам Лестар свою добычу не выпускает.

Тина тут же ей ответила:

— Зачем ты так, Дана, всё у Лейлы будет нормально.

— Тогда пусть поторопится, чтобы до темна успеть устроиться в свою больницу, — зло сказала девица, которую Тина назвала Даной, встала и не прощаясь ушла.

— Что с ней? — спросила я у оставшихся девушек

— Она боится, — ответила рыженькая.

И вдруг раздалось:

— Лейла Кроули, тебя ждёт директриса, поторопись

Тина встала вместе со мной:

— Я тебя провожу и подожду, чтобы проводить тебя до ворот

В голосе у неё звучали слёзы.

— Верь мне Тина я вернусь за тобой, — ещё раз повторила я

— Да я буду ждать тебя двадцать первого мая, — проговорила Тина, и добавила, — ведь ты же не забудешь, что мой день рождения двадцать первого мая?

— Конечно нет, — успокоила я девушку, и встала чтобы взять чемодан, и вдруг вспомнила про зеркальце. Достала его из кармана и протянула Тине.

— Вот, смотришь в зеркальце и говори всё, что ты хочешь сказать мне, и я услышу, — сказала ей улыбнувшись

Тина посмотрела на меня вытаращенными глазами, но потом облегчённо выдохнула и улыбнулась:

— Шутишь

— Конечно...шучу, — ответила я, и мы пошли.

Глава 2

В кабинет директрисы я вошла, как и была с чемоданом в руке, хотя Тина и предлагала его посторожить.

Помимо директрисы там находилась богато одетая женщина в зелёном костюме с приталенным жакетом и удлинённой юбке. Я бы назвала это «макси». Под пиджаком была светло-розовая блуза с довольно большим треугольным вырезом. На голове женщины была маленькая шляпка с вуалью. Если это мадам Лестар, то она не смотрелась вульгарно, я бы даже сказала, что наоборот. Женщина смотрелась стильно. Туфли были на небольшом каблучке, а на руках были кружевные перчатки под цвет блузки.

Женщина стояла, директриса тоже стояла рядом со своим столом, за которым сидел немолодой лысоватый мужчина в очках.

«А это, наверное, нотариус, — подумала я»

Увидев, что я вошла, директриса нарочито ласково спросила:

— Лейла, как ты вовремя, а мы только что собрались, чтобы подписать все необходимые документы.

Мужчина, сидящий за столом, поднял голову и довольно жёстко проговорил:

— Мадам Стинк, я должен попросить вас оставить нас с мисс Кроули одних, этого требует нотариальная процедура

У меня внутри даже радостно задрожало: «Неужели я смогу всё выяснить без свидетелей в лице мадам Вонючки и мадам Лестар, которая в этот момент вдруг сделала вид, что она просто один из предметов мебели»

Мадам Стинк поджала губы, но направилась к двери.

А мужчина между тем продолжил:

— Я бы попросил выйти всех, кроме мисс Кроули

— Николас, я что тоже должна выйти? — грудным с лёгкой хрипотцой голосом произнесла мадам в шляпке.

— Да, мадам Лестар, вы тоже, и прошу вас не фамильярничать, — всё так же жёстко произнёс нотариус.

Когда все «лишние» вышли я присела к столу напротив мужчины.

— Николас Петифо, — представился нотариус и вытащив бумаги из тонкой серой папки, сообщил:

— Начнём, пожалуй

— Итак, мисс Кроули, вы ознакомились с договором? — задал мне вопрос господин Петифо.

— Нет, — чётко ответила я, и господин Петифо вздрогнул, потому как он уже вытягивал из папки бумаги, видимо, намереваясь передать мне их на подпись.

Он взглянул на меня более пристально, будто бы пытаюсь что-то разглядеть. Я решила не давать ему повода усомниться в моём ментальном здоровье и произнесла:

— Прошу вас разъяснить о каком договоре идёт речь, а также рассказать мне обо всех вариантах моего выпуска из приюта.

Глаза нотариуса буквально «вылезли» над очками. Ну или это очки съехали на нос.

Но надо отдать ему должное, господин Петифо довольно быстро совладал с собой, положил бумаги обратно в папку и, сложив руки под подбородком, посмотрел на меня, но совсем другим взглядом. Уже не было во взгляде нотариуса такого выражения, которое я бы описала, как «давайте уже всё подпишем, и я побежал».

Теперь в его взгляде была некая заинтересованность.

— С чего хотели бы начать?

«Какой, однако, хитрый крючоктор, — подумала я, — но не на ту напал.»

И вслух сказала:

— Договор с заведением мадам Лестар мне не интересен, прошу вас озвучить только то, что мне полагается при выпуске из приюта.

И тоже посмотрела на нотариуса взглядом: «Ну, что теперь скажешь?»

Нотариус хмыкнул, чему-то улыбнулся, и я не поняла, хорошо это или плохо, и достал из большого коричневого портфеля другую папку, чёрного цвета.

Вытащил лист бумаги и передал мне.

Это была... опись, очень похожая на «обходной лист». Только на ней на печатной машинке было напечатано:

«Настоящим мисс, далее шёл длинный прочерк, его, надо было заполнить вручную, удостоверяет, что ею получено. И далее шёл

список того, что выдавалось выпускнице приюта.»

Я внимательно прочитала и оказалось, что мне полагалось практически приданное: постельное бельё, гигиенический набор, который включал в себя два куска мыла, мочалку, расчёску, швейный набор и набор для вязания, и самое главное, что мне полагалась выплата в размере десяти крон.

Я перечитала два раза, опасаясь подвоха, но не нашла ничего, что было бы написано «мелким шрифтом». Посмотрела на нотариуса, который всё то время, что я изучала документ, видимо, наблюдал за мной.

— Я согласна подписать этот документ и получить всё мне причитающееся, — сказала нотариусу.

— Мисс Кроули, — начал мужчина

«Ну вот, как всегда есть но, — пришла в голову невесёлая мысль»

— Повелением королевы, которая курирует все приюты государства, приют не может вас выпустить без договора о работе или о жилье. У вас же есть вариант работы или жилья?

Мне стало нехорошо, но я не показала виду что меня сильно расстроило это странное условие, наоборот, я решила уточнить:

— Но мадам Стинк сказала, что я не могу остаться в приюте

Нотариус развёл руками:

— Вот такая вот коллизия, уж простите несовершенство законов. С наступлением возраста восемнадцати лет вы не можете более считаться воспитанницей приюта, но и выпустить вас без договора о найме или о жилье, приют тоже не может.

Я про себя подумала: — «Выпустить не может, выдав все причитающиеся вещи и выплаты, а на улицу выставить без копейки очень даже может. Интересно, а королева знает?»

Нотариус вздохнул и мне показалось, что он вздохнул искренне переживая, ну или он очень хороший артист.

— Тогда не будем терять время, — произнесла я как можно более оптимистично, — побегу за договором

— Он у вас здесь? — удивился нотариус

— Нет, конечно, я же не знала, что его надо взять заранее, я договорилась и о жилье, и о работе, но не взяла никаких бумаг. Поэтому прошу выдайте мне документы и я пойду оформлю необходимые бумаги и... — здесь я сделала паузу и почему-то

мстительным тоном сказала, — вернусь за причитающимся мне... приданным.

Снова пристально взглянула на нотариуса:

— Документы же вы мне выдать можете?

Нотариус снова вздохнул и вытащил из чёрной папки мой... паспорт.

Я взглянула на документ, это было скорее свидетельство о рождении, а внутри него был вкладыш, с указанием моего нынешнего статуса.

Нотариус мне пояснил:

— Как только вы обустроитесь, вам будет необходимо сходить в мэрию и там вам обменяют эту справку на гражданское удостоверение.

— Если это всё, господин Петифо, могу ли я идти? — я встала и спросила нотариуса

— Да-да, идите, — рассеянно произнёс мужчина

И я решила не испытывать судьбу, подхватила чемоданчик и выскочила за дверь.

Там в приёмной перед входом в кабинет сидела директриса и мадам Лестар.

— Прощайте мадам Стинк, — сказала я, проходя мимо, и не останавливаясь

— А ты куда, Кроули? — мадам Стинк явно не ожидала такого поворота

— В больницу, — ответила я и прикрыла за собой дверь.

В коридоре у стены стояла Тина.

— Бежим, — сказала я и Тина без вопросов понеслась вслед за мной по коридорам приюта.

Только оказавшись около ворот я остановилась и рассказала Тине всю ситуацию.

— Будь осторожна, — сказала Тина и обняла меня, — я в тебя верю.

Я вышла за ворота, а Тина осталась внутри приютской территории.

***

Я решила сначала пойти по адресу, который я определила как пансион для ночлега, но заметила, что на пути к нему расположены две больницы, как раз те, напротив которых стояли плюсы.

«Зайду, вдруг сразу удастся и на работу устроиться и потом договориться о ночлеге,» — решила я и решительно двинулась по направлению к больнице.

В шерстяном платье скоро стало жарко, потому что шла я быстро, наслаждаясь возможностью молодого тела. Как же это прекрасно просто иметь возможность быстро идти и вдыхать воздух, чувствуя, как молодое здоровое сердце гонит кровь насыщенную кислородом по венам, наполняя мышцы силой.

Больница была большая. Вход в неё находился на возвышении, к нему вели пологие ступени, по которым спускались и поднимались люди. К сожалению, в записях Лейлы не было указано говорила ли она с кем-нибудь или просто поставила плюс, потому что ей понравилось здание.

Но из прошлой жизни я знала, как устроены больницы и в начале двадцатого века и в начале двадцать первого. Время здесь мне казалось более похожим на начало двадцатого века, по дороге неспешно ехали автомобили, которые в моём времени называли «ретро», иногда попадались экипажи, запряжённые лошадьми, женщины носили удлинённые, но не длинные юбки или платья, мужчины котелки или цилиндры.

Я поднялась по ступеням и, потянув на себя тяжёлую дверь, смело зашла в больницу.

Внутри меня встретил большой круглый холл, полный людей, некоторые сидели, те, кому не хватило лавок, стояли. Как я поняла, это была своеобразная очередь, которая упиралась в два стола, за каждым из которых сидели мужчины, одетые во врачебные рубашки. Рубашки были серые, похожие на моё платье, с длинными рукавами, обычно такие рубахи надевали на одежду и завязывали на поясе.

Присмотревшись, я поняла, что мужчины занимались тем, что определяли нуждается человек в лечении или нет и какого рода лечение нужно. Некоторых уводили в проход, расположенный за столами «приёмной», а некоторых отправляли в другую сторону, где был расположен коридор с несколькими дверями. Я подумала, что там, наверное, сидят врачи.

«Куда же мне идти?» — размышляла я, осматриваясь по сторонам, как вдруг заметила, что в дверь зашёл человек с саквояжем и

пробираясь сквозь очередь направился в сторону коридора с дверями, я пошла в ту же сторону.

— Простите, пожалуйста, — обратилась я к нему, — не могли бы вы мне помочь.

Мужчина удивлённо посмотрел на меня, и указал на столы, сухо сказал:

— Вам туда

— Я не больна, я по поводу работы, — поспешила объяснить, понимая, что ещё миг и он от меня «убежит» в коридор, в который мне просто так уже не пробраться.

— Тогда вам надо не сюда, — неожиданно расщедрился мужчина на слова и добавил, — вам надо пройти с другой стороны здания и найти там господина Персонара, он занимается наймом. Простите, мне пора

Вышла из больницы и пошла искать заветный вход и господина Персонара.

За зданием больницы располагалось ещё два здания, одно из них, судя по всему, было каким-то обособленным отделением, а вот другой было похоже на... крематорий.

Господина Персонара я нашла за неприметной, выкрашенной в зелёный цвет дверью. Он сидел в небольшом кабинете и что-то писал. Это был невысокий плотный лысоватый мужчина, больше похожий на бухгалтера, в моём представлении, чем на доктора. Но как оказалось он и не был доктором и для меня это стало критически неудачным моментом. Господин Персонар не мог оценить мои знания, ему требовались только мои бумаги об образовании. А вот бумаг как раз у меня и не было. Ещё он сказал, что мог бы взять меня без документов на должность санитаря, будь я мужчиной, потому что в скорбный дом, который располагался в отдельно стоящем здании, требовались сильные мужчины.

И как бы я ни пыталась господину Персонару доказать, что могу претендовать хотя бы на должность санитарки, всё, что он мне предложил это должность уборщицы...

Нет, я не была против, мне нужна была любая работа, но должность уборщицы освобождалась только через неделю. И я, попросив господина Персонара записать меня в качестве претендента, решила попытать счастья в другой больнице.

— Буду ждать вас до десяти утра через неделю, опоздаете хотя бы на пять минут, и я отдам эту должность другой девушке.

«Однако, — думала я по пути в другую больницу, — явно же людей не хватает, это видно по большой очереди на приёме, а свободной вакансии нет, так почему же Лейла поставила плюс напротив этой больницы?»

Больница носила имя какого-то святого и действительно была большой. Следующая больница, в которую я зашла, была гораздо меньше и состояла всего из одного корпуса. Располагалась она не так близко к центру, но и не на окраине.

Но и в этой больнице мне не повезло. Хотя здесь мне удалось попасть на «интервью» к дежурному врачу. Он признал, что знания у меня есть, но он оказался шовинистом, и не мог себе представить, как «можно взять на работу в медицинское учреждение женщину»

Когда я вышла на улицу уже было около пяти часов вечера, ещё достаточно светло, но моим расчётам мне надо было пройти около двух километров, пансион, если это, конечно, был он, располагался на окраине города. Но когда я пошла по улице, то мне показалось, что за мной кто-то идёт.

Глава 3

Я сразу вспомнила предупреждение Даны, что «мадам Лестар не отказывается от своей добычи» и мне, по сути, столетней бабке, стало страшно.

Я не знала, как здесь соблюдаются права человека, но мне подумалось что, если приютская девушка неожиданно пропадёт, то никто не будет её искать.

Даже Тина начнёт волноваться только через год, когда я не приду за ней в её день рождения. И почему-то мне стало обидно за Лейлу, которая в отличие Стеллы, себе «не позволяла».

«Ладно, — решила, — так просто не дамся, я такие болевые точки знаю, что в случае, если нападут, особенно если будет только кто-то один, отключу так, что человек и не вспомнит что с ним случилось, а чемоданом ещё и по голове настучу.»

Эти мысли меня успокоили, и я почти что вприпрыжку, насколько позволяла неудобная обувь пошла выяснять будет мне, где переночевать или нет.

Когда до «пансиона» оставалось около четверти пути я сначала услышала, а потом и увидела, что много людей, идут в одном направлении, кто-то весь в саже, у кого-то лицо или одежда были в крови, несколько человек несли кого-то на носилках, ехало несколько повозок, на которых лежали люди.

Я догнала одну из повозок, чтобы посмотреть. Люди, лежавшие в повозках, либо были без сознания, либо стонали, одежда на многих была обгоревшей. Я обратилась к женщине, которая шла, держась за повозку:

— Что случилось, мадам?

— Взрыв, — неживым голосом ответила она и я поняла, что у неё шок.

— А куда вы идёте? — спросила я женщину ещё раз

Та, будто бы мои слова её разбудили, взглянула на меня с удивлением, и ответила:

— В больницу идём

Этой больницы не было в списке Лейлы и на карте она тоже не была обозначена, и я пошла вместе с людьми в больницу, понимая, что людей слишком много и возможно понадобится моя помощь, о том, что мне надо бежать договариваться о ночлеге я в тот момент не думала.

Больница располагалась в переулке и была ещё меньше, чем та, в которой женщин на санитаров не принимали. Здесь же я, к своему удивлению, увидела двух женщин, одетых в привычные мне, ну почти белые, хирургические халаты, которые без пуговиц, завязывались поясом. На головах у них были белые платки. Выглядели женщины растерянны. Мне даже показалось, что они с ужасом глядели, а приближающуюся толпу и на те несколько телег, которые уже стояли возле больницы.

Я пошла к женщинам, собираясь предложить помощь, хотя бы в сортировке пострадавших*, чтобы отметить, кто тяжёлый, кто лёгкий, как меня учили на медицине катастроф.

(*Медицинская сортировка является одним из основных принципов медицины катастроф, основанном на необходимости оказания медицинской помощи в максимально короткие сроки возможно большему количеству пострадавших, имеющих шанс выжить. Впервые была внедрена русским хирургом Н.И.Пироговым)

Но в это время из дверей больницы вышел пожилой мужчина, тоже в белом хирургическом халате. Увидел женщин, стоявших и меня почти рядом с ними и прикрикнув на нас всех, а особенно на меня:

— Почему ещё не в форме?

— Вы мне? — удивилась я и оглянулась, больше никого рядом не увидев, посмотрела на женщин. Те будто бы даже не удивились.

— Ну а кому? — нетерпеливо крикнул доктор, — быстро переодеваться и на сортировку.

Одна из женщин вздрогнула и сказала:

— Пойдём провожу, покажу, где взять форму

По пути женщина сказала:

— Ты не бойся, наш главный-то строгий, конечно, но не дурной. Это он просто переживает, видишь, какая ситуация-то, как людей много пострадало, а места-то у нас мало.

— А как зовут главного? — решила я спросить

— Доктор Джозеф Листер, — немного удивилась женщина, — а меня, если что Надин зовут.

Я не стала больше удивляться, хотя, конечно, поняла, что меня с кем-то перепутали. Но я знала, что могу помочь людям и это было главным.

Поэтому пошла, переделалась, оставила чемоданчик и пошла работать.

В процессе выяснилось, что взрыв произошёл на фабрике. Взорвался котёл, в результате произошла утечка газа и загорелись складские помещения. Часть людей были очень тяжёлыми с большим количеством ожогов.

Я организовала женщин и ещё одного мужчину, который прибежал чуть позже, по-быстрому объяснив им систему. Надо было на первом этапе разделять носилочных и ходячих, ходячих договорились оставлять пока на улице. Носилочных необходимо было быстро осматривать. Я обратила внимание, что было всего три доктора, и они метались между стонущими и кричавшими пострадавшими.

Я подошла к доктору Джозефу и рассказала ему про систему сортировки. Тот удивлённо посмотрел на меня, но крикнул другим докторам, чтобы те подошли.

— Расскажи ещё раз, — попросил он

Я быстро объяснила, что мы с санитарками будем делать первичную сортировку, всех носилочных будем отвозить или относить в одну сторону, детей, беременных женщин, если таковые есть тоже, остальных пока отставляем. А задача докторов быстро, желательно в течение сорока секунд на пациента, определить степень тяжести тех, кого мы отсортировали по срочности оказания помощи.

Один из мужчин сперва сделал лицо, которое я «перевела» как: «Ну вот, ещё одна выскочка»

А другой слегка нахмурившись кивнул и сказал:

— А ведь девушка дело говорит, а то так мы в этом хаосе всех не посмотрим.

После этих слов доктор Джозеф тоже кивнул и сказал:

— Э, как вас...

— Лейла, — сказала я

Доктор удивлённо приподнял брови, но сказал только:

— Лейла, давайте берите на себя первичную...

— Сортировку, — подсказала я

— Да, сортировку, — качнул головой доктор и обратился к так и стоявшим рядом с ним мужчинам:

— Коллеги, пойдёте, и помните, на больного сорок секунд.

Как только удалось договориться о сортировке, дело пошло. Сначала я работала вместе с санитарками, но вскоре меня позвал доктор Джозеф и сначала мы с ним вместе осматривали пострадавших, но потом, он увидел, что я вполне в состоянии определить степень тяжести сама и сказав только:

— Вы здесь, я пошёл в операционную

Затем крикнул:

— Николас

И вслед за ним ушёл тот самый доктор, который сказал, что я «дело говорю»

На вторичной сортировке осталась я и молодой доктор, имени которого я не знала, но тот, что был настроен скептически.

Вскоре и его позвали внутрь больницы, а я осталась на улице, понимая, что ещё довольно много пострадавших, хотя лежащих почти всех увезли или унесли внутрь. Но те, кого отсортировали как ходячие, всё равно нуждались в помощи.

Я пошла в больницу, усталого доктора Джозефа обнаружила в операционной. Мне повезло он как раз входил туда. И я его спросила:

— Господин Листер, там ещё много людей с лёгкими ранами, кто-то может им оказать помощь

Он устало ответил:

— У нас всё забито мисс, отправляйте их в другие больницы.

Тогда я решила:

— Если вы выделите мне процедурную, я бы могла обработать раны.

Доктор снова удивлённо поднял брови, но кивнул в сторону Надин, которая притопала вслед за мной:

— Надин, покажи Лейле перевязочную, думаю, что вы без докторов с такими ранами справитесь.

Мы закончили, когда на улице уже совсем стемнело. Надин откуда-то притащила две кружки с горячим травяным напитком, и мы

сидели в перевязочной уставшие, но довольные тем, что почти всем удалось помочь и даже материала хватило.

Надин ещё радовалась, что пока я оказывала помощь, ей удалось почти всех зарегистрировать.

— Теперь больница получит за каждого по пять крон, плюс расходы на материал, а это значит, что нам может и премию выдадут, — радостно говорила она

А я сидела и думала: «Где же мне ночевать и как сообщить доктору Джозефу что я просто мимо проходила, но очень хочу у них работать».

Потом Надин вскочила и засобиралась:

— Ой поздно уже смена-то моя уже час как закончилась, а ты, наверное, на ночную сестру-то пришла, а как же теперь будешь ночью-то? Вот смотри

И Надин показала мне маленькую каморку, рядом с перевозочной, там стоял большой сундук, на котором лежало что-то типа матраса.

— Вот здесь запирается и можно немного поспать, — заговорщицки сказала Надин.

Надин ушла, а я пошла к операционной, из которой выходил доктор Джозеф и с ним второй, тот который скептик.

— Доктор Листер, мне надо с вами поговорить, — сказала я

— Голубушка, вы наверняка тоже устали, — вздохнув произнёс доктор Джозеф, — идите домой, сегодня я вас отпускаю

— Но... — попыталась возразить я

— Никаких, но, — придёте завтра и всё оформим

— Можно мне остаться на дежурстве, — сделала я ещё одну попытку

Доктор Джозеф повернулся к молодому:

— Посмотри, Пьер, какие нынче девицы пошли, готовы круглые сутки работать

Потом снова повернулся ко мне:

— Идите домой, завтра придёте утром, работы будет много, больница переполнена, а на ночь я оставлю кого-нибудь из мужчин

— Но мне некуда идти — выпалила я, — я не успела снять комнату

— Постойте, какую комнату? — удивился доктор Джозеф, — вы же мисс Тусен?

— Нет, меня зовут Лейла Кроули и я ищу работу в больнице, потому что хочу стать доктором.

Пьер хмыкнул, а вот доктор Джозеф внимательно на меня посмотрел. Пойдёмте мисс Кроули всё мне расскажете.

Доктор Джозеф попрощался с Пьером, и мы пошли с ним в кабинет. По пути я ещё раз обратила внимание на то, что по сравнению с теми больницами, куда я уже заходила, здесь даже после того хаоса, который случился сегодня, полы, стены, бельё, на срочно откуда-то вытасненных кроватях, которые стояли в коридоре из-за невозможности всех разместить в палатах, всё выглядит гораздо чище. И даже запах в этой больнице был именно больничным, пахло лекарствами, и... карболкой*.

(*Точнее, карболовая, или угольно-масляная, кислота. Это фенол, изначально добытый из каменноугольной смолы (современное название этого вещества — гидроксibenзол). Карболкой называли пятипроцентный водный раствор фенола, который широко применялся в качестве дезинфицирующего средства)

«Если здесь есть карболка, — радостно подумала я, — значит живём! Вот только почему в других больницах я не заметила этого запаха»

Кабинет главного врача был небольшим и очень аскетичным. В целом вся больница не отличалась роскошью, как те больницы, расположенные ближе к центру города.

— Итак, мисс Кроули, — произнёс доктор Джозеф, усаживаясь за небольшой стол и показывая мне на стул для посетителей.

— Вы уже поняли, что я перепутал вас с мисс Тусен, которую мы ждали как раз сегодня. Мисс Тусен собиралась приехать к нам, она закончила школу сестёр милосердия в Лихтенштейне, и я, признаться, увидев вас с чемоданом, решил, что вы и есть она, — продолжил доктор.

Я молчала и доктор, увидев, что я пока не собираюсь ничего говорить, спросил:

— Так кто же вы и откуда, мисс? Признаться я поражён вашим подходом, ещё никогда не слышал про...мм... «сортировку». Но должен признать, что благодаря вам мы справились и многие люди выжили, получив своевременную помощь.

Настала моя очередь, и я поняла, что доктор Джозеф и его маленькая больница — это мой шанс.

— Я сегодня выпустилась из приюта, доктор Джозеф и шла договариваться о ночлеге, но увидела раненых, испуганных людей, идущих в сторону вашей больницы, и не смогла пройти мимо. И я очень хочу работать в больнице, мечтаю стать доктором, — выпалила я

Доктор Джозеф внимательно посмотрел на меня, видимо, именно сейчас решалась моя судьба.

Спустя несколько бесконечно долгих секунд он ответил:

— Вы поступили так, как должен поступать каждый доктор, который давал клятву доктора*, а это значит, что у вас есть на то призвание и вы подходите на эту профессию.

(*Здесь в авторской версии реальности клятва Гиппократата заменена на клятву доктора)

Доктор снова замолчал, на этот раз молчание длилось несколько дольше, наконец он сказал:

— Но, чтобы стать доктором надо долго учиться, одного призвания недостаточно.

«Если бы вы знали, доктор Джозеф, сколько я училась, чтобы стать врачом? — горько подумала я про себя, понимая, что в этом мире мне нужно снова получать диплом.»

Вслух же сказала:

— Да, доктор Джозеф, я знаю и готова, но мне надо с чего-то начинать, и я была бы вам благодарна за работу санитаркой, насколько я знаю для того, чтобы убирать помещения больницы и следить за чистотой не нужно иметь диплома об образовании, а у меня к тому же имеются ещё и знания. Я много читала.

— Мисс Кроули, к сожалению, у меня нет свободного места, — нахмурившись, как будто бы ему было неприятно об этом говорить, произнёс доктор Джозеф

— А если мисс Тусен не приедет, — спросила я, — то место появится?

— Вряд ли она не приедет, — ответил мне доктор, — всё же девушке в медицине сложно найти работу, особенно в нашем королевстве, но сегодня я буду рад, если вы останетесь, потому как больных много, есть тяжёлые, а кроме меня и доктора Вильямса, больше никого нет. Я отпустил другую сестру, потому что ожидал

приезда мисс Тусен. Она как раз должна была занять место ночной сестры милосердия*.

(*В 1617 году во Франции священник Викентий Поль организовал первую общину сестер милосердия. Он впервые предложил это название — "сестра милосердия", "старшая сестра".)

И здесь мне пришла в голову мысль, и я сразу её озвучила:

— А вы, доктор Джозеф, могли бы принять у меня экзамен на сестру милосердия?

— К сожалению, нет, мисс Кроули. Экзамен принимает специальная комиссия и, там есть два момента: первый, экзамен можно сдать без обучения.

Услышав это, я уже обрадованно набрала воздуха, чтобы сказать, что я прямо завтра пойду и сдам экзамен, но доктор Джозеф продолжил, «опуская меня с небес на землю»:

— И второй момент: чтобы сдать экзамен вы должны заплатить тысячу крон.

Я буквально услышала, как со звоном бьющегося стекла, разбились мои надежды на быстрый успех.

Видимо, увидев мои округлившиеся от озвученное суммы глаза, доктор пояснил:

— Собирается комиссия, а каждый из комиссии занятой человек и поэтому такая цена. Но, обучение стоит дороже, поэтому многие стараются выучиться сами и сдать экзамен.

— Да, доктор Джозеф, вы же понимаете, что у меня, девочки из приюта, нет таких денег, — сказала я, не замечая, как глаза уже округляются у доктора Джозефа, я продолжила, — но мне нужна работа и я была бы благодарна за любую. Возможно, мне удастся накопить на экзамен.

Доктор Джозеф Листер обещал подумать, а я пока осталась в больнице. Пусть и на одну ночь, но мне не надо идти на улицу, где меня наверняка поджидают люди мадам Лестар.

Ночь выдалась беспокойная, у многих, особенно после хирургического вмешательства, поднялась температура. Пенициллина здесь пока не было. Но доктор Джозеф уверенно использовал карболку в качестве антисептика.

Я восхитилась, но посоветовала немного снизить концентрацию чтобы исключить возникновения раздражений. И у нас состоялся

научный спор, в результате которого мне было предложено доказать опытным или лабораторным путём.

Так я «подписалась» на создание фукорцина*.

(*Фукорцин — лекарственное средство с антисептическим и противогрибковым действием. Фукорцин обладает характерным ярко-малиновым цветом.)

И вообще доктор Джозеф много говорил о санитарии и обеззараживании. И я понимала, что, либо это мне повезло познакомиться именно с доктором Джозефом, который, возможно, первым понял, как важно обеззараживание и чистота, либо здесь уровень медицины повыше, чем был в моём мире в это же время.

Полного понимания, где я оказалась у меня пока не было, но я уже знала, что королевство называется Британия, что это не остров, как в моём мире, а расположено королевство на материке.

Под утро доктор Джозеф отправил меня и практически падающего от усталости доктора Вильямса, это тот адекватный мужчина, который первым поддержал идею о сортировке, поспать хотя бы пару часов перед тем, как придут остальные.

— А как же вы? — спросила взволнованно. По старой привычке, я могла не переживать за своих. А доктор Джозеф за эту ночь, когда мы плечом к плечу боролись вместе, отвоёвывая людей у «костлявой старухи», он стал «своим». Даже, если он и доктор Вильямс пока этого не знали.

Но Джозеф Листер не просто так занимал должность главного доктора, тон у него стал жёстким, и я больше ни о чём не спрашивая пошла в каморку, которую мне показала сердобольная Надин.

А когда я проснулась меня ждал сюрприз.

Глава 4

Во-первых, я проспала и проснулась я только потому, что Надин, зашла за мной в каморку с кружкой горячего напитка, очень напоминающего кофе. Я вспомнила, это был цикорий. Я, если честно, его ненавидела, потому как пила его вместо кофе последние тридцать лет, но сейчас аромат и вкус напитка показались мне божественными, после тяжёлого дня и бессонной ночи.

А во-вторых, Надин, которая уже была в курсе про путаницу со мной, сообщила, что в больницу пришла мисс Тусен и сейчас она в кабинете доктора Джозефа.

Казалось я бы должна расстроиться, но вот свойство человека, утром, особенно когда в маленькое окошко светит солнце, а с улицы слышен щебет птиц, а в руках у тебя чашка с горячим напитком, ты всё равно наполнен радостью и верой в лучшее. И меня куда больше волновало почему доктор Джозеф ещё не ушёл домой.

— Неужели доктор Джозеф ещё здесь? — спросила я Надин, — и как он ещё держится?

Надин махнула рукой:

— Таков он, однажды двое суток провёл в больнице, много тяжёлых больных было, детишек.

Потом посмотрела на меня и улыбнулась:

— Да ты сама вон сколько проспала?

А я прислушалась к себе и поняла, что выспалась. Вот, что значит восемнадцать лет. Ну и ладно, если меня не смогут взять, сейчас пойду, найду себе место. Главное я молода, здорова и теперь знаю такого замечательного человека, как доктор Джозеф Листер.

Я потихоньку стала собираться, Надин отвела меня в помывочную и подежурила возле двери, пока я совершала утренний туалет, потому что дверь не закрывалась.

Потом я взяла свой чемодан и пошла попрощаться с доктором Джозефом.

Постучала в кабинет, услышала разрешение войти. Зашла и увидела, за столом сидел доктор Джозеф, а на стуле, там, где ночью

сидела я, расположилась красивая хорошо одета девушка с серьёзным лицом.

«Мисс Тусен, — подумала я»

— О Лейла, хорошо, что вы зашли, а я уже хотел послать кого-нибудь вас найти, — хоть и усталым голосом, но обрадованно заявил доктор Джозеф.

Потом встал, откуда-то из-за шкафа достал ещё один стул, поставил перед столом и попросил меня присесть.

Мисс Тусен, если это конечно была она, с интересом смотрела на меня. Но как только увидела, что я заметила её интерес, сразу же отвела взгляд.

«Ну надо же, какая деликатная девочка, — подумала я, всё время забывая, что мне теперь восемнадцать и, если присмотреться, то мисс Тусен выглядела старше меня, вероятно, ей было около двадцати двух или двадцати трёх лет.»

— Итак, мисс Тусен, знакомьтесь, эту девушку зовут мисс Лейла Кроули и вчера она случайно, отработала за вас, и когда выяснилось, что она это не вы, то смена практически закончилась, — представил меня и кратко описал ситуацию доктор Джозеф.

Я пока не понимала к чему он всё это говорит.

Доктор Джозеф встал и сказал:

— Я вас оставлю на несколько минут, скоро вернусь

Доктор вышел, а мисс Тусен сразу же обратилась ко мне:

— Мисс Лейла, можно же я буду вас так назвать?

Я кивнула.

— Тогда вы тоже называйте меня по имени, Роза

— Мисс Лейла, у меня сложилась такая ситуация, что я не могу работать в больнице, — начала мисс Роза, немного помолчав, добавила, улыбнувшись, — я выхожу замуж.

Потом посерьёзнела и сказала, вздохнув:

— И, конечно же я не смогу работать ночами, как изначально предполагалось, но другой вакансии в больнице нет, да я думаю, что мой муж скорее всего вообще будет против, чтобы я работала

Я слушала, уже понимая, что мне сейчас что-то будет предложено и, возможно, что не совсем законное, не просто же так доктор Джозеф оставил нас вдвоём.

— Но мне так обидно, — воскликнула мисс Роза, — я училась три года, я поссорилась с отцом, но, если я не пройду практику, то мой диплом аннулируют. И в глазах девушки появились слёзы.

Я хотела сказать: «И правильно сделают». Но сдержала себя.

Мисс Роза тем временем, всхлипывая продолжала:

— Но замуж я тоже хочу, и понимаю, что скорее всего я никогда уже не буду работать сестрой милосердия, но диплом хотела бы сохранить, а для этого мне надо отработать полгода в больнице.

Мисс Роза замолчала и посмотрела на меня:

— Я хочу вам сделать предложение, мисс Лейла. Доктор Джозеф вас очень хвалил, и он сказал, что вам нужна работа, но он не может вас взять на должность сестры милосердия, потому как официально бумаги у вас нет. И я думаю, что здесь мы с вами можем помочь друг другу.

Мисс Роза снова замолчала на несколько секунд, будто бы пытаясь подобрать слова, а потом выпалила, словно с «вышки прыгнула»:

— Я предлагаю вам устроиться на работу по моим документам.

Взглянув на моё лицо, она добавила:

— Не думайте, я не буду претендовать на вашу оплату, мне нужно только, чтобы часы отработки, вписали в мои метрики.

Для меня это бы идеальный вариант, но... мне нужно было отнести рабочий договор нотариусу Петифо. Хотя...

— А какая оплата у сестры милосердия? — спросила я

Мисс Роза сразу ответила:

— Шестнадцать крон в неделю.

Я подумала и... согласилась.

Мисс Тусен сразу побежала за доктором Джозефом. Доктор вошёл и смущаясь спросил нас обеих:

— Оформляем?

Мисс Тусен с радостным лицом побежала куда то, а меня доктор попросил задержаться.

— Мисс Кроули, — это, конечно не лучший выход, но хотя бы несколько месяцев у вас будет работа, которую вы хотели и оплата. Правда это тяжело всё время работать в ночную. И ... вам всё равно придётся решать вопрос с обучением.

— Спасибо вам большое, — ответила я, — я тоже считаю, что это оптимальное решение.

Доктор вздрогнул и снова странно на меня взглянул.

А я себя мысленно отругала: — «Ну не говорят девочки из приюта так, как старые умудрённые бабки. Пора перестраиваться»

Эх, жаль, что нельзя в больнице и жить пристроиться. Но делать нечего попрощалась с доктором, который тоже стал собираться, до вечера и пошла по адресу, напротив которого Лейла написана две кроны.

Здание, расположенное по адресу, указанному Лейлой, было в десяти минутах ходьбы от больницы, и это был несомненный плюс, а вот несомненный минус состоял в том, что это была ночлежка, принадлежащая рабочному дому*.

(*Работные дома в Англии разделялись на принудительные и добровольные. Принудительные работные дома зачастую совмещались с тюрьмами, а добровольные — с богадельнями, приютами. Дома создавались как государственной властью, так и частными лицами.)

В рабочном доме были общие спальни, а я была не готова спать в одной комнате с ещё двадцатью соседками. Скорее всего Лейле было не привыкать и для неё такой способ проживания был приемлем. И ещё, я не могла подтвердить, что я работаю и это могло привести к тому, что меня бы заставили работать на рабочий дом.

Мне надо было искать жильё. Я вспомнила, что Тина рассказывала про Стеллу, девочку, которая выпустилась на год раньше, и которую не взяла мадам Лестар. Помнится Тина говорила, что Стелла где-то недорого снимает комнату. Я отошла в сторону и присела на свой потрёпанный, но ещё крепкий чемодан и достала тетрадку, куда записала примерный адрес.

Место, где проживала Стелла, располагалось на другом конце города, но с моим шагом я могла дойти туда примерно за полчаса, может за сорок минут. И я пошла, периодически посматривая на карту. Сперва я шла по довольно широким оживлённым улицам. Пару раз оглянувшись, всё-таки меня не оставляла мысль о том, что говорили девочки в приюте. И когда по моим расчётам мне оставалось около десяти минут и мне нужно было свернуть в переулок, в конце которого располагался нужный мне дом, дорогу мне перегородили двое мужчин.

Глава 5

Мужчины были одеты в добротную, но небогатую одежду. Выглядели такими работягами в выходной день. Я отступила на шаг назад и спросила:

— Кто вы и что вам нужно?

Один из мужчин сделал шаг по направлению ко мне, и я приготовилась огреть его чемоданом и бежать обратно к оживлённым улицам.

Вдруг неожиданно он произнёс:

— Миса, мы это, нас это, папка послал...а вы, это...такая, это... шустрая...еле, это... мы вас, это... догнали

Увидев, что никто не собирается проявлять агрессии, я немного успокоилась, однако свой план с «чемоданом» решила не менять.

Заметив, что я готова его выслушать, мужчина продолжил:

— Вы, миса, это...вчера, папку нашего, это... спасли, значить. Он нас, это... послал за вами, это... отблагодарить, значить. Может, это...вам чего нужно?

Мужчина, выговорив, наверное, самую длинную фразу в своей жизни, облегчённо вздохнул.

Я, надо отметить, тоже облегчённо вздохнула. И решила спросить про жильё, а что, видно, что люди рабочие, наверняка и отец, и эти двое работают на фабрике, где произошёл взрыв, возможно у них есть дом или жильё, и лишние деньги им тоже не помешают.

— Я ищу жильё, — сказала и внимательно посмотрела на мужчин

Мне показалось, что они обрадовались. Вероятно, думали, что я попрошу деньги или что-то сложное.

Тот из братьев, который говорил, улыбнулся, обнажив щербатый рот. Не хватало одного зуба и проговорил:

— Так, это...если не побрезгуете, у нас, это... есть комнатка. Раньше-то сеструха там, это... жила, а теперь, это...к мужу съехала и, это... комнатка свободна.

Вдруг, словно бы вспомнив, что-то, вдохнул и даже хлопнул себя по лбу рукой:

— Меня Томом зовут, а это брат мой, Барни, только он, это... не очень хорошо говорит.

Мужчины больше не выглядели опасными, и я решила посмотреть, что там и где, спросила:

— А где ваш дом?

Снова ответил Том:

— Так, это... туда стало быть

И махнул рукой в сторону больницы. Я же на всякий случай решила уточнить:

— Далеко ли до больницы от вашего дома и сколько будет стоять?

Здесь замотал головой Барни, а Том улыбнувшись ответил, игнорируя вопрос о цене:

— Не-а, это... совсем близко

— Так получается, что вы шли за мной через весь город, — спросила я

Том почесал затылок и ответил:

— Так, это...получается, что так

Потом по-мальчишески шмыгнул носом и добавил:

— А уже, это...увидели, что вы сворачиваете в Уайтчепел и, это... решили уже вас остановить, это... нехорошее место

А я взглянула внутрь переулочка, в начале, которого мы стояли с Томом и Барни, и поняла, что и запах оттуда идёт странный, и мусор, и вообще он какой-то весь тёмный.

Том потянула у меня из руки чемодан:

— Миса, это... пойдёмте уже

И мы пошли обратно. К тому моменту, когда мы дошли, наконец, до дома семейства Белтон, время подошло к обеду.

Домик у семейства был небольшой, но кирпичный и даже с палисадником. В доме вкусно пахло едой. А главу семейства, который и послал за мной сыновей, я вспомнила.

Хотя то, что я его «спасла» это было громко сказано. У него осколок чего-то металлического попал в ногу, и если бы мы его сразу не отсортировали, то могло начаться заражение, а так он попал в первые ряды и доктор Джозеф со своей карболовой терапией, остановил процесс и зашил ему рану.

А сегодня с утра, как оказалось, мистера Оскара Белтона выпустили из больницы, и он слышал, что я говорила с Надин, что

пойду искать жильё и послал за мной своих сыновей.

Мать Тома и Барни, супругу мистера Оскара, звали Элис. Элис и Оскар были совершенно друг на друга непохожи. Если Оскар был высокий крепкий мужчина с рыжими волосами, в которых уже щедро рассыпалась седина, и хмурым лицом, прорезанным глубокими морщинами, то Элис была вся маленькая и кругленькая, светловолосая и улыбчивая. Морщин у неё будто бы не было вовсе.

Сыновья тоже были высокими и рыжими в отца.

Бывшая комната дочери, оказалась не такой уж и маленькой, почти такой же в какой я пришла в себя в приюте. Комната была чистая и уютная, окно было небольшое, но это и понятно, большие окна не делали, потому что важно было сохранить в домах тепло.

Я решила сразу договориться об оплате. И хотя мистер Оскар делал обиженный вид, но, когда мы решили, что платить я буду четыре кроны в неделю, то он поставил условие, что питаться я буду с ними и на этом успокоился.

Было видно, что поскольку трое мужчин в семье работают, нищеты в доме нет, но и живут не сильно богато.

Так я устроилась и на работу и решила вопрос с жильём.

Постепенно и осторожно выяснила куда попала. Из разрозненных кусков собиралась следующая картина.

Я оказалась в королевстве Британия, но располагалось оно не на острове, как в моём мире, а на материке и граничило с княжеством Лихтенштейн, Франкией и Германской империей. Столицей Британии был город Лондиниум, где я и оказалась.

Больница, в которой я теперь работала под именем мисс Тусен, и дом семьи Белтон, располагались в Ист-енде, и это был один из бедных районов столицы.

Доктор Джозеф Листер действительно оказался человеком, опередившим своё время и тем, кто одним из первых начал применять методы обеззараживания. За пропаганду этого и, видимо, и даже, скорее всего, из-за зависти коллег, был смещён с поста главного врача центральной больницы имени Святого Георга, и перемещён в эту больницу, которая носила название Харли Стрит, просто по имени улицы, на которой находилась, была дотационной и располагалась в бедном районе.

Королева курировала все бедные больницы Лондиниума и поэтому более-менее персонал получал оплату вовремя, но ставок было мало, а работы много.

Первые две недели я «летала» на работу. С утра сдавая свою смену, я иногда задерживалась и пересекалась с доктором Джозефом, с которым удавалось переговорить. Я указывала ему на тех больных на кого надо обратить внимание. Сперва доктор удивлялся и даже пытался отмахнуться, но после двух раз, когда мои замечания действительно были критическими для спасения пациентов, даже сам начал меня вызывать, что невероятно раздражало самого молодого доктора, который был не совсем доктором, а что-то вроде интерна. Звали его Пьер Шушель.

Чего мне стоило удержаться, впервые услышав его фамилию, сама не знаю, но что-то, видимо, отразилось на моём лице и он, похоже, мне это не простил.

И это привело к непредвиденным сложностям.

Глава 6

Пьер Шушель отучился четыре года в университете на медицинском факультете и как раз недавно сдал экзамен и теперь ему надо было отработать интерном два года, чтобы получить практику и сдать экзамен на доктора. Денег в его семье было немного, поэтому варианты отработки практики после экзамена особо выбирать было не из чего.

Пьер сначала было сунулся в крупные центральные больницы, но в одной уже было два интерна, которые приходились кому-то родней, а в другой с него вообще попросили денег. И тогда Пьер пошёл туда, куда никто с его курса идти не хотел. В небольшую бедную больницу на окраине столицы.

И уже здесь он понял, как ему повезло. Пьер знал про Джозефа Листера и тайне поддерживал его начинания. После того, как доктора Листера подвергли обструкции и осудили его «карболовые методы» Пьер «стеснялся» поддерживать доктора Листера вслух. Но был рад, что его не взяли в богатые больницы и он имеет возможность учиться у Джозефа Листера.

Пьер не был самым умным, но он был хитёр. И видел, что у Джозефа Листера, благодаря его методам, смертность гораздо ниже, и каким-то житейским умом понимал, что пройдёт совсем немного времени и все будут возносить доктора Листера за его инновации. Тем более, что доктор с радостью делился своим опытом, да и работы в бесплатной клинике всегда было много, что способствовало практике.

Но вот с появлением выскочки. Так про себя Пьер называл Лейлу, которая взялась совершенно, ниоткуда и сразу заполнила собой почти всё время, которое оставалось от лечения больных у доктора Джозефа.

Утром он первым делом шёл и говорил с ней, даже днём он всё время её приводил в пример и хвалил.

«Ах, в каком порядке у нас стали лежать лекарства!» или «Ах, как шикарно сделаны перевязки в травме» «Ах в детском отделении стало гораздо чище»

Пьер мог бы привести ещё много таких. Ах! В честь выскочки. У которой не было ни диплома, ни образования. И вот интересно, откуда

это у неё такие знания.

Если бы он не знал точно, что доктор Листер имеет принципиальную позицию в делах протекции, то подумал бы, что выскочка чья-то протееже.

А она ещё и вздумала улыбаться, когда называли его фамилию.

У Пьера Шушеля фамилия была «больным местом». Его дразнили в школе, в университете и вот теперь, какая-то выскочка ещё и здесь будет над ним насмехаться.

Но Пьеру же всегда везло... И сегодня он, случайно услышал, что оказывается выскочка работает не под своей ставкой. И он пошёл в канцелярию. Там работал сухонький старичок, которому по мнению Шушеля давно было пора на покой.

Пьер не стал ему угрожать или ругаться, он просто принёс старику табачку. Цена тому табачку была копеечная, а новость, которую старик ему рассказал, стоила гораздо дороже.

Оказалось, что Джозеф Листер принял на работу выскочку без документа о об обучении на сестру милосердия. Даже хуже, он принял её по поддельному документу.

Шушель стал обладателем тайны, которая могла ему позволить распорядиться чьей-то судьбой и это вознесло Пьера Шушеля в собственных глазах почти до уровня бога.

Но Пьер же был хитрый. Он решил пока не доносить, но не сказать о том, что он в курсе преступной махинации выскочке, Пьер не мог.

Поэтому сегодня он задержался на работе, ожидая, когда выскочка придёт на свою смену.

Лейла

Я шла на работу, понимая, что долго так не протяну. Это было очень тяжело работать ночами. Да, днём мне удавалось поспать несколько часов, но организму нужен был именно ночной сон. А больница Харли стрит «не спала» по ночам. Больных было много и почти все они были «тяжёлые». Потому что рабочий люд с лёгкими травмами или простудой в больницу не шёл, им работу нельзя было пропускать.

Сегодня даже Элис заметила, что я стала бледная и часто замираю, с отсутствующим выражением на лице.

На самом деле я думала, как и где взять деньги, чтобы сдать этот экзамен. Мы уже говорили с доктором Джозефом, что если бы у меня был сертификат, то он бы пробил ставку медсестры, а не просто ночную сестру милосердия. Я ему, и сама предложила, что надо брать людей, которые будут работать сутки через двое, а лучше бы через трое. Потому, как только ночью работать не только тяжело, но и дневные часы упускаются и получается, что ты не видишь весь процесс с момента приёма, помощи докторам и уже потом ночная поддержка.

И думала я об этом постоянно, но не находила решения. Продать мне было нечего, денег занять тоже не у кого, если только запатентовать какое-нибудь открытие, которого нет ещё, украв славу, например, у Флеминга*. Но на кухне у семьи Белтон пенициллин не получишь.

(Сэр Александр Флеминг — британский микробиолог. Открыл лизоцим и впервые выделил пенициллин)

Поэтому и сегодня на работу шла, задумавшись и не заметила, как налетела на кого-то.

Этим кем-то оказался Пьер Шушель, проходивший интернатуру в больнице. Я ему тихо завидовала. Пьер был вполне симпатичным молодым парнем, но как человек он почему-то вызывал у меня отторжение. И сегодня я поняла почему.

— О чём задумались мисс Кроули? — каким-то странным тоном спросил меня Пьер

— Добрый вечер, мистер Шушель, — и чёрт меня дёрнул назвать его по его дурацкой фамилии, которую он, судя по всему, не очень-то и любил.

— Так о чём вы задумались, мисс Кроули или... может быть мисс Тусен?

Глава 7

«Ах ты какой прыткий выискался! — подумала я, — знавала я таких шустрых, значит где-то услышал или кто-то рассказал, а он значит решил девушку шантажировать.»

— Мистер Шушель, — я уже намеренно выделила его фамилию, — у вас с глазами что-то? Или с памятью? Я же вам говорила, как меня зовут. Если проблемы с памятью, то это может помешать вам стать доктором.

Я высказала, и попыталась его обойти, но не учла, что Шушель продукт своего времени. Он ловко ухватил меня, стыдно сказать, за шкирку, платье впилося в шею, притянул к себе и брызгая слюной, прошипел мне прямо в лицо:

— Ты что, маленькая шлюха, не знаешь своего места? Ну так я тебе покажу

И свободной рукой больно сжал мне грудь.

«Ах, ты сволочь,» — подумала я, и изо всех сил ударила его коленом в пах.

Коленка у меня была тощая и острая, платье тонкое, так что ничто не смягчило удар и Шушель, взыв, выпустил меня и согнулся. И я вот никогда не занималась борьбой, но здесь не удержалась и сумочкой со всей силы треснула его по голове

— Простите, мистер Шушель, но я больше не могу с вами разговаривать, мне пора, — специально «пропела» нежным голоском и пошла к углу улицы, где меня обычно встречал кто-нибудь из братьев Белтон.

Встречать они меня стали после того, как мистер Белтон старший заметил, что за домом кто-то следит, а, узнав, что я из приюта, сразу построил предположение, которое в общем-то было недалеко от правды. И собрав вечером всех за ужином, сказал:

— В общем так, за нашей Лейлой кто-то следит, скорее всего с нехорошими намерениями, поэтому ты, он ткнул пальцем в Тома и ты, ткнул он в Барни, будете по очереди, как со смены она пойдёт, встречать её и провожать до дома.

Так я стала ходить под присмотром. Но мне так было даже спокойнее.

Сегодня меня встречал Том, но, видимо, подошёл несколько позже и не видел всю сцену с Шушелем, поэтому спросил:

— Что за хлыщ? За что ты его так?

— Руки распускал, — ответила я, не подумав, что сыновья мистера Белтона, несмотря на то что жили небогато и не могли похвастаться хорошим образованием, были воспитаны настоящими мужчинами. Они не могли пройти мимо, если кого-то обижали.

А здесь ещё и я, практически младшая сестрёнка. Я чувствовала, что эти люди так ко мне и относятся, быстро и всем сердцем приняв меня в семью.

В общем Том взглянул на мою шею, покрасневшую от того, что воротник на некоторое время впился, но ничего не сказал. И я забыла про это.

И некоторое время всё было спокойно. Правда на следующий день утром я всё-таки рассказала о Шушеле доктору Джозефу. Но доктор сказал, чтобы я не волновалась, что он решит вопрос с Шушелем.

— Пьер хороший мальчик, — сказал доктор Джозеф, которого такие же вот «хорошие» мальчики выкинули из центральной больницы на бедную окраину города.

Но доктор знал Шушеля дольше, чем я, поэтому я подумала, что может я вправду зря переживаю, если Шушель до сих пор не донёс, может он только пугал.

Может так бы оно и было, если бы Том и Барни не приняли решение втихаря проучить Шушеля.

И однажды, придя утром домой со смены я обнаружила на кухне заплаканную Элис и нервно курящего мистера Белтона.

— Что случилось? — спросила я, пытаюсь унять охватившую меня тревогу

— Мальчиков арестовали, — убитым голосом произнесла миссис Белтон

— Как арестовали? За что? — воскликнула я, не представляя себе, что могли натворить огромные добродушные и чуть туповатые парни

Элис снова залилась слезами, достала из кармана юбки платок и приложила к глазам, сказала:

— Говорят избили какого-то..., а он возьми, да и подай на них в полицию

— Теперь, наверное, осудят и на каторгу отправят, — и Элис снова залилась слезами.

А я поняла, кого могли избить Белтоны. Шушеля. Посмотрела на мистера Белтона и спросила:

— А если избитый заберёт заявление из полиции? — спросила его

— Отпустить должны, — глухо ответил мистер Белтон, казавшийся спокойным, но я видела, что и ему очень непросто.

— А ты куда? — спросил он меня, увидев, что я снова начала одеваться

— Да на работе кое-что забыла, — не стала я говорить, что собиралась к Шушелю, узнать, что с ним и попросить забрать заявление.

Думала, что придётся идти к нему домой, но Шушель оказался на работе и выглядел живым и здоровым. У него даже синяков не было.

Увидев меня, Шушель мерзко улыбнулся. Я подошла и спросила:

— Поговорим?

— Что? Как любовников твоих забрали сразу прибежала? — всё так же мерзко улыбаясь, спросил Шушель.

— Что вы хотите? — не стала я ходить вокруг да около, да и доказывать что-то такому человеку, как Пьер Шушель мне не хотелось. Всё равно не поймёт.

— Я хочу, чтобы ты ушла из больницы и не занимала чужое место, — тоже прямо заявил Шушель

— Если я уйду вы заберёте заявление? — спросила я, совершенно не понимая, чем интерну Шушелю могла помешать ночная сестра милосердия.

— Если ты заплатишь мне сто монет, то так и быть заберу заявление, — заявил этот «рылорождённый», да простят меня славные хрюшки.

— Хорошо, — сказала, я, тоже переходя на ты — будут тебе сто монет, забирай заявление

— Э, нет, нашла дурачка! — сначала деньги, потом уходишь из больницы потом я иду в полицию.

— Да ты видно думаешь, что я дуручка. Пока я деньги искать буду, парней уже осудят и отправят на каторгу. И увольняться мне уже

будет незачем, — решила я надавить на нахального Шушеля.

На лице будущего доктора, отчего мне уже стало страшно, отразился мыслительный процесс.

— Ну ладно, — спустя некоторое время выдал он, — иди скажи доктору Листеру, что ты больше не будешь работать, что передумала становиться врачом, а потом я пойду в полицию, но если денег не принесёшь, то у меня есть три дня, чтобы вернуть твоих бандитов обратно. Не принесешь деньги на третий день, отнесу заявление обратно в полицию.

— Если сегодня братья не вернутся домой, я тебя убью, — в ответ сказала я Шушелю

— Бешеная, — сплюнул он в сторону, — вернутся, готовь монеты «Где же взять деньги? Я ведь пока нет образования не могу даже никакое изобретение продвинуть, не примут, да ещё и выкинут куда-нибудь, вон как Джозефа Листера.»

Доктора Листера я нашла в палатах на обходе и ... не смогла ему ничего сказать. Он так обрадовался, увидев меня:

— Лейла, как хорошо, что вы ещё не ушли, посмотрите какой интересный случай, что думаете, — спросила доктор Джозеф, — показывая мне на больного, у которого на ноге уже была наложена шина, причём именно такая, которую я посоветовала накладывать, используя гипс*. И сегодня доктор Листер впервые получил возможность применить эту практику. До этого, а рассказала я доктору об этом неделю назад, никаких сложных переломов не было. И вот сегодня как раз привезли мужчину со сложным переломом ноги и доктор Листер сразу же применил на нём новую методику.

(*Советско-российская историография считает изобретателем гипсовой повязки русского хирурга Николая Ивановича Пирогова. С 1852 года Николай Пирогов и его последователи успешно применяли гипсовую затвердевающую повязку для лечения переломов.)

Мужчина лежал, испуганно вращая глазами, глядя то на доктора Листера, то на меня.

А я подумала: — «Вот почему Шушель к мне прицепился. Зависть к человеку, который что-то знает, лучше, чем он»

В общем, я ничего не сказала доктору Джозефу. Попрощалась и пошла домой.

Но не успела я выйти из больницы, как прямо передо мной остановилась большая крытая повозка, и пока я пыталась её обойти, из неё выскочили двое мужчин, один из которых приставил мне нож к боку и хриплым голосом сказал:

— Пикнешь, убью

После чего они затолкали меня внутрь повозки.

Глава 8

Внутри повозки было темно, потому что в ней не было ни одного окна. Я решила не показывать вида, что мне ужас, как страшно и как можно более спокойным голосом произнесла:

— Нож уберите, пожалуйста, нервирует

И то ли от неожиданности, то ли оттого, что понял, что деваться мне некуда, мужчина, втащивший меня в повозку, убрал нож от моего бока, но произнёс:

— Не шали

Меня усадили на лавку, сами мужчины сели напротив друг друга, один на ту же сторону, где и я, а другой на противоположную, перекрыв мне пути к двери.

Мужчины молчали, я тоже решила лишний раз не сотрясать воздух, понимая, что мне вряд ли что-то скажут.

«Посмотрим, — думала я, — вариантов не так уж и много. Наибольшая вероятность, что это мадам Лестар. Второй вариант, который пришёл мне в голову, что кому-то понадобилась медицинская помощь.»

Был один случай пару дней назад в ночную смену, двое мужчин принесли мужчину, у него было ножевое ранение, из врачей был доктор Стен Вильямс. В отличие от интерна Шушеля, уже взрослый и состоявшийся врач. Он был последователем Джозефа Листера и, когда того отовсюду выгнали, то осознанно пошёл вслед за своим учителем.

Так вот доктор Стен хотел оставить раненого до утра, когда появится кто-то из врачей, потому что один он не решился оперировать. И я предложила ему помощь, ассистировать в операции.

Я же не всегда была педиатром, во время большой войны, меня, как и остальных врачей направили на работу в полевой госпиталь, там я и получила опыт работы с подобными ранами.

Я уговорила доктора Стена, потому что видела, что раненый может и не дожить до утра. И в какой-то момент доктор Стен передал ведение операции мне, сам начав ассистировать. Уже после операции, когда мы сидели и пили горячий чай, он спросил меня о том, где я научилась так шить и вести операции.

Я лишь пожалала печами, и доктор не стал меня больше спрашивать, за что я была ему благодарна.

А когда я пришла на следующую ночь на свою смену, то больного уже не было и на мой вопрос, куда он делся, Надин мне ответила, что за ним приехали и увезли.

— Видно же, что состоятельный парень, а у нас же никаких условий для таких, — протирая тряпкой полы, сказала Надин

А я подумала, что у нас-то в больнице, во многом благодаря подходам Джозефа Листера, условия как раз намного лучше, чем предлагаю другие. Возможно палаты у нас и переполнены, зато чисто и инструменты обрабатываются, а доктора и персонал моют руки.

Я ещё тогда подумала, что вряд ли этот мужчина какой-то аристократ, скорее всего наоборот, он связан с криминальной средой и возможно, что, не последний человек в криминальной иерархии.

Вскоре повозка остановилась, но мы продолжали сидеть.

«Скорее всего въезжаем во двор, — подумала я»

И судя по тому, что вскоре повозка снова поехала, въезжали мы куда-то не просто во двор, а в большой двор, потому что повозка проехала ещё какое-то расстояние пока остановилась. И только тогда один из мужчин встал и толкнул дверь. Вылез из повозки и грубовато сказал:

— Выходи

Я вышла, после темноты повозки глазам было неприятно от яркого света. Меня сразу провели в дом. Но то, что я успела увидеть говорило о том, что дом весьма богатый.

Внутри тоже было богато, но мне не дали всё рассмотреть, весьма невежливо ткнули в спину и мне пришлось поспешить вслед за тем, кто «тыкал» в меня ножом, и сейчас поднимался по широкой лестнице.

Меня провели по коридору, и вскоре мы остановились перед дубовой дверью с ручкой, сделанной в виде пасти льва, в которую было вставлено большое кольцо.

Тот, кто шёл впереди, взялся за кольцо и стукнул им о дверь. Спустя несколько секунд дверь открылась. Открыла дверь женщина с усталым лицом, одетая в сероватый хирургический халат.

— Проходите, — немного хриплым, видимо, тоже от усталости голосом сказала она.

Меня снова ткнули в спину. «Этак у меня там синяк скоро появится, — подумала я». Повернувшись к тому, кто находился позади меня и сказала:

— Хватит уже толкать меня, можно просто сказать

— Иди уже, принцесса, — хохотнув сказал это мужлан и снова ткнул меня в спину.

В комнате было душно и пахло болезнью. Я прошла вперёд и остановилась перед большой кроватью, на которой на высоких подушках лежал тот, кого мы с доктором Стеном прооперировали несколько дней назад.

«Не бордель, — облегчённо вздохнула я про себя»

Выглядел наш пациент плохо. У него явно была высокая температура и не первый день, судя по горячечному блеску в глазах и кругами под глазами, отчего глаза казались ввалившимися.

Я поняла, что началось воспаление и первое, что сделала, скомандовала проветрить помещение.

Женщина, судя по всему, сиделка неуверенно посмотрела на того мужчину, который первым вошёл в дверь. Он кивнул, и она направилась к окну.

— Майкл, смотри, кого мы тебе привезли, — неожиданно с заботой в голосе произнёс он.

Я подошла ближе к кровати, потянулась откинуть одеяло с бедра, где, собственно, и была рана. Мужчина вцепился в одеяло и не дал мне этого сделать.

— Йен, — глухим голосом произнёс тот, кого называли Майклом, — зачем

— Пусть она посмотрит, я видел, тогда в больнице, этот доктор слушал, что она говорила.

Йен подошёл и осторожно убрав руку Майкла, откинул одеяло. На мужчине была длинная сорочка, примерно до колен, я отодвинула ткань и увидела, что нога не перевязана, а на ней лежит что-то типа компресса.

— Что это? — спросила, убирая с раненой ноги это огромное количество тряпья.

Ответила мне сиделка:

— Так дохтур же велели, чтобы охлаждать.

Я, холодея от ужаса спросила:

— И чем же вы охлаждаете?

— Так водой, чем же ещё? — бесхитростно ответила сиделка

Я убрала тряпки и увидела, что рана, которая уже должна была начинать заживать, воспалилась, покраснела и я подозревала, что уже пошло нагноение.

Я могла бы начать спрашивать, почему они забрали своего Майкла из больницы и многое другое, но это никоим образом бы не помогло несчастному. Поэтому я просто начала говорить, что мне понадобится. Пока все убежали выполнять поручения, спросила сиделку:

— Где можно помыть руки?

Та удивлённо на меня посмотрела и... принесла таз с водой. Я помыла руки и заставила сиделку сделать то же самое.

Уже после того, как рана была прочищена, и сделана свежая повязка, а больной, напоенный маковым отваром, ещё спал, я посмотрела на своих «похитителей» и сказала, как можно жёстче:

— Всё теперь везите меня обратно

— Э, нет, мисс не торопитесь, — пусть ваш пациент проснётся, а там видно будет.

Глава 9

«Эх, — подумала я, — забыла про основные правила, что договариваться надо на берегу. Но я врач, я не могу думать ни о чём другом пока не помогу больному.

Я присела на кресло и...уснула. Всё-таки я была после рабочей ночи и организм затребовал отдыха.

Проснулась сама, в комнате кроме меня и моего пациента, лежащего на кровати, никого больше не было. Встала с кресла, ещё раз удивившись как в молодости хорошо, даже, если поспал пару часов и в неудобном положении всё равно ничего не болит и даже выспался. Подошла к больному, он ещё спал, но дыхание у него уже было ровное, а не прерывистое. Взяла его за руку, чтобы измерить пульс и только приготовилась считать, как вдруг он неожиданно крепко ухватил меня за запястье и прошептал:

— Не уходи, прошу

Я сперва удивилась, но потом взглянула на него и поняла, что он всё ещё спит и ему, измученному болью и горячкой снится что-то.

Но судя по пульсу температура если и была, то уже не высокая. Я задумалась, силя на краешке кровати и вдруг почувствовала взгляд, подняла глаза и увидела, что мой неожиданный пациент уже не спит, а пристально и даже настороженно смотрит на меня.

— Я говорил что-то? — хриплым после сна голосом спросил он

— Вы просто просили меня не уходить, — решила я сделать вид, что всё не так поняла

— Да, — кивнул он, — только не просил, а приказал

— Конечно, господин Майкл, я оговорила, — сказала я, а про себя хмыкнула: «Ох уж эти мужские игры с постоянным «подсчётом баллов», у кого больше»

— Как вы себя чувствуете? — спросила медицинским тоном

— На удивление... хор...лучше, — спустя пару секунд ответил Майкл, видимо постаравшись оценить своё состояние.

Вот теперь и пришла очередь для докторской нотации:

— Зря вы перевелись из больницы доктора Джозефа, там бы не допустили возникновения воспаления. Это очень опасно, вам где-то

занесли грязь и могло начаться заражение. Вам повезло, что ваш... э... товарищ, — наконец-то нашла я нужное слово, — догадался, что вам нужна медицинская помощь именно от нас. От персонала нашей больницы, — уточнила я.

— Ну вот, я же говорил, что девку надо брать, — раздался голос из-за спины. И оглянувшись я увидела того, кого Майкл назвал Йеном.

Меня покорило то, как несколько развязно прозвучало, но я не стала за то цепляться, просто как можно более холодно произнесла:

— Теперь, наконец, вы можете отправить меня домой.

— Зачем тебе домой, лапуля? — всё так же развязно продолжил Йен, — оставайся здесь, у нас работы для тебя будет много. И мужа тебе кого-нибудь из наших подберём. Чего ты за копейки в больнице будешь горбатиться?

— Спасибо за ваше предложение, — решила не говорить нет, а то неизвестно, как эти криминальные личности среагируют, — но я, пожалуй, откажусь.

— Зря ты, лапуля, отказываешься, будешь под крылом С...

Майкл предупреждающе кашлянул, перебивая, намеревавшегося произнести чьё-то имя Йена.

— Ладно, не ценишь ты нашу доброту, лапуля, — немного сменил тон Йен, и перешёл с развязного на более нейтральный, продолжая, — а на тебя, между прочим, заказ поступил, говорят ты контракт подписала и сбежала.

— Врут, — убеждённо заявила я, точно зная, что ничего не подписывала

Йен расхохотался: — Майкл, посмотри, железная девчонка, другая бы начала оправдываться, а эта сразу вердикт.

Потом обратился ко мне:

— Смотрю на твои умения и верю тебе, что врут, поэтому живи, не бойся, больше тебя никто не побеспокоит и насильно делать ничего не заставит. Зря ты, конечно, отказалась на нас работать, но дело твоё. Ты нам честно помогла, неволить не будем. Сейчас тебя ребята обратно к больнице отвезут.

Пришла сиделка, и я ей в присутствии Йена объяснила, что и как надо делать. Договорились, что через два дня я приеду и сменю повязку. Строго наказала раньше повязку не снимать и тем более грязной водой не промывать.

— Лучше уж вИски используйте, чем воду, — сказала, взглянув на Йена, который тут же стал ухмыляться, снова переходя на развязный тон:

— Гляди-ка маленькая, а разбирается, что виски лучше воды.

Я строго поджала губы и сказала:

— Господин Йен вы меня поняли, я говорю о повязке, если вдруг она по какой-то причине слетит, и вы меня не найдёте, то можно протереть вИски, но никак не грязной водой.

Йен посерьёзnel и кивнул.

Когда я уже направилась к выходу, он вдруг меня окликнул, спросил:

— Может надо что-нибудь? Денег там или помощи?

Сказала про братьев Белтон, Йен обещал разузнать. А вот про деньги на экзамен говорить не стала. Была уверена, что дадут, но потом я вместо того, чтобы лечить детей, буду зашивать колото-резанные раны и доставать пули из мужчин, а такой судьбы я не хотела.

В той же крытой повозке меня доставили к больнице. Я вышла и остановилась, привыкая к яркому свету. И уже собиралась пойти в сторону дома, когда из-за спины раздался грудной женский голос:

— Мисс Лейла, я бы хотела с вами поговорить

Голос мне показался знакомым, я повернулась и увидела... мадам Лестар, собственной стильной персоной.

Сегодня мадам была в сером костюме, но ткань была не просто серой, а жемчужно-серой. Приталенный жилет, из-под него виднелась чёрная полупрозрачная кружевная блузка, длинная узкая юбка облегла стройные бёдра и длинные ноги мадам Лестар. Моё серое платье смотрелось словно старая застиранная мешковина, по сравнению с костюмом мадам. Ну и, конечно же, на голове мадам была маленькая шляпка в виде мини-цилиндра с небольшой чёрной вуалью.

— У нас с вами нет общих тем для разговора, мадам Лестар, — я ответила жёстко, после обещания Йена уверенности в том, что никто меня насильно никуда не увезёт, у меня прибавилось.

И снова развернулась, чтобы пойти в сторону дома. Но мадам Лестар была настроена поговорить и нагнала меня, что, вероятно, было не просто сделать, учитывая, что она была в туфлях на высоком каблуке, а дороги на Харли стрит не отличались гладкостью.

— Подождите, мисс Лейла, я хочу просто поговорить, — мадам Лестар практически заступила мне дорогу. Я посмотрела ей за спину, там стоял автомобиль и за рулём никого не было, но возле автомобиля стояли двое крупных мужчин, я бы даже сказала «мордовороты». Они смотрели в нашу с мадам сторону, но никто из них не делал попытки нагнать или как-то вмешаться.

«Значит действительно хочет поговорить, — подумала я». А вслух сказала:

— Мадам Лестар, если ваш разговор касается басни о том, что я подписала контракт, то нам не о чем говорить

— Нет-нет, прости, это не моя инициатива и, когда ко мне пришли, я сразу сказала, что ты не подписывала ничего, — улыбнулась мадам Лестар, и на лице её обозначились морщинки, и сразу показалось, что ей больше лет, чем кажется, и стало понятно зачем ей все эти шляпки с вуальками.

Между тем, мадам продóлжила:

— Я не заставляю девушек подписывать договоры и была уверена, что все делают это добровольно. Но после случая с тобой, я больше не доверяю мадам Стинк, которая меня уверяла, что всё исключительно по желанию девушек. Ты же видела всё происходит в присутствии нотариуса и по закону.

Я слушала «исповедь» владелицы борделя или дома увеселений. Я ей скорее не верила, чем верила, хотя всё могло быть и мадам Стинк действительно могла «проявлять инициативу». Ведь Лейле кто-то с вечера подлил наркотик.

— Ну допустим, что всё так, как вы говорите, при чём здесь я? — спросила, недоумённо подняв брови.

Мадам Лестар, увидев, что лишние слова с её стороны вряд ли поспособствуют налаживанию контакта, перешла к делу:

— Я поняла, что ты весьма продуманная девушка и всё решила насчёт своего будущего. Но также я знаю, что ты столкнулась с проблемой.

— Нет у меня никаких проблем, — прямо глядя на мадам сказала я

— Лейла, — вдруг перешла на ты мадам Лестар, — я рада, что ты так уверенно держишься, но как долго ты сможешь работать, имея в канцелярии чужие документы на экзамен? Эта больница курируется её

величеством и проверки проходят минимум два раза в год. Что ты будешь делать, если зимой окажешься на улице?

— Ничего, что-нибудь придумаю, — сказала я, всё ещё не понимая, куда клонит мадам.

— А доктор Джозеф? О нём ты подумала? Его тоже выгонят на улицу, — привела мадам «убийственный» аргумент. И, возможно на девочку восемнадцати лет он бы подействовал, но мне-то гораздо больше.

— Он взрослый мужчина и вполне себе отдаёт отчёт в том, что он делает, — ответила я ей, и добавила, — если у вас всё, то я бы хотела пойти домой, очень хочется спать, знаете ли, после ночи

— И долго ты так продержишься? — не сдавалась мадам

В чём-то она была права, но я не могла с ней соглашаться, тем более что она так и не озвучила мне, что за дело её ко мне привело.

Об этом я ей и сказала:

— Мадам Лестар, давайте уже о деле или я пойду

Мадам Лестар вздохнула, как будто бы ей было некомфортно об этом говорить:

— Ну ладно, ты девушка разумная, поймёшь, и если откажешься, то никому не скажешь об этом разговоре.

Мадам Лестар огляделась по сторонам и, понизив голос продолжила:

— Лейла, у меня есть предложение, и, прежде чем ты сразу откажешься я прошу тебя выслушать и подумать. Об этом будем знать только ты и я. Есть один очень высокопоставленный человек, у него проблема с внешностью, он очень редко позволяет себе встречаться с женщинами и сейчас такая ситуация. Девушка нужна чистая и, не настроенная продолжать «карьеру». Одна ночь, полторы тысячи крон и на этом всё. Он в маске, девушка тоже не показывает своего лица, полная анонимность. Я как гарант того, что девушка соответствует требованиям.

Я вот честно такого не ожидала, думала, что мадам предложит лечить девушек из её дома, поэтому стояла и «круглыми» глазами смотрела на мадам, даже забыв о том, что подобные предложения не собиралась выслушивать.

Мадам, видимо ободрённая тем, что я молчу, продолжила:

Если ты согласишься, тебя привезут и отвезут. Деньги получишь сразу как дашь согласие.

— У вас всё? — спросила я, когда мадам Лестар замолчала

Мадам кивнула.

— Прощайте, — проговорила я и направилась к дому.

— Ты обещала подумать, — донеслось мне вслед, — я приду за ответом через два дня.

Я шла к дому семьи Белтон совершенно потрясённая. Что это? Менталитет определённых слоёв населения? Или подсказка судьбы, как можно решить проблему.

Бессонная ночь и практически полдня стресса, пока меня похищали и возили в дом к некоему Майклу, давали о себе знать. Голова «гудела», и я решила, что подумаю «об этом завтра», как делала одна из моих любимых героинь*.

(*Скарлетт О'Хара — героиня романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром»)

А в доме был приятный сюрприз. На лавочке перед домом сидели Том и Барни. Вид у них был несколько усталый, но в целом выглядели парни нормально. По крайней мере на видимых местах синяков не было.

Глава 10

Было очень радостно осознавать, что моя профессия приносит не только облегчение больным, но и пригодилась в таком деле.

Из головы не выходило «предложение» мадам Лестар. Неужели она и вправду думает, что на такое можно согласится. На дураков рассчитано. Кто будет платить такие деньги за «это», во-первых, а во-вторых, если человек решил идти своим путём, зачем он сам себе будет портить жизнь.

Я поняла, что снова рассуждаю с высоты своего опыта, а вот девочки, которых «выпихивают» из приюта с десятью кронами в кармане и двумя простынями, каково им?

Я вспомнила, как я в первый день пошла искать Стеллу. Мне повезло, что меня догнали и остановили парни Белтон. Это воспоминание заставило меня передёрнуть плечами, я вспомнила как жутко смотрелась та улица.

Уайтчепел, — вспомнила я название и вдруг поняла, что я слышала его раньше. В моём мире там орудовал Джек-Потрошитель.

Неужели и в этом мире он есть? Стало обидно, что я не могу помочь всем. Но в то же мгновение пришло осознание, что пусть не всем, но, по крайней мере Тине я помогу, вот только мне для этого надо «встать на ноги».

Мои размышления прервал Том, который постучал в дверь моей комнаты и сообщил, что «мамка зовёт на ужин».

Элис Белтон на радостях, что сыновья вернулись и никто их теперь никуда не посадит, организовала праздничный стол. На столе была не только жареная в кляре рыба, картошка и пюре из горошка, но ещё и свиные рёбрышки.

Я смотрела, как Элис с умилением смотрит на сыновей, с удовольствием поглощающих мясо. И радовалась вместе с ними, понимая, что мне очень повезло встретить таких людей.

Поспать мне больше не удалось и после ужина я стала собираться на работу. На подходе к больнице я увидела вышедшего из неё Шушеля, который, заметив меня, перешёл на другую сторону. А ведь я

ожидала, что он снова напомнит мне про сто крон. Но, видимо, люди Йена «работают» быстро.

Может мне стоит принять их предложение? Потому как предложение Йена не было ничем неприличным, просто я понимала, что цена входа не будет равна цене выхода. И раз согласившись, мне придётся заниматься этим всю жизнь, а я всё-таки мечтала лечить детишек. Сделать их жизнь менее опасной. Я не знала статистику, но предполагала, что детская смертность здесь была высокой.

Дети, которые попадали к нам больницу в основном, были рахитичными и у многих уже в детстве были хронические заболевания.

Недавно в больницу привезли детишек после пищевого отравления и это натолкнуло меня мысль, что в таких ситуациях можно использовать «морковный суп доктора Моро» *. Что я и сделала, и дети буквально за несколько дней пришли в норму.

(*Рецепт супа доктора Эрнста Моро при диарее и обезвоживании. Полкило моркови превращается в пюре, заливается литром воды, приправляется тремя граммами соли и упаривается до общего объема в один литр. Образующиеся в этом супе кислые олигосахариды, попадающие в раствор из моркови, мешают бактериям прикрепляться к слизистой оболочке кишечника.)

Как и обычно в этой больнице, ночь прошла беспокойно. Под утро привезли пьяных парней, которые устроили драку с ножами и теперь представляли страшную картину, хотя при ближайшем рассмотрении выяснилось, что ничего страшного не произошло, просто много мелких порезов и крови.

И это не были криминальные элементы, а простые работяги, которые получив оплату пошли праздновать, ну и что-то не поделили.

Мы с доктором Стеном уже некоторое время работали как два врача. Не знаю, что он обо мне думал, но несколько раз убедившись в том, что мои умения далеко за пределами компетенции сестры милосердия, ночью он доверял мне самой принимать пациентов. Иногда это очень нам помогало, потому что оставалось немного времени, что отдохнуть или быстрее оказать помощь.

Для меня это было не трудно. Плюс практика, хотя я понимала, что это не очень справедливо, выполнять работу врача, а получать оплату, как медицинская сестра, но решила для себя, что это

«подготовка к экзамену», который я намеревалась сдать. Пока не знала, как мне найти средства, чтобы заплатить за экзамен, но была уверена, что мои знания помогут. И уже совершенно точно не придётся идти и торговать собой.

Утром хотела задержаться и обсудить с доктором Джозефом возможность патента на «морковный суп»*.

С утра еле дождалась доктора Джозефа, сказывалось то, что прошлым днём мне не удалось толком поспать, а ночь так и вовсе была бессонная.

— Доктор Листер, мне надо с вами поговорить, — сообщила я, как только был закончен утренний обход, после которого я обычно уходила домой.

Пьер Шушель, который работал исключительно днём, но всегда присутствовал на утреннем обходе, напряжённо взглянул в мою сторону. Вероятно, подумал, что я собираюсь пожаловаться на него доктору Джозефу.

Я подумала, что, конечно, надо бы доктору об этом сказать, но мне было жаль доктора Листера, у него и так-то вера в людей находилась на низком уровне, а, если я ещё и про «хорошего мальчика» Шушеля расскажу, то он вообще разуверится в человечестве. А доктор значимая для медицины фигура и его надо беречь.

— Я и сам хотел с вами поговорить мисс Лейла, — улыбнулся мне доктор Джозеф.

И мы прошли в его небольшой кабинет.

— У меня есть для вас хорошие новости мисс Лейла, — радостно начал доктор Джозеф.

Посмотрел на меня весело и сказал:

— Я подавал королеве прошение на стипендию для вас.

Я очень удивилась, потому что мне доктор Джозеф об этом ничего не говорил.

Между тем, доктор продолжил:

— Сегодня я получил ответ. Вас включили в список претендентов на стипендию. А это значит, что вы сможете сдать экзамен бесплатно.

Мне захотелось заплодировать.

— Но...

«Ну почему всегда есть, но, — подумала я»

— Но экзамен будет проходить в присутствии главного королевского лекаря, декана медицинского факультета королевского университета, и даже возможно Её Величества. Потому как есть три претендента на стипендию, — договорил доктор Джозеф.

— Но почему такое внимание к медицинским сёстрам? — удивлённо спросила я

Доктор Джозеф, в свою очередь, тоже удивлённо на меня посмотрел:

— А разве я не сказал? Это экзамен не на медицинскую сестру, а на интерна. Сдав его, вы получите возможность практиковать, как начинающий врач, и после практики сможете поступить в университет.

Глава 11

После разговора с доктором Джозефом, который рассказал, что до экзамена осталось чуть меньше двух недель, если, конечно, не будет переносов. Переносы, кстати были возможны как в одну, так и в другую сторону.

Я уточнила, как мне лучше подготовиться и доктор Джозеф посоветовал мне... обратиться к Пьеру Шушелю.

— Мисс Лейла, спросите у Пьера, мальчик не так давно сдавал экзамен, возможно, что у него сохранились учебники, которыми он сможет с вами поделиться.

Мне захотелось закатить глаза, но я всё равно не стала расстраивать доктора Листера и рассказывать ему нелицеприятные подробности о Шушеле.

Но решила подойти к Шушелю и попробовать попросить, в конце концов, не убьёт же он меня, а, если он вздумает говорить мне противные слова, то я уж как-нибудь переживу. От слов ещё никто не умирал. Но я недооценила доктора Джозефа.

После разговора с доктором пошла в детскую палату, чтобы ещё раз поговорить с мамочками малышей, которых сегодня должны были выписать. Малыши всё ещё были слабыми, но, к сожалению, у бесплатной больницы не было возможности держать пациентов долго. Места всё время не хватало, а бедные люди всё время болели.

Сегодня выписывались трое маленьких пациентов. Дети попали в больницу после отравления несвежими продуктами, с диареей и сильным обезвоживанием. Им уже помог «морковный суп Моро», но я планировала рассказать рецепт супа матерям детей, чтобы они, выписавшись из больницы долечили своих детей.

Я надеялась, что они ухватятся за эту идею, потому как морковь была доступным и недорогим продуктом.

Рассказала им, что надо делать. Пока рассказывала, обратила внимание, что двое из трёх женщин, будто бы пропускают всё мимо ушей, а вот одна из них очень внимательно слушала.

Когда я закончила, те двое, что слушали невнимательно, облегчённо вздохнули и мне показалось, что я даже прочитала их

мысли:

«Давай, зануда иди уже отсюда, нам пора»

А вот та, что внимательно слушала, попросила записать ей рецепт:

— Мисс доктор, — обратилась она ко мне

— Ну что вы, я не доктор я сестра милосердия, — поправила я женщину

Но та будто бы не обратила внимания и повторила:

— Мисс доктор, напишите мне, пожалуйста, рецепт, я попробую, у меня ещё двое детей постарше, их я уже не повезла в больницу, но они так же болели, и я верю, что ваш суп нам поможет.

Я написала ей рецепт и на всякий случай попросила, чтобы она поделилась со своими соседками, если вдруг они всё-таки осознают, что это им нужно.

А когда я вышла из «детского отделения», то сразу увидела интерна Шушеля, стоящего рядом с дверью в палату. При виде меня лицо его стало недовольным.

— Ну ты нахальная, — сразу заявил он мне

— Мистер Шушель, — снова не стала я сдерживаться, и добавила немного «яду» в тон, — если вы что-то хотели, давайте отойдём от палат.

Я прошла в сторону окна, расположенного в фойе. Оттуда, по крайней мере, пациентам не будет слышно, даже, если Шушель станет кричать.

— Ко мне подошёл доктор Листер и сказал, чтобы я дал тебе учебники для подготовки к экзамену, — на удивление спокойно сказал Шушель

Я с благодарностью подумала о заботливом докторе, который снова мне ничего не сказал, но позаботился.

Вслух же ответила, на сей раз тоже обычным тоном:

— Да, я собираюсь сдавать экзамен, и буду благодарна за помощь с учебниками.

И здесь из Шушеля снова «вылезло»:

— И насколько ты будешь благодарна?

«Ну что за человек!» — подумала я и ответила так, чтобы поставить его на место:

— Настолько, что похвалю вас своим новым знакомым

Лицо Шушеля сразу приняло понимающее выражение:

— Всё понятно откуда у тебя деньги на экзамен

Я промолчала: — «пусть думает, что хочет, всё равно такого человека не переубедить.»

— Ладно, — наконец сказал Шушель, — завтра с утра принесу.

Я не стала рассыпаться в благодарностях, ещё неизвестно что он там принесёт. У меня же тоже были кое-какие книги, по которым училась Лейла.

Я не боялась экзамена, понятно, что мои знания и умения намного опережают тот уровень медицины, который есть в этом времени, но наверняка есть специфические заблуждения. И доктор Джозеф Листер яркий пример того, как прогрессивные идеи считаются не верными и не соответствующими.

Поэтому мне бы только просмотреть учебники и понять, что можно говорить, а что ещё рано.

Этими мыслями я вышла из больницы и поняла, что про «морковный суп» и патент я доктору Листеру так и не сказала.

Но сил возвращаться и снова ждать доктора у меня не было, я уже и так еле стояла на ногах и, поэтому решила сделать это завтра.

Вдруг моё внимание привлёк знакомый автомобиль, припаркованный неподалёку.

«Неужели мадам не может дождаться ответа? — подумала я, и сразу следом другая мысль, — и чего она именно ко мне прицепилась?»

Но оказалось, что это не мадам, а её...водитель? Секретарь? Охранник?

Машина как раз стояла в той стороне, куда я обычно шла домой. Я нарочито перешла на другую сторону улицы и пошла, не глядя ни на авто, ни на мужчину, стоявшего рядом с машиной.

Но когда я проходила мимо, то услышала:

— Мисс Кроули

Пришлось остановиться. Но я не собиралась переходить дорогу и подходить к автомобилю.

Мужчина перешёл ко мне сам. Я его узнала, это был один из вчерашних «мордovorотов», сопровождавших мадам. В руках он держал большой конверт, который протянул мне со словами:

— Вам просили передать

Я не стала брать конверт, и с подозрением в голосе спросила:

— Кто просил?

— Мадам Лестар, — ответил мужчина

— Я ничего не буду брать от мадам Лестар, — отрезала я и развернулась, чтобы уйти.

— Мадам предполагала, что вы так скажете, — усмехнулся мужчина, и я обратила внимание, что у него плохо двигается левая половина лица.

И не дожидаясь пока мужчина продолжит, спросила:

— У вас ухо слева не болит?

Мужчина удивлённо на меня уставился и, видимо, от неожиданности моего вопроса, ответил:

— Болит

— А в затылок отдаёт боль? — продолжила я «собирать анамнез*»

(*анамнез — совокупность сведений о развитии болезни, условиях жизни, перенесённых заболеваниях и других дополнительных сведений, которые необходимы для диагностики, выбора метода лечения и профилактики. Сбор анамнеза является одним из основных методов медицинских исследований.)

И здесь мужчину прорвало, с него слетела вся напыщенность:

— Ещё как отдаёт, мисс, спать не могу, болит невозможно, кажется, что «котелок» взорвётся. И в ухе звон такой, что иногда не слышу даже.

Я и по состоянию лица, и по тому, что мужчина рассказал, поняла, что скорее всего у него невропатия лицевого нерва.

Он вдруг посмотрел на меня с надеждой и спросил:

— А вы, мисс, того, можете мне помочь? Я заплачу!

— Как вас зовут? — переходя на «докторский» тон спросила я мужчину

— Хью, я, — назвался мужчина коротким именем, но потом поправился, и сказал полное имя, — Хьюберт

— Вот что, мистер Хьюберт, — произнесла я, — вам срочно надо начинать лечиться, потому что, судя по симптомам у вас острое воспаление лицевого нер..., — я осеклась, решив, что возможно про нервы говорить не стоит, и сказала проще, — острое воспаление лица.

— Так как лечить? — испуганно спросил «мордоворот», уже не казавшийся мне страшным, а скорее несчастным.

Из скудного набора доступных в этом времени средств мне пришла в голову полынь. В принципе можно подобрать смеси любых других трав, обладающих противовоспалительными свойствами и сделать сбор, для повышения эффективности, но для этого мне надо было сесть подумать, посчитать, а не вот так вот стоя на улице. И я, понимая, что мужчина должен испытывать поистине ужасную боль, раз у него уже мимика изменилась, пока решила дать пару рекомендаций, которые могли немного облегчить ему боль.

Так ему и сказала:

— Я буду ждать вас сегодня вечером, придёте в нашу больницу, а пока, сейчас идите домой, соберите или купите зелень полыни. Её надо измельчить и заварить кипятком, так чтобы получилась каша. Понимаете? Или вам записать?

— Запишите мисс, — попросил Хьюберт

Ручка у меня была, а вот бумаги не было. Хьюберт посмотрел на конверт, потом на меня.

— Вы же не будете брать? — спросил, показывая мне конверт

— Нет, — улыбнулась я, настолько забавно это выглядело

И Хьюберт взял и оторвал от конверта кусок и протянул мне. Я в образовавшемся «кармане» конверта заметила, что там не деньги, а листы бумаги.

Мужчина подставил руки, я положила на них свою сумочку и уже на неё, оторванный от конверта, листок. Пока записывала, комментировала, рассчитывая, что хоть что-то больной запомнит.

— В получившуюся кашу можете добавить мёд и луковый сок. Но можно и не добавлять. После, как есть тёплую, заверните в тряпицу, и приложите к лицу там, где болит, на щеку и по возможности завяжите тёплым шарфом или платком. И так подержите несколько часов.

Написала и, сложив листок в два раза, строго взглянула на мужчину, ещё раз произнесла:

— Вечером вас жду, даже, если вам станет полегче, всё равно приходите, с этим заболеванием шутки плохи

Всё-таки взрослые пациенты такие иногда «неблагодарные», вот вроде бы должны понимать необходимость полного излечения, а чуть

полегчает и всё, и уже не надо лечиться.

Я отдала мужчине листок и развернулась, чтобы, наконец-то, пойти домой, спать хотелось неимоверно. И я уже сделала несколько шагов, как вдруг Хью сзади раздалось:

— Мисс, подождите, мисс

Я остановилась, повернулась к, теперь уже, своему пациенту. Мужчина с несколько виноватым лицом протягивал мне конверт.

— Мисс, мадам просила вам передать, — сказал он

— Ты не понял, Хью, — проговорила я, более жёстким тоном, давая понять, что всё, терпение моё на исходе, — меня не интересуют предложения мадам

Тогда Хьюберт раскрыл конверт, достал оттуда нечто похожее на контракт, к которому была прикреплена небольшая записка.

— Я понял, мисс, — виноватым голосом произнёс Хью, — но у меня работа, прошу вас, это вас ни к чему не обяжет, клянусь. Просто мадам сказала: «Она откажется Хью, но дай ей обязательно прочитать моё письмо», — процитировал мужчина.

Я посмотрела на Хью, лицо у него было кирпично-честным, посмотрела на записку, приколотую к бумагам. Я где-то в душе понимала, что это точно какая-то гадость, и что она меня заденет и что-то непременно произойдёт.

— Давай письмо мадам, — произнесла я, стараясь не касаться бумаг

Хью открепил записку и передал мне.

«Дорогая мисс Кроули, в конверте находится контракт, с которым вы можете ознакомиться и проверить, что всё то, о чём я вам говорила, является правдой. Но, если я хоть немного разбираюсь в людях, то вы скорее всего даже не взглянете на него. Поэтому я попросила Хью обязательно передать вам моё письмо.

Знайте, мисс Кроули, что ещё один контракт получит девушка, которая выпустилась из приюта вслед за вами, она тоже отказалась подписывать договор на работу со мной. Вы для неё стали примером, и она предпочла трудный путь. Но я точно знаю в каких обстоятельствах оказалась эта девушка и уверена, что в отличие от вас она точно подпишет. Вы должны её помнить, это Дана Верн, вы даже какое-то время жили в одной комнате. Её мать была проституткой и умерла, заразившись дурной болезнью, после чего девочка и попала в приют.

Всего вам хорошего,
Мадам Горделия Лестар»

«Вот же гадина!» — подумала я. Сжала кулак, сминая письмо от мадам, будто бы пытаюсь избавиться. Но, к сожалению, в одном мадам была права, теперь я не смогу выкинуть эту информацию из головы.

Спросила Хью:

— Хью, ты отвозил ещё кому-то такой конверт?

Он ответил:

— Нет, мисс, я не отвозил, отвозил мой напарник, Кедди

Я отвернулась, раздумывая, если я пойду сейчас в приют, смогу ли я выпечить всезнающую Тину и узнать у неё, где работает Дана. И вдруг от Хью прозвучало:

— Но я вчера отвозил мадам в одну швейную мастерскую

Я посмотрела на мужчину:

— Скажи мне адрес, Хью

И уже через пять минут у меня был адрес, а я в очередной раз порадовалась, что профессия врача и здесь пригодилась и, возможно, что я не могу спасти всех, но хоть кому-то помогу, уже хорошо.

Глава 12

И вместо того, чтобы пойти отсыпаться домой, я направилась по адресу, который дал мне Хью. Хью предложил подвести, но я отказалась. У меня было примерно шестьдесят эре*, и я решила нанять извозчика.

(Эре* (прим. автора) — в одной кроне сто эре. Вообще то эре, относится к денежным единицам Норвегии, но в это истории это денежная единица Британии)

Адрес, по которому располагалась швейная мастерская, в которой работала Дана находился в одном из центральных районов Лондиниума. Район назывался Фулэм, и был достаточно дорогим и спокойным. Извозчики с удовольствием туда брали пассажиров, потому что там всегда можно было получить ещё заказ.

«Насладившись» получасовой поездкой по улицам Лондиниума, я сошла с кэба в начале улицы Крэйвен стрит. Длинная улица тянулась через весь район и на первых этажах таунхаусов были расположены небольшие магазины и мастерские. Швейная мастерская, адрес которой я получила от Хью, располагалась в самом конце улицы и тоже находилась на первом этаже двухэтажного дома. Я предположила, что владелица, вероятно, проживает на втором этаже, а на первом у неё расположена мастерская.

Дверь была не заперта, я потянула за ручку и вошла, оказавшись в небольшом помещении, скорее всего предназначенном для приёма клиентов, потому что с одной стороны, по стене была расположена симпатичная банкетка, обитая зелёным сукном, а с другой стороны, на стене висело небольшое зеркало и были приделаны крючки, видимо для верхней одежды.

За небольшой стойкой-столом сидела девушка, которая, увидев меня, сразу вышла мне навстречу.

Улыбнувшись, спросила:

— Добрый день, приветствую вас в швейной мастерской мадам Селязи

Но по мере того, как девушка изучала мой внешний вид, от серого платья до растоптанных башмаков, улыбка на её лице таяла, пока не

исчезла окончательно, и девушка, поджав губы, сказала:

— Работы нет

Я улыбнулась:

— Здравствуйте, я не ищу работу, я ищу свою подругу мисс Дану Верн, мне сказали, что она здесь работает, могла бы я с ней поговорить?

Девушка ещё сильнее поджала губы и произнесла:

— Мисс Верн сейчас работает, до перерыва ещё два часа.

Я вытащила из кармана всю мелочь, которая у меня оставалась, что-то около двадцати эре и, сделав шаг схватила девушку за руку, ссыпав ей всю мелочь, и попросила:

— Ну, пожалуйста, мне нужно всего пять минут

Девушка быстро убрала мелочь в карман и, пробормотав что-то вроде:

— Не дольше

Вышла куда-то вправо.

Вскоре оттуда же появилась Дана.

Мне показалось, что, когда я последний раз видела Дану в приюте она выглядела более здоровой. Сейчас же лицо у неё было бледное до синевы, под глазами были тёмные круги, губы тоже были очень бледные, что говорило о том, что у девушки явная нехватка гемоглобина. А ещё я обратила внимание, что глаза у Даны слезятся.

«Видимо тяжелая работа, приходится сильно напрягать глаза,» — подумала я, а вслух сказала, глядя на безучастное лицо девушки:

— Дана, ты меня узнаёшь? Это я Лейла

Девушка, не меняя выражения лица произнесла:

— Конечно, я тебя узнала. Слышала, что ты работаешь в больнице, как и хотела.

И девушка снова замолчала, будто бы ей было совсем неинтересно зачем её бывшая товарка по приюту пришла к ней, и выдернула её посреди рабочего дня. На мой врачебный взгляд такая апатия была очень плохим признаком.

Я в свою очередь тоже её похвалила, что она нашла работу в таком месте, расположенном в приличном районе.

Когда Дана и на это не отреагировала, я прямо сказала:

— Я знаю, что ты получила предложение от мадам Лестар.

И вот здесь на лице девушки появилась первая эмоция. Испуг.

Я продолжила:

— Дана, не соглашайся и не подписывай. Существуют такие «повороты судьбы», один раз свернув, ты уже никогда не сможешь найти путь назад. И это как раз такой случай. Мадам уже не отпустит тебя, понимаешь?

Дана какое-то время смотрела на меня, а потом её просто прорвало и она, стараясь говорить тихо, чтобы не было слышно в соседних помещениях, зашептала:

— А что мне делать? Я всего месяц здесь работаю, но мои глаза уже практически ничего не видят. В комнате, где мы шьём, практически нет света. И я знаю, что скоро ослепну. И что тогда? Как я смогу шить и зарабатывать себе на жизнь?

Дана всхлипнула и вдруг вытянув руки уже громче, не сдерживая эмоции, сказала:

— Посмотри на мои руки

Я взглянула и ужаснулась, руки девушки были все исколоты, в синяках и кровоподтёках.

Словно в ответ на мой испуганный взгляд, Дана произнесла:

— И это мне ещё удаётся как-то шить, практически на ощупь. Если с утра я ещё хоть что-то могу разглядеть, то вот к вечеру всё расплывается.

Я сразу начала думать о том, как можно помочь девушке, но ничего быстрого, к сожалению, не было, с такими симптомами ей была противопоказана такая работа, иначе и вправду это могло привести в полной потери зрения.

— Дана, — сказала я, — мы что-нибудь придумаем.

Я хотела сказать, что поговорю в больнице, может быть, к нам можно оформить человека на должность уборщицы. Но в этот момент прозвучало:

— Мисс Верн, вернитесь к работе

Это вернулась девица, видимо, чтобы дать нам понять, что время вышло.

— Сейчас иду, мисс, — спешно сказала Дана, потом горько улыбнулась и сказала мне: — Прощай, Лейла, знай, что я согласилась на предложение, и даже подписала те бумаги, которые мадам мне прислала.

После чего ушла обратно в помещение, находившееся справа.

Я стояла, ошарашенная и пока не понимающая надо ли что-то делать и смогу ли я вообще что-то сделать.

Но потом заметила взгляд девушки, словно говоривший: «всё, уже можете идти», кивнула ей и вышла.

Я пошла в сторону дома, денег на извозчика не было, поэтому идти мне предстояло долго. Трамваи и метро пока возили исключительно по центральным районам, да и на них нужны были деньги. А всё, что у меня было я отдала девице из мастерской.

Дома деньги у меня были, но с собой я не носила больше одной кроны, всё-таки район, где я жила, был не самый благополучный. Как правило, я разменивала одну крону и мне хватало на два три дня.

Примерно через час, когда мне оставалось пройти через мост и пройти несколько кварталов, рядом со мной притормозил автомобиль и знакомый голос произнёс:

— Гуляете мисс?

Это оказался мистер Йен.

— А я как раз ездил к вам, хотел, чтобы вы сами сделали перевязку Майклу.

Я поняла, что сегодня выспаться мне вряд ли удастся, но по крайней мере ноги отдохнут, и села в машину.

Непроизвольно вырвался облегчённый вздох.

— Что, мисс, устали? — весело спросил Йен, — не очень удобно в таких больших башмаках ходить?

— Есть немного, — ответила я, и чтобы перевести тему, и не дать возможности и дальше разговаривать о моей обуви, которую действительно надо было бы поменять, я сказала:

— Спасибо вам за помощь парням Белтон

Мистер Йен ухмыльнулся и спросил:

— А как там твой Шушель, больше не угрожал?

— Нет, теперь он меня обходит стороной, — ответила я, — и за это тоже спасибо.

— Да ладно, нам это ничего не стоило, — снова ухмыльнулся Йен и снова спросил:

— А куда ходила-то?

— Подругу навещала, — ответила я и вдруг мне пришла в голову мысль попросить Йена о помощи.

— Мистер Йен, небезызвестная вам мадам снова присылала ко мне человека, — сказала я

— Знаю, ну и что, ты же ничего не подписала, а договорённость у нас, что если будут пытаться заставлять, то сразу на нас ссылайся, — проговорил Йен.

— Она отправила такое же предложение другой девочке из моего приюта, — постаралась подвести я беседу к главному для меня вопросу

— Ну и что? — недоумённо спросил Йен

— Ну я бы хотела, чтобы она не трогала моих подруг, — выговорила я, уверенная в том, что Йен сейчас скажет, что подруги в нашу договорённость не входят.

Но Йен сказал: — Хорошо, сделаем, но если твои... подруги сами подпишут, тот здесь уж извини, значит на то была их воля.

Я промолчала, раздумывая имеет ли смысл дальше говорить, ведь Дана сказала, что всё подписала.

Йен спросил:

— Или уже подписали?

Я кивнула, но поняла, что Йен не увидел, потому что смотрел на дорогу.

— Да, она подписала, мистер Йен, — проговорила я, дополнив я свой кивок.

Установилась тишина, только колёса машины немного шумели по брусчатке. Я только сейчас обратила внимание, что мы выезжаем из Лондиниума.

— Знаете, мисс Лейла, что у вашей подруги есть три дня, чтобы отказаться от контракта, и тогда она даже штраф не заплатит.

Я вдруг поняла, что не всё ещё потеряно, но, к сожалению, я не знала где живёт Дана.

— А вы можете помочь мне выяснить, где живёт человек, — решила я спросить у Йена

— То есть ты не знаешь, где живёт твоя подруга? — удивлённо спросил Йен

— Ну да, не знаю, но хочу узнать — ответила я

— Послушай Лейла, — вдруг совсем другим тоном проговорил Йен, — большинство приютских девушек оказывается в таких домах,

подобных тому, что держит мадам Лестар, ты не сможешь помочь всем.

Я понимала о чём Йен говорил, и даже где-то с ним соглашалась. Да, всем я помочь не смогу, но, если я вытащу всего одного человека, то мне станет легче. Но я не стала говорить это вслух и промолчала.

Между тем, Йен продолжал:

— Это их выбор, мисс Лейла

Потом взглянул на меня и, видимо, осознав, что его аргументы на меня так и не подействовали, вздохнул и сказал:

— Ладно, мисс Лейла я узнаю, где живёт ваша подруга. Напишите мне её имя и где она работает.

Поскольку везли меня сегодня в автомобиле у меня была возможность увидеть красоту пригорода Лондиниума, где был расположен особняк, в котором и находился мой пациент. Особняк был, конечно, образцом викторианского* стиля: большое двухэтажное здание с мансардой, с двумя разными башнями, одна круглая, другая квадратная. Особняк был насыщенного красного цвета, с зелёной острроверхой крышей.

(*Викторианскому стилю присущи следующие черты: сложная часто ассиметричная форма здания; многогранная крыша, башни различно формы; множество декоративных элементов; балконы, террасы, высокие входы с крыльцом)

К особняку вела небольшая аллея из высоких тополей.

Я не стала спрашивать кто владелец особняка. Кто их криминальных личностей знает? Может владелец какой-нибудь аристократ, который проиграл им этот особняк в карты, а может он сидит связанный в подвале, пока они здесь «зализывают раны». В любом случае, из опыта я знала, что любопытство «не одну кошку сгубило», а мне ещё экзамен сдавать и глупую Дану вытаскивать.

Перевязка не заняла много времени и после этого меня отвезли к дому семьи Белтон, где Элис уже вся распереживалась, потому что сегодня меня так и не дождались с работы.

Я не стала расстраивать Элис рассказами о Дане, просто сообщила, что пришлось оказать помощь на дому одному пациенту. И рухнула спать.

Ближе к вечеру я проснулась, до работы ещё оставалось время. Элис как раз ждала сыновей к ужину. Поэтому в доме вкусно пахло

тушёным овощами и рыбой.

Увидев меня, Элис всплеснула руками:

— Лейла, тебе же принесли записку сказали срочно передать, но ты спала.

Записка была от Йена, на ней был написан адрес и стола цифра три, напротив которой было написано «сегодня». И, если я поняла верно, то третий день, до которого можно безболезненно разорвать контракт, истекает сегодня.

— Сколько время? — спросила я, оглядываясь на Элис

— Так уже скоро восемь вечера, сейчас ребята придут, — проговорила она.

— Мне надо срочно уйти, — сказала я

Элис снова всплеснула руками:

— Поешь что-нибудь, Лейла, посмотри твоя любимая рыбка

Я схватила кусочек рыбки, который Элис положила мне на маленькую тарелочку и обжигаясь быстро проглотила, практически, не почувствовав вкуса.

— Шпасибо, — проговорила я с набитым ртом, и, взяв с собой две кроны, из отложенных, побежала искать извозчика.

К счастью, Дана тоже проживала в этой части Лондиниума, что и я поэтому уже через десять минут я стояла возле небольшого домика. Я постучалась, дверь мне открыла маленькая старушка.

— Здравствуйте, скажите, а мисс Дана здесь проживает? — спросила я

Старушка, подслеповато прищурилась и ответила:

— Да, милая, Дана здесь у меня живёт.

И оглянувшись назад довольно громко крикнула:

— Дана, к тебе пришли

Изнутри домика раздался голос Даны:

— Я сейчас спущусь скажите, чтобы подождали

Старушка пошире распахнула дверь и пригласила меня войти:

— Проходи, милая

Через несколько минут спустилась Дана, и я поняла, что опоздала. Потому что на Данае было надето дорогое красивое платье, синее с отливом, из тонкого качественного бархата, лицо уже не казалось болезненно бледным, потому что глаза были слегка подкрашены,

отчего бледность скорее казалась украшением, придавая образу загадочность.

Увидев меня, Дана поджала губы и грубо спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Дана ты всё ещё можешь отказаться, — сказала я, — сегодня третий день и тебе даже не придётся платить штраф

С улицы послышался звук клаксона.

— Поздно, — обречённо сказала Дана, — прощай, Лейла, и больше не приходи.

Дана вышла из дома, я вслед за ней, всё ещё надеясь, что мне удастся её уговорить.

Возле дома стоял знакомый мне автомобиль, возле которого стоял Хью, который с удивлением на меня уставился.

Решение пришло молниеносно.

— Я еду с вами, — сказала я и первая уселась в автомобиль.

Глава 13

— Мисс, — проговорил Хью, от которого немного пахло луком, судя по всему, он уже воспользовался моими рекомендациями, — а вы-то куда?

— А я, Хью, хочу посмотреть, куда вы возите дурочек, покупающихся на «сладкие посулы» вашей мадам, — ответила я Хью, демонстративно глядя не на него, а на Дану, которая в свою очередь зло смотрела на меня.

«Ну и пусть злятся, — подумала я, — дети тоже злятся на родителей, когда уверены, что те их ограничивают в чём-то, а потом спустя время многие признают, что «мама была права»»

— Поехали, Хью, поедem, посмотрю, где сейчас люди собственное достоинство теряют, — сказала вслух

Хью тяжело вздохнул, но «с доктором не спорят» и мы поехали.

Дом, к которому спустя двадцать минут подъехал автомобиль, находился на другой стороне Темзы, в спокойном тихом, практически «спальном» районе, дома там были разные, большие и маленькие, отличало этот район то, что в отличие от промышленного Истэнда, здесь не было никаких производств, только дома.

Сам дом выглядел обычно, я бы даже сказала обезличенно. Уже было достаточно темно, света в окнах дома не заметила, но когда мы вместе с Даной, которая почему-то взяла меня за руку, и я почувствовала, как она напряжена, то увидели небольшой огонёк в окне первого этажа.

Хью остался в автомобиле, продолжая с укором смотреть на меня. Четно говоря, я плохо себе представляла, что буду делать, никаких речей я не готовила и надеялась, что соображу по ходу. Я понимала, что действую абсолютно нелогично, но ничего не могла с собой поделать. В конце концов девочка не виновата, что попала в такие условия. И я чувствовала свою ответственность. Ведь не просто так мне дали второй шанс. Не только лечить деток, но и общество тоже надо лечить. А я знаю как.

Мы вошли в дом, дверь оказалась не заперта. От входа сразу было видно большую гостиную, в камине горел огонь, возле камина в

большом кресле кто-то сидел. От входа не было видно, кто это. Но мне показалось, что сидит всё-таки мужчина.

Дверь позади нас с Даной захлопнулась с негромким звуком. Человек в кресле повернулся. Лица было не видно, сперва мне показалось, что он в очках, но я ещё ни разу не видела очки в этом времени.

«Он в маске!» — поняла я, когда одна сторона лица осветилась отблеском пламени в камине.

И хотя лица его было не видно, но мне показалось, что мужчина оторопел, увидев, что девушек двое. И тогда я решилась.

— Вы думаете, что, если у вас есть деньги, то вам позволено разрушать чужие жизни? — делая шаг вперёд и, оставляя Дану за спиной, произнесла я.

Мужчина молчал, продолжая сидеть в кресле. Не знаю, чтобы я делала, если бы он встал, но то, что он оставался на месте, несколько уменьшило мой испуг, потому что, несмотря на то, что я старалась, чтобы мой голос звучал уверенно, колени у меня тряслись.

И «вдохновлённая» я продолжила:

— Такие как вы, имея деньги, вместо того чтобы помогать детям из приюта, который, кстати, курирует наша королева, «вставать на ноги», ради своих сомнительных удовольствий губят их жизни.

И так я распалилась, что из меня «выскочило»:

— Вы настоящие уроды, которые недостойны того, что имеют

Неожиданно мужчина поднялся из кресла, и я поняла, что меня сейчас будут убивать. Стало очень страшно, так, что в голову пришла мысль о том, что надо сделать что-то такое, чего от тебя не ожидают. Например, кинуться куда-нибудь с криком пожар. И я уже приготовилась...

Но мужчина остановился в нескольких шагах от меня и сказал:

— Девушка, вас кто-то обидел? В чём дело?

Причём у мужчины был очень приятный баритон, в голосе действительно сквозило удивление, как будто бы он не ожидал. Но меня было не провести.

Осознав, что убивать меня никто не собирается, я решила ещё понаглеть и заявила:

— Вы платите за то, чтобы покупать себе невинных девушек, которым специально создают такие условия, сразу после выпуска из

приюта.

И заявила тоном старой докторши:

— Вам должно быть стыдно, молодой человек. И противно.

— Я не знал, что это так, я платил... — он запнулся, но вскоре продолжил, быстро подобрав слово, — профессиональным девушкам, не невинным, как вы изволите меня обвинять

Речь мужчины была чистой, очень грамотной, в голосе мелькали властные нотки.

Я подумала, — «Если не врёт, то значит это делает кто-то из его окружения»

А вслух сказала: «Тогда и вы извольте разобраться с тем, что происходит,» — и не удержалась от «врачебного совета»: — «И вы взрослый мужчина, найдите себе постоянную партнёршу, это я вам как врач рекомендую»

И вот здесь мужчина снова сделал несколько шагов в мою сторону, до того, как начал двигаться, он взял подсвечник со стола и подойдя ко мне, поднёс к своему лицу.

Я от неожиданности, непроизвольно вскрикнула и отшатнулась.

На лице мужчины была полумаска, но даже она не скрывала, что вся левая сторона головы мужчины страшно обожжена, через всю половину лица шли уродливые келоидные рубцы, уходя по шее вниз под чёрную рубашку, в которую он был одет.

Сзади тихо заскулила Дана.

— Теперь вы понимаете, почему я вынужден так поступать, и да, вы правы в одном, я урод.

Мужчина замолчал, словно бы ожидая каких-то комментариев от меня, но я промолчала. Что здесь было говорить?

Не дождавшись ничего от меня, мужчина продолжил:

— То, о чём вы рассказали неприемлемо, я благодарен вам за правду. А теперь уходите.

— А, — попыталась я узнать о последствиях для нас с Даной

Мужчина, как ни странно, сразу понял о чём я, и добавил:

— Идите, никто вам ничего не сделает

Я не стала говорить «спасибо» или как-то прощаться, развернулась и, подтолкнув, закусившую кулак Дану выскочила за дверь.

Мы вышли на улицу, там всё ещё стоял автомобиль, возле которого стоял и курил Хью.

Увидев нас, он отбросил недокуренную папиросу и кинулся к нам

— Всё хорошо, мисс? — спросил он, глядя на меня

— да, Хью, всё хорошо, А теперь надо ехать к твоей хозяйке, чтобы разорвать подписанный договор, — сказала я и поглядела на Дана

Та испуганно закивала

И здесь Хью дал бесценный совет:

— Не надо к хозяйке, я вас сразу отвезу к нотариусу и там сразу мисс, — при этом он кивнул в сторону Даны, и подпишет отказ от исполнения, который потом и получит мадам.

Такой вариант мне понравился больше, потому что никогда не знаешь, чего ждать от мадам. Та ещё змеюка.

Уже через час всё было сделано и Хью отвёз нас обратно к дому, где снимала комнату Дана.

Я прощаясь, пообещала ей поговорить в больнице.

И я уже развернулась, чтобы уйти, я уже почти на полчаса опоздала на работу, как вдруг Дана меня окликнула, я остановилась.

Девушка кинулась мне на шею, обняла и сквозь слёзы проговорила:

— Спасибо, спасибо, спасибо тебе Лейла

Потом всё же отпустила меня.

А я шла на работу и улыбалась. Значит всё сделала правильно.

А на работе меня ждала ошеломляющая новость. Даже не новость, а новости.

Глава 14

На работу я немного опоздала, и если бы дежурил доктор Стен, то мне бы и слова не сказали, но сегодня дежурил сам доктор Джозеф, а он весьма строго относился к дисциплине и моё отсутствие на вечернем обходе сразу же было замечено.

Я, в принципе, была с доктором Листером абсолютно согласна во всём, что касалось опозданий, если у тебя что-то произошло и ты не можешь прийти вовремя, предупреди. Больница такое место, что иногда тебя нечем заменить и от этого может зависеть жизнь пациента.

Как только я пришла, меня попросили зайти в кабинет доктора Джозефа.

Я не собиралась оправдываться, собиралась признать свою мину в опоздании, принять заслуженное наказание и идти работать. Но доктор Листер не собирался меня ругать. Он был расстроен.

Когда я зашла в кабинет, то обнаружила, что он сидел за столом и смотрел в одну точку.

«Ну не могла же это я его так расстроить?» — подумала я

Увидев меня, доктор Листер грустно улыбнулся и сказал:

— Завтра к нам приезжает комиссия по проверке выделяемых средств и организации больницы. Кто-то написал донос, что я принимаю на повышенные ставки людей без соответствующего медицинского образования

— Мне кажется я знаю, кто мог это сделать, — сказала я

— Я тоже, Лейла, я тоже, — ещё более грустно произнёс доктор Джозеф, — я видел это письмо и узнал почерк

Потом доктор вздохнул и добавил:

— Но это не важно, кто написал, важно то, что завтра приедет комиссия и будет делать аудит. Так как ты ночная сестра, и по идее они не станут цепляться. Несмотря даже на то, что в письме Пьер написал, что именно на эту должность был принят человек без сертификата, но могут попросить вызвать тебя.

Я понимала почему вздыхает доктор Джозеф. Одно дело просто взять человека, оформив с нарушением, а другое дело врать в лицо проверяющим, возможно своим коллегам.

Между тем доктор Джозеф был готов лгать. Оказалось, что он даже послал за мисс Тусен, но та укатила в путешествие со своим женихом.

— Я не знаю, что делать, — сказал доктор

Я смотрела на доброго человека, который уже столько для меня сделал в этом мире и понимала, что не могу его подвести.

— Доктор Джозеф, — предложила я, — давайте я пойду работать, а сразу по окончании смены уйду, а вы покажете членам комиссии перевязки, сделанные ночной сестрой и всё остальное, возможно им будет достаточно удостовериться, что человек на должности выполняет свою работу.

Доктор Джозеф снова вздохнул и проговорил:

— Ладно, Лейла, ты права, иди работай, утром сдашь смену и иди домой, я пришлю тебе записку, если что-то возникнет срочное.

Я пошла работать. Сначала всё шло ожидаемо. Где-то в начале смены ко мне подъехал Хью, и я в спокойной обстановке ещё раз его осмотрела и записала рекомендации, в которые включила мимическую гимнастику, которую следовало начать через неделю.

— Мисс, — пробасил Хью, я всего один раз ваш компресс сделал, а мне уже легче.

— Хью, тебе надо это делать и на ночь, и днём, если ты хотя бы несколько часов не выходишь из дома. Болезнь коварная, может и вернуться

Ещё раз взглянула на мужчину: — «Интересно у него есть кто-то, кто может ему сделать отвары или настойку?»

А вслух спросила:

— Хью, ты женат?

Мужчина замялся и покраснел, начал бормотать что-то вроде:

— Мисс, вы очень красивая девушка

Я рассмеялась: — Нет, Хью, я не буду просить тебя на мне жениться, я хотела узнать, есть ли кто-то, кто может тебе заварить настойки трав, которые ты должен принимать ещё десять дней.

Хью облегчённо выдохнул:

— Да, мисс, мать может сделать, говорите, а лучше снова напишите

Я написала, перечислив, несколько вариантов противовоспалительных трав с успокаивающим действием: цветы

ромашки, цветков липы, бузину, траву мяты, тысячелистника, пустырника.

— Хью, я всё записала, но ты тоже постарайся запомнить, — ещё раз повторила для мужчины, — в лечении главное регулярность и постоянство. Мать тебе заварит травы, а ты должен пить три раза в день по полстакана в течение десяти дней. Запомнил? И ставить компрессы.

Мужчина начал усиленно кивать.

А я продолжила:

— А когда болеть перестанет, надо начинать делать гимнастику, чтобы щека разработалась. Вот так.

И я показала несколько гримас. Хью сначала пытался сдержаться, а потом рассмеялся.

— Ну, мисс, ну насмешили.

Пришлось принимать серьёзный вид и строго повторить:

— Может это и выглядит смешно, зато щека твоя будет двигаться, а не как сейчас.

Я представила себе, как Хью, с его квадратно-кирпичной физиономией начинает гримасничать, изображая разные эмоции, надувать щеки, сильно выдувать воздух ртом и произносить звуки, в котором участвуют лицевые мышцы, например: пи, пе, ку. И мне тоже стало смешно, но я сдержалась.

— Мисс, — на прощание Хью протянул мне несколько крон, — я взяла только одну и сказала, — как выздоровеешь, так и рассчитаешься.

И наказала ему подойти через неделю. Правда теперь я не знала точно, где я буду через неделю, но очень рассчитывала, что у нас с доктором Джозефом всё получится. На самый крайний случай у меня оставалось предложение Йена. Не пропаду!

Ночь шла своим чередом и мне стало казаться, что наш план с доктором Джозефом сработает. Утром я закончу смену, не буду дожидаться утреннего обхода, передам всё доктору Джозефу и уйду домой. За день здесь всё успокоится, и вечером пойдёт как обычно, а там глядишь сдам экзамен и уже ни у кого не возникнет сомнений.

И, наверное, наш план с доктором Джозефом бы сработал, но под утро в больницу начали прибывать больные с симптомами отравления.

И посмотрев нескольких из них, я с ужасом поняла, что мы имеем дело с ботулизмом.

Что делать в ситуации, когда у тебя под рукой нет сыворотки или антибиотика?

Сначала привезли мужчину и женщину, у обоих была тошнота, явно повышенная температура, но невысокая. Осматривая женщину, я заметила, что у неё как будто бы набухли верхние веки, попросила доктора Листера помочь мне со светом. Когда я поднесла лампу ближе к лицу женщины и заглянула ей в глаза, то увидела, что зрачки женщины как будто бы разного размера и нет никакой реакции на свет.

— Вы хорошо видите, — спросила я её

— Нет, мисс, всё будто бы в тумане, — ответила женщина так, словно ей было сложно говорить.

Я попросила её открыть рот. Слизистая тоже была бледная и сухая.

— Что вы ели? — спросила я у женщины, уже зная, что услышу в ответ.

Женщина глухо ответила:

— У Саймона и Эмили была свадьба вчера, мисс, много чего ели

Но меня интересовал только один продукт, и я спросила:

— А была ли там кровяная колбаса?

Женщина попыталась сглотнуть, попросила:

— Дайте водички, мисс

После того, как её удалось сделать глоток воды, он мне ответила:

— Конечно была. Отец Эмили сам её делал, он же мясник.

Вкусная

И женщину снова начало тошнить.

Доктор Листер взглянул на меня и спросил:

— Лейла, вы думаете, что это...*Bacillus botulus**?

(*Впервые болезнь подробно описал немецкий врач Юстинус Кернер в 1793 году после серии отравлений кровяной колбасой на юге Германии. Врач сделал вывод, что такое состояние провоцирует «колбасный яд». Так заболевание обрело название: в переводе с латыни botulus означает «колбаса».)

— Да, — ответила я, — посмотрите, симптомы поражения... нервн...

Я опасалась сказать что-то ещё чуждое этому времени, но доктор Джозеф воспринял это как недостаток моих знаний, и с улыбкой сказал:

— Поражение нервных функций вы хотели сказать, Лейла?

Мне оставалось только кивнуть.

— Я не устаю удивляться откуда вы столько знаете, про нервные функции только недавно начали говорить, — произнёс доктор Джозеф, но взглянул на женщину, которой становилось хуже и спросил:

— Может вы знаете, как мы можем помочь?

Я понимала, что с головой выдаю себя, но не могла промолчать:

— Нам нужна магнезия

— О, вы и об английской соли знаете, я поражён Лейла, позже мы с вами обязательно это обсудим, а теперь давайте будем делать то, ради чего мы здесь

Я вопросительно посмотрела на доктора

— Спасать жизни, — ответил великий Джозеф Листер

И мы спасали, В процессе я рассказала, как можно использовать растительное масло, чтобы остановить распространение отравления. Конечно, надо бы проштудировать местные учебники, всё время хотелось сказать про токсины и сыворотку, но, похоже, что этих понятий пока не существовало.

Пока мы помогали больным снять интоксикацию, наступило утро и приехала комиссия. Пришли на работу и доктор Стен и интерн Шушель. Пришли дневные нянечки и нам стало полегче, но основной «удар» мы с доктором Джозефом приняли на себя.

Некоторые больные ещё чувствовали себя плохо, но никто не умер, задохнувшись, и это была наша победа.

Комиссия аудиторов состояла из шестерых человек. Конечно, деваться мне было некуда и я слушала, как доктор Джозеф рассказывал коллегам, как мы спасали людей.

Двое из них очень внимательно слушали. Один высокий крепкий брюнет лет тридцати пяти, с голубыми глазами и «веселыми» морщинками возле глаз, было видно, что он умеет и любит улыбаться.

Второй с рыжими волосами и бакенбардами, с небольшими залысинами и в пенсне, тоже крупный, причём не толстый.

Когда доктор Джозеф сказал, что по моей подсказке мы давали английскую соль пациентам, чтобы помочь вывести из организма

отраву, оба мужчины заинтересованно на меня посмотрели. И рыжий сказал:

— Джозеф, да у тебя здесь сплошные таланты. Вон молодой человек, — и он кивнул в сторону скромно потупившегося Шушеля, — недавно подал заявку к нам университет на работу по исследованию «антидиарейного вещества». Я посмотрел, весьма интересно, по описанию напоминает концентрированный морковный суп. Но описанные свойства позволяют предположить, что это большое открытие.

Глава 15

Я так устала, что у меня даже не было сил сказать, что это не правда, это не Шушель, это вообще суп Эрнста Моро.

Но здесь уже я сама виновата, надо было не откладывать, а сразу сообщить доктору Джозефу о том, что я использовала для лечения детишек морковный суп.

Но я снова не до оценила доктора Джозефа. Несмотря на усталость, доктор внимательно взглянул на Шушеля и сказал:

— Пьер, но разве рецепт этого супа не разработала мисс Лейла?

Рыжий доктор перевёл взгляд на Шушеля:

— Молодой человек, а вы указали, что тестирование лекарства проходило в этой больнице под руководством доктора Листера

И здесь наглости молодого интерна можно было только поражаться, потому что Шушель не моргнув глазом сказал:

— Конечно, в этой больнице, у меня есть адреса пациентов, тестирование проводилось с разрешения доктора Листера, а мисс Лейла тоже участвовала, как младший медицинский персонал.

— Все результаты, всё оформление было на мне, — продолжал Шушель

Я смотрела на «хорошего мальчика» и понимала, что он «далеко пойдёт». Ведь как получается, всё что Шушель сказал соответствовало тому, что было на самом деле, за одним исключением, никто, кроме меня здесь не знал, что такой рецепт останавливает диарею и восстанавливает микрофлору кишечника.

Рыжий посмотрел на Шушеля и сказал:

— Если доктор Листер не подтвердит, что тесты прошли и он готов подписаться под результатами, то мы не сможем пустить оформление по ускоренному варианту, как вы просили.

— И сколько времени тогда займёт оформление? — спросила я, поразившись тому, как хрипло от усталости прозвучал мой голос.

Рыжий посмотрел на меня и ответил:

— Не меньше шести месяцев, мисс. Если этим будет заниматься министерство, то может и дольше.

Я про себя подумала, что всё это время дети будут продолжать умирать. Доктор Листер сказал:

— Я подпишу, только, если патент будет оформлен на ту, кто действительно является автором рецепта

И посмотрел на Шушеля. И тут Шушель пошёл ва-банк. Глаза его зло сверкнули, и он сказал, противно растягивая гласные:

— У ми-исс Ле-эйлы нет ме-едици-ынского образования.

Потом обвёл присутствующих взглядом и сообщил:

— Она вообще в нашей больнице не числится.

Я устало привалилась головой к стене, вяло наблюдая за развернувшейся картиной. Возможно, если бы я не была такой уставшей, то я бы переживала, постаралась бы что-то сделать, но всё что мне хотелось в данный момент это лечь, и чтобы меня никто не трогал, хотя бы несколько часов.

Мне кажется, я всё же немного уснула, потому что сквозь сон я слышала резкий разговор, где Шушеля сначала спросили, он ли тот самый бдительный аноним, который сообщил о нарушении в больнице Листера. Похоже, что Шушель ответил утвердительно, потому что вскоре последовал звук удара, сопровождавшийся сдавленным стоном.

— Да что вы себе позволяете! — взвизгнул Шушель

Я открыла глаза. Посередине небольшого кабинета доктора Джозефа стояли оба незнакомых мне доктора, остальных членов комиссии видно не было. Высокий брюнет потирал кулак правой руки, а перед ним стоял Пьер Шушель и держался за левую щёку.

Доктор Джозеф сидел возле меня на небольшой банкетке.

Увидев, что я проснулась, доктор улыбнулся и сказал:

— Лейла, прости, не могла бы ты господам доктору Брюсу и Ван Эрменгему рассказать, что конкретно мы делали, чтобы оказать первую помощь пострадавшим от botulus.

Интерн Шушель сразу забыл про больную щёку и заинтересованно «наострил уши». Доктор Джозеф, заметив интерес Шушеля, отправил его работать:

— Идите, Шушель, работайте, больные ждать не будут.

Сперва меня удивила просьба доктора Листера, но потом я подумала, что доктор ничего не делает просто так, и я, попросив водички начала рассказывать.

Рыжего доктора звали Давид Брюс, а брюнета Эмиль Ван Эрменгем, оба были членами королевского общества Лондиниума, из которого не так давно исключили доктора Листера.

Доктора внимательно слушали, задавали вопросы. Что удивительно, ни один из них не задал вопрос, типа «откуда вы всё это знаете». Я видела, что им действительно было это интересно.

Но самым удивительным было то, что доктор Ван Эрменгем предложил мне работу. А если учесть, что доктор возглавлял госпиталь Святого Томаса, то это была для меня большая удача. Но, как я могла оставить доктора Джозефа. Его и так оставили так называемые «друзья», многие из них перестали с ним общаться, когда его сместили с поста главного врача центральной больницы имени Святого Георга и из королевского общества.

Так поступить с ним я не могла и отказалась. Тем более, что сертификата о сдаче экзамена на медицинскую сестру у меня действительно не было.

Что и выяснилось в ходе проверки.

После того, как я объяснила докторам принципы детоксикации с помощью английской соли, предназначения растительного масла в этом процессе, доктор Листер попросил их отпустить меня.

— Коллеги, девочка вторые сутки на ногах. Если надо я смогу ответить на все ваши вопросы.

И всё бы, наверное, обошлось, но ещё до того, как я успела уйти, в кабинет доктора Листера зашёл один из клерков, которые тоже входили в состав комиссии. И принёс документ на имя мисс Тусен, подтверждающий, что мисс прошла курс и может работать сестрой милосердия.

Доктор Брюс, выхватив из рук клерка этот документ, радостно воскликнул:

— Врун этот ваш Шушель, вот же документ мисс Лейлы
Мы с доктором Листером замолчали.

Доктор Брюс почувствовал неладное и переспросил:

— Мисс Лейла — это же ваш документ?

Я отрицательно покачала головой:

— Нет, доктор Брюс, это не мой документ.

Но доктор Брюс не собирался «сдаваться»:

— Но как же, вот же написано, ставка ночной медицинской сестры, мисс Роза Тусен...

Произнеся имя, доктор Брюс осёкся:

— Мисс Лейла?

Но ответил за меня доктор Листер:

— Я всё объясню.

Посмотрел на меня и попросил подождать в другом кабинете.

Своего кабинета у меня не было, и я пошла в каморку, где обычно можно было поспать, если ночь была спокойная. Только я там уснула, как пришла Надин.

— Ну вот, я же им сказала, что найду где ты, — радостно сказала она, — пойдём тебя доктор Джозеф зовёт.

Пришлось идти.

Я понимала, что сейчас услышу свой вердикт и узнаю, что со мной будет дальше.

По пути в кабинет встретила доктора Стена, который ободряюще мне улыбнулся. Я подумала: — «Вот не все такие как Шушель, и хороших людей всё-таки больше».

В кабинете доктора Листера меня ждали. На этот раз доктор Брюс сидел за столом Листера. Солнце, светящее из окна, отражалось в рыжей шевелюре и бакенбардах.

Я понимала всю серьёзность ситуации, но ничего не могла с собой поделать, это было очень смешно, и я улыбнулась.

Доктор Ван Эрменгем стоял немного в стороне вместе с доктором Джозефом.

— Мисс Лейла — обратился ко мне доктор Брюс, присаживайтесь

Я присела на стул, который поставил для меня Ван Эрменгем.

— Мисс Лейла, — продолжил доктор Брюс, — ситуация сложилась непростая.

Доктор Брюс, как мне казалось, испытывал неловкость оттого, что ему приходилось мне это говорить.

Несмотря на то, что мои умения не вызывали сомнения у сих достойных мужей от медицины, выписать мне сертификат, подтверждающий моё право работать без прохождения курсов, они не могли.

Но к экзамену меня допускали, тем более что моё имя уже было в списке. И это была хорошая новость.

Доктор Ван Эрменгем сказал, что ему, в сущности, всё равно есть у меня сертификат или нет, он готов оформить меня на работу на ставку младшего медицинского персонала. Это было что-то вроде того, чем занималась Надин. То есть я практически «отрезалась» от практики.

Я не боялась грязной работы и готова была выносить горшки, но, это всё равно, что забивать гвозди современным компьютером. Гвоздь то ты забьёшь, а вот будет ли это эффективное использование прибора, вот вопрос? Поэтому я не стала пока подтверждать, но и не отказалась.

Плохой новостью было то, что Джозефа Листера отстраняли от работы на неопределённое время, то есть до окончания разбирательства с подлогом документов.

Зато доктор Брюс, который оказывается был ещё и профессором военно-медицинского колледжа, обещал обеспечить меня учебниками.

— Ваши умения, мисс, не вызывают у меня сомнения, — сказал он, — я уверен, что вы блестяще сдадите экзамен.

Выходило, что ни я, ни доктор Листер больше пока не могли работать в нашей больнице.

Разобрались господа и с «морковным супом». К сожалению, совсем выкинуть из патента пронырливого Шушеля не получилось, но по крайней мере, патент будет оформлен на доктора Джозефа, я буду включена как гражданский помощник, а Шушель как интерн, осуществлявший регистрацию проведённых тестов.

Я настояла, чтобы суп был назван в честь того, кто его изобрёл в моём мире, обосновав тем, что после вываривания суп приобретает тёмно-коричневый оттенок, а слово Моро в переводе с итальянского как раз и обозначает этот цвет. Получился противодиарейный концентрат Моро. Такое название мы решили указать в заявке на патент.

Пусть не совсем справедливо получилось, зато я буду знать, что патент пройдёт ускоренную регистрацию и станет доступен для лечения больных деток. Это главное.

Когда вызвали доктора Стена и ему сообщили, что он становится временным исполняющим обязанности главного доктора больницы, то он пришёл в ужас, а когда он узнал, что меня тоже отстранили от работы, то попытался устроить скандал.

— С кем я буду работать? Вы что? А если как вчера ночью? А если авария на фабрике? — кричал всегда спокойный доктор Стен

В результате доктор Брюс пообещал отправить в помощь одного из своих врачей.

— Но ночную медицинскую сестру вам придётся нанять, — сказал он доктору Стену

Доктор Стен обречённо кивнул и умоляюще посмотрел на доктора Джозефа.

— Такую как Лейла нам не найти, — удручённо сказал он

И здесь меня огорошили ещё одной новостью, от которой я даже проснулась.

Оказалось, что экзамен перенесли на неделю раньше, потому что потом начинались какие-то благотворительные балы и королева хотела на них представить стипендиатов. У ней были большие планы на этот экзамен. Ей нужны были женщины-интерны.

— Так что, Лейла, — сообщил мне улыбающийся доктор Ван Эрменгем, — рассчитываю станцевать с вами на балу.

Глава 16

Я так устала, что даже думать о том, что мне придётся с кем-то танцевать мне не хотелось. Тем более, что на бал надо было что-то надеть, а у меня кроме серого платья и растоптанных башмаков ничего и не было.

Еле сдерживая зевоту, я попросилась, чтобы меня отпустили, потому что, во-первых, очень хотелось спать, а во-вторых, надо было решать вопрос с Даной. «Мы же в ответе за тех, кого приручили».

Сразу уйти не удалось, доктор Стен ворвался в кабинет и пока я не расписала как минимум две схемы восстановления после отравления *botulus*, меня не отпустили. Но был в этом и хорошее, доктор Брюс, почесав рыжие бакенбарды, сказал:

— Ни в коем случае не собираюсь уводить вас от доктора Листера, Лейла, но предлагаю свою лабораторию на базе колледжа для научной работы по *botulus*.

Я посмотрела на доктора Листера.

Доктор Брюс, верно угадав мои сомнения сказал:

— Я буду счастлив, если вы захотите работать совместно, но не настаиваю.

Я поблагодарила, тем более что у меня была задумка не только про токсины, но и про детские заболевания. Надо было привнести в эту реальность не только чужие достижения, но и свои. Детская медицина была очень слабо развита. И я могла это изменить. Не просто же так, я получила свой второй шанс.

Доктор Джозеф не был сильно расстроен, что его отстранили, потому как он мог продолжать практиковать в больнице, просто не мог иметь доступа к управлению. Его, как и доктора Стена, больше расстраивало, что я не могу работать.

То, что доктор Джозеф сможет продолжать осуществлять врачебную деятельность, сильно обрадовало доктора Стена и его лицо уже не выражало вселенскую скорбь великомученика.

Когда я, наконец, добралась до дома и до своей подушки, то даже не помнила, как уснула.

Проснувшись вечером, побежала к Дане. У меня появилась мысль, как можно ей помочь. Работа, на которую я хотела её предложить, была временная, но зато у Даны отдохнут глаза, а там можно что-то ещё подобрать.

С Йеном мы договорились что в течение двух дней он заедет за мной чтобы сделать перевязку. Значит ждала я его завтра с утра и до этого мне надо было переговорить с Даной. Я подумала, что ещё примерно две недели будет нужен медицинский уход для Майкла, неделю до снятия швов и неделю после. Научить Дану обрабатывать швы и перевязывать я смогу. Главное, чтобы она согласилась.

А за две недели, я думаю, что смогу помочь Дане с глазами. Было у меня подозрение, что она не просто так слепнет. Мой докторский слух сразу «зацепился» за то, что Дана сказала «с утра ещё ничего, а потом почти ничего не вижу, всё начинает расплываться». Надо было задать ей ещё пару вопросов, и если я получу на них утвердительные ответы, то с большой вероятностью это то, что я думаю, а именно воспаление или, как у нас его классифицировали неврит глазного нерва.

Девлчка жила в приюте, конечно судя по состоянию тела, которое мне осталось, питание было нормальным, а вот какое-нибудь простудное или вирусное заболевание могло дать осложнение, которое и привело к возникновению воспаления глазного нерва. И, возможно, так быстро бы заболевание не прогрессировало, но Дана попала в мастерскую, где приходилось всё время напрягать глаза и шить с плохим освещением.

В общем, в сопровождении обоих братьев, которые не отпустили меня одну, мы пошли в тот район, где Дана снимала комнату. Приятная старушка, хозяйка дома, подозрительно покосившись на мужчин за моей спиной, но при этом, улыбнувшись мне словно старой знакомой, сообщила, что Дана дома, но отдыхает.

Парни остались на улице ждать меня, а я прошла в дом

Дана сегодня снова ходила на работу, поэтому, когда она спустилась вниз, то я заметила, что Дана старается за что-то держаться, когда движется.

— Лейла, я рада тебя видеть, — проговорила Лана и то, как она поморщилась, снова навело меня на мысль, что это скорее всего неврит.

— Дана, у тебя болит голова? — спросила я
Дана кивнула, снова поморщившись.

— Когда она обычно начинает болеть?

Дана недоумённо взглянула на меня, но ответила, что каждый день ближе к концу рабочего дня, иногда раньше.

Я задала девушке ещё несколько вопросов, жалея, что не могу отправить её на мрт*.

(*МРТ — Магнитно-резонансная томография — один из методов неинвазивной диагностики внутренних органов)

Но что есть, то есть. Когда ничего нет, приходится выкручиваться. Но я уже была в медицине и тогда, когда не было таких приборов, и мы ставили диагнозы на основе практически ручных исследований.

Я спросила, где я могу вымыть руки, мне надо было пропальпировать* глаза Даны, чтобы понять, насколько сильное воспаление и затронуло ли оно уже оба глаза.

(*Пальпация («ощупывание» с латинского) — это клинический метод обследования пациента, выполняемый руками врача.)

Расспросы и прощупывание, всё это заняло у меня около пятнадцати минут, и с вероятностью девяносто пять процентов подтвердило тот диагноз, который я и думала. Теперь можно было назначить лечение. «Убивало» отсутствие антибиотиков и здесь я очень рассчитывала на лабораторию, которая скоро станет мне доступна и возможно, что у меня получится выделить пенициллин.

— Я, похоже знаю, как справится с твоей «слепотой», — сказала я, — вот только надо будет примерно от десяти дней до двух недель не напрягать глаза.

— Ну это невозможно, — сразу воскликнула Дана, — меня выгонят из швейной мастерской.

— Скорее всего, — согласилась я, — но, если ты ослепнешь, то тебя тоже выгонят, не так ли?

Девушка удручённо замолчала.

— Дана, у меня есть одна идея, но нужно твоё согласие, — начала я

— Я согласна, — не дав мне даже договорить, сказала Дана
Я улыбнулась: — «Вот же торопыга», а вслух сказала:

— Дана, у меня есть пациент, я помогаю ему в частном порядке, но не могу находиться там постоянно, отслеживая его состояние, и

поэтому они приезжают за мной, когда необходимо сделать перевязку.

Я посмотрела на Дану, та внимательно слушала, не перебивая, и я продолжила:

— У него есть сиделка, но мне она не нравится, неаккуратная, в медицине не разбирается.

— Я тоже не разбираюсь в медицине, — всё-таки не удержалась Дана

— Я тебя научу, — сказала я, — повязку сменить ты сможешь.

Внимательно посмотрела на Дану и договорила:

— Как раз постельного ухода этому пациенту осталось примерно на две недели, если они согласятся взять тебя на это место, то это будет большой удачей. И заработаешь. и сама полюбишься, и глаза твои отдохнут.

И здесь мне пришла в голову мысль об особенностях некоторых людей, о которой я всегда забывала:

— Ой, прости, я не подумала, может быть, ты крови боишься?

Дана замотала головой:

— Нет, помнишь, в приюте мы же вместе с тобой тогда помогли Тине, когда она упала и разодрала ногу так, что девочкам стало плохо.

Этого я, конечно, не помнила, но кивнула, улыбнувшись.

Договорились о том, что я завтра поговорю со своим пациентом и, если они согласятся нанять Дану, то постараемся встретиться вечером, чтобы Дана не пропускала работу.

Я записала Дана несколько рецептов, то, что она могла начать делать прямо сейчас. Кстати, у её хозяйки оказался неплохой запас лекарственных травок, которыми та с радостью была готова поделиться с «бедной девочкой».

Я пока отобрала цветки ромашки, василька, который был бы, пожалуй, даже посильнее, не было, но зато был укроп. Написала, как сделать отвар и тёплый компресс. Но, конечно, нужно было искать календулу, чтобы сделать делать капли, и, главное, исключить на время лечения шитьё в полутёмной помещении.

Хозяйка, которую звали миссис Молли. Улыбающаяся старушка наотрез отказалась называть фамилию, и просила называть её по имени, узнав, что я врач тут же начала задавать мне вопросы про свои симптомы. Никакие мои уверения, что я ещё не врач, не могли её переубедить.

Я каждый раз удивлялась, как люди неважно в каком веке и мире они живут готовы верить случайной информации о методах лечения, а не идти ко врачу. Возможно, здесь это происходило потому что уровень медицины был ещё не высок, а вот стоимость иногда была непомерно высокой. Именно потому во все века в медицине всегда было много аферистов, предлагающих «чудо-лекарство» от всех болезней.

В общем Дану я пристроила. Когда на следующее утро за мной приехал Йен и повёз меня снова в красивый особняк, где уже гораздо менее бледный Майкл поедал овсяную кашу на завтрак, по дороге я предложила ему на две недели взять мою протеже, пообещав всему научить девушку и поручившись за неё.

Йен сразу спросил:

— Эта твоя приютская которую ты от мадам спасала?

Я кивнула, скрывать мне было нечего. И с одной стороны, я понимала, что даю господам «бандитам», козырь, который они могут использовать против меня, а с другой, выхода другого я не видела.

— Ладно, — проговорил Йен, — денег ты не берёшь, пусть это будет наша оплата твоих докторских услуг, всё же Майкла ты похоже вытащила.

И увидев Майкла, я поняла, что кризис прошёл, теперь надо будет снять швы и надеяться, что окончательное заживление тоже пройдёт без проблем.

К сожалению, в нашей больнице шили ниткой, пусть и шёлковой, но она, конечно, не рассасывалась самостоятельно. И эту проблему мне тоже предстояло решать, найдя подходящий кетгут.

(*Кетгут — рассасывающийся хирургический шовный материал животного происхождения)

Но сначала надо было сдать экзамен.

Глава 17

Время до экзамена пролетело незаметно. Казалось, вот только что была целая неделя, и мне даже не надо было ходить на работу, хотя по ночам я всё равно бегала в больницу.

Главное было не пересечься со стукачом Шушелем, но он ночами и не работал, зато мы виделись с доктором Стеном, навещала больных и даже два раза пересеклась с доктором Листером. Он мне кое-что по учебникам объяснил. Братья Белтоны ворчали, но всегда сопровождали меня, не отпуская одну.

И вот за два дня до экзамена, доктор Джозеф, смущаясь сказал:

— Лейла, я тут с супругой посоветовался, у неё есть платья, которые она носила в молодости. Если ты не побрезгуешь, то можешь к нам прийти, забрать.

Я чуть было не бросилась его обнимать.

— Доктор Джозеф, я с большой радостью, вы меня очень выручите

Доктор, всё ещё смущаясь, улыбнулся и проговорил:

— На бал, наверное, они не подойдут, но на экзамен в присутствии королевы будут в самый раз.

А я подумала, что, если меня и вправду позовут на бал, и мне придётся идти в своём, то я не буду стесняться. Это не я должна стесняться своей нищеты.

В общем, когда настал день экзамена, у меня было целых три «новых» платья и туфли.

Платья были довольно простыми, но элегантными, и на моей фигурке смотрелись весьма привлекательно, хотя я предпочла бы что-то более серьёзное. Какой-нибудь костюм. Но выбора особо не было, поэтому надела тёмно-синее платье с белым воротничком, отбелить который мне помогла Элис, притащив какой-то страшно вонючий порошок, и не подпустила меня на кухню, пока кипятила бельё.

— Заодно уже и своё прокипячу — сообщила мне Элис, — чтобы зазря не тратить.

У меня было подозрение, что средство содержало аммиак. Но я не стала пока заниматься выяснением этого вопроса.

После стирки и просушки запаха не было и это меня устроило.

У платья был длинный рукав, сама длина платья была на две ладони ниже колена. Конечно, многие носили платья длиннее, но что поделаешь, ростом супруга доктора Листера была пониже, поэтому на мне платье село по-другому.

Но я подумала, что на экзамене, если он будет письменный, несколько вызывающая длина не будет так бросаться в глаза.

И вот настал день экзамена, и я прибыла в здание Королевского университета Лондиниума. Спасибо огромное доктору Листеру. Мы с ним встретились в больнице и поехали вместе.

На входе в Университет проверили документы, и чуть было не завернули меня обратно, ведь у меня не было настоящего документа, только метрика. Но доктор Листер помог, и нас пропустили. На территории Университета было много людей. Молодые люди, видимо, студенты, ходили группками, было много зелени, какие-то скульптуры, но меня что-то начало знобить, и я просто шла за доктором Джозефом, не замечая ничего вокруг.

Я не ожидала, что буду так переживать. Видимо, сыграл тот факт, что это единственный шанс сдать экзамен и сразу получить статус интерна, потому как накопить тысячу крон не представлялось возможным.

Экзамен проходил в зале медицинского факультета. Помещение было большим, света было много, потому что окна были просто огромные с красивыми витражами, на которых были изображены различные сцены из истории медицины. Посередине зала стоял большой стол для комиссии и три небольших, на одного человека, стола для экзаменующихся. В торце зала было небольшое возвышение и на нём было установлено два кресла с высокими спинками, украшенные покрывалом с гербом Британии, золотогривый лев, стоящий на двух лапах.

Я подумала, что, вероятно, эти кресла как раз для королевы и для короля. Высказала это вслух, но доктор Листер, взглянув на меня ответил:

— Мисс Лейла, наш король уже год, как не посещает мероприятия, у него проблемы с коленями, хотя, — доктор Листер хитро улыбнулся, — об этом официально не сообщается, а вот королева Анна, которая и курирует медицину, обязательно будет. А два

кресла, скорее всего потому, что королева может прибыть не одна, её часто сопровождает старший сын.

Экзаменующихся было трое, я, ещё одна девушка и серьёзный молодой человек. Нас вызвали сразу всех троих. Но экзамен не начинали, ждали королеву. И примерно через час, двери распахнулись.

И в установившейся тишине голос организатора произнёс:

— Королева Британии Анна Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая, герцогиня Гентская и принц Максимилиан Август, герцог Кентский.

Все замерли, ожидая. И вскоре в зал вошла высокая женщина, в серо-зелёном, вышитом серебром, платье. Все клонились в поклонах, и я тоже.

Рядом с королевой, поддерживая её за руку шёл мужчина, на нём был чёрный камзол до середины бедра, чёрные брюки, в целом он весь был какой-то мрачно-чёрный. Высокий плечистый брюнет.

Но когда я подняла глаза и увидела его лицо, обезображенное страшными шрамами, скорее всего от ожогов. Я поняла, что знаю эти шрамы. Я их уже видела и даже назвала этого человека уродом.

Глава 18

Королева с принцем чинно проследовали к возвышению, принц помог королеве подняться и усадил её на одно из кресел. Сам, однако, не стал садиться, а встал рядом с креслом королевы, немного позади.

Организатор, дождавшись, когда высокие гости усядутся, вышел в центр зала, оказавшись между столом для комиссии, столиками для экзаменующихся и стоя лицом к возвышению. Низко поклонился и произнёс:

— Ваше Величество, вы позволите?

Королева махнула рукой, в которой был зажат белый платочек.

Я подумала: — «Прям рыцарский турнир»

Вначале организатор объявил, что проводится экзамен на стипендии, у учреждённой благословенной королевой, впервые на экзамен по рекомендациям известных медиков допущены девицы.

Что стало для меня откровением и преисполнило и так огромный долг перед доктором Листером, так это то, что за каждую девицу должно было поручиться не менее трёх докторов, состоящих в Королевском обществе Лондиниума. Я даже представить себе не могла чего это стоило доктору Джозефу. К кому ему пришлось идти на поклон.

После объявления того, зачем мы все сюда собрались, организатор представил королеве и её сыну членов экзаменационной комиссии.

В её состав входили профессор королевского университета доктор Ричард Катон*. Мне показалось, что одно имя мне знакомо, будто бы такое же было и в моём прежнем мире.

(* прим автора. Это реально существовавший человек, известный хирург Ричард Катон — английский физиолог и хирург, член Лондонского королевского общества.)

Следующее прозвучавшее имя принадлежало главному врачу госпиталя Святого Варфоломея сэру Чарльзу Гаррету

И третий член экзаменационной комиссии был самым молодым из трёх. Его представили как Джон Абернети, хирург и преподаватель анатомии в Королевском колледже хирургов Лондиниума.

В конце организатор стал представлять нас. Первым был представлен молодой человек, звали его Чарльз Брайт. Следом представили девушку, Элизабет Гаррет.

Я обратила внимание, что фамилия девушки совпала с фамилией одного из профессоров, заседавших в комиссии, и мне показалось, что мужчина недовольно поморщился.

Я подумала, что вряд ли отец одобрил, чтобы девчонка сдавала экзамен. Наверное, она пробивная и сама пробилась сюда через голову отца.

И наконец дошли до меня.

— Мисс Лейла Кроули, выпускница приюта Святой Анны, — объявил организатор.

Я встала и поклонилась. И в этот момент просто физически ощутила, как стоявший до этого довольно расслабленно принц, вдруг стал напряжённым и уставился на меня так, словно хотел «разобрать меня части».

«Может не узнает, — пришла трусливая мыслишка»

Но, конечно, надежды на это было мало. Вон у него какой взгляд цепкий, а мы в том доме стояли друг от друга меньше, чем в метре.

Интересно, а он, наверное, тоже не заинтересован, чтобы информация о его «пристрастиях» выходила за пределы. Поэтому буду делать вид, что я вообще не в курсе кто, когда и что.

Экзамен начали, и он оказался устным. Надо было подойти к столу и выбрать билет. Давалось пятнадцать минут на подготовку, после чего надо было вставать и рассказывать, отвечая на вопросы комиссии.

«К чему такая скорость? — подумала я, — неужели из-за того, что у королевы нет столько времени, чтобы ждать пока экзаменующиеся подготовятся»

Я шла третьей. Взяв свой билет, отошла обратно к своему столику. Перевернула и увидела вопрос: Кровообращение человека.

Для меня это был один из «сложных» вопросов. Потому что мои знания были гораздо шире, чем понимание темы кровообращения в этом времени. И, если я отвечу лишнего, это может быть расценено, как ошибка.

Здесь всё в основном было основано на труде Уильма Гарвея, который достаточно полно объяснил систему кровообращения и

принцип работы сердца. Это он первым вывел два круга кровообращения. И это было хорошо, но темы артериального и венозного давления раскрыты ещё не были.

Ну у меня было пятнадцать минут, чтобы «вспомнить», что написано в местных учебниках.

Я довольно быстро набросала себе план ответа и стала вслушиваться, что отвечает молодой человек, Чарльз Брайт, которого вызвали первым.

Ему, судя по всему, достался вопрос о методах диагностики воспалительных процессов в брюшной полости и как отличить воспаление от отравления.

Под воспалением живота здесь понимали аппендицит, но называли его псоит, трактуя, как воспаление мышц или, если у женщин, то послеродовые осложнения. Операции, как я поняла пока были единичными, потому что смертность была очень высокая. И хирурги предпочитали не браться за операцию, а лечить консервативно

Мне понравилось, как парень ответил, чётко, по существу, будто бы сам делал такие операции. Подумала о том, что надо бы с ним познакомиться поближе и поговорить.

Он привёл новое мнение, некоего хирурга и патолога, что данное заболевание есть воспаление слепой кишки. И рассказал об основных симптомах и основных отличиях.

Я смотрела на отвечающего, но чувствовала, что кто-то в упор смотрит на меня. Чуть скосила глаза на возвышение, никто на меня не смотрел.

«Вот чёрт, надумала себе лишнего, — с облегчением решила я и немного расслабилась, — вот же самомнение у меня. Будет принц переживать из-за какой-то приютской девицы.»

Девушка до меня отвечала уверенно, хорошо поставленным довольно низким для женщины голосом. Ей досталась тема акушерства и, в частности, послеродовых осложнения.

Мне понравилось, что девушка много приводила примеров, не побоялась сослаться на антисептическое учение доктора Листера, чем вызвала несколько провокационных вопросов от своего отца. Но с честью ответила на все.

Настала моя очередь. Я ответила чётко по учебнику. И заметила, что лица экзаменаторов стали скучающе скептическими. Мол «что ещё

ждать от выпускницы приюта».

И тогда я решилась. И добавила к уже вышесказанному, что Движение крови по сосудам осуществляется, главным образом, благодаря разности давлений между артериальной системой и венозной.

В зале установилась «громкая» тишина.

И вдруг со стороны стола экзаменаторов раздались хлопки. Это хлопал самый молодой из трёх мужчин, Джон Абернети.

— Я не знаю, мисс, откуда вам удалось это узнать, я сам недавно только услышал это на практически закрытом заседании медицинского совета Королевского общества. Но bravo! Я принимаю и засчитываю ваш ответ

Но сэр Чарльз Гаррет, явно раздражённый тем, что его дочь тоже смогла ответить на все вопросы, решил, что одной женщины стипендиатки будет достаточно и задал мне вопрос, на который, по его мнению, точно не могла знать ответа.

Но это он так думал. Вопрос касался бактериологии, которая только-только начала развиваться, ещё оптические приборы не позволяли увидеть микробы, и появились первые статьи о неких малых организмах, которые вызывают брожение*, которые останавливаются после стерилизации.

Я не стала рассказывать всю микробиологию, только привела небольшие примеры, якобы из собственной практики.

— И вы тоже считаете, что это «невидимки» — с усмешкой спросил он

(*Открытие французского химика Луи Пастера, что живые организмы являются причиной брожения, является основой для современной микробной теории болезней и антисептического метода лечения.)

Я слегка растерялась, не зная, что я могу ответить, а что нет.

— Чарльз, — вдруг воскликнул, до этого сидевший молча третий экзаменатор, — девочку учил Джозеф Листер, конечно, она считает, как и он, что это «живые невидимки»

И оба профессора расхохотались.

Я поняла, что скорее всего я экзамен не сдала. Интересно, а меня пропустят на практическую часть?

Глава 19

Вдруг раздался голос со стороны возвышения. И голос этот я тоже узнала.

— Господа, — громко и чётко произнёс принц, — я не собираюсь принижать ваши знания медицины, но разве не является Универсализм одним из четырёх моральных принципов*, определяющих ценность науки?

(Прим. автора — здесь принц делает отсылку к четырём моральным принципам (Коллективизм, Универсализм, Бескорыстность и Организованный скептицизм), которые в нашей с вами реальности были разработаны гораздо позже)

И так это сильно прозвучало, что я даже залюбовалась принцем, сразу засомневавшись, что в том доме был именно он. Хотя и шрамы, и голос были теми же самыми.

Меня всегда поражали мужчины, с одной стороны, они могли быть потрясающе талантливы и полны самых прогрессивных идей, а с другой, сильно зависели от тестостерона. Но я не могла не признать, что чем выше был уровень этого мужского гормона, тем успешнее и ярче был мужчина. И, конечно, такие яркие мужчины не могли обходиться без женского внимания.

В общем, к практической и письменной части меня допустили. Королева с принцем уехали сразу после первой части экзамена.

После практической части, проходившей в анатомическом театре, располагавшемся в отдельно стоявшем здании здесь же на территории Университета, был объявлен перерыв.

Меня поразило, как много людей собралось на скамейках театра, который был выстроен в форме «цирка». По центру амфитеатра был расположен стол, размером в человеческое тело средних размеров, вокруг располагалась галерея для зрителей, с поднимающимися трибунами.

Нам выдали специальные фартуки и перчатки, и мы, собственно, должны были осуществить препарирование и разъяснить что это за орган и для чего он нужен.

Мне показалось, что и Чарльз Гаррет, и Ричард Катон, те, кто смеялся надо мной и теорией бактерий, злорадно посматривали на меня и вторую девушку, Элизабет. Но, в результате, и я, и Элизабет, отчего-то я гордилась и за себя, и за неё, с честью прошли это непростое испытание, а вот Чарльз Брайт еле сдержал тошноту и это скрыть не удалось.

Во время перерыва мы разговорились с Элизабет. Она действительно была дочерью Чарльза Гаррета. Получила хорошее домашнее образование, но не собиралась «хоронить» себя, занимаясь только домашним хозяйством.

Мне её идеи где-то напомнили идеи земных суфражисток. Безусловно, я была за то, чтобы женщины имели равные права с мужчинами и право голоса, но я категорически не поддерживала их методы, больше похожие на терроризм и вандализм.

Но я не стала переубеждать Элизабет, в некоей ошибочности этих идей. Но сказала, что я рада, познакомится с такой талантливой и пробивной девушкой, не побоявшейся обратиться к королеве, чтобы её включили в экзамен, потому что отец отказался оплачивать «безумные» идеи дочери.

Письменная часть, назначенная после обеда, проходила в присутствии только организатора, потому как экзаменаторы уже не вернулись с обеда.

У нас было два часа на то, чтобы написать эссе, некое сочинение на тему, что я собираюсь делать, и в каком направлении медицины планирую развиваться. Я написала про педиатрию, обозначив, по крайней мере, две уже известные практические идеи, связанные с вакцинацией. Здесь уже знали о пользе вакцины, и успешно прививали всех от оспы, но я хотела пойти дальше и всё-таки внедрить вакцинацию младенцев от туберкулёза и других инфекционных детских болезней.

Когда экзамен закончился, был уже вечер. Доктор Джозеф меня не дождался, но на выходе из Университета меня встречали братья Белтон.

Я их сначала не заметила, но вдруг в сумерках прозвучало:

— Мисс Лейла, вы куда так побежали?

Я так обрадовалась, потому что, денег с собой на извозчика не взяла, видимо, стресс, всё-таки, отключил рациональную часть мозга,

а идти из центральной части Лондиниума в ИстЭнд было достаточно далеко. И по пути были районы, по которым и днём-то ходить было опасно.

Подбежала к братьям, воскликнула:

— Какие вы молодцы!

Том, смущаясь произнёс:

— Да это всё маманя, она прислала. Сказала «идите и без мисс Лейлы не возвращайтесь». А вы так долго там, мы уже часа два здесь стоим.

И вдруг мне показалось, что кто-то на меня смотрит. Я обернулась, но всё, что я увидела это чёрный автомобиль, припаркованный неподалёку.

Внутри кто-то сидел, но кто, видно не было.

Я решила, что кто-то из руководства Университета задержался и его ждут. У меня из всех знакомых с автомобилями были Йен и мадам Лестар. Но у мадам Лестар автомобиль был без верха с кокетливой белой полосой через всю поверхность, а здесь автомобиль был гораздо больше по размеру, с квадратной крышей и абсолютно чёрный.

Мы с братьями наняли кэб и поехали домой. Есть хотелось ужасно. Так устала, что даже не сильно переживала за результаты экзамена, которые должны были объявить через два дня.

Я не была до конца уверена, что получу звание интерна, но была благодарна за возможность сдать экзамен, и теперь мне стала понятна такая высокая стоимость. Всё-таки задействовано достаточно много людей, анатомический театр и организация процесса.

Я, когда ещё изучала историю анатомии, поражалась, что в восемнадцатом и девятнадцатом веках Университеты платили высокую цену за трупы. И с этим даже были связаны истории, что родственникам умерших приходилось первые недели охранять могилы, чтобы исключить воровство.

Дома пахло пирогами, скорее всего Элис, чтобы порадовать меня испекла мой любимый пирог с черникой. Это, кстати, я её научила. Черника была недорогая, росла в каждом дворе, она была очень сладкая, поэтому пары ложечек мёда было достаточно, чтобы получилось вкусно.

Увидев меня, Элис, как и обычно вздохнула, сообщив всем, что скоро меня «будет уносить ветром» и, прикрикнула на Тома, который

уже собирался усесться за стол, чтобы он шёл и мыл руки. Это тоже были «последствия» моих рассказов о пользе гигиены рук. Поэтому и Том, и Барни укоризненно на меня посмотрели.

Я тоже пошла мыть руки и слегка освежиться после тяжёлого дня, и пока собиралась к ужину, думала о... принце. Интересно, что с ним произошло. У кого бы спросить, чтобы не вызвать подозрений.

Сперва решила спросить у своих. После ужина, за которым собралось всё семейство Белтон, Элис расспрашивала меня о том, как проходил экзамен, и я упомянула, что видела королеву и старшего принца.

Элис оживилась и спросила:

— И что, он и вправду похож на чудовище?

Я отрицательно помотала головой и сказала:

— Нет, просто у него шрамы, как от ожогов. Не пойму, где он мог такие получить?

На это Элис всплеснула руками и укоризненно сказала:

— Вам что совсем ничего в вашем приюте не рассказывали?

Я расстроено улыбнулась и снова отрицательно покачала головой

— Раньше-то он был красавец, наследник, женился, родилась у него дочка. Они с женой отдыхали в летней резиденции и там случился пожар, и наш принц-то, успел спасти только девочку, а за женой кинулся, да не успел, говорят, его самого еле вытащили.

Элис подлила мне и себе компота, который она варила из шиповника. И продолжила рассказывать:

— Думали, что не выживет. А он выжил, только вот весь такой обожжённый.

— А дочка? — спросила я

— Жива-жива девочка, — сказала Элис, но заметив мой взгляд, добавила:

— Не пострадала дочка, это он жену не успел вынести. Говорят, корит себя до сих пор, Вон даже от трона отказался в пользу младшего брата, — закончила Элис.

Я подумала: — «А вот такого в нашей истории не было»

И ощутила себя в другом мире.

А через два дня из нашей больницы за мной прислали мальчишку, с просьбой обязательно прийти.

— А что там? — спросила я его, передавая мелкую монетку.

— Спасибо, мисс, — мальчишка-подросток пытался говорить басом, но голос у него срывался на тоненькие нотки, — но я не знаю, мне сказали «беги и скажи, чтобы мисс Лейла пришла»

Глава 20

Была первая половина дня, братья Белтон ещё были на работе, и я пошла в больницу одна.

В больнице было на удивление тихо. Не любила я такие затишья, обычно после такого всегда что-то происходило. Но, возможно, здесь это «работает» по-другому.

В коридоре я встретила Надин, которая протирала полы. И так это мне напомнило сцену из той прошлой жизни, когда я приходила в свою больницу, поднималась в одно из отделений и там ровно по графику, нянечки протирали пол, пахло тоже по-медицински, не так как здесь, карболкой, но и местный запах антисептика, который использовал доктор Листер, был для меня уже родным.

Постучала в кабинет, осторожно открыла дверь.

— А, мисс Лейла, — обрадованно воскликнул доктор Джозеф, — как хорошо, что вы пришли.

Посмотрел на меня и улыбнулся.

— А у меня для вас письмо из Университета, — торжественно проговорил он.

Из-за двери слышался шум, как будто кто-то тёрся возле двери.

Доктор Листер прошёл к двери и распахнул её. За дверью обнаружились... все. Все нянечки, доктора, даже Шушель пришёл.

Пришлось впускать всех. Я умилилась, что все так переживали, а некоторые, вроде Шушеля может пришли позлорадствовать, если вдруг меня не приняли. Но где-то внутри зрела надежда, что, если бы не приняли, то вряд ли бы стали тратить такую дорогую бумагу на бесплатного кандидата.

На конверте стояла печать Королевского Университета Лондиниума, на которой был изображён герб Университета: раскрытая книга и под ней круг из крон деревьев, посередине которого сияла золотая звезда.

Немного полюбовавшись на сам конверт, сделанный из дорогой плотной бумаги жёлтого цвета, я открыла его. Внутри было две больших бумаги и один маленький запечатанный конверт без подписи.

Никогда не думала, что буду так переживать. Посмотрела на доктора Листера, который, похоже, переживал не меньше.

Все, затаив дыхание, смотрели на меня. Я перевернула бумагу, строчки прыгали перед глазами.

Вдруг из коридора раздалось:

— Доктор Стен, там вас зовут

Доктор Стен, который тоже стоял здесь, крикнул в ответ:

— Сейчас

И умоляюще сложив брови домиком, обратился ко мне:

— Ну же, мисс Лейла, давайте, интересно же.

Я набрала воздух и попыталась сфокусироваться на том, что написано на бумаге.

«Мисс Лейла Кроули,

Настоящим уведомляем вас, что вы успешно сдали экзамен на звание интерна и должны отработать не менее года в любой из больниц Лондиниума по указанному ниже списку. По истечении года практики вам может быть предложено поступление в Университет на очное отделение или прохождение обучения экстерном, со сдачей экзамена»

Далее действительно шёл список больниц. А ещё в конце была приписка: *«Если вы по каким-то причинам не сможете проработать интерном в течение года, то на вас будет наложен штраф в размере трёх тысяч крон.»*

Доктор Стен обрадованно хлопнул меня по плечу:

— Я надеюсь, что ты выберешь нас, хотя, конечно, где-нибудь в центре работать престижнее.

Я оглянулась на доктора Джозефа и сказала:

— Если меня возьмут в эту больницу, я буду счастлива.

Все начали меня поздравлять. Кабинет доктора Листера стал похож на «жужжащий улей». И вдруг посреди всего этого раздался злой голос Пьера Шушеля:

— Но в нашей больнице всего одна ставка интерна.

Все резко замолчали и посмотрели на него.

Заговорил доктор Джозеф:

— Это правда, но я собираюсь подать прошение о расширении. Посчитал, поток больных у нас увеличился, люди в последнее время стали больше предпочитать нашу больницу, теперь сюда идут не

только те, кто совсем не может заплатить, но и те, кто может и кому важно качество.

Доктор Джозеф сделал небольшую паузу и сообщил:

— Возможно даже откроем кабинет платного приёма

Все снова дружно загалдели. Переработки были у всех, людей действительно не хватало.

— А вы, доктор Джозеф, — спросила я, — с вас, когда снимут отстранение?

Доктор Джозеф улыбнулся: — Мне по секрету шепнули, что на днях.

Я перевернула второй лист. Это была экзаменационная ведомость, в которой стояли оценки за экзамен.

Как я и предполагала, Чарльз Гаррет занизил мне оценку за устный экзамен, но за практику поставил высший балл.

А вот к моему эссе был комментарий, что «выбор сделан верно, женщины должны заниматься детьми». Мне захотелось закатить глаза. Но я любила педиатрию, и эта область медицины была мне ближе всего.

Конверт без имени я решила вскрыть потом, дома.

Спросила доктора Джозефа:

— Когда я смогу начать работать?

Доктор пообещал, что за несколько дней со всем разберётся и скорее всего с понедельника я смогу начать выходить.

Я спросила, можно ли мне пока выходить на ночные дежурства. Насколько я знала, доктор Стен пока так никого и не нашёл.

Принципиальных возражений, кроме лишней бюрократии, принять на работу на ставку ночной сестры, а потом перевести, когда появится ставка интерна, не было. И я снова стала ночной сестрой, но уже с документом.

Так у меня появился мой первый рабочий контракт. Я решила, что это надо «отметить» и обязательно рассказать Тине, а заодно потребовать с приюта все причитающие мне «выпускные» вещи.

Поэтому домой не пошла, а пошла в приют.

Погода была хорошая, настроение ещё лучше. По дороге я купила в магазине конфет, подумала, что оставлю Тину, а она угостит девочек.

Уже, подходя к приюту, пожалела, что пожадничала и не взяла кэб. Сильно натёрла ногу ботинком.

Обувь здесь была очень дорогая, поэтому я не рассчитывала на быструю покупку, по крайней мере до того, как получу первую зарплату в качестве интерна. Не знаю будет ли разница в деньгах между мной и Шушелем, но Шушель получал что-то около тридцати крон в неделю, плюс можно было брать ночные дежурства, как доктор Стен и за это тоже шла доплата, а на эти деньги вполне можно жить.

В приюте было обеденное время, меня на воротах узнали, но сначала не хотели пускать, только когда я сообщила, что мне к директрисе, тогда пропустили.

Поэтому сначала пришлось идти к мадам Стинк.

Мадам Стинк в кабинете была одна. Ну я и не наделась, что нотариус будут сидеть там каждый день.

Мне показалось, что мадам Стинк ещё больше потолстела или скорее отекала.

— Лейла, — воскликнула она так, как будто увидела родную дочь, — как я рада, что ты пришла.

Мадам встала из-за стола и раскрыла мне объятия. Я не успела увернуться, мадам Стинк при всей её комплекции была весьма шустрой, и она прижала меня к своей широкой груди.

Когда мне, наконец-то, удалось вывернуться, мадам Стинк уже сделала выводы:

— Что-то ты исхудала, Лейла, видно не очень жирно живётся в самостоятельной жизни.

Ну я решила, что ругаться мне с ней не выгодно и не стала высказывать всё, что я думаю о её способах пристраивания, фактически, детей «на работу», просто сказала:

— Да это у меня организм такой, хоть с утра до вечера пироги ешь, ни за что не потолстею.

И пока мадам Стинк снова на что-то не отвлеклась, я сообщила:

— Мадам Стинк, я устроилась на работу и теперь готова получить всё, что мне причитается по выпуску из приюта.

Лицо мадам Стинк моментально преобразилось. Тонкие губы поджались, глазки сощурились, и она выдала:

— А приют тебе ничего не должен, всё, что ты должна была получить на выходе ты получила.

«Вот же женщина жадная, двух простыней пожалела,» — подумала я

И достала тетрадочку, в которую переписала всё, что мне показал господин Петифо.

И добавила:

— Если вы запомнили, то я схожу к нотариусу и уточню

И здесь мне пришла в голову мысль, и я решила её проверить:

— Да, и насчёт Даны Верн тоже

И здесь эта мадам Вонючка мерзко улыбнулась и спросила:

— А этой то зачем? Она вроде бы пристроилась

«Ага, — подумала я, — так вот кто доносит обо всех мадам Лестар и в этот момент я решила, что раз уж судьба мне улыбнулась и меня должны пригласить на благотворительный бал, то я подойду к королеве и всё ей расскажу. Сделаю всё, чтобы эту жабу убрали из приюта»

В результате мадам Вонючка отдала мне всё, что мне причиталось, а Дана велела прийти сама.

И я пошла искать Тину и девочек. Нашла их во внутреннем дворе. Теперь для меня это была не просто встреча, теперь я хотела всем показать, что есть другая жизнь. Более сложная, но возможная. Была у меня идея, и если мне удастся её пробить, то многим девочкам станет не так страшно покидать стены приюта.

Все обрадовались, увидев меня, конфетам, правда, обрадовались больше. Тина даже расплакалась, когда узнала, что мне удалось сдать экзамен, я буду работать интерном и получать огромные деньги. И что самое главное, заберу её, в мае, когда ей исполнится восемнадцать лет.

Тина даже на девочек посмотрела так, будто бы её только что удочерили.

— Тина, — попросила я девочку, — я хочу помочь не только тебе, но и остальным и, возможно, что мне удастся это сделать. Ты только не хвастайся, что тебя заберут, а остальным придётся бояться «взрослой жизни», но и не говори пока, что я что-то придумала для всех, просто поддерживай всех тем, что там за пределами приюта, можно устроиться и без помощи мадам Лестар.

Тина пообещала, но мне показалось, что девчонке будет сложно удержаться о не похвастаться, что её-то точно заберут.

Вышла я из приюта, с увесистым мешком, оказалось, что «приданное» выпускницы, это не так уж и мало. И, если подумать, то

об этом позаботилась королева. Значит у меня есть шанс, если получится с ней поговорить.

Домой я почти бежала. Мне же сегодня на работу ночью, да ещё я обещала, что зайду к Дане, проверю и расскажу ей про работу сиделкой. Завтра с утра должен заехать Йен и можно как раз договориться чтобы взять с собой Дану.

Прибежала к дому, бросила тяжёлый мешок с «приданным» и уже собиралась идти к Дане, как меня поймала Элис и сообщила, что пока я не поем она никуда меня непустит.

В этот момент мой живот издал жалобный стон. Есть хотелось очень и рассказать все радостные события тоже. В результате я и ела и, глотая рассказывала, что сдала экзамен.

Миссис Белтон вместе с мистером Белтоном порадовались, а Том, как всегда, выразил общее мнение с братом, который не очень любил говорить:

— У нас теперь будет свой врач в семье.

И я тоже расплакалась, поняв почему плакала Тина. Это так важно, когда ты знаешь, что не один.

И потом Том и Барни пошли меня провожать к Дане.

А вот про конверт без надписи, пришедший вместе с документами о сдаче экзамена, я забыла.

Глава 21

У Даны её хозяйка усадила нас на пить чай. В результате тот кусок пирога, который мы принесли для Даны, был съеден всеми нами. Пока парни развлекали хозяйку Даны разговорами, мы с ней присели у неё в комнате поговорить.

Дане было страшно, потому что надо было решать, или она завтра едет и становится сиделкой, или снова выходит на работу в швейную мастерскую. Потому как, если она не выйдет, то вполне возможно, что её могли и уволить.

Мы всё обсудили и решили, что с утра она попробует отпроситься, конечно, ей уменьшат оплату, но я рассказала Дане о «приданном», которое ей «задолжала» мадам Стинк и те несколько монет, которые ей полагаются, явно компенсируют потери, если Дана всё же не решится поменять профессию.

Но ради здоровья, надо что-то менять, глаза-то всё равно надо вылечить.

Потом братья проводили меня в больницу, и я с радостью окунулась в привычный мир.

Ночь прошла на удивление спокойно, даже получилось пару часов поспать. Дежурил доктор Варчовски, и поначалу я опасалась, что он будет строго со мной спрашивать и не позволит помогать больным чуть больше, чем ожидается от просто медицинской сестры. Но доктор сразу обозначил, что Стен его друг и, если я не против, то он вообще только за любую помощь.

Доктор Варчовски был примерно такого же возраста, как и доктор Стен, чуть старше тридцати пяти лет, полный, семейный, слегка лысоватый на макушке.

С ним было приятно работать, с больными он общался по-доброму и не осуждал наши методы, установленные доктором Листером.

Даже рассказал мне за чашкой чая ночью, что, в своё время, опасаясь потери работы не выступил в поддержку теории нашего доктора, но полностью согласен с тем, что медицина нуждается в антисептиках.

С доктором Стеном они вместе учились и вот сейчас, когда он узнал, что больнице доктора Листера нужна помощь, то вызвался добровольцем.

Под утро я поняла, что не уверена в том, в какое время мне ожидать Йена. Связи с ним у меня не было, и поэтому рано утром, почти под конец своей смены, я отловила мальчишку, который приносил мне известие из больницы и спросила его:

— Ты знаешь, мистера Йена?

Мальчишка выпятил тощую грудь и важно ломающимся голосом сообщил:

— Кто же не знает профессора Йена?

У меня чуть было не вырвался смешок, но мальчишка явно говорил серьёзно и вполне возможно, что Йен действительно был в ранге профессора в своём деле. Ведь был же когда-то профессор Мориарти*? Почему бы здесь не быть профессору Йену.

(*прим. автора Профессор Мориарти — персонаж цикла произведений Артура Конана Дойла о Шерлоке Холмсе, антагонист главного героя, руководитель мощной преступной организации, гений криминального мира.)

Я написала короткую записку и отправила мальчишку к «профессору Йену», дав мелкую монетку и, пообещав ещё одну за срочность и обратный ответ.

Через некоторое время, когда я уже закончила работу и даже прошла вместе с доктором Стеном и другими врачами утренний обход, я не спешила домой, а раздумывала, подождать мне мальчика или самого Йена в больнице или пойти домой.

Наконец Надин меня окликнула и сообщила, что меня спрашивают. Я вышла из больницы и увидела машину Йена.

— Привет, мисс Докторша, — заявил он

Глядя на моё удивлённое лицо, Йен продолжил:

— Уже весь Лондиниум знает, что маленькая мисс сдала экзамен и стала доктором

Я смутилась:

— Да, я ещё не доктор, надо отработать интерном год, потом сдать экзамен на доктора

— Да брось, маленькая мисс, — улыбнулся Йен, — мы то знаем, кто в Лондиниуме лучший доктор

С этими словами Йен открыл мне дверцу автомобиля. Усаживаясь, я заметила, что неподалёку на противоположной стороне снова стоит чёрный большой автомобиль, такой же какой стоял у Университета.

Моя подозрительность сперва разыгралась, но потом я подумала: — «Мир не вертится вокруг меня, возможно к после всех событий кто-то приехал к доктору Листеру»

Между тем, мы проехали мимо автомобиля, и я увидела, что внутри за рулём кто-то сидит, но не увидела кто.

Йен заметил мой интерес к автомобилю и сообщил:

— Дорогая штука, Паккарад Твин Сикс (Packard Twin Six), я было посмотрел, но понял, что пока поезжу на своей.

Потом добавил:

— Ну что поедem за твоей протеже?

Я назвала адрес.

Дана дожидалась нас возле дома. Видимо перенервничала и не смогла усидеть.

Ехали молча. В машине была такая напряжённая тишина, которая иногда появляется, когда вроде о своём говорить неловко, а третьего спросить не о чем.

Но приехали мы быстро.

У Даны расширились глаза, когда она увидела в какой двор, мы въехали и у какого размера особняк.

Она уцепилась за меня и прошептала:

— Лейла, я боюсь, я же ничего не умею.

— Научишься, шить умеешь? Это не сложнее

Грязноватой сиделки нигде не было. В комнате был только Майкл, который полусидел на кровати и всё.

На мой вопрос о том, где сиделка Йен ответил:

— Уволили, руки отказывалась мыть

Дана вздрогнула и сразу де спросила:

— А где можно руки помыть?

И так это смешно прозвучало, что все рассмеялись

— Идёмте, мисс, покажу, — миролюбиво сказал Йен, и кивнув на меня добавил:

— Мисс Лейла всегда с этого начинается

Мы помыли руки и переоделись. Я из больницы с обещание вернуть взяла два хирургических халата, свой и для Даны.

Нога у Майкла заживала хорошо. Я показала Данае как делать перевязку, она записала всю последовательность действий. Мы с ней проговорили, что можно пациенту, что нельзя. И я пообещала приехать через два дня. И пообещала Майклу, что если он будет «вести себя хорошо», а это значит, слушаться сиделку и выполнять указания доктора, то швы мы вполне возможно, что снимем раньше.

— Да, мисс Лейла, — неожиданно сказал Майкл, который обычно молчал, — доктор из вас будет хороший, я даже наставника так не слушался, как вас. Очень у вас убедительные аргументы.

Я улыбнулась и пообещала, всё, что говорю чистая правда.

На что Йен рассмеялся и сказал: — Мы поняли, мисс, проверять не будем.

Я снова подумала о том, что мне необходимо задуматься над хирургическим материалом* и перчатками.

(*Немного про кетгут — недавно в комментариях поднималась тема, что кетгут используется только для внутренних швов, специально порылась в медицинской литературе и обнаружила, что оказывается область применения в основном для внутренних органов, но не исключается использование и для травматологической хирургии, мышц, и для закрытия ран)

Об оплате договаривались Йеном. Он внимательно выслушал, какие обязанности у сиделки, потом сказал, что предыдущая получала двадцать пять крон в неделю, а если оставалась на ночь, то ещё пять, отдельно за каждую ночь.

Я сказала, что не вижу необходимости ночных дежурств, ночью вполне могут справиться слуги.

Договорились оставить пока такую оплату, а если с перевязками у Даны всё наладится и не придётся каждый раз меня вызывать, то ей добавят ещё пять крон в неделю.

Дана сидела с изумлённым видом. И когда мы прощались, потому как Дана решила принять предложение, она снова шепнула мне спасибо, потому как её оплата в швейном салоне была десять крон в неделю.

— Я тебя не подведу, Лейла, — сообщила Дана

Я же напомнила ей про необходимость ещё уделить внимание лечению своих глаз.

— Когда вылечишь воспаление, сможешь вернуться к шитью, — пообещала я девушке.

Йен отвёз меня домой, и я рухнула спать. И мне показалось что вот только я глаза закрыла, а меня уже разбудили.

— Лейла, вставай, — раздался голос миссис Элис

Я ещё подумала, что наверняка что-то произошло, потому что Элис обычно всегда была за то, чтобы я спала пока сама не проснусь.

— Что-то случилось? — спросила я, пытаюсь открыть глаза и прийти в себя

— Случилось, — голос Элис был странным, будто бы она одновременно радуется и страшится чего-то.

Я открыла глаза:

— Что-то в больнице?

— Нет, — торжественно заявила Элис, — вставай, там к тебе королевский посланник.

И добавила извиняющимся тоном:

— Прости, Лейла, что пришлось разбудить, но мне в руки не отдали, сказали, что только лично.

Я быстро накинула своё старое платье. В конце концов посланник, это не королева, переживёт. И выскочила на улицу.

Возле дома стояла карета, похожая на почтовую, с королевским гербом.

Возле неё в камзоле, расшитом золотом и в такой же шляпе стоял мужчина.

— Ну наконец-то, мисс, — чопорно произнёс он, и с упрёком в голосе добавил:

— Вы же не одни

Передал мне в руки красивый среднего размера конверт с гербом королевского дома и откланялся

Я прошла в дом и, разглядывая конверт, вдруг вспомнила, что у меня есть ещё один, поменьше и я его не распечатала.

Достала и другой. Но начать пришлось с сегодняшнего, потому что Элис уселась напротив и, прямо-таки дрожа от предвкушения, заявила:

— Лейла, давай открывай, я же не смогу ничего делать пока не узнаю, что там

В конверте оказалось приглашение на имя мисс Лейлы Кроули на благотворительный бал в Королевский дворец, бал должен был состояться через три дня.

— Эй, мистер Белтон, ты слышал? — громко крикнула Элис, — наша девочка пойдёт на бал в Королевский дворец!

Я подумала, что для четы Белтон это и вправду звучит словно сказка о Золушке.

— А что это за второй конверт? — спросила Элис

— Он пришёл вместе с сертификатом об экзамене, я просто замоталась и забыла его вскрыть, — пояснила я

В безымянном конверте был лист бумаги, сложенный пополам, на котором широким, размашистым почерком было написано:

«Мисс Кроули,

Буду ждать вас утром второго дня у больницы. Чёрный Паккард. Не бойтесь, мне просто нужна от вас информация по известному вам случаю.»

Записка была подписана инициалами М.М. и, судя по обращению действительно предназначалась мне.

— Элис, — спросила я, холодея от осознания от кого эта записка и какой сегодня день, — а сегодня вторник?

Элис немного задумалась, и ответила:

— Да, вторник, сегодня парни приходят пораньше

Я уронила голову на руки, понимая, что знаю, кто сидел в дорогой чёрной машине и скрывался за инициалами М.М.

Вот же я «шляпа».

Глава 22

Как теперь исправить эту оплошность и как можно связаться с его загадочным высочеством, я понятия не имела. Поэтому решила, что, если увижу его автомобиль рядом с больницей, то сама подойду. Ну а если нет, то обидно, конечно, что так получилось, но не смертельно. Может он будет на балу и мне даже удастся к нему прорваться. Хотя, судя по тому, что о нём рассказывают он не большой любитель официальных мероприятий, особенно развлекательных.

У меня была другая проблема, и в целом я, конечно, была к ней готова. Я знала, что у меня нет платья, чтобы пойти на бал, и для меня не было проблемой пойти на бал в одном из платьев, подаренных мне миссис Листар, супругой доктора Джозефа. Но к приглашению на бал прилагалась небольшая инструкция, на которую я вначале не обратила внимания.

В инструкции была рекомендация по дресс-коду для приглашённых. Платье должно было соответствовать викторианским канонам, и для аристократов предполагалось бальное платье, для всех остальных так называемое, придворное платье. Также приглашённый или приглашённая могли прийти в форме учебного заведения или места службы, если там, где они служила была принята форменная одежда.

Я представила себе, что я прихожу на бал в хирургическом халате и меня приглашает на танец принц. Да уж, вот это будет парочка.

Что за «каноны» мне ещё предстояло узнать, надеюсь, что одно из моих новых платьев можно будет каким-то образом подогнать под требования.

Идти мне надо было обязательно. Во-первых, я поставила для себя целью поговорить с королевой о приюте, а во-вторых, теперь мне надо было увидеть и принца.

Вечером пошла на работу чуть раньше, но никакого чёрного автомобиля там не было, зато ко мне в больницу прибежала Дана.

У неё накопилось несколько вопросов по уходу за больным, и я порадовалась, что она ответственно подошла к делу.

Йен её вечером отправил домой, а она попросила подвезти её у больницы.

Когда мы обсудили всё по поводу пациента, я решила, что Дана, как человек практически работавший в «индустрии моды», наверняка знает, что такое эти каноны и спросила.

— Ой, Лейла, это очень дорого, — «обрадовала» меня Дана, — придворное платье должно быть из бархата и обязательно со шлейфом, желательно ещё с вышивкой или украшениями, пусть и не драгоценными. Обычно это делают на заказ, а значит на это потребуется не меньше двух недель.

— Ого, — удивилась я, — тогда мне нужно что-то придумать

— погоди, — вдруг остановилась Дана, — есть у меня одна идея. Завтра тебе скажу. Может и будет у тебя платье.

Я даже начала переживать:

— Дана, это не тот случай, когда надо влезать в авантюры.

Дана грустно улыбнулась и следующие её слова, чуть меня успокоили:

— Спасибо тебе, Лейла, но не волнуйся, больше такую глупость я не совершу.

Дана побежала домой, а я пошла на работу и очень удивилась, увидев Шушеля.

— Добрый вечер, мисс Лейла, — произнёс Шушель весьма учтиво

Я поздоровалась в ответ и уже хотела пройти дальше, как он снова ко мне обратился:

— Мисс Лейла, я бы хотел попросить у вас прощения.

— Я на вас не обижаюсь, Пьер, — решила я не миндальничать, — но то, как вы поступили по отношению к своему учителю, не делает вам чести

Но Шушель даже в лице не изменился несмотря на то, что я достаточно фамильярно к нему обратилась.

«Что его так припекло?» — подумала я

— Мисс Лейла, вот об этом я и хотел поговорить, — продолжил Шушель, — нам с вами здесь работать вместе.

Я про себя произнесла: — «к сожалению», но промолчала, даже стало интересно, что такой человек, как Шушель может осознать.

Между тем, он продолжал:

— И я бы хотел работать вместе, — выделил Шушель слово «вместе», — вы же умная девушка, понимаете, если мы будем работать и совместно продвигать идеи, то реализовать их будет гораздо легче.

«Ну надо же, какой хитрый Шушель, — пришла в голову весёлая мысль, — он всех за дураков держит? Ему морковного супа мало, он ещё что-то хочет «изобрести»?»

А вслух сказала:

— Пьер, доктор Листер считает вас весьма перспективным доктором, попробуйте сами вникнуть в нужды больных. Я уверена, что вы сможете реализоваться не только как доктор, но и как учёный.

Прозвучало, как отповедь, но Шушель и здесь остался спокойным, и поблагодарил меня за то, что я его выслушала. И сообщил, что он попросился у доктора Листера, и тоже будет нести такую же нагрузку, как и остальные и работать ночью.

Я подумала, что, с одной стороны, это помощь, всё-таки Шушель несмотря на свой гнилой характер, действительно знает, что делать, как доктор, пусть и не перерабатывает.

А вот, с другой стороны, будет гораздо тяжелее, потому что иметь за спиноц того, кто всегда готов «подставить», это не очень приятно. Но лучше знакомое «зло». Ладно, как-нибудь разберёмся.

И я, отбросив мысли и о принце, и о Шушеле, и о бале, пошла работать.

Сегодня дежурство было тяжёлым, и Шушель здесь был совершенно ни при чём. Просто к нам привезли молодого парня, у которого явно был, пневмония, воспаление лёгких. И в этом времени это была лотерея. Иногда людям удавалось победить болезнь, но чаще нет. Если бы у меня были антибиотики, то я бы его подняла, но у меня были только травы и антисептики.

Но я решила побороться с «костлявой старухой» и решила попробовать получить пенициллиновую плесень, на для этого мне нужна была лаборатория и две недели.

Утром, дождавшись доктора Листера, я рассказала ему о своей идее. Так как в этой реальности уже были идеи о микромире бактерий и возможности борьбы с ними, а ещё доктор Листер был из тех, кто поддерживал прогрессивные идеи, то он сразу согласился мне помочь. Я вкратце описала ему процесс, что мне может понадобиться и он

обещал помочь оборудовать одну из небольших комнат под лабораторию, как только ему вернут «власть» в больнице.

И прежде, чем уйти домой, я договорилась с Надин, что она выделит мне тёплое местечко в кладовке, где я расположила банку с хлебом и собиралась вырастить плесень, в надежде, что смогу выделить именно пенициллиновую.

Из-за всего этого я немного задержалась, но, выйдя из больницы я увидела невдалеке чёрный автомобиль и поняла, что это мой шанс поговорить с принцем, если это, конечно он.

Автомобиль был припаркован на стороне противоположной той, где обычно встречали меня братья Белтон.

И я поспешила в сторону автомобиля. И здесь у меня на пути снова возник Шушель.

— Мисс Лейла, — снова начал он, — давайте я вас провожу

— Спасибо, Пьер, но меня встречают, — ответила я, совершенно не собираясь даже выяснять, что случилось с Шушелем, что он вдруг стал такой учтивый, и попыталась его обойти.

— Мисс, Лейла, — не отставал Шушель, — а вы идёте на королевский бал?

Я даже остановилась и посмотрела на Шушеля, мне стало интересно, чего это он так переживает:

— Да, я получила приглашение, а в чём дело, Пьер?

— Я тоже там буду, — сказал Шушель, — доктор Листер был настолько любезен, что берёт меня с собой

Я подумала, что доктор Листер несмотря на свой ум, иногда бывает «добр до глупости», а вслух сказала:

— Я рада за вас Пьер, до свидания

И снова поспешила в сторону автомобиля.

— Мисс Лейла нам надо держаться вместе, — наконец сообщил мне Шушель свою гениальную идею, пристраиваясь рядом и явно собираясь идти со мной.

Но я не думала, что принц «обрадуется», если я вломлюсь к нему в машину, а рядом будет Шушель, поэтому мне пришлось развернуться к нему и сказать:

— Пьер, давайте не сейчас, я спешу, и не надо меня провожать

— Но мне в ту же сторону — сказал Шушель и я чуть не взвыла, а когда развернулась то увидела, что чёрный автомобиль отъехал, и

сейчас ехал мимо, двигаясь в сторону центра.

Бежать за ним смысла не было. Шушеля хотелось убить.

Ну, что же, значит оставалось надеяться на то, что принц будет на балу.

Глава 23

В день благотворительного бала у меня было прекрасное настроение. Во-первых, бал был в субботний день, во-вторых, в понедельник я первый день выходила на работу в качестве интерна, и первую неделю договорилась работать в дневное время. Доктор Листер, уже два дня, как «получивший» обратно все свои полномочия, получил не только ставку интерна для меня, но и дополнительную ставку ночной медицинской сестры, и теперь гораздо легче было найти на работу человека.

Я посоветовала связаться с тем учебным заведением, которое окончила мисс Тусен, и оттуда к нам прислали девушку и парня. Доктор Листер взял на работу обоих. Да ещё и с Пьером Шушелем что-то произошло, он вызвался всю неделю выходить в режиме через ночь.

Я же планировала больше времени посвятить небольшой лаборатории, под которую доктор Листер выдал мне помещение.

Основной помощницей у меня была Надин. И я пока ей собиралась доплачивать из своих денег, но доктор Джозеф сказал:

— Мисс Лейла, если у вас получится что-то не менее путное, чем ваш «морковный суп», пойду и добуду для вас ставку лаборанта.

Про то, что собираюсь сама доплачивать Надин, доктору не стала говорить, зная доктора Джозефа, он начнёт мне доплачивать из своих средств.

Шушель в последующие дни сделал ещё две попытки «изобразить» ухаживания. На следующий день, после того как я по его вине упустила возможность переговорить с принцем, он пришёл на работу раньше, знал, что я всегда немного задерживаюсь с ночи, сопровождая дневных докторов на утреннем обходе.

Шушель пришёл с цветами. Пришлось отнекиваться, потому что я знаю таких, как он, возмёшь у него цветы, а он будет считать, что ты ему не меньше тысячи крон задолжала.

А мне-то ещё надо было свою банку с плесенью проверить. Помня о пронырливости Шушеля, выпросила у Надин ключи и попросила перенести все её штуки для уборки в другое помещение.

Надин, надо отдать ей должное, в отличие от доктора Листера, не питала иллюзий насчёт Шушеля. Возможно, ещё и потому, что он никогда не был особенно вежлив по отношению к тем, кто в иерархии стоял ниже, чем он.

Плохо было то, что избавиться совсем от Шушеля не удалось, и он теперь точно знал, что в каморке что-то есть. Знаю, что он подходил к Надин и спрашивал, но Надин умничка. Она ему сказала, что отдала мне каморку, как девушке — интерну, чтобы переодеваться.

Да ещё моё настроение поднялось после того, как в пятницу вечером ко мне снова прибежала Дана и потянула меня к своей подруге, с кем она работала вместе в швейной мастерской.

Девчонки нашли мне платье. Оказалось, что это платье отказное, его вернула клиентка, которой что-то не понравилось, и это платье лежало в кладовке среди других вещей, ожидая пока о нём вспомнят. Но то ли о нём действительно забыли, то ли ещё что-то, только Сара, приятельница Даны, сообщила что работает она уже год и за весь этот год платьем ни разу никто не поинтересовался.

— Мисс, — сказала она, — не волнуйтесь, в воскресенье принесёте, от вас нужно будет двадцать эре, на чистку платья, и в понедельник я положу его обратно, никто и не заметит.

Сначала хотела отказаться, как-то было не по себе надевать платье, вот так вот «одолженное», но после того, как девочки уговорили меня его надеть, я поняла, что я... пойду в нём на бал. Я смотрела на себя в небольшое зеркало, которое было у Сары.

Она иногда принимала в доме частных клиенток и поэтому приобрела такую дорогую вещь, как зеркало. Зеркало было старое, квадратное, по размерам примерно около полуметра в высоту и столько же в ширину. Отражение было мутным и немного кривоватым. Но это нисколько не снизило мой восторг.

Я же до сих пор ассоциировала себя с высохшей сгорбленной старушкой, а здесь в этом стареньком зеркале я вдруг увидела красивую, молодую женщину, у которой впереди много-много всего хорошего.

А ещё оказалось, что я, как и остальные женщины, обожаю красивые платья. Я про себя произнесла: — «Спасибо тем, кто сделал это платье доступным для меня.»

А вслух сказала:

— Девочки, я буду самая красивая на этом балу.

И мы все дружно рассмеялись. Дана потом рассказала, что больше всего боялась, что я со своей «правильностью» откажусь. Поэтому она так и обрадовалась.

Мы договорились с доктором Джозефом, что на бал поедem от больницы. Он заказал автомобиль, на котором я, доктор Листер и интерн Шушель поедem в королевский дворец Сент-Джеймс.

Братья Белтон проводили меня и дождались пока автомобиль подъедет.

Это было очень хорошо, потому что вскоре пришёл Пьер Шушель и стал говорить мне какие-то банальные комплименты.

Конечно, я понимала, что его поведение изменилось оттого, что после экзамена изменился мой статус, да ещё Шушель далеко не глуп, и понял, что у меня есть «талант» новатора. И теперь всеми силами старается стать «другом».

Но я знала, что в бальном придворном платье выгляжу очень хорошо. А как ещё можно выглядеть, когда тебе восемнадцать и ты в красивом платье? Конечно, шикарно!

И скорее всего Шушель действительно был поражён «моей неземной красотой», но я-то помнила его грубость, поэтому он, как и был, так и оставался для меня крайне неприятным человеком, от которого надо держаться подальше.

Наконец-то подъехал автомобиль, в котором уже сидели доктор Джозеф, его супруга. И я выдохнула, потому что братья Белтон решили оставаться со мной пока не «передадут меня» в руки доктора, а я опасалась, что Шушель может их спровоцировать и они снова попадутся на его манипуляции.

Я и Шушель сели в автомобиль, и мы «помчались» ко дворцу Сент-Джеймс.

Доехали быстро, дольше стояли в очереди на вход. Приглашение на бал гласило, что подъехать надо к пяти вечера, но сам бал, как объяснила мне миссис Листер «скорее всего начнётся в не раньше семи».

Честное слово, я и вправду почувствовала себя Золушкой, когда вошла в ярко освещённый холл дворца.

Людей было много, и многие были одеты в придворные платья, похожих на моё, отдельно стояли аристократы в вечерних бальных

нарядах.

У бальных дамских нарядов было декольте и открытые плечи, все дамы в таких платьях имели украшения, поэтому из той стороны, где находились аристократы, шло сияние, свет отражался в бриллиантах и золотом шитье нарядов.

Семейная чета Листеров, извинившись, оставила нас Шушелем вдвоём, и удалилась «поболтать» со старыми знакомыми.

Я же продолжила рассматривать дворец и гостей.

В другой половине зала я увидела множество людей, в основном мужчин в форме. Всё же, мы женщины обожаем высоких и статных красавцев в военной форме. Я залюбовалась и тут же получила шипение от Шушеля:

— Мисс Лейла, придите в себя, вы же не такая!

«Как же ты мне надоел,» — подумала я, а вслух сказала:

— Какая не такая, Пьер?

— Ну вы же не «падаете в обморок» от военных? — спросила Шушель

«Наивный», — пришла мысль

— Я не знаю, — ответила я, — еще не проверяла, но сердечный ритм явно сбивается.

Я говорила с лёгкой ноткой шутки, но Шушель не понял.

— Пойду принесу вам напиток, куда не уходите, — так, будто бы он мой кавалер на этот вечер, заявил Шушель

Дождавшись, когда он скроется, я сразу же ушла. Вот ещё! Мне совсем не хотелось провести мой первый бал в этом мире рядом с Шушелем.

Решила пройтись по большому залу и посмотреть, возможно увижу знакомых.

Я сегодня намеревалась не только попробовать поговорить с королевой и принцем, но и потанцевать, но только не с Шушелем. А вот с доктором ван Эрменгеном я бы потанцевала. Хотелось с коллегой обсудить новости медицины, мне показалось, что доктор достаточно прогрессивен для своего времени. Да и доктор был симпатичный.

Я встала возле какой-то колонны так, чтобы меня не было заметно, и стала смотреть в надежде увидеть кого-то знакомого. Как вдруг мне на плечо легла чья-то рука и знакомый голос произнёс:

— Не оборачивайтесь, мисс.

Глава 24

Я застыла, потому как никак не ожидала встретить на королевском балу профессора Йена.

«Боже мой, — подумала я, — я даже ждала, что принц может сам ко мне подойти, но что здесь делает криминалитет?»

Между тем Йен произнёс:

— Я здесь под другим именем, мисс, хотел вас предупредить, что чуть позже меня вам представят, пожалуйста, не удивляйтесь.

Рука с моего плеча исчезла, и я выдохнула, поняв, что всё это время не дышала. Да, кто они такие? Вероятно, скоро узнаю.

Бал начался с того, что все ждали появление королевской четы. Могло показаться, что всё непредсказуемо, но, как и на экзамене, коронованные особы словно бы давали всем время собраться и обменяться новостями.

Поэтому спустя примерно сорок минут, раздался зычный голос распорядителя:

— Их Величества король Британии и островов Георг Третий, королева Анна Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая, а также их высочества, кронпринц Джордж, принц Уэльский и Максимилиан Август, герцог Кентский с дочерью.

Все встрепнулись, моё сердце тоже забилося, и я поняла, насколько наивными были мои надежды, что мне удастся поговорить с королевой или потанцевать с...принцем. Как только прозвучало объявление, людская толпа сразу схлынула, расположившись в предсказуемом порядке.

В первых рядах стояли аристократы, судя по пестроте нарядов и блеску драгоценных камней, сверкавших на открытых плечах и декольте. Следующими шли приглашённые знатные горожане, а вот на «галёрке» стояли такие как я. Мне даже не было видно, потому как роста я была небольшого и даже приподнявшись на цыпочки с трудом видела только головы принцев, которые были высокими. А вот короля и королеву уже не видно не было.

Но был и плюс, когда первые ряды присели в низких реверансах, а следующие склонили головы, мне удалось разглядеть, что королевская

чета шествовала в определённом порядке, кроме малышки, которую за ручку вел не отец, а королева. И никто не обращал внимания на нас, стоявших позади, что мы, наоборот, вытянулись вверх, чтобы всё разглядеть вместо того, чтобы склониться.

Я стояла достаточно далеко, детали было видно плохо. Но девочка действительно была похожа на маленькую куколку, особенно в красивом ярко — вышитом платье, почти полностью повторяющим наряд королевы.

Что интересно, но не так уж далеко от трона, к которому двигалась королевская семья, я увидела докторов. Из тех, кого я знала там, стоял симпатяга Джон Абернетти, надменный Чарльза Гаррет, рядом с ним в красивом изумрудного цвета бальном платье, стояла Элизабет, рядом стоял высокий худой господин в пенсне, которого я не знала и чуть позади Ван Эрменгем, Давид Брюс с супругой, которая была такая же рыженькая, как и муж. Доктор Листер с миссис Листер тоже был там.

После того, как церемония встречи королевской семьи было окончена, и коронованные особы расположились на тронном возвышении, где для каждого был установлен свой стул или трон, даже для малышки-принцессы, распорядитель снова вышел на середину и объявил о том, что сейчас произойдёт награждение и объявление.

В этом году было три награждения, представленных королевским обществом Лондиниума и одно из них было медицинским. К награждению представлялся профессор физиологии, доктор Ричард Катон, за труд по исследованию электрической активности мозга.

Я хлопала, наверное, громче всех. Мне казалось, что присутствующие здесь пока слабо представляют себе всю важность этой работы. Конечно, до снятия показаний энцефалограммы ещё далеко, но это первый шаг и довольно большой.

Помимо медицины, король и королева отметили ещё две области: картография, был награждён человек разработавший морские карты и ещё один номинант, который усовершенствовал телеграфную связь.

Я даже забыла про все свои проблемы, потому что чувствовала, что вокруг меня творится история. И я её часть, пусть даже и маленькая пока, но у меня тоже есть, что предложить этому миру.

После того, как были проведены все награждения, неожиданно прозвучало, что королева хочет объявить о новой инициативе, а

именно о создании при университете возможности женщинам выбирать специальность врача. И, оказалось, что именно для подтверждения этого и были выбраны несколько женщин, выразивших желание учиться и работать для достижения этой цели, и они успешно прошли первое испытание, а именно сдали экзамен на звание интерна.

Прозвучало имя Элизабет Гаррет и...моё. Но, если Элизабет стояла близко к трону, и ей не составило труда сделав несколько шагов выйти и встать напротив королевских особ, то я стояла далеко, но самое главное, передо мной, «сомкнувшись» плечом к плечу, стояло множество людей.

— Пропустите, пожалуйста, — дотронулась я до плеча мужчины, стоявшего передо мной, но он даже не шелохнулся. Я попыталась пролезть, но безуспешно, мне удалось только пролезть через двух человек, стоявших впереди.

Я подумала, что, если я так и дальше полезу, то перед королём и королевой я появлюсь в весьма растрёпанном виде.

И здесь моё имя прозвучало второй раз.

«А, была не была,» — решила я, и... подпрыгнула с криком:

— Я здесь!

Прозвучало очень звонко, потому как после того, как моё имя называли второй раз, в зале была достаточно напряжённая тишина.

И в этот момент люди, стоявшие передо мной, начали крутить головами, не совсем понимая, откуда раздался возглас, а со своего трона вскочила маленькая принцесса, которая, видимо устала уже сидеть на одном месте, и, указывая пальчиком в мою сторону, тоже закричала:

— Вон она, вон она, папа

И, конечно, здесь уже принц встал, взгляделся в мою сторону, а я, на всякий случай подпрыгнула ещё раз.

Принц наклонился к дочке, что-то ей сказал и, взяв её за руку сошёл с возвышения и направился в ту часть зала, где я безуспешно пыталась пробиться. По мере того, как принц с дочкой подходил, люди, стоявшие впереди, начали расходиться, образуя «живой» коридор, по которому я и вышла прямо навстречу принцу.

Сейчас обратила внимание, что камзол принца сделан с высоким воротником, закрывающим всю шею, на голове, была надета герцогская корона, на мягкой тканевой подложке, и создавалось

впечатление, что волосы есть на всей голове. «маскировка» была видна только вблизи. Заметила, что у принца немного перекошена осанка, скорее всего из-за того, что процесс рубцевания в шейном отделе пошёл криво.

— А это я тебя увидела, — вдруг раздался детский звонкий голосок, прервав мои размышления по поводу диагноза принцу.

Мне стало неловко, получалось, что я, выйдя в центр зала, встала и стала рассматривать Его Высочество.

Я сразу присела на корточки перед девочкой, пытаюсь скрыть своё смущение и неловкость, и проговорила:

— Спасибо вам, принцесса, вы спасли меня.

И здесь девочка протянула мне ручку, чтобы я взяла её, и сказала:

— Пошли

И мы пошли. Я, принц и девочка, между нами, державшаяся и за его, и за мою руку.

Уже возле трона, мою руку отпустили, и я встала рядом с Элизабет, а принц с дочкой взошли обратно на тронное возвышение.

«Ничего себе я прославилась, — подумала я, — с принцем ещё, конечно неизвестно, потанцую или нет, но вместе уже прошлись» Еле удержалась, чтобы не рассмеяться.

А тем временем, королева благословила меня и Элизабет на благое дело, сказала, что именно на нас лежит ответственность за то, получают ли шанс другие женщины Британии стать докторами.

От группы, где стояли доктора, отделился тот самый высокий строгий мужчина в пенсне, которого я не знала. Королева сказала, что это Вильям Уислер, он главный королевский врач, курирует Королевский Университет и он будет возглавлять экзаменационную комиссию.

Я, только взглянула на Вильяма Уислера и поняла, что не знаю, как у Элизабет, отец которой в отличие от дня экзамена, сегодня просто раздулся от гордости, но у меня точно будут проблемы.

Всем своим видом главный королевский врач демонстрировал, что он думает о женщинах-докторах.

Собственно, в его короткой речи это и прозвучало. Он сказал:

— Я сделаю всё, чтобы звание доктора получили только самые достойные.

«Вот интересно, неужели королева «не слышит»», — подумала я

Но взглянув на королеву поняла, что всё она слышит. Ей приходится с этим жить, но она пытается изменить ситуацию. Я зауважала эту женщину.

После этого нас с Элизабет попросили отойти. И Элизабет сразу шагнула в сторону, а я решила, что надо сделать то, что запланировала, чем бы мне это не аукнулось.

Думаю, что будь я Лейлой Кроули, вряд ли я смогла бы окликнуть королеву, потому что для девочки из приюта то, что уже произошло, экзамен, новая должность, бал, представление королеве, это было очень много, но мне этого было недостаточно и я, опасаясь, что другого случая не представится, произнесла:

— Ваше Величество, я бы хотела вам кое-что рассказать... о приюте, который вы курируете.

Распорядитель бала уже физически начал меня «выталкивать».

Но королева, подняв руку, остановила его и сказала:

— Говори

Глава 25

И я рассказала. Я понимала, что у меня нет много времени, чтобы рассказывать долго и со вкусом. Надо было уложиться в одну, максимум в две фразы, и я была к этому готова:

— Ваше Величество, в приюте Святой Анны, девушкам выпускницам намеренно, с позволения директрисы приюта, не дают возможности найти достойную работу, пользуясь правовой коллизией* в законе и правилах.

(*Юридическая коллизия в самом общем виде — это противоречие (конфликт), расхождение между структурными элементами правовой системы)

Я специально использовала юридическую терминологию, надеясь, что королеву «зацепить» несоответствие между тем кто говорит, и что говорит.

Так оно и вышло.

— Тебя кто-то попросил это сказать, дитя? — спросила королева

— Нет, Ваше Величество, я сама являюсь выпускницей приюта и точно знаю, как работает схема, которую применяет мадам Стинк.

— Я займусь, — вдруг раздался мужской голос. Это заговорил принц, который пока я говорила стоял рядом с королевой и вслушивался.

Принц посмотрел на меня, и произнёс:

— Мисс, чуть позже, после официальной части, к вам подойдут и проводят ко мне, и вы мне всё расскажете.

Сразу же мелькнули две взаимоисключающие эмоции: появилось предвкушение от встречи и боязнь этого разговора.

Но как говорится: — «Назвался груздем, полезай в кузов*»

(*прим. Автора: возможно Лейла думала на английском и тогда это звучало бы так: (If (= Once) you pledge, don't hedge. (дословный перевод: если (= Однажды) даёшь обещание (= клятву), не загораживайся (или выполняй).)

Мне оставалось только поклониться и поблагодарить. Организатор, облегчённо вздохнув, аккуратно оттеснил меня с центральной дорожки. Но прежде, чем уйти я успела заметить, что

позади королевы на троне, пытаюсь «держать лицо» сидел король. Но в тот момент, когда уже после того, как я произнесла фразу, вмешался принц, принцесса попыталась влезть на колени к деду. И я заметила, как он поморщился и вспомнила, что про него говорил доктор Листер, что у него проблемы с коленями, поэтому он редко выезжает из дворца.

Доктор во мне сразу «сделал стойку», в голове пронеслись несколько возможных диагнозов. Но, конечно, надо бы посмотреть и про пальпировать.

Стало даже весело, как представила себе, что после обращения к королеве, поворачиваюсь и говорю: — «А теперь у меня вопрос к Его Величеству, снимайте штаны и покажите мне ваши колени».

Так с улыбкой я и вышла с центральной «дорожки» и меня сразу же позвали в компанию докторов.

Первый, кто с широкой улыбкой поприветствовал меня, был ван Эрменгем:

— Ну вот, мисс Лейла, я же говорил вам, что мы с вами ещё потанцуем на балу. Вижу, что после разговора с королевой настроение у вас хорошее. Пообещайте, что первый танец мой.

Только я собиралась поблагодарить доктора Абернети за то, что он в меня верил, как рядом возник Пьер Шушель и заявил:

— Первый танец мисс Лейла обещала мне, я сопровождаю её на этом балу

И взял меня под руку.

У меня даже «дар речи» пропал от возмущения, захотелось использовать сумочку не по назначению. А именно «треснуть» наглого Шушеля по голове.

— Пьер, — сказала я, аккуратно высвободив свой локоть из его руки, — я приехала на бал с доктором Листер и его супругой, а танец доктору ван Эрменгем был обещан ещё перед экзаменом.

И наконец-то ответила доктору:

— Спасибо, что верили в меня

Вдруг раздался какой-то желчный голос:

— Вот так вот всегда, не успеет какая-нибудь мисс сдать экзамен, её сразу начинают больше интересоваться мужчины, и доктора из неё не получается,

Я обернулась и увидела Вильяма Уислера.

— Здравствуйте сэр Уислер, — произнесла я, — очень рада с вами познакомиться лично.

— А я вот не очень рад, мисс, — произнёс этот «ретроград», — но наша королева считает, что женщина может быть врачом и мой долг ...

Я подумала, что главный королевский врач с радостью бы закончил эту фразу как-то так: — «...и мой долг её переубедить», но он сказал

— ...и мой долг помочь ей разобраться.

Я увидела, как хмыкнул тоже стоявший рядом Абернети и подумала, что с таким человеком можно иметь дело, а вот с Уислером надо что-то думать. Если в итоге от него будет зависеть стану я доктором или нет, то он должен будет это принять.

Подошёл доктор Листер с супругой, и они тепло поздравили меня и Элизабет, которая подошла, быстро обняла меня и почти сразу же убежала.

Как потом оказалось, бегала она от жениха, который тоже был на этом балу, никакого отношения к медицине не имел, зато был удачливым промышленником. И хотя внешне, отец Элизабет, сэр Гаррет вроде бы принял выбор дочери, но попыток устроить её жизнь по своему разумению не оставил.

Вскоре королевская семья покинула зал официальной части. И всех начали приглашать в другой зал, где были накрыты столы, к которым можно было подойти и взять закуски.

— Надеюсь, что вы перекусили дома, мисс, — улыбаясь произнёс ван Эрменгем, — на королевских приёмах, если вам что-то достанется, то это будет большой удачей.

Пьер Шушель, услышав такое, сразу же куда-то убежал. Я подумала, что он точно «забыл» поесть дома и теперь попытается в первых рядах получить «королевские» закуски. Но я была только рада, что Шушель нашёл себе другой предмет для «увлечения».

Я обратила внимание, что столы для аристократов стояли отдельно, и туда «простых» людей не пускали. В специально огороженной зоне можно было присесть за столик и заказать что-то у официанта.

Когда мы вошли в зал стало понятно, про что говорил Эмиль ван Эрменгем, который попросил называть его по имени, к столам с едой стояла большая очередь. Но мы всё равно встали, потому как есть

действительно хотелось, где стоять было всё равно, а компания у нас собралась интересная и можно было пообщаться.

Я надеялась, что люди принца смогут найти меня и здесь.

Завязался разговор о медицине и стоять было совсем не скучно.

— Значит вы решили выбрать педиатрию? — спросил меня ван Эрменгем

— Да, — ответила я, — мне всегда хотелось лечить детей. Я считаю, что, если заложить основы здоровья в раннем детстве, то и взрослый человек будут менее подвержен заболеваниям.

— И какую же область собираетесь осваивать во время интернатуры?

— Я хочу начать исследования вакцин против инфекционных заболеваний. У меня есть определённые мысли, как можно это сделать — поделилась я.

Из-за спины раздался вопрос:

— Какие конкретно болезни вы имеете в виду?

Я обернулась и увидела незнакомого мне человека. Посмотрела на Эмиля ван Эрменгема и Джона Абернети, который тоже встал вместе с нами в очередь и участвовал в беседе.

— Знакомьтесь, мисс Лейла, перед вам сэр Роберт Тиндаль, последователь и поборник учения о «невидимках», про которых вы так увлечённо рассказывали на экзамене, — сообщил Дон Абернети весело глядя на мужчину.

— Да, простите мисс, прости Джон, перебил вас. Просто стоял позади и услышал интересный разговор. — смутился мужчина, но сразу же перешёл обратно к теме разговора:

— Так что вы говорили о «невидимках»?

Джон Абернети даже рассмеялся:

— Будьте осторожны, мисс Лейла, Роберт может говорить об этом часами, и мы с вами можем всё пропустить.

Ван Эрменгем тоже улыбнулся:

— Ну уж нет, скоро начнутся танцы, и я рассчитываю потанцевать с мисс, несмотря даже на то, что мне ужасно интересно, что же такого мисс рассказала на экзамене.

И, видимо, Джон был прав, потому что новый знакомый, не обращая внимания на сарказм в голосе Абернети, стал рассказывать, что методы вакцинации, которые есть сейчас и связано это в основном

с вакциной от оспы, могут помочь лишь здоровым людям, а что делать тем, кто заболел? Надеться только на бога?

Я осторожно спросила про случаи излечения от таких заболеваний, как бешенство или холера. Но как оказалось в этой реальности пока не было Луи Пастера, который смог выделить, что штаммы возбудителей болезней, на определённом периоде «жизненного цикла» могут быть также и лекарством от инфекционных болезней.

Стояние в очереди не прошло даром. Я выяснила что у Роберта есть своя лаборатория, и он не против помочь мне с исследованиями и даже совершенно бесплатно и без претензии на авторство

— Я за то, чтобы какой-нибудь нечистоплотный делец ради собственной выгоды не помог бы вам с лабораторией, а потом отобрал бы патент, и вы не смогли бы помогать людям, — просто и без лишнего пафоса заявил он

Эта логика мне очень понравилась и, если раньше сомневалась, что надо оформлять патенты на всё, то поняла, что надо хотя бы для того, чтобы не дать возможность каким-нибудь злыдням «запретить» использование лекарства или метода.

Когда наша очередь к заветным столам уже подходила, меня окликнули:

— Мисс Лейла

Я обернулась, к нам подходил доктор Брюс, а с ним рядом шёл... Йен.

— Мисс Лейла, — повторил доктор Брюс, — хорошо, что я вас нашёл, вы не могли бы составить нам компанию, — и доктор Брюс указала в сторону столов аристократов, после чего, будто спохватился и добавил:

— Позвольте вам представить, сэр Александр Уилсон, виконт Эрли, наш меценат. Мы бы хотели с вами пообщаться по повод организации лаборатории по вашей работе по botulus.

Глава 26

Хорошо, что Йен меня предупредил, иначе бы мне точно не удалось удержать лицо. Виконт! Кто бы мог подумать! Профессор Йен. В общем-то домик, в который меня возили к Майклу и, где теперь работает Дана, действительно больше похож на родовой особняк.

Йен, то есть Александр Уилсон был не похож сам на себя. Этот человек был аристократ, он двигался и говорил, как человек, у которого несколько поколений родовитых предков.

Даже, если бы он мне не сказал, то через какое-то время я бы начала сомневаться, что я знаю этого человека, и стала бы думать, что он просто очень похож. Бывают же на свете «двойники».

После приглашения доктора Брюса, я посмотрела на своих сопровождающих, мне не хотелось их оставлять, и одной идти разговаривать про ботулизм, тем более что мне было непонятно, по какой причине вдруг Йен «подался в меценаты».

Ван Эрменгем, как весьма деликатный человек, сказал:

— Нам, мисс Лейла, будет вас очень не хватать, и придётся съесть вашу порцию.

Я улыбнулась. А вот мой новый знакомый, с которым мы уже практически договорились о лаборатории, Роберт Тиндаль, такой тактичностью не отличался, о чём и сообщил доктору Брюсу и Йену:

— Что это вы у нас мисс уводите, давайте мы пойдём с вами.

Доктор Брюс повернулся и посмотрел на Йена. Мне показалось, что у Йена сверкнули смешинки в холодном взгляде «Александра Уилсона», и он кивнул:

— Конечно, господа, я вас приглашаю за свой столик.

И в результате мы все вместе вольготно расселись в той части, где не было толчеи и стояли столики, между которыми сновали официанты.

Пока все заказывали, «Александр Уилсон» начал говорить:

— Я был поражён, услышав рассказ доктора Брюса про то, как вы и доктор Листер справились с «колбасной болезнью». Я верю, что за медициной будущее и готов в это инвестировать.

Я посмотрела на Йена-Александра и произнесла:

— Мистер Уилсон, не могли бы вы мне пояснить ваши ожидания. Для меня есть различия в меценатстве и в инвестициях. На мой взгляд если человек меценат, то он помогает просто так, безвозмездно, а вот в вашей формулировке звучит так, что вы рассчитываете на деятельность, направленную на извлечение прибыли.

За столом установилась странная тишина, даже Роберт Тиндаль, который в этот момент что-то достаточно громко объяснял официанту, вдруг замолчал.

Все смотрели на меня. Прошло несколько напряжённых секунд, пока доктор Брюс не хмыкнул и произнёс:

— Однако. Мисс Лейла, а вы точно университет не заканчивали?

Я не знала, что ответить, если говорить обо мне, то я-то заканчивала и не один, а вот девочка в теле которой я оказалась, не успела даже выпуститься из приюта.

Йен-Александр улыбнулся и сказал:

— Вы правы мисс, лаборатория, которую я хочу организовать, будет существовать на средства, которые я предоставляю. Но вы же понимаете, что, если вы получите в этой лаборатории лекарство, то его надо будет производить. И я как раз тот, у кого будет где производить.

Я кивнула и обозначила:

— Да, это понятно, но все патенты будут на моё имя или в соавторстве с кем-то из медицины, если таковые будут

— Мне уже нравится, мисс, что вы говорите про патенты во множественном числе, — тонко пошутил Йен-Александр.

Здесь снова вмешался Роберт Тиндаль:

— Мисс Лейла, ещё надо будет посмотреть, что это за лаборатория, а то понаставят там дорогих шкафов, а по сути, ничего не будет нужно.

— Благодарю, Роберт, — сказала я, — конечно, такие вещи надо проверять.

— Ну так что, мисс? — спросил доктор Брюс

И мне сразу стало интересно, почему он так помогает Йену-Александру.

Оказалось, что лаборатория предполагалась на базе военно-медицинского колледжа, которым руководил Дэвид Брюс.

Я сперва хотела поставить условие, чтобы лабораторию основали на базе больницы, в которой мы сейчас работали с доктором Листером,

но для колледжа, для будущих военных врачей, лаборатория безусловно гораздо более полезна, чем в одной и больниц города.

Потом принесли еду. Конечно, она отличалась от тех простых закусок, которые мы бы получили, оставшись в очереди. И все доктора отдали должное тем блюдам, которыми нас благодетельствовал меценат Йен-Александр.

После еды, мужчинам предложили какой-то алкогольный дижестив, я же попросила чай. Мы собирались продолжить разговор, но в дело снова вмешался случай.

Сначала к столу подошла очень красивая женщина, она была в бальном платье, с оголёнными плечами.

«Аристократка,» — подумала я, только у них могли быть такие платья по этикету.

Конечно, ей нужен был Йен.

— Александр, — сказала она красивым низким грудным голосом, — ты скоро?

— Простите, — Йен-Александр, поднялся из-за стола, и я уловила только начало разговора.

— Вы что себе позволяете, мадам, — шипел Йен, — у меня деловой разговор.

Дама возмутилась, что в деловые разговоры не ведут с юными девушками за столом. Что ответил Йен я, к сожалению, уже не услышала.

Йен-Александр вернулся к столу, и только он собирался присесть, извинившись, как к столу подошёл человек в штатском, просто костюме, что говорило о том, что он явно не на балу. А это могло означать только одно. Это был посланник от принца и скорее всего пришёл он за мной.

Так и вышло.

— Мисс Лейла? — спросил мужчина

— Да, я Лейла Кроули

— Пойдёмте, — коротко сказал посланник, даже не объяснив, что меня вызвал Его Высочество.

— Всё в порядке? — спросил встревоженно Йен — Александр.

«И всё-таки он больше Йен, чем Александр,» — подумала я и улыбнулась

— Мисс Лейла, — не дал мне уйти без ответа Йен, — так что вы решили?

— Мистер Уилсон, — сказала я, уже стоя, так что пришлось и остальным вставать, — я очень хочу иметь свою лабораторию, но позвольте мне предупредить доктора Листера, чтобы не получилось, что ученик договорился за спиной учителя.

— Да, конечно, мисс Лейла, учитель это святое.

«Ну точно Йен, аристократ бы вряд ли вообще отреагировал»

С этой мыслью я пошла за молодым человеком, который терпеливо меня дожидался.

В голову лезла всякая ерунда, от вопроса про колени Его Величества, до того, чтобы попросить принца показать спину. Уж больно показательно он кривит плечо. А вот про танец, обещанный ван Эрменгему я так и не вспомнила.

Меня повели куда-то вглубь дворца. Здесь было тихо, как в музее в выходной день.

Интерьер и убранство были шикарными, было достаточно чисто, никакого странного запаха мне пока не попало. Мы прошли по анфиладам, стены были украшены портретами и картинами, с подвигами греческих богов и полубогов.

Я было спросила у своего провожатого, о том, какая это часть дворца?

Но после того, как он ответил, что не уполномочен отвечать, больше вопросов не задавала.

Вскоре мы остановились у двери. Вокруг были комнаты с двойными дверями, а здесь дверь была одна.

Мой провожатый постучал в дверь, и мы услышали голос принца, крикнувший: — «Входите».

Я вошла в кабинет, мой провожатый замер за дверью.

На мой вопросительный взгляд, снова было скупое: — Не уполномочен.

Говорят, по кабинету многое можно сказать о его владельце. Так вот кабинет принца был аскетичен до пустоты. В нём был стол, несколько стульев, два шкафа, заполненные папками, и картинки детских рисунков на стене.

На картинках была изображена большая принцесса и маленькая, и маленькая везде держала большую за ручку. На некоторых картинках

были только принцессы, на некоторых была маленькая принцесса с папой принцем. И никогда вместе.

— Присаживайтесь, мисс Кроули, — сказал принц и так официально это прозвучало, что мне захотелось пошутить, но я подавила в себе это желание и всё же присела

Принц сидел за столом, причём стол бы поставлен таким образом, что сам принц всё время находился в тени.

— Мисс Лейла, расскажите мне всё, что вы сегодня прикрыли так удачно подготовленной фразой.

Я недоумённо приподняла брови:

— Простите, Ваше Высочество, но что значит «прикрыла». По-моему, я сказала всё чётко.

Принц посмотрел на меня и добавил:

— Я так понимаю, что обстоятельства, при которых мы с вами впервые встретились тоже одно из звеньев этой цепи?

— Да, ваше высочество, я полагаю, что за всем этим стоит мамам Стинк, директриса приюта и её «деловой партнёр», мадам Лестар, — я решила говорить твёрдо. Мне нечего скрывать.

— Мисс Кроули, это тяжкое обвинение, — произнёс принц, после некоторых раздумий, — готовы ли вы к тому, что вас могут обвинить в клевете, и, если вы не приведёте «железных» доказательств, то дело может дойти и до суда.

Я задумалась о том, что, не понимая, как работает судебная система, можно действительно попасть впросак. Но принц вроде не дурак, только, если он не прикрывает всю эту шайку-лейку. Как быть?

Глава 27

И я решила исходить из того, что принц всё-таки на стороне правосудия и никак не может быть связан с «нелегальным бизнесом». Тем более, насколько я разбиралась в людях, в принце не чувствовалось гнили. Наоборот, мне казалось, что он был какой-то правильный. Искалеченный, страдающий от своего уродства, но не ставший ненавистником тех, у кого всё в порядке с внешностью.

К примеру, Пьер Шушель, вполне себе симпатичный молодой человек, а при общении с ним кажется, что постоянно вляпываешься во что-то противно липкое.

Поэтому я сказала принцу, как есть:

— Я, Ваше Высочество, рассчитываю на вас и на ваше справедливое расследование, которое как раз и поможет собрать, как вы говорите, «железные» доказательства. Свою же задачу вижу в том, чтобы «вскрыть» этот нарыв. Я могу рассказать, что знаю, потому что судьба дала мне такую возможность, быть здесь и быть выслушанной.

Принц, по всей видимости, не ожидал такой речи от юной девушки и какое-то время молчал, изучая меня.

Потом снял свою дурацкую шляпу, и снова на меня посмотрел.

Я подумала: — «Вот глупый, я же врач, ну пусть пока в их представлении интерн, что мне наполовину лысая голова и шрамы»

— Я вас услышал, — проговорил принц, и спросил — скажите, ведь это как-то связано с нашей с вами «встречей»?

— Да, Ваше Высочество, связано, и мне, если честно, непонятно, как вы оказались в это втянуты? — я несколько расслабилась, видя, что принц не только слушает, но и делает пометки.

— Мне тоже, мисс, непонятно, как я оказался в это втянут, — задумчиво проговорил он.

Я не детектив, но у меня почему-то сразу возникло подозрение, что мадам Лестар не так просто так нагло себя ведёт, возможно, кто-то из окружения принца её прикрывает?

Но я не стала высказывать свои мысли. Скорее всего принц и сам об этом догадается.

Вместо этого я рассказала, что знала, назвала все имена, которые были мне известны, в том числе и нотариуса, господина Петифо. Думаю, что сей достойный господин не мог не знать, чем промышляют мадамы Стинк и Лестар, и ничего не сделал, чтобы это остановить. Потому пусть его тоже «потрясут», таким полезно.

Принц задал ещё несколько вопросов, записал ответы, уточнил, и в конце даже подвёл некий итог нашего с ним разговора. И я поняла, что принц не просто так взялся за это дело. Скорее всего он возглавлял ведомство, занимающееся такими делами.

Об этом я его и спросила.

— А с чего вы это взяли, мисс? — вместо ответа спросил принц

— Мне показалось, что вы весьма профессионально провели опрос, и только, — ответила я, чем вызвала очередной вопрос со стороны принца:

— А откуда вам известно, как должен выглядеть профессиональный ...опрос? — спросила принц

— Вот видите, Ваше высочество, — я улыбнулась, внутри кляня себя за излишнюю болтливость и то, что я даже не выяснила, есть ли здесь литература или романы в духе Конан-Дойла или Агаты Кристи, — вы даже профессионально не отвечаете мне на вопросы.

Уж не знаю, хватило ли этого «перевода в шутку», чтобы снять «подозрения» принца, только принц больше не стал настаивать, и я внутренне выдохнула.

Но принц меня не отпускал. Ещё раз взглянул на меня, и спросил, на этот раз, назвав меня по имени:

— Мисс Лейла, а ведь у вас был шанс рассказать всё это мне гораздо раньше, почему вы не пришли на то встречу, которую я вам назначил?

— Ваше Высочество, я не нарочно, простите меня, я сперва очень устала, и не прочитала ваше письмо вовремя, а потом...

— А потом вы куда-то шли с вашим ухажёром, — зачем-то закончил за меня принц, и на дав мне ничего сказать в ответ, довольно сухо спросил:

— Это всё, что вы хотели сказать по этому делу, мисс?

Я, растерявшись от такого резкого перехода, кивнула.

— Тогда больше вас не задерживаю, мисс, и больше не игнорируйте письма, возможно мне ещё понадобится ваша помощь, —

проговорил Его Высочество и встал из-за стола.

Я тоже была вынуждена встать. Но я же ещё хотела спросить про короля.

Посмотрела на принца. Он спросил:

— Вы что-то ещё хотели, мисс?

— Нет, то есть да, — несколько смущённо произнесла я

— Так нет или да? — мне показалось, что в глазах принца мелькнули смешинки

Я набрала воздуха и решившись спросила: — Ваше Высочество, я обратила внимание, что у Его Величества проблема с коленями, у меня есть несколько рецептов, возможно они могли бы помочь.

Принц с плохо скрываемым снисхождением посмотрел на меня и ожидаемо произнёс:

— Мисс, Его Величество наблюдают лучшие доктора королевства, что вы можете знать такого, чего не знают они?

Я поняла, что поспешила, здесь всё-таки другое время, и никто не ожидает от женщины каких-то откровений или открытий.

— Да, простите, Ваше Высочество, просто хотела помочь

На этом принц посчитал нашу встречу оконченной, и меня проводили обратно. А там уже начались танцы.

Я посмотрела и поняла, что я знала, как танцевать, многие танцы напоминали те танцы, которые танцевали во времена моей молодости. Вальс, парный фокстрот, мазурка, кадрили, контрданс.

Вскоре меня нашёл доктор ван Эрменгем и я уже отплясывала, топая новыми туфельками. А после третьего танца поняла, что даже в другой реальности новая обувь, это всегда больно.

Каким-то чудом мне удалось отыскать доктора Джозефа, который так обрадовался, увидев меня, что мне даже стало неловко. Они с супругой уже устали, но не могли уехать с бала, оставив меня одну.

В общем до дома я добралась без приключений, если только не принимать во внимание, что, когда мы отъезжали от дворца, мне показалось, что я снова видела большой чёрный автомобиль.

Но было уже темно, и я не могла с уверенностью сказать, что этот автомобиль был именно той марки, что несколько дней подряд «встречался» мне возле нашей больницы.

На следующий день было воскресенье и это было моё первое воскресенье, когда я спокойно выпалась. Проснувшись утром, я всё

время ловила себя на мысли, что я либо что-то должна сделать, либо я должна куда-то бежать. И каждый раз миссис Элис меня останавливала.

Она ещё за завтраком устроила мне настоящий допрос, почти что как принц. Что там и как было на балу, что я делала, с кем встречалась, что ела, что пила, какие танцы танцевала, видела ли я королеву. И так далее и не по одному разу. Так что в один прекрасный момент мистер Белтон сварливо сказал:

— Миссис Белтон, хватит уже, даже я уже запомнил, как называются все танцы, которые наша Лейла танцевала на балу.

И я облегчённо вздохнула, но так, чтобы миссис Элис не заметила. Она так искренне радовалась за меня, и спрашивала она тоже именно поэтому.

А примерно с обеда в дом к Белтонам потянулись «гости». Сначала пришла соседка из дома напротив. Вроде бы просто поговорить, выходной же. Ну и заодно спросить у «вашей Лейлы» о том, что делать с «чирьем».

Конечно, я посмотрела и дала совет пока не трогать, делать повязки, ни в коем случае не давить. Ещё раз подумала, что мне нужны лекарственные препараты, как минимум нужен пенициллин. Травы и настойки помогают, но бывают экстренные случаи.

Вспомнила свою «заготовку». Уже завтра её проверю и, если всё идёт по плану, то уже через неделю в лаборатории Роберта Тиндаля смогу попробовать синтезировать пенициллин.

Потом ещё одна соседка привела мальчишку, у которого болело ухо. За ними пришла пожала пара, жившая на другом конце улицы. И, как сказала, миссис Элис, не всегда даже здоровались.

Я проводила пожилую пару, дав несколько рекомендаций и попросила мужчину на следующий день прийти в больницу. Мне казалось, что нужно за ним понаблюдать, симптомы напоминали обострение гастрита.

Время было к обеду и как раз вернулись братья Белтон, которые с утра ходили смотреть на скачки.

Том, едва вошёл сразу спросил:

— Ма, а что это возле нашего дома очередь стоит.

Мы с Элис переглянулись и вышли во двор. За невысоким забором палисадника и вправду стояло около десяти человек, а между

ними сновал какой-то шустрый парень, к нам он сейчас был спиной, который говорил:

— С вас двадцать эре, и мисс доктор примет вас после обеда.

— Эй, — зычно крикнула миссис Элис, — ты кто такой?

Парень, совершенно незнакомый, во всяком случае я его видела впервые, оглянулся и сразу же бросился наутёк. Но народ здесь был тоже не промах, и ему сразу подставили подножку, а когда он растянулся на дороге, то схватили его и, держа за руки, подвели к нам.

Один из мужчин, который его держал, оказался с того же завода, где раньше, до аварии работал мистер Белтон, который как раз вышел из дома. Он только начал расхаживать ногу, поэтому старался пока далеко не ходить.

— Привет, Генри, ты каким судьбами? — спросил мистер Белтон.

— Привет, Григ, — ответил ему мужчина, — я на приём к мисс доктор, вот этот вот «помощник доктора» всех приглашал.

Я так удивилась предприимчивости молодого афериста, что даже растерялась.

— И что он вас всех пригласил? — спросила миссис Элис

— Да, — начали отвечать люди, — сказал, что только сегодня можно прийти и за двадцать эре посетить доктора.

Я вздохнула. А мистер Белтон не растерялся, кивнул сыновьям:

— Эй, ребята, потрясите «помощника» и верните людям деньги.

Но люди начали возмущаться:

— Эй, как это верните деньги, мы хотим, чтобы нас приняла мисс доктор.

Всех я принимать не стала, кого-то отправила в больницу:

— У нас бесплатная больница, вы всегда можете прийти на приём и вас осмотрят.

На что мне отвечали:

— А мы к вам хотим, вон вы мистера Белтона с инвалидного кресла подняли. Да ещё Миранда сказывала, что раньше дети у неё животами мучились, а теперь вон румяные бегают.

Приняла я только совсем старенькую женщину и двух женщин с детьми, остальных желающих, с помощью Тома и Барни, всё-таки отправила по домам.

Братья особо не церемонились, быстро народу объяснили, что к доктору надо приходить в больницу.

Кто-то начал возмущаться, что по-соседски можно и помочь, но здесь уже миссис Белтон вмешалась, заявив:

— А если я к тебе в лавку по-соседски приду, ты мне тоже просто так, за двадцать эре мяса отборного продашь?

После этого разговоры прекратились и мой выходной, всё-таки продолжился.

А вечером к дому подъехал знакомый автомобиль.

Глава 28

Мы сидели за чаем с семейством Белтон, поедали творожный пирог миссис Элис, и обсуждали сегодняшнее происшествие. Молодого афериста, который «продавал» визиты к доктору, решили в полицию не тащить, отпустили.

Он оказался одним из бывших пациентов больницы. Один раз попал с вывихом, второй раз с небольшим ожогом и заметил, что я по ночам частенько работаю как доктор. Проследил, что живу в небогатом рабочем районе, он и сам там недалеко проживал с матерью-старушкой.

А в субботу он услышал, как в лавке миссис Белтон всем хвасталась, что её «Лейлу пригласили на королевский бал и сама королева будет её награждать, потому как Лейла сдала экзамен на доктора, и скоро начнёт доктором в нашей больнице работать». Ну, видимо, голова у парня заработала «криминальным» образом, и он решил, чего добру пропадать, надо «подзаработать». Парень не ожидал, что столько людей соберётся, он рассчитывал сам к дому Белтонов не подходить, а в результате «жадность его сгубила». Увидев, что люди собираются, парень понял, что «денежки» пойдут мимо, ну и пошёл собирать, на чём и погорел.

Мы сидели пили чай и хохотали, потому что Том очень смешно рассказывал, как парень просил не отводить его в полицию. Потом, правда, смех слегка стих. Выяснилось, что дома у «предпринимателя» старенькая мать, которая еле ходит, и парни отдали «аферисту» те деньги, которые уже было не вернуть, потому что довольные пациенты разошлись. Не разносить же по домам.

Клаксон автомобиля прозвучал как раз тогда, когда Том закончил рассказывать.

Мистер Белтон сразу сказал:

— Это точно к Лейле, к нам миссис Белтон никто на автомобилях не приезжает.

Вышли мы вместе с Томом и Барни.

Автомобиль был знакомый, чему я крайне поразились. Вот никак не ожидала увидеть вечером в Ист Енде герцога Кентского,

ненаследного старшего принца.

Том и Барни вопросительно на меня посмотрели. Я сказала, что знаю кто там и прошла к автомобилю, не рассчитывая, что принц вдруг решит выйти и открыть мне дверь.

Постучала в окно. Окно медленно отворилось, в глубине автомобиля действительно был принц.

— Добрый вечер, Ваше Высочество, — сказала я

— Вы можете сесть в автомобиль? — вместо приветствия ответил принц

Пришлось садиться. Принц завёл двигатель.

— Мы что куда-то поедем? — спросила я, потому что стало как-то не по себе

— А в чём дело? — спросил принц, как будто не ожидал такого вопроса

— Уже поздно, Ваше высочество, мне завтра на работу, — ответила я, совершенно не собираясь никуда ехать на ночь глядя.

И здесь принц «провёл» запрещённый приём, потому что он произнёс:

— Ну тогда вы не узнаете, чем сегодня закончилась проверка приюта Святой Анны.

— Так быстро? Вы уже провели проверку? — удивилась я, рассчитывая на «тщеславность» мужчин и возможность того, что принц выдаст немного больше информации.

Принц усмехнулся и заявил:

— Хорошая попытка, мисс Лейла, засчитано, но я ничего вам не скажу. Что же, раз не хотите со мной поехать, то узнаете после окончания всего расследования из газет.

И здесь я решила обнаглеть:

— А обратно домой вы меня привезёте?

Принц уклончиво ответил:

— Вас доставят к дому.

Я вздохнула:

— Поедёмте, но прошу вас расскажите

Оказалось, что мои речи так подействовали на принца, что он решил не откладывать и заняться проверкой прямо на следующий день.

Принц сказал:

— На благотворительном балу было много людей, кто-то мог услышать, что вы назвали приют, когда обращались к королеве, в общем информация могла дойти до кого-то, кому знать было рано.

Принц посмотрел на меня, как-то странно:

— Тем более вы так призывали меня к порядку, рассчитывая на справедливое и не ленивое расследование, что я решил, не откладывая заняться этим вопросом.

И знаете, что я обнаружил? — спросил принц

— Что? — заинтересованно спросила я

— Ничего, — ответил Его Высочество, — я не обнаружил ровным счётом ничего, что бы противоречило тому, что я услышал от вас.

И это совершенно ужасно, — добавил он после недолгой паузы, — люди, которым доверено помогать детям, попавшим в сложную ситуацию, наживаются, совершая грязные и бесчестные дела.

Но знаете, мисс Лейла, что самое страшное? — спросил меня принц. И не дожидаясь пока я переспрошу, сказал:

— Что знали об этом многие, но никто за долгие годы не попытался изменить ситуацию. Будто бы такое скотство в порядке вещей. Вы первая об этом сказали, и я вам очень благодарен, поэтому решил, что вы должны узнать и увидеть, что я начал делать.

Были уже достаточно «плотные» сумерки, но я узнала ворота приюта, когда принц остановил машину.

И здесь он вышел из машины и открыл мне дверь. Я вышла, и мы прошли в приоткрытую калитку. Сперва мне показалось. Что на входе никого нет, но потом я увидела, что, во-первых, неподалёку от калитки стоял двое полисменов, а во-вторых, ещё двое, в форме сотрудников приюта, занимаются тем, что совершают обход территории.

Принц заметил, что я смотрю в сторону полицейских и сказал:

— Пока усилили охрану, после того как будут найдены все участники преступной цепочки, снова оставим только тех, кто работает в приюте.

Пока мы с принцем шли по коридорам приюта, тихим и полутёмным, я всё гадала, что такого принц хочет мне показать.

— Почему никого нет? — спросила я шёпотом, почему-то казалось, что громкие слова неуместны.

Принц также ответил негромко:

— Пока попросили всех оставаться в комнатах.

Мы прошли к кабинету директрисы. В приоткрытую дверь было видно саму мадам Стинк, бледную, с обвисшими щеками, будто бы она сразу похудела на двадцать килограммов, с трясущимися губами. Кто-то стоял у неё перед столом и давал ей указания.

Принц жестом показал мне подойти ближе к нему и к открытому кусочку.

— Сейчас вы пошлёте за нотариусом и ... — говоривший, как мне показалось намеренно сделал паузу, давая возможность мадам Стинк самой её закончить.

И мадам Стинк «справилась»

— и за мадам Л-лестар, — проямлила она.

— А что писать-то? — обиженным тоном спросила она.

Но тот, кто говорил, всё так же невозмутимо произнёс:

— Как обычно пишете, мадам, не надо ничего выдумывать. Сколько у вас на этой неделе выпускниц?

— Т-трое, — снова проямлила мадам Стинк и, если бы я не знала её, то я бы точно подумала, что она «бедная, несчастная женщина».

Принц отошёл от двери и снова жестом показал мне пройти за ним. Около кабинета мадам Стинк была ещё одна дверь, туда мы с принцем и вошли.

Я спросила:

— Мы что, будем здесь дожидаться, когда приедут те, кого мадам Стинк вызовет? — спросила я

Принц усмехнулся:

— Конечно нет, сегодня они уже вряд ли приедут, но они приедут завтра

Я расстроено произнесла:

— Я завтра работаю

— Вас это расстраивает? — спросил Его ироничное Высочество

— Нет, — возмутилась я, — я счастлива, завтра мой первый рабочий день как интерна.

— Тогда почему у вас такой расстроенный тон? — спросил принц

Я посмотрела на него и подумала, что он, наверное, издевается, ну не флиртует же он со мной на самом деле.

— Ваше Высочество, я же хочу узнать, что у вас получится, — совершенно нахально проговорила я.

— Мисс Лейла, вы узнали главное, — принц снисходительно улыбнулся, — то, что я начал вести расследование по вашему запросу, и это пока всё, что вам надо знать.

И вот что странно, я совсем не замечала его ожогов, то ли он приноровился стоять той стороной, где ожогов нет, и поэтому вся мимика была хорошо заметна. То ли за пару проведённых вместе часов, час в субботу и час сегодня, я уже привыкла к его внешности?

Вероятно, он первый человек в этой реальности, кого я воспринимала «равным». Это так странно звучало. Он же принц, а я здесь пока, по сути, никто.

Выпускница приюта, пытающаяся выкарабкаться из нищеты. Но это был факт, я не относилась к нему как к докторам, которых безусловно уважала, но понимала, что они просто в силу существующего уровня медицины пока не знают столько сколько знаю я, обучившаяся на опыте нескольких поколений «после них».

Я воспринимала принца так, как современника. Почему? Не знаю.

— Неужели «железная девушка», которая не растерялась на экзамене под взглядом строгих профессоров, и не побоялась заявить о происходящем преступлении самой королеве, обиделась на меня? — спросил принц

Я, видимо, задумалась, и принц счёл это признаком обиды.

— Нет, Ваше высочество, конечно же, я не обиделась, — сказала я, и добавила: — «На обиженных воду возят» *

(прим . автора: Скорее всего Лейла сказала : Hurt people are seldom at ease. И буквальный перевод таков: Обиженные люди редко чувствуют себя легко.)

— Интересная поговорка, — сказал Его Высочество, — но я всё равно покажу вам то, зачем привёл в эту комнату.

Принц взглянул на меня, словно проверяя уровень мой заинтересованности.

— Здесь картотека мадам Стинк

И принц вытащил два ящика, заполненные бумагами. Бумаги были сшиты в тетради и расставлены в ящиках.

Я вытащила первые три тетрадошки, там стояли незнакомые мне имена, и датированы они были двумя годами ранее от сегодняшнего числа.

«Конечно — подумала я, — я их точно знать не могла, памяти Лейлы мне не досталось»

И в этих тетрадках было подробно описаны паттерны поведения, характер, предрасположенности, и некий уровень внушаемости. На последней странице стояло цифра, причём на двух тетрадях она была указана, на одной две тысячи, на другой девятьсот. А вот на третьей тетради цифры не было. Там стоял прочерк и было написано: швея.

Я подняла глаза на принца, он наблюдал за мной и поэтому, не дожидаясь вопроса от меня, сказал:

— Да, мисс Лейла, вы правильно поняли, здесь всё, и характеристики воспитанниц, кстати весьма профессионально выполненные, и сколько мадам Стинк получила или не получила.

Я не удержалась и в присутствии члена королевской семьи, выругалась: — «Гадина».

Но принц не сделал мне замечание, он только сказал:

— Не переживайте, они все получают по заслугам.

И так это прозвучало, что я поверила. Получат.

Глава 29

Герцог Кентский, ненаследный принц Британии

Зачем я поехал к этой смешной девочке, мисс Лейла Кроули. Несуразная, тощая, совсем юная, но ведет себя так, как будто бы всё знает. Надо же, начала выяснять про «колени Его Величества». Но так искренне, что было неожиданно приятно.

И самое интересное, её будто бы не пугает и не отталкивает моя внешность. Да на меня даже мать не может прямо смотреть, всё время пытается отвести глаза.

У женщин два состояния, когда они общаются со мной. Они либо не могут смотреть, либо смотрят, и в их глазах появляется жалость.

А она смотрит. И никакой жалости или неловкости я не заметил. Обычная реакция не на внешность, а на происходящее. Кроме того момента, когда впервые с ней встретились в том доме. Как я вообще в такой ситуации оказался? Дурак.

Мне претило внимание женщин во дворце. Сначала, после гибели Виктории, я вообще ни на кого не смотрел, пока заживали раны, сначала физические, потом душевные, а потом физиология взяла своё. Начал присматриваться к женщинам, окружавшим меня во дворце. Обратил внимание на вдову барона Риша, Изабель. Спокойная, рассудительная, не очень молодая, не очень красивая, но по-женски привлекательна. Хотя мне в тот момент уже все женщины казались привлекательными.

Проявил внимание, вроде не испугалась, приняла подарки.

И вскоре у нас всё закрутилось. Сразу обозначил границы, она оказалась умной женщиной, никаких лишних разговоров, никаких обещаний и обязательств, кроме того, что пока мы вместе у неё никого не должно быть.

Так прошло два года. Но однажды мне пришлось уехать и не было меня около трёх месяцев. Вернулся я неожиданно. В разлуке появилась мысль о том, что возможно связать себя узами брака с баронессой, всё-таки нехорошо так, как происходит. Тем более что за эти два года я так привык к ней и подумал, что она может стать хорошей мамой для Кати.

Ехал и предвкушал, как она обрадуется. Мне кажется её тоже всё устраивало в наших отношениях, кроме того, что она была вынуждена их скрывать, её тяготило положение любовницы.

Конечно, это мезальянс, но после того, как я перестал быть наследным принцем, мне стало многое можно из того, что раньше было нельзя.

Вернувшись в столицу, сразу поехал в наш дом, который был куплен для баронессы. Своё небольшое поместье под Лондиниумом у неё было, в рабочее время она жила во дворце, в комнатах, полагающихся фрейлинам, они там жили то ли по двое, то ли по трое в одной комнате. И наличие своего дома в столице, позволяло ей в те дни, когда она не дежурила, уходить и отдыхать в комфортных условиях.

По дороге остановился, купил цветы. Кольца у меня не было, но это не проблема, зная баронессу, можно было не сомневаться, что она, как только получит моё предложение, то сразу найдёт возможность заказать кольцо у ювелира.

Неладное я почувствовал, ещё подъезжая к дому. На противоположной стороне улицы стоял припаркованный автомобиль.

Обычно я въезжал в ворота, во дворе дома было немного места под автомобиль, но ворота должен был кто-то открыть, а я не стал в этот раз предупреждать о своём приезде. Когда я предупреждал о визите, то меня обычно поджидали слуги рядом с воротами, и тогда они просто открывали ворота, я въезжал, и так мы с баронессой сохраняли хотя бы видимость конфиденциальности.

Поэтому сегодня я тоже припарковался на улице.

Что-то меня кольнуло. Такое на уровне ощущения: — «Что-то не так».

Но я отбросил эту мысль, дом стоял в хорошем районе, который населяли довольно зажиточные люди, может они и не относились к высшему свету, но крепко стояли на ногах, и вполне могли себе позволить и автомобили, и другие предметы роскоши.

Возможно, кто-то из соседей купил автомобиль,

Дверь в дом была заперта, но у меня был ключ. Открыл дверь, вошёл. Очень странно, мне показалось, что в доме вообще никого нет.

По крайней мере никого из слуг не было.

Из гостиной слышался разговор, сперва я хотел пройти, и даже подошёл к приоткрытой двери, но приостановился, услышав интересную фразу:

— Я не могу с ним быть, приезжает, страшный, шрамы эти, каждый раз после него чуть ли не до крови себя мочалкой тру, всё, мне кажется, на меня перейдёт. Не могу больше.

Меня как громом ударило, это же она про меня говорит. Интересно, кому?

Я встал так, чтобы рассмотреть комнату, через узкую щель приоткрытой двери. Внутри гостиной за столом сидела баронесса и напротив ней мужчина. К сожалению, или к счастью, мне не было видно его лица.

Я не хотел встречаться с баронессой и не хотел никоим образом обозначать своё присутствие. Противно стало.

Я знал, что ожоги сделали меня уродливым, но я никого не заставлял и мне казалось...

Мне казалось.

Я ушёл, аккуратно прикрыв за собой дверь, не стал дожидаться, чтобы увидеть, кто был у баронессы и кому она жаловалась на свою «несчастную» жизнь.

На следующий день, баронесса получила прощальный подарок и предписание освободить дом через неделю.

Каюсь, не удержался о мести и забрал дом, решив, что отныне буду покупать любовь у продажных женщин, и делать это буду в доме, который покупал для баронессы.

Но с первого же раза всё пошло не так. Во-первых, оказалось, что принцам крови не так просто пойти и найти с кем провести вечер. Пришлось нанимать специального человека, который должен был отобрать кандидатку.

Венерическими заболеваниями могут заболеть и принцы, и короли, и в задачу этого человека входило помочь мне этого избежать.

И этот идиот не придумал ничего лучше, как заявить в договоре, что мне нужна девственница.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю эпичное появление мисс Лейлы. Налетела словно ураган и обозвала уродом. И когда я снял маску, вздрогнула. Но это было только один раз. С тех пор

сколько бы мы не встречались я ни разу не увидел, ни страха, ни отвращения, ни жалости в её глазах.

Необычная девушка. И мне нравилось с ней общаться, она общалась со мной на равных, как будто бы периодически забывала, что я принц.

И мне это нравилось. Забавно.

***

Лейла Кроули

Мой первый рабочий день в роли интерна ознаменовался двумя вещами.

Первая и, пожалуй, самая приятная, мне выдали новый халат, на котором заботливой рукой Надин было вышито: мисс Лейла Кроули. Такие носили все доктора, а вторая то, что нам с Шушелем придётся работать вместе, потому что доктор Листер отдал нам травматологическое отделение.

Сдаётся мне, что доктор Джозеф сделал это для того, чтобы восстановить рабочую атмосферу в больнице. После выходов Шушеля я предпочитала держаться от него подальше. Но, возможно, доктор Джозеф и прав. Как работать в одной больнице, сохраняя дистанцию и не поддерживая никаких отношений.

Но первым делом я сходила проверила свою баночку, с будущим пенициллином.

Плесень росла, «перерождалась» и уже почти обрела изумрудную окраску. Пора было сообщить Роберту Тиндалю о том какой процесс в лаборатории мне будет нужен обязательно, вроде бы он говорил, что собирается помочь мне с веществами.

Пока мне будет нужна чашка петри*, или какой-либо сосуд её напоминающий, а дальше ещё неделя, чтобы сделать питательную среду и, используя её, из плесени выделить пенициллин.

(*Чашка Пётри — прозрачный лабораторный сосуд в форме невысокого плоского цилиндра, закрываемого прозрачной крышкой подобной формы, но несколько большего диаметра. Изобретена в 1877 году.)

Для питательной среды решила использовать агар-агар и сахар. Я уже узнала у Тиндаля, что агар-агар получен относительно недавно, и поэтому достаточно дорогой. Но мне не подходило больше ничего, и я очень рассчитывала, что Роберт поможет мне купить немного.

День прошёл сумбурно, пациенты обрадовались, увидев «нового» доктора, и, конечно, особенно женщины стали массово отказываться от осмотра у Шушеля. Мне пришлось ограничить осмотр определённым количеством пациентов.

Вечером, после работы, я собиралась пойти к Роберту Тиндалю, договорится с ним о времени, когда я смогу прийти со своим материалом.

Но не успела я выйти из больницы, как на дороге передо мной затормозил автомобиль, из него вышел ... «профессор» Йен, обошёл автомобиль, открыл мне дверь и сказал:

— Лейла, тебе надо поехать со мной, сегодня тебе по городу лучше не ходить

Потом оглянувшись, увидел, что неподалёку стоит Барни, и добавил:

— Даже с парнями Белтон.

Глава 30

У меня не было причин не доверять «профессору Йену», так же, как и не было причин доверять.

Человек, носящий маски, и ловко жонглирующий именами и титулами скорее всего опасен. Но вот опасен ли он лично для меня?

Поэтому прежде, чем сказать Барни, что ждать меня не надо, я спросила:

— А вы сегодня кто? Мистер Йен или марки...

— Тише, Лейла, — резко оборвал меня...всё-таки, Йен, и оглянулся, чтобы удостовериться в том, что рядом никого нет чтобы услышать, что я могла сказать.

Вряд ли сэр Александр Уилсон, виконт Эрли стал бы так себя вести. Насколько я его помнила в этом образе он был безупречен так, как будто бы у него за плечами было много поколений родовитых предков. Хотя, что я знаю о нём. Возможно, всё так и есть.

— Я собиралась завтра к мистеру Майклу, чтобы проверить швы и снять их, — сказала я и, видимо, в моём голосе прозвучало неподдельное сожаление.

— Лейла, ты слышала, что я сказал? — усмехнувшись спросил Йен, — тебе опасно сейчас ходить одной, да и вообще ходить, и добавил уже без смеха:

— Ты хоть понимаешь во что ты влезла?

Я вздохнула, понимая, что то, о чём говорит Йен связано с моим «выступлением» на королевском балу.

На всякий случай спросила, так ли это.

— Умная девочка, — кивнул Йен, — почему мне не сказала?

— Я говорила, но вы ничего не сделали, — я даже возмутилась

— А королева сделает? — с лёгкой иронией проговорил Йен

Теперь уже я оглянулась, и никого не увидев, всё равно понизила голос почти до шёпота прежде, чем сказать:

— Королева нет, а принц да

Надо было видеть лицо Йена, когда он воскликнул:

— Ты что? Ты ещё и принцу рассказала?

— Мистер Йен, тише, — сказала я, — иначе сейчас вся улица будет знать, о чём мы с вами говорим

— Лейла, садись в машину, сегодня тебе придётся переночевать в особняке, заодно посмотришь швы Майкла, а то мне всё сложнее и сложнее его уговаривать продолжать соблюдать назначенный режим. Даже твоя Дана уже с трудом справляется.

Я усмехнулась:

— Да, чем дольше приходится соблюдать постельный режим, тем больше портится характер.

— Я поеду с вами, — улыбнулась я, — но с одним условием

Мне даже показалось, что глаза «профессора Йена» «вылезли на лоб» от такой наглости, но он сдержался и в своей привычной ироничной манере спросил:

— И что желает «её высочество»?

— Мне нужно, — я даже чуть подпрыгнула, — обязательно нужно, сегодня попасть в Королевский институт, где работает Роберт Тиндаль.

— Лейла, садитесь уже, — потерял терпение Йен

— Сейчас, только Барни предупрежу — сказала я

Предупредив Барни, я всё-таки села в автомобиль, и, конечно же получила вопрос:

— А зачем тебе к Тиндалю? Почему бы тебе не воспользоваться предложением доктора Брюса?

— Мистер Йен, мне надо срочно, а ваша лаборатория ещё не готова

Мне показалось, что мистер Йен смутился. Это было настолько необычное зрелище, что я даже засмотрелась.

— Лейла, — наконец «выдавил» из себя мистер Йен, — иногда мне кажется, что ты старше меня

Теперь настала моя очередь смущаться. Я даже не ожидала от себя, что меня так смутит предположение Йена.

— Один – один, мистер Йен, вы меня раскусили, — сказала я и, улыбнувшись, «загробным» голосом добавила:

— На самом деле мне сто лет!

Йен расхохотался.

— Хорошо, мисс Лейла, я отвезу вас, но у меня тоже будет условие

Я выжидательно посмотрела на виконта, который торговался словно торговец на рынке

— Ты возмёшь меня с собой в лабораторию. С тобой Роберт Тиндаль меня пустит.

— А кого я возьму с собой в лабораторию?

— Конечно же виконта Эрли, неужели ты думаешь, что Йена интересуется наука

— Ну не знаю, я слышала, что вас называют профессором, — проявила я осведомлённость

— Конечно, называют, ведь я и есть профессор, у меня в отличие от многих других в этой среде целых пять классов школы, — ответил он, и затормозил:

— Приехали.

Как и говорил про Роберта Джон Абернети, тот, несмотря на вечер, всё ещё был в лаборатории, и никуда уходить не собирался.

Увидев меня, Роберт обрадовался, а вот с виконтом Эрли поздоровался довольно сухо, хотя и вспомнил с благодарностью, что тот всех пригласил к себе за стол и накормил.

Я снова поразилась недюжинному актёрскому перевоплощению Йена. Если из машины со мной выходил ещё Йен, то в лабораторию к Роберту вошёл виконт Эрли.

Как у него это получалось, никакого снобизма, он искренне пожал руку Тиндалю сказал, чтобы тот называл его Александром и вежливо попросил разрешения посмотреть, как устроена лаборатория.

И если вначале и тон, и поведение Роберта по отношению к Йену было довольно прохладным, то уже спустя пятнадцать минут разговора, глядя на мужчин их можно было назвать, если не друзьями, но по крайней мере приятелями.

Лаборатория Роберта мне понравилась, для моих целей у неё был несомненный плюс. В центре лаборатории были установлены две печки разных размеров. Одна из них при ближайшем рассмотрении оказалась... стерилизатором.

Сразу сложно было понять, потому что выглядела она своеобразно, но после того, как Роберт начал объяснять мне цель прибора, я чуть не запрыгала, я и не ожидала, что найду такое в этой реальности.

Спросила Роберта, сможет ли он обеспечить необходимые ингредиенты.

— Напишите мне всё, — сказал Роберт

Я написала в первую очередь агар-агар, сахар, и... картофель.

Роберт посмотрел на меня странно, но ничего не сказал. Я даже про себя его похвалила: — «Настоящий учёный».

Потом проверила наличие оборудования, нашла миску с плоским дном, попросила Роберта не использовать его пока и попросила простерилизовать.

Проволоки не было, но Роберт обещал найти. Я нарисовала примерную толщину и, что я из этой проволоки хочу сделать.

Теперь на меня странно смотрел и Йен-Александр.

И уже, когда я собиралась уходить, Роберт всё-таки не удержался и спросил:

— А что это за вещество будет?

— Это будет вещество, которое поможет вылечить грудную болезнь* и некоторые другие инфекции, — сказала я

(* В XIX веке пневмонию называли «лихорадочная грудная болезнь». В конце 1800-х и начале 1900-х годов пневмония в большинстве была основной причиной смерти от инфекционных заболеваний и третьей по значимости причиной смерти в целом.)

Мне показалось, что ни Роберт, ни Йен в это не поверили. Но, главное, чтобы помогли, а поверят, когда я получу пенициллин и смогу начать его применять.

В особняке Майкла, как и обычно было малоллюдно. Кроме Даны, которая очень обрадовалась, увидев меня, была ещё парочка слуг и, как поняла кто-то ещё работал на кухне, и всё.

Я довольно быстро провела осмотр, похвалила Дану за то, что ей удалось обеспечить нормальный уход за раной.

Снятие швов прошло почти идеально. Почти, потому что, Майкл то и дело пытался привстать и рассмотреть, а что э то я там делаю. И тем самым мышцы у него сокращались и мне не удавалось безболезненно и атравматично вытащить из него нитки. Наконец, мне это надоело, и я позвала Йена. Халата на него не было, поэтому попросила его переодеться, во что-нибудь домашнее и чистое.

Йен не нашёл ничего лучше, чем натянуть на себя «платье свое бабушки!

На самом деле я не знаю чьё это было платье, но оно было чистое и белое. Майкл ржал, и мне это тоже мешало, но в конце концов, всё прошло успешно. И карболка нам в помощь, всё было почти стерильно.

Даже Дане досталось попробовать. В самом конце, когда остался маленький кусок нити, я разрешила Дане снять его самой.

Йен всё-таки отказался везти меня домой, к Белтонам, и говорил, что именно сегодня ночью мне необходимо быть там, где никто не найдёт.

Но если бы я знала, чем закончится то, что именно сегодня я ночевала в другом месте, я бы сделала всё, чтобы быть дома.

Глава 31

Сгорел дом семьи Белтон. Почти полностью. Слава богу, все остались живы.

Но видеть сидящую с потерянным видом, на обгоревшей лавочке миссис Элис, было больно.

Эти люди стали мне семьёй, и вот теперь пострадали из-за меня. Но я не могла иначе, если бы мне довелось повторить своё «выступление» на королевском балу, я бы снова сделала то же самое.

Я корила себя за то, что уехала вчера и не предупредила Барни, чтобы они были осторожнее. Хотя здравый смысл подсказывал мне, что, если бы ребята ввязались в драку с поджигателями, то дело могло закончиться ещё хуже.

Дом, конечно, жалко, но его можно заново отстроить, а вот если бы что-то случилось с кем-то из Белтонов, я бы себе не простила.

Приехал констебль. Узнал, что я не ночевала дома, долго расспрашивал что и как. Спросил, могу ли я указать адрес, где была.

Конечно, я пока не могла указать адрес, мне надо было пообщаться с Йеном. А он завёз меня, увидел, что произошло, удостоверился, что все живы и куда-то укатил.

Констебль попросил пока не уезжать из города до выяснения всех обстоятельств.

Это называлось, что сначала мы были «бедные, а потом нас обокрали». Вместе с домом сгорели и кое-какие сбережения. Немного, потому что я по совету доктора Листера, открыла счёт в банке и часть зарплаты относил туда, но не самую большую часть. Теперь порадовалась, что послушалась доктора, хотя бы так.

Миссис Элис, увидев меня, обняла и расплакалась:

— Лейла, как же так? Где же мы будем теперь жить?

Я сама еле сдерживала слёзы, никак не могла сглотнуть ком в горле, но внутри меня зрела решимость, и в конце концов мне удалось выговорить так, чтобы это звучало не просто обнадеживающе, а так, чтобы все поверили:

— Миссис Элис, я обещаю, у вас обязательно будет свой дом, ещё лучше прежнего.

Миссис Элис даже плакать перестала, вцепилась мне в руку и сказала:

— Лейла, не делай глупости, мы с мистером Белтоном можем поехать к дочери. Мальчики поселяться в доходный дом. Уж на комнату они себе деньги заработают. Ты, главное, не делай ничего такого о чём потом можешь пожалеть.

Я вспомнила, как такое же совсем недавно говорила Дане и грустно улыбнулась. Нет, конечно, такого я не сделаю, потому что у меня есть, что предложить...Йену в обмен на дом для семьи Белтон.

Миссис Белтон удалось схватить кое-какие сбережения, который она держала под матрасом и поэтому немного денег на первое время было.

Стали думать куда пока переселиться, когда посчитали, то выяснилось, что должно хватить примерно на месяц, если снимать дом. И вдруг раздался голос, причём он показался мне смутно знакомым, какой-то мужчина или парень звал Тома.

Присмотревшись, я узнала в парнишке «афериста», который «продавал» докторские осмотры. Интересно, а он зачем здесь?

Я увидела, как Том подошёл к нему, и они о чём-то поговорили, потом Том подошёл к нам с Элис и сказал:

— Ма, Лейла, Мак приглашает нас пожить в его доме.

— Мак? — удивилась миссис Элис, — а кто это?

Парнишка стоял неподалёку и мял в руках кепку. Мы с миссис Элис повернулись к нему, и он под нашим двойным взглядом скукожился и робко сказал:

— Добрый день, миссис, мисс доктор.

Миссис Элис даже оживилась, а стоявший рядом с ней мистер Белтон, спросил:

— Значит тебя зовут Мак, парень?

Парень немного замялся, а потом произнёс:

— Вообще-то Макинтош, но все зовут меня Мак, сэр

Снова подал голос Том:

— Ма, па, парень дело предлагает, у него дом большой, а мамка болеет,

На этих словах Том взглянул на меня.

Мак тоже оживился и произнёс:

— Только вот у нас там нет воды и электричества, потому что мне нечем было заплатить и отключили, а так дом действительно большой.

Мы переглянулись с миссис Элис, с мистером Белтоном и он, как глава семьи озвучил:

— Ну, пошли, что ли?

И мы, подхватив нехитрые пожитки, которые удалось вытянуть из горящего дома, мы пошли за Маком.

Я шла и размышляла о том, что братья Белтон не стали подавать в полицию на него, отпустили, да ещё и денег оставили. И вот теперь он пришёл к нам на помощь.

«Делай добро и бросай его в воду. Оно не пропадет — добром к тебе вернется» — вот она настоящая правда.

До начала моего рабочего дня оставалось совсем немного времени, и я не хотела опаздывать, но и оставлять семью Белтон тоже не хотела. Решила, что успею добежать или возьму извозчика.

Но оказалось, что парень жил совсем рядом. Причём у них был добротный каменный дом. Даже было странно, что при тех обстоятельствах, которые толкнули Мака не жульничество, ему удалось сохранить это дом и он его не продал, не влез в долги, не заложил.

Дом Мака был двухэтажный в два раза больше, чем сгоревший дом семьи Белтон.

Мы прошли внутрь, снаружи дом смотрелся гораздо интереснее, внутри было откровенно грязно.

Я не удержалась и спросила Мака:

— Ты, что вообще не убирался?

Он пожал плечами и честно сказал:

— Нет

Мы с Элис вздохнули, а мистер Белтон покачал головой так, что стало понятно, что кому-то вскоре предстоит узнать много нового.

Интересно, как скоро Мак пожалеет, что впустил нас в свой дом.

Конечно, для нас всех это было огромное везение. Несколько свободных комнат на нижнем этаже и на верхнем. Только требовалось отмыть и постирать бельё. Мама Макинтоша оказалась тихая пожилая уже женщина, хотя судя потому, сколько лет было самому Маку, ей никак не должно было быть больше сорока-сорока пяти. Но, по всей видимости болезнь также сказалась на её внешности.

— Что с твоей матерью? — спросила я Мака.

— После гибели отца, она потеряла связь с реальностью, — ответил парень, и грустно добавил, — она осталась вполне самостоятельной, но иногда заговаривается, или замыкается. Будто бы ничего не слышит.

Я взглянула на часы. Время показывало, что мне надо не просто бежать, а нестись «вместе с ветром».

Я извинилась, что не смогу остаться помогать, но миссис Элис меня успокоила:

— Лейла, да о чём ты, смотри у меня какие помощники и она показала рукой на сыновей и Мака, который вдруг осознал, что «свободная» жизнь закончилась.

Голодная «жизнь» тоже, но до этого момента ещё надо потрудиться, потому как миссис Элис сказала, что на такой грязной кухне она точно готовить не будет.

Я же перед уходом сказала Маку:

— Вернусь посмотрю твою маму обязательно. Спасибо тебе.

Дала ему крону и попросила оплатить воду и электричество, но выяснилось, что стоило это четыре кроны, и их уже дала миссис Элис.

Пришлось у него крону отбирать, и нести её миссис Элис, которая сначала не хотела брать, но потом, когда я сказала, что это нам на бельё, на какие-то общие вещи, которые сгорели, то взяла.

***

Максимилиан. Герцог Кентский.

Я сидел и смотрел на характеристику Лейли Кроули, про которую она сама даже не спросила, когда мы были в приюте. Как будто бы ей не было интересно, что о ней написано.

В характеристике было указано, что девушка хорошо училась, но особым умом не блистала, была целеустремлённой, но зависела от мнения остальных. Любила тишину и не отличалась особой смелостью.

Я понял, что данная характеристика совершенно не соответствовала той молодой женщине, которую я узнал под именем Лейла Кроули. Не могла же она так измениться всего за несколько месяцев. Да ещё и соглядатай, которого я внедрил в больницу Харли, сообщил, что девушка имеет весьма хорошую репутацию среди докторов и пациентов, и несмотря на то, что только что получила

звание интерна, именно к ней устраивается очередь, а не к тому интерну, который работает дольше.

Но были и ещё странности, несколько раз «девицу Кроули», как было указано в докладе, забирали на автомобиле, который был зарегистрирован на некоего Майкла Джерарда, банкира и владельца компании по торговле хлопком.

Что-то с ней не то, — подумал я, — не бывают выпускницы приюта гениальными докторами, и не водят знакомства с банкирами, если только...нет...о таком думать не хотелось, я же помню её возмущение, когда она набросилась на меня в том доме.

И я уже почти решился на то, чтобы заехать к ней в больницу и прямо спросить, с кем она связана.

Но вдруг по защищённому каналу раздался звонок, на эту линию могли звонить только четыре человека, и трёх из них совершенно точно сейчас не было в стране. А вот один был.

Я взял трубку и оттуда раздался немного хриплый голос Александра Уилсона:

— Макс, привет, надо поговорить

Я от удивления даже забыл про Лейлу Кроули:

— С ума сошёл, столько лет потратили на внедрение

— Тогда слушай, — сказал Александр, — ты там разворошил «осиное гнездо» с этим приютом, и сегодня мисс Лейла чуть не сгорела вместе с домом. Будь добр разберись, я не смогу её каждый день забирать к себе.

И один из самых законспирированных сотрудников службы разведки Британии, Александр Уилсон, виконт Эрли отключился.

Глава 32

Максимилиан. Герцог Кентский.

Я сидел и смотрел на телефон и ничего не понимал. Ка-ак Александр связан с Лейлой Кроули! И почему он ставит под риск многолетнюю операцию, звонит мне сам, чтобы сообщить, что на мисс Кроули совершено покушение.

Я что вчера уснул, а проснулся в другой реальности? Если сейчас придёт король и тоже скажет мне про Кроули, то я уже не удивлюсь.

Но король не пришёл и это меня примирило с происходящим. Значит всё-таки я в здравом уме. Но с мисс Кроули определённо над поговорить. Возможно, что она прольёт свет на то, почему Александр Уилсон беспокоится о ней, и расскажет кто за ней приезжает на машине банкира.

А ещё, я вспомнил, как она предлагала помощь для короля. Конечно, к королю её никто не подпустит, но я могу и сам попробовать стать её пациентом. Пусть посмотрит, можно ли что-то сделать с плечом. Иногда эта тянущая боль так изматывает, что хочется кого-то убить.

А заодно разберусь, что с ней не так.

***

Лейла Кроули

В больницу немного опоздала, и сразу же столкнулась с недовольным Пьером Шушелем, который в последнее время старался сдерживаться. Но иногда из него «вылезало». Вот и сегодня, Пьер, не сдержавшись, прямо перед палатой больных и в присутствии медицинских сестер, заявил:

— О! Вот и наша звезда пришла! Мы так рады мисс Лейла, что вы решили почтить нас своим присутствием.

Но когда из палаты раздалось:

— Мисс Лейла пришла, кто первый?

Лицо Шушеля скривилось, и он поджал губы и прошипел:

— Я, вероятно, здесь лишний?

— Пьер, — попыталась я сгладить ситуацию, — прошу тебя, давай сделаем обход и потом я расскажу тебе почему я опоздала.

Но Шушель сунул мне в руки папку с и, быстро проговорив, что его пригласили ассистировать на операцию, просто взял и ушёл.

Это было крайне непрофессионально, но с точки зрения профессиональной зависти к более успешному коллеге, я могла понять Пьера. Он просто не знал, что у него нет шансов, потому что тот объём знаний, который был накоплен у меня, не шёл ни в какое сравнение с его небольшим пока опытом.

Но будь Шушель поумнее, наоборот воспользовался бы тем, что может работать рядом с человеком, который знает больше. Тем более, что я всегда делилась какими-то общими вещами, которые могли сделать лечение более эффективным или принести облегчение больным.

Но долго размышлять над странностями в поведении Шушеля я не могла, больные не ждали и я, взглянув на больничные карты, которые лежали в папке, которую сунул мне Шушель, вдохнула, и улыбаясь вошла в палату.

День начался.

Сегодня вечером я снова собиралась поехать в лабораторию доктора Роберта. Нужно было начинать работать над вакцинами. Мне было страшно каждый раз, когда в больницу приходили с детьми, я каждый раз боялась диагностировать инфекционное заболевание, против которого у меня не будет лекарства. И лучший способ перестать бояться — это начать делать вакцины. По крайней мере для создания вакцин против дифтерии, туберкулёза и коклюша здесь в этой реальности уже всё есть.

И что самое интересное, мне не надо будет проводить испытания, получив формулу я точно буду знать, как она действует.

Я намеренно не просила доктора Листера перевести меня в детское отделение, которое, по сути, даже не было отделением, а просто под детей была выделена большая палата. Но я каждый день после того, как заканчивала обходы в травме, шла к детям.

Там на ежедневной основе работали двое докторов: сам доктор Листер и доктор Грум, который больше занимался женскими болезнями, ну и вёл детей. Подростки уже находились во взрослых отделениях.

Как интерн я должна была отработать в каждом направлении определённое время, поэтому к педиатрии я целенаправленно шла, как

к последнему этапу интернатуры.

Доктор Грум тоже был последователем доктора Листера и применял его методы обеззараживания, поэтому в нашей больнице смертность рожениц была крайне низкой. Женщина могла умереть только в результате имевшейся патологии, а с точки зрения того, как у нас принимали роды, у доктора Грума всё было очень чётко.

Но, видимо, сегодня был какой-то сложный день, потому что стоило мне подойти в «женское» крыло, как меня тут же схватил доктор Грум и потащил в сторону операционной.

— Мисс Лейла, вы должны мне помочь, я один не справляюсь. Доктор Листер сегодня дежурил ночью и уже уехал, Шушеля вашего я выгнал. Его чуть не стошнило. Совсем не годится для хирургической работы.

В предоперационной комнате была медсестра, она тут же помогла мне вымыть руки, и обработать их карболовой кислотой. Я подумала, что, если в ближайшее время не введу перчатки, то попав на постоянной основе в хирургию, останусь без кожи на руках.

В операционной находилась роженица, выглядела она обессилено.

Я спросила доктора Грума сколько уже идут схватки. Он сказал, что женщину к ним привезли после того, как она около двенадцати часов пыталась родить дома с повитухой, ребёнок первый.

— У неё ребёнок лежит неправильно, — сказал доктор Грум, — и родовая деятельность слабая, у неё схваток нет уже, она не может родить. И я вас позвал, Лейла, чтобы вы помогли мне вытащить из неё ребёнка.

— А чем мы с вами будем зашивать матку? — спросила я, понимая, что кетгута у меня так и нет.

— А зачем ей зашивать, там же должен образоваться внутренний рубец, — сказал мне доктор Грум

— Нет, не образуется, женщина погибнет раньше, — сказала я

— Но...

— Послушайте меня, доктор Грум, — сказала я, уже плюнув на то, что буду говорить вещи, которые здесь пока неизвестны, жизнь человека важнее моих тайн, — если не зашить матку кровь попадёт в брюшину и летальный исход гарантирован. Поэтому пока нет возможности зашить матку, мы с вами этого делать не будем.

— А что ж мы сделаем? — доктор Грум недоумевал

— Мы стимулируем родовую деятельность, и я рукой поверну ребёнка, — сказала я и показала руку, — видите у меня рука маленькая я смогу.

Доктор Грум колебался недолго, похоже он мне так до конца и не поверил, но махнул рукой, и сказал:

— Действуйте, говорите, что надо.

С помощью Надин, нашли слабительные настойки из пижмы и сенны, в дополнение к этому добавили касторовое масло. Я подумала, что бедной женщине будет невкусно и неприятно, но зато останется жить и с божьей помощью и ребёночка спасём.

Хорошо, что её привезли через двенадцать часов, а не через сутки.

Через час после приёма матка начала сокращаться, и сперва я попробовала сделать наружный акушерский поворот через брюшную стенку, но после некоторых усилий поняла, что плод разворачивается обратно в тазовое предлежание.

Тогда пришлось делать комбинированный. Это было и больно для роженицы и опасно, потому что воды уже отошли, и можно было травмировать роженицу. Но это всё-таки было гораздо безопаснее «кесарева», без возможности зашить разрезы на внутренних органах.

Всё-таки правильно говорят «глаза боятся, а руки делают», быстро нашла ножку плода, обхватила и начала осторожно поворачивать, помогая себе другой рукой, снаружи живота роженицы. Сложность была в том, что надо было сразу очень быстро вытащить плод, как только удастся его развернуть.

Здесь помог доктор Грум, Я его попросила, «работать» с роженицей и ему удалось уставшую измученную женщину уговорить начать тужиться в нужный момент, благодаря чему мне удалось вытащить ребёнка и избежать асфиксии* плода.

(*Асфиксия — удушье)

Доктор Грум смотрел на меня как на чудо, когда роженицу медсёстры протёрли влажными пелёнками. Небольшие разрывы, конечно, были, но внешние.

— Это прорыв — сказал доктор Грум

На что я ответила, что прорыв будет, когда мы сможем зашивать внутренние органы.

Ближе к обеду в больницу кто-то «принёс» новость о том, что ночью сгорел дом семьи Белтон.

Мы как раз решили перекусить и все доктора и интерны, кто сегодня работал, находились в ординаторской, когда одна из медсестёр рассказала об этом.

И здесь Шушель проявил осведомлённость:

— Мисс Лейла, а Белтоны, это случайно не та семья, в ломе которой вы снимаете комнату?

Я вздохнула и кивнула:

— Да, Пьер, это их дом сгорел, к сожалению

— Так вы поэтому сегодня опоздали? — с неподдельным сожалением воскликнул Пьер

Я снова кивнула. А вечером, когда я собиралась уходить домой, ко мне подошёл доктор Стен и протянул мне небольшую пачку крон.

— Что это? — недоумённо спросила я

— Лейла, это для тебя коллеги собрали, возьми, мы же понимаем, что у тебя всё сгорело, — произнёс доктор Стен

Это была чистая правда, все платья, подаренные мне супругой доктора Листера, всякие нужные женские штуки, обувь, даже вещи, которые я хранила в память о Лейле, и те больше не существовали, превратившись в пепел.

— Бери, — ещё раз повторил доктор Стен и просто впихнул мне деньги в руку, — даже Шушель поучаствовал, и не волнуйся не последнее отдали, возьми, это от души.

И я взяла, и подумала, что несмотря на какие-то вещи, в основном мне очень везёт в этом мире.

Я вышла из больницы и увидела большой чёрный автомобиль Его Высочества.

Глава 33

Интересно, а он может отвезти меня к Роберту Тиндалю в лабораторию? — подумала я, — и не будет ли большой наглостью его об этом попросить?

Я перевесила на другое плечо большую сумку, которую мне одолжила Надин, и в которой сейчас лежал самый ценный компонент, банка с зелёной плесенью. Будущий пенициллин.

И смело пошла к автомобилю. Я понимала, что принц скорее всего не станет выходить из автомобиля. Подошла автомобилю и склонилась, чтобы постучать в стекло.

Его Высочество сидел, задумавшись и я видела только его правый профиль. Принц до трагедии явно был очень красив.

Интересно, что во дворце я видела портреты, но ни на одном из них не было принца Максимилиана. Я совершенно недавно узнала, как его зовут, так было неловко, когда коллеги в больнице расспрашивали про бал, и Надин с укором сказала:

— Ну что же ты с принцем Максимилианом не станцевала.

И я подумала, что она говорит о младшем принце, и сказала, что младшего я близко не видела, но Надин удивлённо взглянула на меня и сказала, так я о старшем говорю, младшего же зовут Джордж. И покачала головой: — «И чему только вас в приюте учили»

Так что я постучала в окно автомобиля принца Максимилиана, который по какой-то причине снова приехал, хотя, если честно, то я ждала Йена, который действительно был взволнован, говоря, что мне не стоит пока ходить одной.

Придётся сегодня снова братьев отпускать, если, конечно, принц согласится отвезти меня в институт.

Принц приоткрыл окно и сказал:

— Садитесь в автомобиль, мисс Лейла

Слегка усмехнувшись, добавил:

— Теперь же мы уже с вами знакомы и мне не придётся долго вас уговаривать?

— Вашу Высочество, а мы надолго? — спросила я принца, всё-таки усевшись в автомобиль

— А что, вы уже спешите? — в тоне принца сквозила язвительность

— У меня встреча назначена, — сообщила я, совершенно не подумав, как это прозвучит для этого времени

У принца слегка вытянулось лицо.

— Встреча? Вечером? — удивлённо спросил он

— Конечно, вечером, Ваше Высочество, днём же я работаю, — недоумённо сказала я, не понимая почему принц так удивляется.

Но принц дураком не был, поэтому до него пусть и не сразу, но дошло, что я не на вечернее свидание собираюсь, а на встречу, поэтому принц спросил:

— А с кем у вас встреча, мисс Лейла, если не секрет?

— Встреча у меня в лаборатории с доктором Робертом Тиндалем, и мне очень хотелось туда попасть пораньше. Это очень важно.

И здесь принц сделал то, о чём я так и не решилась его попросить. Он предложил подвезти меня до лаборатории, если по дороге я с ним поговорю.

— А обратно?

— Да вам мисс Лейла «палец в рот не клади*», — усмехнулся принц

(* скорее всего принц произнёс фразеологизм на английском и звучал бы он следующим образом «as smart as a steel trap» дословный перевод — вы сообразительны (умны, хитры), как стальной капкан)

— Даже не знаю, Ваше Высочество, это похвала или наоборот. Так вы отвезёте?

— Конечно мисс, не оставлю же я вас на другом конце Лондиниума одну добираться до дома.

Я попросила принца подождать и сбегала предупредила Тома и Барни, что еду по делам, а вечером меня привезут.

— Лейла, — сказал мне Том, когда я уже собиралась бежать обратно к автомобилю, — ты нам как сестра, будь осторожна, все эти богачи, у них одно на уме.

Я улыбнулась:

— Спасибо, Том, Барни. Я вас тоже люблю, братишки

Машина принца ехала немного по-другому, не так, как у Йена, она была более плавная что ли, может за счёт размера, и меня начало

немного укачивать. Всё-таки был непростой день. А принц почему-то молчал.

И тогда я сказала сама:

— Ваше Высочество вы хотели поговорить

— Да, мисс, Лейла, что там за история со сгоревшим домом? — словно очнувшись от мыслей спросил принц

Не сказать, чтобы я удивилась. Ничего себе информированность у принца. Он точно, глава разведки или тайной службы, но с чего бы ему спрашивать?

— Да, Ваше Высочество, крайне неприятная ситуация, сегодня ночью сгорел дом семьи Белтон, у которых я снимала комнату. Хорошо, что ещё никто не пострадал, сгорели все вещи и дом.

— Вам есть где жить? — спросил принц

Я поразились такому вопросу, с чего бы принцу волноваться о том, где мне жить, но ответила:

— Да нас приютили, мир не без добрых людей.

Принц спросил не помню ли я фамилию констебля, который фиксировал данные на месте пожара. Но я, к сожалению, вспомнить не смогла.

Принц снова замолчал. И у меня создалось впечатление, что он хочет о чём-то спросить, но не знает как. Интересно, о чём?

Принц заговорил, но спросил явно не то, что хотел:

— Мисс Лейла, а расскажите, что за дело у вас в лаборатории Тиндаля?

— Мы с доктором Тинадалем будем готовить одну вещь, которая нужна для того, чтобы сделать уникальное лекарство.

Принц явно заинтересовался и спросил:

— А что за лекарство? Отчего оно?

Я помолчала, но варианта отговорится не было, и я повторила то, что говорила и Йену-Александру и Роберту:

— Это лекарство может вылечить грудную болезнь

Принц пару мгновений молчал, потом с явным недоверием в голосе спросил:

— Вы серьёзно думаете, что можете сделать такое лекарство?

Пришлось отвечать:

— Ваше Высочество, я понимаю ваше недоверие, но я знаю, что я смогу

Принц снова замолчал, был слышен шорох резины о брусчатку. Почему вдруг заметила, что в салоне пахло приятным хвойно-древесным ароматом. Примерно так же пахло и у Йена в машине.

Я подумала, что вероятно, это какой-то модный парфюм, и отчего-то мне пришла в голову мысль, что у меня нет духов. Духи стоили каких-то невероятных денег. До пожара миссис Элис выращивала в палисаднике лаванду и полынь, сушила их и потом замачивала, этими настоями можно было протирать кожу или добавлять в воду чтобы промыть волосы и тогда аромат был даже лучше, чем от духов.

Я задумалась, и даже вздрогнула, когда от принца прозвучало:

— Мы приехали

Выходя из машины, я поняла, что сейчас принц, скорее всего тоже напросится вместе со мной к доктору Роберту в лабораторию. Бедный Роберт, у него «взорвётся» мозг. Вчера приезжала с виконтом, сегодня с принцем, а завтра с кем приедет?

Принц даже не стал напрашиваться, он просто пошёл вместе со мной. Ну да, он же принц.

Роберт Тиндаль всё-таки уникальный человек, настоящий учёный. Он не стал ничего додумывать, сразу принял, что исследования мисс настолько необычны и революционны, что сильные мира сего ими интересуются. И тут же озвучил принцу что ему нужны деньги на то, чтобы закончить исследования по дробной стерилизации*.

(*В нашей реальности учёного, открывшего и разработавшего дробную стерилизацию звали Джон Тиндаль. Метод получил название в честь учёного — тиндализация)

Принц всё записал, но попросил подготовить материалы для учёного совета.

Я знала о чём говорит доктор Роберт и его открытие было весьма необходимым, как для фармацевтики, так и для пищевой промышленности.

Наконец мы подошли к моему вопросу и доктор Роберт сказал:

— Мисс Лейла, всё что вы просили, привезли, можно сегодня сделать вашу питательную среду.

Я видела, что принца тоже одолевает любопытство, и мне даже было интересно как он среагирует на то, что я буду... варить картофель.

На лице Его высочество ожидаемо отразилось разочарование, когда он увидел, что я поместила в ёмкость с кипящей водой несколько нарезанных тонкими ломтиками неочищенных картофелин.

Процесс был не быстрый, так что я постаралась объяснить, что и зачем я делаю. И, если доктор Тиндаль понимал о чём я говорю, то принц всё ещё реагировал довольно скептически. Доктор Роберт даже на него попытался обидеться. Потому что его исследования тоже были завязаны на теорию микроорганизмов и микробиологии.

— Если вы их не видите, это не значит, что их не существует, — распалился доктор Роберт, — но вы же образованный человек, Ваше Высочество, вы же должны понимать, что молоко прокисает не потому, что кто-то на него косо посмотрел.

Я процедила получившуюся жидкость, которая получилась довольно густая после того, как я её охладила, так что пришлось доливать ещё воды, прежде чем добавлять агар-агар и сахар. После чего быстро размешала и перелила в две миски с плоским дном, которые были для меня специально простерилизованы доктором Тиндалем.

Миски я накрыла чистой тонкой тряпочкой, и мы все ещё немного подождали загустения.

Примерно через полчаса, я попросила Роберта подготовить проволоку. Наступал самый ответственный момент, от успеха которого зависело, получу я сразу первый в этой реальности антибиотик, или придётся делать ещё раз.

Сложность заключалась в том, чтобы раскалить проволоку и остудить её до такой температуры, чтобы не сжечь полезные грибки.

Принц, да и доктор Роберт, наблюдали за мной затаив дыхание, а я чувствовала себя какой-то ведьмой, которая «варит колдовское зелье».

Подождав, когда проволока остынет, я осторожно подцепляла плесень и стараясь не нарушить целостность гладенькой поверхности питательной среды, чтобы не произошло смешивания, легким движением размазывала плесень по поверхности. Когда обе емкости прошли эту процедуру, я их снова накрыла и мы с доктором Робертом их убрали.

— Теперь надо ждать неделю, — сказала я, — когда вызреет, должна образоваться жёлтая жидкость, это и будет лекарство, но его надо будет обрабатывать и находить нужную пропорцию.

— Вам что-то ещё понадобится, мисс Лейла? — спросил меня доктор Роберт

— Да, мне нужна будет морская соль

На самом деле мне была нужна соляная кислота, но я не успела узнать, есть она уже или нет, поэтому решила, сделать её сама.

За окном лаборатории была почти ночь. Доктор Роберт спросил:

— Мисс Лейла, уже ночь, как вы будете добираться?

Я взглянула на принца, то покачал головой:

— Ну что вы так смотрите, я же обещал, что отвезу вас

Мы распрощались с доктором Робертом, который жил при институте.

А на обратном пути принц всё-таки высказался.

Глава 34

— Вы очень необычная девушка, мисс Лейла. И у меня к вам накопились вопросы. Но я вижу, что вы устали, поэтому предлагаю вам завтра вечером не планировать встреч. Я заеду за вами, и мы поговорим.

— О чём, Ваше высочество? Вас интересует что-то конкретное?
— удивлённо спросила я.

Принц вздохнул, как будто бы он ожидал, что я сейчас буду выяснять какие-то вещи, о которых он как раз собирался говорить завтра, а не сегодня. Но ответил:

— Ну, может поделитесь какие в вашей необычайно умной головке, есть ещё идеи. Возможно, я смогу вам помочь

Я подумала, что на самом деле у принца были вопросы и по текущим идеям, но, как говорится, пока дают надо брать, и я вспомнила Тиндаля, который увидев принца сразу же начал говорить, что ему нужно.

В голову пришла мысль, что принцу не откажешь в проницательности, но он даже представить себе не может насколько я необычна. И я рассказала ему про то, что мне нужны натуральные нити для операций, которые можно использовать для сшивания внутренних органов. Пока не стала говорить про то, что нужны рассасывающиеся, мне показалось, что это прозвучит ещё более амбициозно, чем лекарство от грудной болезни.

— А что вам для этого надо? — спросил Его Высочество

— Мне надо попасть на овечью ферму, — ответила я

Принц замолчал, и я уже подумала, что, видимо, использовала всё терпение принца, но я ошиблась.

— И как овцы связаны с нитями для операций, — неожиданно произнёс принц

— Мне нужны овечьи кишки, — сказала я, и мне показалось, что принц передёрнулся.

Ну а что, я же доктор, а мы такие, не очень похожи на нежных барышень даже, если с виду ими и являемся.

— Надеюсь, что более подробно вы расскажете по дороге на ферму, — прозвучало от принца

Я даже опешила:

— Вы меня отвезёте на ферму, Ваше Высочество? Сами?

— У меня как раз есть один свободный день, и, если он выпадает на ваш выходной, то я вас отвезу. А по дороге вы мне расскажете подробности.

— Ваше Высочество, тогда мне надо завтра снова попасть к доктору Тиндалю чтоб договориться о том, что мне понадобится его лаборатория, — сказала я, уже подсчитывая в уме, хватит ли мне денег на закупку овечьих кишок.

Я осмотрела машину принца и сообщила:

— Только надо взять какую то ёмкость, в которую мы сможем положить, то что купим на ферме.

Но принца не испугало даже это, он, мне даже показалось, что весело, сказал:

— Может доктор Тиндаль нам выдаст, у него там много всяких ёмкостей.

Тогда я осторожно спросила:

— А в какой день у вас выходной, Ваше Высочество?

И здесь от принца прозвучало совсем уж неожиданное:

— Мисс Лейла, спросите в больнице, в какой день смогут отпустить вас, а я постараюсь вам помочь и, если сам не смогу, то организую вам транспорт.

И так меня это поразило, что я замолчала, и даже забыла сказать спасибо.

А вот принц после недолгого молчания вдруг выдал:

— И ещё, я бы хотел воспользоваться вашим предложением о диагностике.

Я подумала, что делала принцу только одно предложение — про колени короля. И спросила:

— Вы всё-таки решили мне доверить сделать диагностику для Его Величества?

Принц улыбнулся, а учитывая, что я сидела с той стороны, где мышцы лица были поражены из-за рубцов, то мне показалось, что принц усмехнулся.

И, вероятно, если бы мне было восемнадцать, я бы сильно расстроилась, но мне было гораздо больше, поэтому я просто подождала, как принц разъяснит своё предложение. Я уже поняла, что в целом он адекватный, умный и прогрессивный человек, но, конечно, он аристократ и мужчина этого времени, что определяет его отношение к некоторым вопросам.

— Нет, мисс Лейла, колени Его Величества пока продолжают диагностировать королевские доктора, я имел в виду себя, — сообщил мне принц

Я не удержалась и спросила:

— У вас тоже колени, Ваше Высочество?

Но принц не понял или не среагировал на лёгкий сарказм, он просто ответил:

— У меня плечо. Вы же сможете посмотреть?

— А что говорят королевские доктора? — этот вопрос я задавала уже без сарказма, но меня немного напрягло то, что принц вдруг поменял своё мнение и решил либо проверить мои медицинские способности, либо ещё что-то решил. И мне хотелось бы понять что.

— Королевские доктора давно всё сказали, мисс Лейла, и я сразу хочу вам сказать, что я не рассчитываю на чудо и с вашей стороны, — честно и, как мне показалось, что безо всякой подоплёки, сказал принц.

Пару секунд помолчал и добавил:

— Мне показалось, что вы смотрите на обыденные вещи с другой стороны, возможно, что у вас не так много опыта, как у королевских докторов, но вдруг вы увидите какое-то нестандартное решение.

Я вздохнула: — «Ну вот, напросилась на свою голову. И где я буду Его Высочество осматривать?»

— Мисс Лейла, что вы замолчали? Возьметесь? Или я не настолько «интересные случаи», по сравнению с коленями его Величества?

Я тоже ответила честно:

— Ваше Высочество, ваш случай, не менее интересен, как и любой другой. Мне нравится решать нестандартные задачи и помогать людям. Но где я смогу вас осмотреть, не думаю, что вы придёте к нам в больницу на приём? Или придёте?

Принц тоже задумался. Очевидно, когда он решил «проверить» меня, то не подумал, что, во-первых, я женщина, во-вторых, я работаю в бесплатной больнице, и в-третьих, мне восемнадцать и я еще не совсем врач для всех окружающих.

— Я мог бы приехать к вам в больницу, но, конечно, это вызовет нездоровый интерес, в том числе и от прессы, — проговорил принц, — есть другой вариант, — принц слегка замялся, но после небольшой паузы продолжил:

— У меня есть дом, вы могли бы осмотреть меня там

У меня в голове забили тревожные колокольчики:

— А это случайно не ваш дом, для...

— Случайно он, — раздражённо ответил принц, как будто бы злясь на то, что его предложение выглядит по-дурацки, — но другого варианта у меня нет.

Я замолчала. Думала о том, что могу предложить Его Высочеству. Возможно, что он действительно изначально не продумал, что осмотр именно мной может быть связан с такими сложностями. И скорее всего так оно и было. Но у меня было предложение.

Начали мы одновременно:

— Забудьте, — сказал принц

— У меня есть идея, — сказала я

— Какая? — принц явно был открыт к диалогу.

— В районе, где я живу, все довольно рано отправляются спать, потому что в основном люди работают на фабриках или заводах и уже с рассветом встают, поэтому, если вы не против, то я могла бы вас осмотреть у нас в доме. Семья Белтон, они мне как родные, и они не станут лишней раз рассказывать прессе, или кому-то ещё, а вот мы с вами будем чувствовать себя комфортно, что это хоть и не больница, но зато вполне себе семейный дом.

Принц усмехнулся:

— Вы хотели сказать приличный дом.

Я не стала кокетничать:

— Да, Ваше Высочество, именно это я и хотела сказать, но я не хотела вас обидеть.

И добавила:

— Сегодня уже поздно, но мы можем провести осмотр завтра.

Машина затормозила. И я сначала не поняла, что произошло, а оказалось, что мы приехали. Но принц привёз меня не к тому дому, куда мы сегодня переехали, а к тому, который сгорел. И сейчас принц смотрел на оставшиеся от дома развалины и пепелище.

— Да, мисс Лейла, — глухим голосом сказал принц, — как же вам удалось выжить?

Я поняла, что, если я сейчас начну рассказывать, что я не ночевала дома, то это будет выглядеть крайне некрасиво. Только что отказалась провести врачебный осмотр больного в его городском ломе, а сама ездит на ночь в загородный особняк к пациенту.

И я сказала:

— Выжили все, Ваше Высочество, нам повезло

— Я в некоторой степени чувствую свою вину, — вдруг сообщил принц, — поэтому обеспечу семье Белтон возможность получить компенсацию от короны на расходы по восстановлению дома

Я была поражена, и поэтому сразу даже не нашла что сказать.

— Это было бы прекрасно, Ваше Высочество, — наконец-то выговорила я.

— Ладно, показывайте, куда ехать, — сказал принц

Я назвала адрес. Принц довёз меня, сам из автомобиля выходить не стал, и когда я попрощалась, тихо произнёс:

— Идите, мисс Лейла отдыхайте, а завтра я всё-таки подъеду к больнице, и мы с вами поговорим.

Глава 35

Миссис Элис не спала, прям как мама, ждала «загулявшую» дочь, не ложилась. Увидев, что я вошла, строго сказала:

— Лейла, ну разве же можно так, голодная, после рабочего дня ещё и весь вечер, наверняка работала.

И я вспомнила, что и вправду забыла поесть. Надо же, настолько увлеклась, что даже не вспомнила. Интересно, а что мужчины, они-то тоже были голодные или принц после ужина приехал?

Я не знала, чего мне хотелось больше есть или спать, но начала я с того, что вымылась. В этом доме котёл, но миссис Элис сказала, что его не спели посмотреть, уж очень давно он не работал, а вот воду дали после того, как Мак оплатил всю задолженность.

Я осмотрелась, дом не сказать, чтобы сильно преобразился, но стало гораздо чище, особенно на кухне. И в доме стало по-другому пахнуть.

Миссис Элис явно пекла пирожки. Освежившись, я пришла на кухню и услышала новости за день. Мак нигде не работал, поэтому, когда мужчины ушли на работу, то он и миссис Элис остались заниматься уборкой.

— Такой шалопай, — по-доброму проговорила миссис Элис, — всё время пытался от работы отлынивать. Но всё-таки сделал то, что я его просила, хотя и не док конца. Но вечером мальчики пришли доделали.

Она встала и показала мне печку:

— Смотри, Лейла, печь-то у них вон какая, не чета той, что у нас была

И я с удивлением увидела, практически современную плиту с духовкой, которая работала на газу, отдельно была установлена обычная плита, которую можно было отапливать либо дровами, либо углём.

— Видно, что богато жили, когда отец был жив, — произнесла миссис Элис, — да и парень видно, что грамоте обучался, а потом, видно, бросил школу-то или платить нечем стало, а в бесплатную уже не пошёл.

Я сидела и пила горячий напиток из сушёных ягод шиповника. Понятно, что миссис Эли его купила, её вкусные сборы все сгорели. И думала о том, как сказать, что принц обещал, что все расходы по восстановлению жилья семьи Белтон возьмёт на себя корона. Как это сказать так, чтобы поняли правильно.

Так и не придумала как сказать, и чуть не уснув за столом прошла в выделенную мне комнату.

Даже не обратила внимания что там было и как, просто поняла, что бельё чистое уснула, как только голова коснулась подушки.

На следующий день принц не приехал, и я сама в сопровождении Тома Белтона поехала в лабораторию к Роберту. Тот сперва удивился, вроде бы мы с ним попрощались на неделю. Но я рассказала ему про то, что помимо лекарства хочу попробовать сделать шовный материал и здесь мне понадобится его помощь, поскольку без стерилизации не обойтись.

Доктор Роберт сказал, что у него есть два студента, которые могут помочь с этой темой, а у одного из них как раз родители держат небольшую ферму. Он обещал с ними поговорить, и это было здорово, потому что мне нужны были «руки».

Так же, как и в дальнейшем руки понадобятся на пенициллин, если мне надо будет получить больше лекарства, то я не была уверена, что вот таким способом, который я выбрала, я смогу получить большие объёмы.

Роберт Тиндаль обещал мне завтра в больницу прислать одного из этих студентов.

— Им сподручнее будет до вас доехать, мисс Лейла, чемм вам каждый раз вечером сюда приезжать, — сказал он, — может и на ферму ехать не придётся, объясните парню, что вам надо, а я его отпущу на денёк, он всё и привезёт, заодно с родителями увидится.

И снова, никаких вопросов ни про принца, ни про виконта Эрли, доктор Тиндал мне не задал. Уникальный человек и учёный.

На следующий день ко мне в больницу действительно пришли двое молодых людей. Пришли раньше, чем закончился мой рабочий день, пришлось отпрашиваться, потому как за пять минут небольшого перерыва объяснить то, что мне нужно было невозможно.

Тот парнишка, у которого родители были фермеры, сразу понял, что я хочу. И даже лучше меня, потому что он сказал такую вещь, что

лучше брать определённую часть, а ещё, что надо специально вытаскивать и вырезать именно ту часть, иначе, если взять кишечник целиком, то у меня вряд ли получится самой вырезать то, что нужно.

В целом, он был готов уже на неделе поехать к родителям, чтобы к выходным привезти и мне эта идея понравилась. Договорились, что на следующий день, если доктор Роберт его отпустит, то он поедет на ферму.

Я подумала, что, если принц приедет вечером, то я смогу его обрадовать, что не надо меня везти ни на какую ферму, что всё устроил доктор Роберт

А вечером произошло событие, которое в принципе и должно было произойти. Всё тайное всегда становится явным. Вечером, когда я вышла с работы, напротив больницы стоял автомобиль Йена.

Конечно же автомобиль Йена стоял прямо напротив входа в больницу. Вот кому всегда было наплевать на мнение других.

Так получилось, что выходили мы из больницы вместе с Пьером Шушелем, и ещё несколькими служащими больницы. Пьер Шушель, к счастью, уже не пытался за мной ухаживать, да и вообще после истории с пожаром вёл себя довольно сдержанно.

Я ещё думала о том, сколько ему удастся продержаться. Ну и «накаркала». Шушель увидел стоящий автомобиль, да ещё и Йена, распахнувшего дверцу. Йен был в дурацкой шляпе и поэтому я надеялась, что Шушель по крайней мере не мог узнать в нём никого другого.

Причём Йен был взволнован, спешил и всё что он сказал, было произнесено несколько фамильярно, но я — то уже привыкла к Йену, а вот для других это звучало неоднозначно:

— Лейла, давай уже быстрее, мы с тобой и так задержались

И даже оглянулся на дорогу, как будто бы опасаясь, что, если мы не уедем, то что-то случится.

Шушель, не удержавшись довольно громко фыркнул сказал, что-то вроде: — «Ну вот, что и требовалось доказать!» и отвернулся.

Я запрыгнула в машину и уже, когда машина стала отъезжать, то мне показалось, что к зданию больницы подъехал автомобиль Его Высочества.

— Йен, останови, — воскликнула я, — мне показалось, что там Его Высочество подъехал, мне надо с ним поговорить.

И вдруг от Йена прозвучало:

— Поверь, Лейла, тебе точно не надо с ним говорить, особенно сегодня.

И, конечно же, он не остановился.

— Но почему? Ты не понимаешь Йен, у нас с Его Высочеством дела, ничего личного, — всё ещё пыталась я хоть как-то разрядить ситуацию и надеялась, что Йен всё-таки свернёт и позволит мне переговорить с принцем.

— Понимаешь, Лейла, — сказал Йен, — так сложилось, что я знаю Его Высочество уже давно, и он в целом неплохой человек, но он ненавидит, когда ему врут.

Я смотрела на Йена и не могла понять, как всё это относится ко мне.

Йен же, не отрываясь смотрел на дорогу.

— Йен, ты имеешь в виду, что я обманула принца? — с недоумением спросила я.

Йен хмыкнул и промолчал.

— Но я не обманы... — я вспомнила, что я не обманула, но и не сказала всей правды.

— Я смотрю что ты вспомнила, — сказал Йен

— Но я же не обманывала, я просто не договорила, — пробормотала я, сама понимая, что звучит так себе.

— В общем так, Лейла, там не только это, — как-то виновато сказал Йен, — там ещё наложился ряд факторов. Именно поэтому тебе лучше сегодня не встречаться с Его высочеством, потому что это может очень негативно сказаться на...

Йен замолчал, будто бы подбирая слова.

Я решила ему помочь и спросила:

— На моей карьере?

— Ну в целом да, — вздохнул Йен.

Я не сказать, чтобы расстроилась, но стало неприятно.

— А про факторы ты мне расскажешь? — после некоторого молчания спросила у Йена.

— Что смогу, Лейла, — ответил мне этот загадочный Йен-Александр.

Глава 36

— Ты можешь не входить в дом, Лейла, — повернувшись ко мне, сказал Йен, — я сам переговорю с Его Высочеством.

Я усмехнулась:

— И что мне, в кустах прятаться? Нет уж, мистер Йен, я не делала ничего предосудительного, поэтому если у Его Высочества есть ко мне вопросы, то пусть он мне их и задаст.

— Ну, как знаешь, Лейла, — хмыкнул Йен

— Пойдите, а как мне вас называть? Йен или виконт Эрли? — спросила я, спохватившись, что до сих пор не выяснила

Оказалось, что называть лучше Йен. Ну мне всё равно, я бы вообще хотела держаться подальше от этих непонятных людей и вещей.

Сегодня последний визит, осмотр мистера Майкла после снятия швов и, возможно, понадобится ещё один визит, но, если всё пойдёт хорошо, то попробую попросить Йена, больше не втягивать меня в эти вещи.

Если надо, пусть приходят в больницу.

Войдя в дом, я сразу увидела Дану, вжавшуюся, куда-то за колонну. Она выскочила оттуда:

— Лейла, как хорошо, что ты приехала, там... там

Дана никак не могла выговорить, от волнения у неё терялись слова и она, показывая глазами наверх повторяла:

— ...там...он там

— Дана, успокойся, сказала я и спросила, — там человек, которого мы с тобой встретили в «том» доме?

Дана закивала, глаза её были расширены от ужаса.

— Успокойся, ничего он тебе не сделает, возможно он тебя даже не узнает. Мне сегодня надо проверить, как идёт заживление после снятия швов у мистера Майкла и мне надо, чтобы ты собралась и помогла мне.

Йен молча смотрел, как я пытаюсь успокоить Дану. Возможно, что он сделал какие-то выводы, но пока не сказал ни слова. Зато

кивнул кому-то и вскоре появился лакей и с подносом, на котором стоял стакан с водой.

Вода была выпита, и мы с Ланой пошли в её комнату, мне надо было переодеться. Сама Дана уже была в хирургическом халате.

Я подумала, что так правильно: — «Мистер Майкл молодой привлекательный мужчина, а Дана восемнадцатилетняя девушка и незачем ей здесь носить какие-то платья, она сиделка, всё. Бесформенный хирургический халат лучшее решение».

У Даны был запасной хирургический халат и уже скоро мы пошли в комнату мистера Майкла. Дана несла перевязочный материал, сумка, в которой я держала коробку с инструментами, была у меня.

В комнату к мистеру Майклу я зашла, как и всегда, улыбаясь, и с вопросом:

— Как дела, мистер Майкл?

И сразу же наткнулась на колющий взгляд принца.

— Здравствуйте, мисс Лейла, — проговорил Его Высочество, с удивлением разглядывая мой халат.

Что мне оставалось делать?

— Добрый вечер, Ваше Высочество, — сказала я, — простите, но мне надо осмотреть пациента.

Мистер Майкл, который похоже уже не только лежал, но и периодически вставал, потому как был одет, произнёс:

— Здравствуйте, мисс доктор, у меня всё неплохо

Я же, убедившись, что принц пока не собирается дальше вести беседу, строго взглянула на Майкла и произнесла докторским тоном:

— Итак, мистер Майкл, я вижу, что вы уже начали ходить, хотя я просила вас немного подождать.

— Мисс Лейла, — виновато произнёс Майкл, — мне надо было, я больше не мог оставаться в постели.

— Ну что же, сегодня я проверю и, если всё в порядке, то можете потихоньку начинать жить обычной жизнью, раздевайтесь, — сказала я и заметила, что у принца глаза «вылезли на лоб»

Я обернулась на Йена, посмотрела на принца и сказала:

— Если вы собираетесь, присутствовать, то вам надо спросить об этом у пациента и надеть чистый халат сверху вашей одежды.

Майкл махнул рукой «пусть остаются». Ну да принцу же не откажешь.

— О! — воскликнул Йен, — у меня есть.

И мне захотелось «ударить себя рукой по лбу», потому что я поняла, что этот «шутник» сейчас притащит «халат своей бабушки» и предложит его принцу.

Так оно и вышло. Принц надевать «халат бабушки Йена» отказался, и сказал, показывая на мой халат:

— Можно мне такой же, как у вас, мисс Лейла

— К сожалению, Ваше Высочество, таких больше нет

После того, как всё-таки разобрались с одеждой, стали разбираться в том, что Майкл был одет. Пришлось звать лакея, который помог своему господину снять штаны, нас с Даной на время пока происходило это действие, выставили в коридор.

Вернувшись, я обнаружила принца и Йена в немыслимых одеяниях, но мне удалось сдержаться, чтобы не улыбнуться, зато я заметила, что волнение Даны тоже пошло на убыль. Трудно бояться человека, который вызывает смех.

Мистер Майкл лежал на кровати на чистой белой простыне, сам он был тоже прикрыт тканевым полотном.

Мы с Даной вымыли руки, обработали карболкой.

Ну почему я вспоминаю о том, что мне срочно нужны резиновые перчатки только в момент обработки рук. Есть риск остаться без кожи на руках, когда меня переведут в хирургическое отделение. Карболка очень сильно сушила кожу.

На ноге у Майкла было три шва.

Заживление шло хорошо, зашивала я шёлковыми нитками, и я наделась, что в рубце после снятия ниток не осталось, иначе могло начаться воспаление. На первый взгляд воспаления не было. Конечно придётся, примерно через неделю, взглянуть на шов ещё раз. Но, если беспокоить не будет, то можно на этом и закончить.

После того, как осмотр закончила, пришлось слегка пропальпировать, убедилась, что болезненности нет, дала указания, и перевела взгляд на Его Высочество, спросила:

— Вы хотели поговорить. Ваше Высочество?

Оставив Дану в комнате с мистером Майклом, мы с принцем вышли небольшую гостиную, расположенную перед спальней. За нами вышел и Йен, который сразу сказал:

— Предлагаю пройти в кабинет, — и Йен указал на выход из покоев Майкла.

— Ты пойдёшь с нами? — никак не называя Йена, спросил принц

— Конечно, я пойду с вами, — весело сказал Йен, — я же вроде как тоже участник событий.

Принц, как мне показалось, не очень довольнo качнул головой.

В кабинете было солидно, крепкая деревянная мебель тёмно-орехового цвета, покрытая лаком. Портреты каких-то мужчин с высокомерными лицами на стенах. Я ни одного из них не узнала. Они явно не относились к историческим личностям. Большие кресла, обитые светло-коричнево кожей, ковер из шкуры какого-то животного на полу, большо камин.

Всё говорило о том, что в этом кабинете говорят о больших деньгах. Но сейчас в нём будут говорить обо мне.

— Итак, мисс Лейла, — начал принц, расположившись на месте хозяина кабинета, за большим прямоугольным столом, — занимаетесь незаконной практикой?

Я сглотнула. Если честно, то от принца такого подло сформулированного вопроса не ожидала.

Но вместо меня попытался ответить Йен, которому принц просто сказал:

— Помолчи пока

— Нет, — ответила я, — не занимаюсь

— А что я только что видел? — спросил принц

Но я уже выбрала защиту и не собиралась от неё отступать, поэтом ответила вопросом на вопрос:

— А что вы видели Ваше Высочество?

— Мисс Лейла, — раздосадовано произнёс принц, — отвечайте на вопросы, не надо делать вид, что вы не понимаете, о чём я говорю.

Поняв, что принцу зачем-то надо, чтобы я попала в ситуацию страха за свою карьеру, я решила взять контроль на себя и задала вопрос:

— Ваше Высочество, что вы хотите получить?

Принц не ожидал этого вопроса, я поняла это только по смене его позы, но на спокойном лице не мелькнуло ни одной эмоции.

Краем глаза взглянула на Йена и увидела, что он стоит и с интересом слушает наш с принцем диалог. Увидев, что я смотрю на

него, Йен украдкой показал мне большой палец.

Стало полегче. Если Йен давно знает принца, значит он также знает, как уместно вести себя в такой ситуации, и, если он показывает большой палец, значит всё пока идёт нормально.

Я молчала, я же свой вопрос задала, но молчал и принц.

Пауза затягивалась, и мне уже захотелось хоть что-то сказать, но я вспомнила одну вещь, которая гласила: не бойтесь тишины, если вам нечего сказать, ничего не говорите.

Наконец принц, видимо, что-то для себя решив, сказал:

— Вы мне солгали, сказав, что вы были дома, когда подожгли вашу комнату

Я услышала странную фразу. И поэтому вместо того, чтобы ответить на вопрос-утверждение принца, спросила:

— Что значит подожгли мою комнату?

Глава 37

Оказалось, что принц связался с констеблем, который расследовал происшествие со сгоревшим домом семьи Белтон.

И поскольку принц пообещал мне, что корона возьмёт на себя расходы, то будучи человеком достаточно педантичным в делах, принц решил, что дело должно быть частью основного дела, моя роль в раскрытии которого и привела к таким последствиям.

С пожарами у его высочества были свои «отношения». В одном из пожаров он потерял супругу и сам чуть не стал инвалидом, потеряв внешность и отказавшись от трона.

Поэтому принц чувствовал себя обязанным помочь. Когда он услышал, что по результатам опросов пострадавших и исследования того, что осталось от дома, полицейские вычислили, что зажигательную смесь бросили в окно комнаты, где проживала девица Коули, то был сильно поражён, что девица не пострадала.

Констебль и рассказал принцу, что девица Коули появилась утром, и выжила потому, что в эту ночь не ночевала в доме.

А дальше больше, выяснилось, что принцу доложили, что я уехала из больницы на автомобиле некоего банкира.

Принц разозлился и решил, что я изображаю из себя поборницу морали, а сама, разъезжая по ночам к банкирам. А ещё и дом решила на корону «повесить».

Принц ещё и поэтому приехал в особняк, чтобы самому спросить и посмотреть.

Я посмотрела на Йена и спросила:

— А кто у нас банкир?

Йен весьма выразительно взглянул на принца и сообщил, что это не важно.

— Ваше Высочество, — если у вас нет больше вопросов, может быть вы меня отпустите, я устала и хочу домой, — сказала я

И здесь, эта нахальная сиятельная персона мне заявила:

— Если уж вы сегодня ведёте приём, доктор Лейла, может быть, посмотрите и меня?

С одной стороны, мне уже не хотелось никаким образом прикасаться к Его Высочеству, уж больно странно и болезненно он на всё реагирует, а, с другой стороны, не могла я пройти мимо.

Как доктор, я видела, что принц и боль наверняка испытывает, и дискомфорт, и что самое неприятное, всё это дальше только будет усугубляться, если не разобраться с этим раньше.

Ещё раз подумала о том, как труден путь врача, и, что больше всего я хочу лечить детей.

Вслух же сказала:

— Хорошо, Ваше высочество, давайте вас посмотрю вас прямо здесь.

Оглянулась на Йена и спросила принца:

— Ваше Высочество, вы не возражаете, если мистер Йен будут присутствовать?

Судя по выражению лица, принц возражал, но это было бы совсем неуместно, если бы мы с ним остались наедине, и я принялась бы ощупывать его.

Поэтому Йен, у которого снова была физиономия кота, укравшего и съевшего миску сметаны, старался удерживать достойное выражение, как бы говоря: — «А я что? Я ничего».

— Простите, — сказала я и вышла вымыть руки

Вернувшись, первое что я сделала, опросила принца, собирая анамнез.

Картина складывалась неприглядная. Похоже, что никто из докторов, которые наверняка, лечили Его Высочество не озаботился тем, что после ожога будет расти келоидная* ткань.

(*Такой рубец продолжает расти даже после того, как рана достаточно зажила. В основе формирования лежит избыточная выработка коллагена.)

Судя по тем симптомам, что описывал Его Высочество, а именно, зуд и болезненные ощущения, можно было сказать, что да, это келоид. Но мне надо было посмотреть, потому как я подозревала наличие ещё одной проблемы. Принц, хоть и старался выглядеть по-царски, нет-нет, да и подтягивал плечо, которое в моменты задумчивости или увлечения чем-то, неизменно опускалось вниз.

— Снимите рубашку, Ваше высочество, — попросила я
Йен хмыкнул, а принц почему-то обиженно произнёс:

— А Майклу вы велели раздеться.

«Детский сад», — подумала я

Не стала ничего говорить, приступила к осмотру. Как я и думала в районе спины и плеча были келоидные рубцы, самые большие из которых, похоже, продолжали разрастаться.

Принц ещё молод, коллагена много, вот и результат.

А доктора, видимо, вовремя не прижали образовавшийся рубец, чтобы не допустить поступления крови, и организм стал воспринимать рубец как часть кожи, которую надо питать и восстанавливать.

Я смотрела на красные и шелушащиеся рубцы и понимала, что принцу очень непросто.

— Ваше высочество, сейчас я буду нажимать, вы мне говорите, в каких местах больно.

Осторожно прощупала самые припухлые и красные рубцы, практически везде принц подтвердил, что есть болезненные ощущения при нажатии.

Справа в районе лопатки, проблема была гораздо больше, чем келоидные рубцы. Там была рубцовая контрактура*, она-то и была причиной постоянного перекоса. Здоровый рубец, стянувший края кожи, был расположен так, что лишал подвижности плечевой сустав, и постепенно принц неосознанно перераспределял усилие на другие мышцы и суставы стараясь меньше задействовать этот.

(*Рубцовая контрактура (стяжение) формируется в результате рубцово-фиброзных изменений тканей, чаще в области сустава)

Во время осмотра непроизвольно замечала, что принц старается поддерживать себя в форме, но из-за контрактуры, происходит ухудшение и в других группах мышц.

После осмотра, автоматически сказала, как к обычному пациенту:

— Одевайтесь,

И пошла мыть руки. Когда вошла обратно в кабинет, то поняла, что принц оделся и теперь сидит с недовольным лицом, а Йен загадочно улыбается.

— Я что-то сделала не так? — спросила я у мужчин

— Ну вообще-то вам требовалось сперва пояснить Его Высочеству, что вы собираетесь делать, — просвети меня Йен о тонкостях этикета.

— Ваше Высочество, вы на приём ко мне пришли? — спросила я принца

— Да, мисс доктор, — ответил принц

— Значит я буду к вам обращаться, как к пациенту, и вам придётся это принять, — сказала я

— Хорошо, — почему-то безропотно согласился принц

— давайте я вам расскажу то, что я увидела, — произнесла я

И рассказала, как есть и про то, что нет консервативных методов лечения, модно лишь облегчить ситуацию, используя народные средства и увлажняя рубцы, чтобы не так зудели. Но единственный путь — это операция, иссечение рубцов с дальнейшей пересадкой кожи.

— То есть это можно вылечить? Вы можете? — переспросил принц

— Нет, — ответила я, получилось резко, но сразу же добавила:

— Пока не могу, но, как только будет получено то лекарство, которое сейчас вызревает в лаборатории доктора Роберта, то можно будет убрать, по крайней мере тот шрам, который мешает вам развернуть плечо.

После этого разговора принц ненадолго задумался. А я умоляюще посмотрела на Йена. Мне уже очень хотелось домой, и я рассчитывала, что Йен меня отвезёт, а по дороге мне удастся выяснить у него подробности.

Но принц отмер и произнёс:

— Собирайтесь, мисс Лейла, я отвезу вас домой.

Принц сам был за рулём, ехал уверенно, похоже, то дорога была ему известна. Тишина напрягала, не потому что тишина, а потому что я начинала засыпать. Поэтому. Тобы не начать «клевать носом» спросила:

— Ваше Высочество, а как вы доехали до дома быстрее чем мы с мистером Йеном, мне показалось, что я видела вашу машину, подъехавшую к больнице.

Принц усмехнулся:

— Похоже, что мистер Йен хотел, чтобы я доехал раньше

— А зачем это ему? — спросила я, от неожиданности, даже не подумав о том, что вопрос странный

Ну на странный вопрос я и получила такой же ответ:

— Об этом знает только сам мистер Йен

И вдруг вспомнила, что договорилась со студентами и нам с принцем не надо ехать на ферму. Рассказала Его Высочеству, и мне показалось, что на его лице мелькнуло недовольное выражение.

— А студенты справятся? — спросил он

— Думаю, что лучше нас с вами, — весело улыбнувшись ответила принцу, — учитывая, что у одного из них родители профессиональные мясники.

Уже на подъезде к дому принц вдруг сказал:

— Мисс Лейла, хочу сказать, что вы можете более не опасаться нападений. Все преступники найдены, даже те, кого просто наняли, чтобы совершить нападение.

— Это прекрасная новость, Ваше Высочество

Машина остановилась, но Его высочество почему-то молчал.

— До свидания, Ваше Высочество, — решила я попрощаться, подождав около минуты.

— Мисс Лейла, — вдруг «ожил» Его высочество, — какого числа вы собираетесь к доктору Роберту?

Я отсчитала неделю и сообщила дату и уточнила:

— А вам зачем?

— Кровно заинтересован, — сказал Его Высочество

И так это прозвучало, что напряжение, до этого всю поездку царившее в машине, спало и мы рассмеялись.

И когда я уже выходила из автомобиля, принц вдруг произнёс: — Вы необыкновенная девушка, мисс Лейла.

Я отчего-то смутилась, сама удивившись этому факту, и убежала даже толком не попрощавшись.

Глава 38

Утром, конечно, мне всё произошедшее казалось менее реальным, чем вчера. Ну право слово, как целый принц может заинтересоваться выпускницей приюта.

Я пока шла на работу, спрашивала сама себя, и сама же себе отвечала: — «Никак, если только выпускница приюта не является на самом деле другим человеком, с опытом столетия, с которой интересно общаться и которая отличается от остальных как чёрное от белого».

Хорошо, что я вчера сильно устала, потому что сегодня с утра в голове начали крутиться вопросы: кто же такой на самом деле Йен-Александр? Какие отношения их связывают с принцем Максимилианом? И причём здесь банкир?

На самом деле мне не нужны были ответы на эти вопросы, я вообще хотела заниматься медициной, но так уж устроен человеческий мозг, особенно у женщин. Если вопрос прозвучал, то надо искать ответ.

Но вопросы меня мучили ровно до того момента, как я вошла на работу. Я любила приходить пораньше, чтобы ещё до утреннего обхода ознакомиться с ситуацией, что произошло за ночь, какая динамика по моим больным.

Глядя на меня и Шушель начал приходить раньше и подводить итоги ночи самостоятельно. Сначала он делал это потому, что это делаю я, но потом я заметила, что он понял, и смог ответить себе на вопрос: зачем она это делает, и это позволило ему уйти от мыслей, что я это делаю только для того, чтобы меня заметили.

Я пробежалась по травме, забежала в хирургию, отметила, что за ночь ничего страшного не случилось, пошла в детскую проверила роженицу, динамика была хорошая, возможно, что ей удастся выбраться даже без антибиотика.

Это в своё время мы слишком много стали полагаться на антибактериальную терапию, а здесь в отсутствие антибиотиков людям приходилось самим преодолевать «невидимок»

Роженицы у нас находились в «детском» отделении, по сути, это были два помещения расположенных рядом. Ещё, когда я выходила из

палаты рожениц, я услышала характерный кашель.

«Нет! Только не это! Ещё рано! Я не готова!» — взмолилась я всем богам, которые могли меня услышать. Но факт оставался фактом, из детской палаты доносился лающий коклюшный кашель. Болезнь борьбе с которой я посвятила большую часть жизни.

Насколько я знала из истории в моей реальности в Англии до того, как была введена иммунизация регистрировалось до ста тысяч случаев, смертность был высокая, особенно среди детей в возрасте до четырёх-пяти лет.

В палате находилось около двадцати детей, двоих с кашлем привезли ночью, и для меня это означало только одно, что все те, кто находится в палате, уже заражены. Необходимо было срочно создавать карантин.

Понятие карантин в этой реальности было, но в Британии, как когда-то и в Англии оно толком не применялось, даже во время холерной пандемии.

«Значит будем вводить, — решила я, — надо только, чтобы не напугались, что снова холера возвращается»

Пока, вызвала Надин и наказала ей не выпускать детей из палаты и пока никого не пускать к ним.

Сама пошла к месту встречи медиков для утреннего обхода. Сегодня мне было что, сказать. Конечно, надо бы подтвердить свои слова анализами, но пока доктору Листеру и остальным придётся поверить мне на слово. Существующий способ анализа крови позволял только определить наличие воспаления.

Но необходимо срочно изолировать больных детей от условно здоровых, а мне нужно срочно заняться вакциной.

В прошлом я испытывала вакцину на дочке, которая заболела, а в этот раз буду делать на чужих детях.

Мне нужны были дорогостоящие приборы, которых не было в нашей больнице, часть из них была у доктора Роберта, но и у него было не всё.

К кому обратиться?

Если обращусь к доктору Давиду Брюсу, то у него какие-то дела виконтом Эрли. К доктору Роберту, он скажет, а я только вами и занимаюсь. Нет, не скажет, он настоящий учёный. Но он одиночка, а мне нужна команда, смост ли он принять тех, кого я позову.

Такие размышления мучили меня, пока я ждала начала обхода. В остальном в больнице предыдущая ночь прошла без особых происшествий.

Сегодня на обходе было двое новых врачей. Имён я пока не знала, но вопросы они задавали по делу.

Подумала о том, что Шушель несчастный человек. Я понадеялась, что ему не придётся составлять новый список того, что надо сделать, если он решит быть похожим на новых докторов.

И, хотя детское отделение было не в моей зоне ответственности, но доктора Грума ещё не была, и я решила представить то, что увидела. По роженицам не было проблем, я просто рассказала, что было сделано при нестандартном родовспоможении и что теперь ждём проявлений воспаления, но надеемся, что за счёт применения обеззараживания «имени доктора Листера» заживление должно пойти успешно.

Когда дошли до детского отделения, то я сначала описала симптомы заболевания. Доктор Листер проверил указанные мной симптому и заявил:

— Мисс Лейла, вы имеете в виду Пертусис? Вы описали очень похожие симптомы.

(* Пертусис (Pertussis) — коклюш — воздушно-капельная бактериальная инфекция, наиболее характерным признаком которой является приступообразный спазматический кашель. Опасное инфекционное заболевание дыхательных путей.)

И прошёл внутрь палаты, вероятно, чтобы убедиться всё ли верно описано.

И мальчишки оба находившиеся в палате, полностью им соответствовали: ринит, небольшая температура, сильный лающий кашель, значит заразились мальчишки как минимум больше трёх, а то и четырёх недель назад.

Я вдруг осознала, что все мои меры сейчас по нераспространению коклюша уже не работают, потому что со скоростью заражения коклюшем может мало что сравниться.

Хорошо, что ещё взрослые легко переносят это заболевание, но даже, если оно проходит совсем бессимптомно, то они могут быть её разносчиками.

Доктор Листер, сначала рассказал все, что такое пертусис, а потом предложил изящное решение. Он выделит пустующий кабинет, и отдаст его под палату, чтобы понаблюдать за мальчиками.

Наверное, на тот момент решение действительно было оптимальным.

Я сказала доктору Листеру, что мне очень надо с ним поговорить, и сделать это необходимо срочно. Доктор Листер покачал головой, я надеялась, он поймёт, что я не стану просто так занимать его время.

Палату для мальчишек оборудовали быстро, я сама начала их лечить, но я могла сделать только временное облегчение, чтобы снизить частоту кашля, интенсивность, но, чтобы победить болезнь, на этой стадии уже были нужны антибиотики, до вызревания оставалось три дня, которые я намеревалась потратить на создание вакцины.

Глава 39

После обхода доктор Листер всё-таки вызвал меня к себе.

— Мисс Лейла, — улыбнулся он, — вы так глаза таращили, что пришлось уделить вам время

— Доктор Джозеф, мы с вами должны сделать вакцину от пертусис. Кстати, вы знаете, что во Франции они называют пертусис «кокклЮш»?

— Ну, мисс Лейла, вы не перестаёте удивлять своими идеями, — сказал доктор Джозеф, помолчал мгновение, будто бы пытаясь что-то вспомнить, и приподняв брови спросил:

— А с чего вы взяли, что от «кокклЮш» можно сделать вакцину?

Теперь уже взяла паузу я, чтобы подобрать слова, которые позволят убедить доктора Джозефа в «верности» моей теории.

Набрав воздуха, я постаралась сказать так, как было ожидаемо услышать от Лейлы Кроули, девочки из приюта:

— Пертусис попадает в организм через дыхание, и все описанные случаи позволяют сделать вывод, что один раз переболевший, если ему удалось выздороветь, больше уже не болеет этой болезнью. Значит, если удастся намеренно заразить организм токсином-возбудителем заболевания в такой форме, чтобы человек перенес заболевание легко, то можно избежать появления и быстрого распространения заболевания.

Доктор Листер задумался, нахмурившись произнёс:

— Да, так было сделано при создании вакцины от оспы, но там доктор Джерард взял возбудитель коровьей оспы за основу. А здесь...

Доктор Листер внимательно посмотрел на меня и договорил:

— ...коровы не болеют «кокклЮш»

— Зато болеют дети и я знаю, как можно обезопасить токсин коклюша, — решила я, понимая, что моё «я знаю», вызовет вопросы, но даст мне возможность сделать вакцину.

Мне показалось, что прошла вечность, пока доктор Листер, наконец-то, сказал:

— Я не знаю, мисс Лейла, откуда в вашей белокурой головке берутся все эти идеи, но я пока ещё ни разу не пожалел о том, что

поверил вам и в вас, поэтому давайте, говорите, что надо.

— Спасибо, — я и сама не ожидала, что вера доктора Джозефа в меня так важна для меня.

Я рассказала об «идее» «убивать» токсин при помощи формалина, создавая таким образом ту форму*, при введении которой в организм человека не будет тех страшных болезнетворных свойств, но после перенесённого в лёгкой форме заболевания, будет формироваться иммунитет против токсина.

(Анатоксин — это биологический препарат, который получают из токсинов различных бактерий путём их обезвреживания различными способами. Чаще всего для инактивации бактериальных токсинов используется воздействие формалином при температуре 39,0–40,0 °С. Обезвреженный таким образом анатоксин теряет болезнетворные свойства, при этом приобретая способность формировать иммунитет против токсина).

Доктор Листер пригласил доктора Стена, и одного из новых докторов. Звали его Итан Рэмзи. Он сам попросился в больницу к доктору Листеру, хотя был из довольно обеспеченной семьи, его отец известный географ состоял в Королевском научном обществе Лондиниума и у парня было предложение занять должность даже в госпитале Святого Георга.

Доктор всё-таки спросил меня:

— Наверное Пьера вы бы не хотели видеть в команде?

Я поджала губы, подумала о том, какой же доктор Листер добряк, ничему его жизнь не учит.

Доктору хватило моего выразительного молчания, он вздохнул и пробормотал:

— Ну и ладно, пусть пока интернатурой занимается.

Когда собрались те, кто вошёл в команду, доктор Джозеф передал мне слово и я кратко ввела всех в курс дела, сразу определяя роли каждого.

— Господа, — произнесла я, и может прозвучало немного пафосно, но это было необходимо, — у нас с вами есть два-три дня, если не справимся, то будет сложнее, болезнь крайне заразна и распространяться будет очень быстро.

Пока я рассказывала, что я знаю про стадии развития болезни, все смотрели на меня, как на «второе пришествие». Хотя где-то так оно и

было.

Мальчишек, которые уже кашляли, мы отделили от остальных, и доступ к ним имели только взрослые. Привлекли санитарный персонал, сделали повязки на лицо, которые пропитывали отваром ромашки.

Я вместе с доктором Итоном, села прописывать план лечения по стадиям развития заболевания. Пока оба мальчика были на переходе из начальной стадии заболевания, больше напоминающей обычную простуду в разгар болезни, в самый разгар заболевания, так называемый период спазматического кашля.

И нашей задачей было облегчить то, что будут с ними происходить. Снизить аллергическую реакцию, облегчить отхождение мокроты, сделать кашель менее мучительным.

Без антибиотика это были только народные средства, багульник, девясил, ирис. Всё что помнила, написала, доктор Листер обещал привлечь своего друга-фармацевта.

В такой врачебной суете три дня пролетели незаметно. В первый же день я отловила мальчишку, который вечно крутился возле больницы и попросила его передать записку «профессору Йену».

Я, наконец-то могла выполнить обещание, данное Дана, появилась возможность привлечь её к работе в больнице.

Но Дана так и не появилась. А мне некогда было подумать о том, почему, дел было очень много и я пока отложила этот вопрос.

Все эти дни мы все задерживались в больнице допоздна. Но на третий день мне обязательно надо было попасть к Роберту Тиндалю. И я, извинившись перед коллегами, выбежала из больницы, чтобы попросить мальчишку помочь мне найти экипаж, и резко затормозила, увидев знакомый чёрный автомобиль.

— Ваше высочество? — я заглянула в автомобиль, с водительской стороны, снова залюбовавшись профилем принца

— Здравствуйте, мисс Лейла, вы готовы? — сразу перешёл к делу Его Высочество

«Он ещё спрашивает!» — подумала я, запрыгивая в машину, а то вдруг передумает.

Принц усмехнулся.

— А что смешного, Ваше Высочество? Мы же с вами договаривались, и я очень рада, что вы смогли приехать.

По дороге мы обсудили то, что происходит в больнице и в городе. У меня возникло ощущение, что принц в целом представляет себе, что творится в больнице, но не в курсе деталей.

Я ему так и сказала:

— Ваше Высочество, меня поражает ваша осведомлённость о том, что творится в нашей больнице

На что принц заметил:

— Почему вы думаете, что только в вашей?

И я, конечно, поняла, что, возможно надумала себе лишнего.

Принц весьма серьёзно отнёсся к информации о коклюше. «Вероятно потому, что он отец, у него маленькая дочь,» — подумала я

Он несколько раз задал вопрос, как мы собираемся доказать, что наша вакцина, будет эффективной.

Я не могла ему сказать, что я знаю, что она будет эффективной, поэтому сказала только одно:

— Мы будем прививать детей.

— А почему не взрослых? — спросил принц

— Взрослые переносят легко, в отличие от самых маленьких, для которых последствия могут быть катастрофическими.

— Но есть же какое-то лечение? — спросил Его Высочество.

— Есть, и сейчас мы с вами посмотрим, получилось ли лекарство, которое можно для этого использовать

— Позвольте, вы же говорили, что это лекарство от грудной болезни, — несколько возмущённо возразил принц

Пришлось снова рассказывать ему про коклюш.

И всю оставшуюся часть дороги принц выглядел задумчивым, будто бы «переваривая» информацию.

Роберт Тиндаль был на месте. У мен иногда создавалось впечатление, что человек живёт в лаборатории.

Увлечённый учёный, он даже забыл поздороваться.

— Я вас ждал, мисс Лейла, — первое, что он сказал, когда мы с принцем вошли в лабораторию.

Я взглянула на Его Высочество, но он похоже так и пребывал в состоянии задумчивости и даже не обратил внимания на явное нарушение этикета.

Мы достали миски со средой, и я с удовлетворением увидела жидкость жёлтого цвета. У меня получилось. Но теперь было самое

сложное, сделать раствор и потом подобрать нужную дозировку.

Морская соль была в наличии, оставалось сделать базу. Час ушел на то, чтобы получить молочный порошок. Без нагревательных приборов, сконструированных доктором Тиндалем для своих целей, у меня бы ушло полдня. Этот порошок я смешала с полученным пенициллином и добавила туда морскую соль, растворённую в чистой воде.

Трясла ёмкость, пока не убедилась, что молочный порошок растворился. Теперь нужно было ждать ещё три-пять дней. Но протестировать можно было уже сейчас. Поэтому часть забрала с собой.

Пока раствор пенициллина будет «зреть», я проверю эффективность. Уж на чём проверить в больнице я точно найду. В травме всегда есть люди с инфицированными, но несложными ранами.

Получилось три бутылочки раствора по сто миллилитров. И у меня была надежда, что через несколько дней у меня будет триста миллилитров пенициллина.

И в случае, если получится, то можно будет описать процесс и подать заявку на патент.

Принц снова сказал:

— Это какой-то «ведьминский» ритуал. Мисс Лейла вы с этими пузырьками похожи на волшебницу, пришедшую к нам из волшебной страны.

Я хмыкнула. Принц даже не подозревал, как недалеко от правды он находится.

Я устало села на невысокий стул, стоящий в углу лаборатории и прикрыла глаза. Напряжение последних дней дало о себе знать.

— Мисс Лейла, давайте я вас отвезу домой, — вдруг услышала от принца

А доктор Тиндаль сказал:

— Совсем забыл, мисс Лейла, завтра привезут бараньи кишки, было бы здорово, если бы и завтра вы нашли время приехать.

— Спасибо, Роберт, — нашла в себе силы поблагодарить доктора Тиндаля, — я постараюсь. Но, если вдруг у меня не получится, положите их в раствор поташа, всё равно вымачивать и отмывать.

И здесь вмешался принц:

— Мисс Лейла, напишите, доктору Тиндалю, что делать

И обратился к Роберту:

— Вы же сможете по инструкции организовать подготовку... сырьё?

Я удивлённо смотрела на Его Высочество, понимая, что он прав. Я не могу всё делать сама, меня просто не хватит.

И быстро расписала несколько стадий процесса подготовки.

А когда мы сели в автомобиль, принц вдруг улыбнулся и сказал:

— Вы всё-таки ещё такая юная и неопытная, мисс, хотя и пытаетесь казаться всезнающей.

И у меня «закружилась» голова оттого, что я получила такой комплимент, а ещё больше оттого, что у принца оказалась очень красивая улыбка, а шрамов в темноте салона автомобиля видно не было.

Глава 40

«Он сказал, что я юная. Действительно, хватит думать о себе, как о старушке. Я юная, мне ещё не девятнадцать. Но нельзя влюбляться в принца. И вообще, он твой будущий пациент. Не мой. Я не хирург. Надо искать хирурга, и расписывать процесс иссечения рубцов. Я знаю, как должны выглядеть швы. Надо искать хирурга, швы которого, похожи на работу искусной мастерицы.

Стен хороший хирург, но после него шрамы останутся почти такими же.

Я думала о том, чтобы присмотреться к Чарльзу Брайту, с которым мы вместе сдавали экзамен на интерна. У него были руки музыканта. Но парню надо набраться опыта. Захочет ли принц Максимилиан ждать?»

Так я размышляла, не в силах уснуть, хотя пока не легла мне казалось, что как только моя голова коснётся подушки, я тотчас же засну.

Следующие дни борьба с коклюшем продолжилась. В больницу стали поступать ещё дети и такая ситуация была по всему Ист-Энду. В центральных районах и на западе Лондиниума пока роста заболевания не наблюдалось.

Но доктор Листер всё равно сообщил в Королевское общество. На основании его первичного доклада собрали глав больниц и мне теперь надо было подготовить свой доклад о симптомах, стадиях развития заболевания и методах лечения. Про вакцину пока решили не говорить, хотя анатоксин мы получили. Вакцинация шла медленно. Прививали только тех детей, в которых были точно уверены, что инфицирования не произошло.

Люди вели детей на вакцинацию неохотно и это могло стать проблемой, потому что у нас не набиралось достаточно данных.

Помимо этого, лично у меня возникла ещё одна проблема — Дана.

Я задержалась на работе, заканчивала доклад, когда дверь в кабинет доктора Листера, который он мне любезно предоставил, открылась и на пороге возникла... леди.

Я даже не сразу узнала её. Хотела сказать, что доктор Листер будет только с утра. И вдруг знакомый голос произнёс:

— Здравствуй Лейла

— Дана? — удивилась я метаморфозе, произошедшей с подругой

На Дане была чёрная шляпа с большими мягкими полями, лиловое платье по фигуре, длиной до щиколоток. Её белокурые волосы были уложены в замысловатую причёску, под шляпкой не было видно, но две закрученные пряди, обрамлявшие лицо, указывали на это.

На платье была приколота брошь, переливающаяся так, что было понятно, что украшена она не простым стеклом. На ногах были красивые ботильоны на каблукке рюмочкой.

— Дана, выглядишь прекрасно — снова повторила я, — у тебя нашёлся отец миллионер?

— Нет, Лейла, это Майкл, — сказала Дана

Я, как заправская бабушка, спросила:

— Ты выходишь замуж?

Лицо Даны закаменело, и она зло посмотрела на меня, и вдруг начала говорить быстро-быстро:

— Лейла, я не пойму, ты строишь из себя святую?! Мир не создан для таких, как мы, и пока мы молоды и красивы, надо брать то, что можно.

Я была уставшая и голова у меня больше была занята речью, которую я готовила на завтра. Ведь доктор Листер не хотел ничего слушать, он сказал: «это твоё дело и выступить перед этими господами будешь ты. Пусть знают, что женщина может быть талантливым врачом.» И мне надо было выступить так, чтобы не подвести доктора.

Возможно, что из-за усталости, я не совсем поняла, что Дана хочет мне сказать и почему она так злится. Но одно уловила и переспросила:

— Дана, ты стала любовницей Майкла?

— Да, — ответила Дана, — именно так. И я пришла сказать тебе, чтобы ты больше меня не искала.

Мне стало горько. Но каждый сам «кузнец своего счастья». Насильно нельзя сделать человека счастливым, поэтому я просто кивнула, и тихо проговорила:

— Хорошо, я поняла.

— И что, ты даже ничего не скажешь? И не будешь меня уговаривать? — удивлённым тоном спросила Дана

— Нет, — покачала я отрицательно головой, — не буду.

— Тогда прощай, Лейла, — уже более спокойно произнесла Дана и вышла из кабинета, оставив после себя аромат очень дорогого парфюма, самого модного в этом сезоне.

Чуть позже я узнала, что это были духи от Франсуа Герлена, говорили, что он создал их для самой королевы и стоили они столько, сколько я зарабатывала за несколько месяцев и носили название «Eau de Cologne Impériale».

Но пока я сидела и никак не могла сосредоточиться. Только спустя некоторое время я, наконец-то, взяла себя в руки и дописала доклад.

С доктором Листером мы договорились встретиться в больнице с утра и к полудню вместе поехать на собрание, поэтому я не стала забирать с собой исписанные листы, и оставила их лежать в верхнем ящике стола в кабинете.

Когда уходила встретила доктора Стена, который сегодня дежурил.

— Лейла, если утром не увидимся, желаю тебе «порвать» всех этих напыщенных пузатых снобов, — сказал он.

— Я постараюсь, — ответила ему и спросила, — ты сегодня один дежуришь?

— Нет, сегодня с Пьером, — ответил Стен, и кивнув куда-то в сторону сказал, — исправляется парень, всем интересуется и готов работать неурочно.

Я улыбнулась:

— Ладно, желаю вам скучной ночи

И пошла домой.

Рано с утра я уже была в больнице. Встретила доктора Стена, он, как всегда шутливо рассказал, что моё пожелание «сбылось» и ночь была «скучной», всего пару раз привозили одних и тех же пьяных рабочих. Которым в их первый привоз обработали синяки и ушибы и отпустили. Но ребята не уgomонились и продолжили праздновать, в результате их привезли во второй раз, но уже с колото-резаными, и пару часов их пришлось шить.

— Зато под утро удалось пару часов поспать, — сказал доктор Стен, и добавил, — и ты знаешь, Лейла, наш Пьер показал себя с

хорошей стороны, он эти два часа дежурил один, и я отпустил его пораньше.

Я подумала, что может и вправду Пьер Шушель взялся за ум и стал направлять свою энергию в «правильное русло», он всё-таки неплохо учился и доктор Листер его выделял.

Мы сделали обход, я проверила коклюшную палату. Кашель только у одного мальчишки был очень сильный, у второго, мне показалось, приступы стали чуть реже.

Из тех, кто находился под наблюдением, пока ни у кого не было симптомов коклюша. И если через неделю будет также, то вакцинируем и отпустим.

В одиннадцать меня вызвал доктор Листер и мы вышли, чтобы сесть в автомобиль, любезно предоставленный одним из членов королевского общества. На заседание ехали доктор Листер и я. Про вакцину мы не собирались рассказывать, поэтому остальным членам нашей вакцинной команды ехать было необязательно.

Я забрала свой доклад из кабинета доктора. Я была готова.

Королевское общество имело несколько домов в столице. В этот раз заседание комитета по медицине должно было проходить в здании Академии наук в Вестминстере, в центральной части Лондиниума.

Я была одета в скромное, синего цвета платье, на которое миссис Элис нашла кружевной воротничок, сделав его из своего свадебного платья. У меня же после пожара ничего не осталось, а купить что-то стильное я пока не могла себе позволить, но копила.

А несколько платьев мне досталось от матери Мака. Он сам предложил воспользоваться. Сказал, что они всё равно висят в шкафу. То, что можно было продать, он продал, а за эти слишком мало давали.

В общем мне повезло, что Мак не продал эти вполне приличные платья, которые были мне несколько широки в груди и в талии, но мы, вместе с миссис Элис, решили эту проблему.

Так что выглядела я, конечно, не так красиво, как Дана, но вполне достойно.

Заседание было большим, по просьбе доктора Листера, который теперь снова был в фаворе у королевской семьи, собрались все главные врачи больниц Лондиниума, а также приехал сам главный королевский врач, Вильям Уислер. Я вспомнила, как он неверующе кивал, когда

королева расписывала свою идею про женщин-докторов. Интересно, что он скажет сегодня.

Глядя на докторов и преподавателей-профессоров медицины из университетов и колледжей, я видела только мужчин.

Пришла предательская мысль: — «И что, Лейла, ты думаешь, что ты сдвинешь такую махину?» . Но я её сразу подавила, потому что знала, что скоро всё начнёт меняться. Я точно знала, что женщины доктора бывают.

И вот все, наконец-то, расселись, я подождала ещё несколько секунд, чтобы дать возможность стихнуть разговорам и начала делать доклад.

Доклад проходил в полной тишине, и только доктор Уислер что-то листал, сидя на своём месте.

И я как раз подошла к моменту, где заканчивала говорить о стадиях болезни и должна была перейти к практической части, к описанию профилактических мер, карантин уже заболевших, отделение их от здоровых, и что из лекарственных средств эффективно использовать в процессе лечения и почему.

И вдруг Вильям Уислер поднял голову от своих бумаг и спросил:
— А где интерн Шушель?

Глава 41

Нехорошее предчувствие «червячком» зашевелилось у меня внутри. Я посмотрела на сидевшего на первом ряду трибуны доктора Листера.

Джозеф Листер встал, повернулся к Вильяму Уислеру и сказал:

— Сэр Уислер, я не понимаю причём здесь интерн Шушель, но отвечу вам на вопрос. Интерн сегодня дежурил в ночную смену и скорее всего отдыхает дома.

А вот сэр главный королевский врач не встал, а продолжил говорить сидя, и то, что он сказал, прозвучало словно удар грома:

— А я не понимаю, по какой причине вы зажимаете талантливого молодого человека. Почему то, что он написал, зачитывает какая-то девица?

Если до этого в зале была тишина, то после заявления Уислера, тишина стала оглушающей.

— Но интерн Шушель не имеет никакого отношения к работе по коклюшу, — несколько растерянно проговорил доктор Джозеф, — я знаю это точно

Но сэру Уислеру, видимо, было все равно, что говорил доктор Листер. Он взмахнул листами бумаги, которые лежали перед ним и сказал:

— Вот, пожалуйста, сегодня рано утром Пьер Шушель лично мне их привёз и ещё рассказал, какие меры, разработанные им, сейчас принимаются в вашей больнице. Он предупредил меня о вашем к нему отношении, сэр Листер, поэтому я не собираюсь больше слушать то, что я уже прочитал. А интерна Шушеля забираю к себе.

С этими словами главный королевский доктор встал и направился к выходу. Вслед за ним встали и пошли к выходу ещё несколько человек из числа тех, кого я не знала.

Надо было срочно что-то делать.

«Так, Лейла, вспоминай, что ты не указала в докладе, что «талантливый интерн» Шушель не смог бы скопировать. Я даже зажмурилась, мысленно перелистывая листы доклада.»

— Что происходит? — вдруг раздался голос Его Высочества принца Максимилиана.

Ему ответил сэр Уислер:

— Ваше Высочество, нас пытались ввести в заблуждение. Доктор Листер и его протеже.

— Вы говорите о мисс Кроули? — вкрадчивым тоном задал вопрос принц

Главный королевский доктор взглянул в приглашение и кивнул, подтвердив, что говорит он именно обо мне.

— Так в чём вас пытались ввести в заблуждение? — всё тем же вкрадчивым тоном спросил Его Высочество.

Доктор Уислер показал принцу бумаги, и сообщил:

— Вот, сегодня утром я получил их от интерна Пьера Шушеля, а сейчас мисс ... Кроули зачитывала нам то же самое.

— Дайте сюда, — протянул руку принц и Уислер отдал ему бумаги Шушеля.

— Пойдёмте, — сказал принц Уислеру и начал спускаться от входа в аудиторию вниз, туда, где стояла я.

Уислер был вынужден проследовать за принцем.

Принц дошёл до самой кафедры, где я стояла, и встал рядом со мной. Осмотрел сидящих и стоящих «светил» местной медицины и сказал:

— Кто-нибудь, кто разбирается в инфекционных заболеваниях, выйдите и подойдите сюда.

Вышло двое, один из них доктор Брюс, который из всех присутствующих, пожалуй, был наиболее продвинутым в бактериологии, в том виде в котором она существовала в этой реальности.

Принц пристально посмотрел на меня, я ответила ему прямым взглядом. Он сказал:

— Мисс Кроули дайте господам ваш доклад

Потом обернулся к профессорам и добавил:

— А вас, господа, я попрошу внимательно посмотреть и дать своё заключение, какой из этих докладов является оригиналом, а какой копией.

— Мисс Кроули, пока господа будут изучать ваш доклад, продолжайте.

Я была готова броситься принцу на шею, особенно вот за это его «ваш доклад». Постаралась взглядом выразить благодарность за поддержку и уже собиралась продолжить, как принц меня остановил.

— Погодите, мисс Кроули, мне нужна буквально минута, я вернусь и продолжите.

Принц повысил голос и добавил:

— Не хочу пропустить ни слова из доклада

Принц действительно вернулся быстро и сел рядом с доктором Листером на первом ряду.

Я успокоилась насколько это было возможно в этой ситуации и продолжила свой доклад. Мне действительно не были нужны бумаги. Я и доклад-то готовила, чтобы не сбиться на терминологию, которой ещё в этой реальности не существовало. Но после всего происшедшего я решила, что ничего страшного не случится, если я где-то «выдам» термин из будущего.

Таким образом я рассказала про периоды протекания заболевания, их характеристики, симптомы, возрастную специфику, сделала предложение по классификации относительно степени тяжести заболевания, остановилась на диагностике, сделала отсылку к бактерии *pertussis*, о том, что её уже описали мне рассказал доктор Листер и даже принёс материалы французских учёных*. И к завершению доклада вдруг вспомнила, что я не записала в докладе.

(*На самом деле коклюш вызывается бактериями Bordetella pertussis, названных по имени учёных, описавших её в 1906.)

И посмотрев на сидящих на трибунах медиков, на принца, на доктора Листера, который мне ободряюще кивнул. На доктора Брюса, и сидящих рядом с ним других докторов, которые вместо того, чтобы выполнить поручение принца, раскрыв рот слушали мой доклад, я сказала:

— И в завершении хочу сказать, что коклЮш болеют один раз в жизни. Иммуниетет вырабатывается сразу и навсегда, именно поэтому борьба с этим заболеванием должна идти путём вакцинации.

Воцарилась тишина и первым встал доктор Давид Брюс, посмотрел на Его Высочество и произнёс:

— Ваше Высочество, у меня нет сомнений в том, что мисс Лейла Кроули является автором данного доклада

И захлопал. Вслед за ним стали хлопать и остальные.

К принцу подошёл какой-то человек и что-то ему прошептал. Принц кивнул и взглянул на меня.

Его Высочество встал и обратился к аудитории:

— Господа, чтобы окончательно снять сомнения в том, что автором является мисс Кроули, я пригласил мистера Шушеля. Давайте выслушаем его и вы зададите ему вопросы.

И вдруг лицо принца повеселело, и он обратился непосредственно к сэру Уислеру, причём довольно фамильярно:

— Вильям, если выяснится, что мистер Шушель вас обманул, то вы не его возьмете к себе, а мисс Кроули.

Я пересела к доктору Листеру, с другой стороны, от которого сидел Его Высочество. А в аудиторию вошёл Пьер Шушель.

Его проводили на кафедру, и доктор Уислер попросил его рассказать «его» доклад.

Пьер попросил вернуть ему его записи, аргументируя тем, что он не спал всю ночь, и ему будет непросто вести доклад связно.

Среди профессоров прошла волна возмущения, а доктор Листер, которому явно было крайне неприятно наблюдать, как опозорится его ученик, встал и попросил:

— Пьер, скажи правду

Но Шушель стоял на своём. Исписанные листы ему отдали, и он начал читать. Спустя несколько минут встал доктор ван Эрменгем и громко сказал:

— Господа, у меня нет времени слушать плохую копию уже сделанного доклада.

Потом обратился ко мне:

— Мисс Лейла, мои поздравления, со своей стороны буду готов поддержать разработку вакцины, тестирование и саму вакцинацию

Все остальные тоже начали подниматься со своих мест. Я смотрела, как Шушель стоит на кафедре и руки его комкают исписанные листы.

Встал и главный королевский доктор и тоже обратился ко мне:

— Мисс, буду вас ждать для разговора завтра с утра.

Зачем-то наморщился и добавил:

— Не опаздывайте

Ушёл, даже не посмотрев на Шушеля.

Доктор Листер пошёл к Шушелю, а мы с Его Высочеством остались одни на скамье.

— Спасибо, Ваше Высочество, — улыбнулась я

— Я не мог этого не сделать, — ответил принц и тоже улыбнулся. И мне вдруг показалось, что мы с ним одни в этом зале.

— Что вы делаете сегодня вечером, ...Лейла? — спросил принц, неожиданно обратившись ко мне по имени

— Хорошо бы съездить к доктору Тиндалю за лекарством, — сказала я, втайне надеясь, что принц именно про это и спрашивал

Но, как оказалось принц спрашивал не только про это, потому как он поставил мне условие:

— Я вас отвезу к Тиндалю, а вы за это со мной поужинаете. Как вам такое предложение?

— Я с вами и так поужинаю, Ваше Высочество, но от поездки к доктору Тиндалю не откажусь

Меня так и подмывало спросить у принца, свидание это или нет?

Но он опередил меня, очередным разом «заработав двадцатку из десятки» в моём личном рейтинге, потому как сообщил:

— У нас с вами будет деловое свидание

И неожиданно вернулись звуки. Кричал Пьер Шушель:

— Да сколько можно, сэр Листер, как появилась эта выскочка, вас словно подменили. Вот и сейчас все, даже новенький, бегают что-то делают, один я вынужден всю информацию выведывать.

Глядя на растерявшегося доктора Листера, мне захотелось что-нибудь кинуть в Шушеля, но, как назло, под рукой не было даже карандаша.

— Успокойтесь, Лейла, — сказал принц, видимо, заметив, что я в бешенстве, — берите доктора Листера и езжайте обратно в больницу. С Шушелем я разберусь, он больше вас не побеспокоит.

Принц сделал паузу и, весело взглянув на меня, сказал:

— Тем более, что вы скоро будете работать во дворце у Уислера

— Ваше Высочество, — начала я, но принц остановил меня

— Лейла, я знаю, что вы скажете, но давайте обсудим это вечером.

Глава 42

Принц кому-то кивнул и Шушеля вывели из аудитории. Я подошла к доктору Джозефу. На пожилого доктора было страшно смотреть. Он никак не ожидал такого от своего ученика.

А вот мне стало понятно, почему человек, который в общем-то помог медицине сделать огромный шаг вперёд, мучился от того, что его учение порицали всякие псевдомедики. Доктор Листер просто не мог себе представить, что так можно.

— Доктор Джозеф, поедem в больницу, — взяла под руку мужчину.

— Да-да, мисс Лейла, — пробормотал он

Мне не понравилась странная бледность кожи на лице доктора Джозефа, и я взяла его за руку, чтобы измерить пульс. Пульс был учащённым. Ещё доктор Джозеф прижимал руку к груди. Со стороны могла показаться, что он просто держит руку, но не мне.

— У вас боль в груди? — встревоженно спросила я

— Не беспокойтесь, мисс Лейла, сейчас пройдёт — попытался успокоить меня доктор Джозеф

Но пульс и весь вид доктора указывали на то, что у него явно был сердечный приступ и, как бы вообще не предынфарктное состояние.

У меня с собой ничего не было. Но здесь собрался весь цвет медицины.

Найдут же они аспирин и нитроглицерин. Да, эти лекарства были дорогими, потому как не так давно появились, но они были.

Усадив доктора на кресло, я побежала искать у кого можно было попросить препараты.

Схватила какого-то мужчину:

— Скорее-скорее, у доктора Листера сердечный приступ

У мужчины в руках был саквояж. Мельком пришла мысль, что и мне пора вместо сумочки носить медицинский саквояж, мало ли что может произойти.

Мужчина стал спускаться вместе со мной вниз.

— Вы знаете, что надо делать? — строго посмотрел на меня мужчина

— Да, — сказала я, — что у вас есть? Есть ли у вас аспирин* и нитроглицерин?

(*По одной из версий в 1897 году немецкий химик Феликс Хоффманн впервые получил образцы ацетилсалициловой кислоты в форме, возможной для медицинского применения. Bayer зарегистрировала новое лекарство под торговой маркой аспирин.)

— Вы уверены, что их можно совмещать? — спросил он меня, — всё-таки нитроглицерин больше от повышенного кровяного давления

Что интересно в саквояже неизвестного мне доктора нитроглицерин* был в форме... шоколада, это совсем недавнее усовершенствование, весьма дорогое, но гораздо более эффективное.

(*Уильям Мюррелл впервые использовал нитроглицерин при стенокардии в 1876 году; год спустя была разработана твёрдая форма препарата нитроглицерина в шоколаде)

Мужчина наблюдал, как я заставила доктора Джозефа сначала разжевать аспирин, потом засекала время, и минут через пять дала ему кусочек нитроглицеринового шоколада. Спустя несколько минут вид у доктора Листера стал лучше, но так как на мой вопрос о том, есть ли ещё боли в груди он ответил утвердительно, то я дала ему ещё кусочек шоколада и попросила мужчину открыть окно.

Доктор Листер так и сидел на кресле, куда я его усадила. Кресло было удобным с подлокотниками. Шейный платок доктору я ослабила в самом начале и теперь, когда из окна потянуло свежим воздухом, а пульс уже не был таким частым, боль в груди тоже стихла.

Мужчина, который помог с лекарствами, протянул мне руку и сказал:

— Уильям Мартиндейл, мисс, разрешите пожать вам руку, вы только что сделали меня очень богатым человеком. Но и вы тоже войдете в запатентованную схему купирования острого сердечного приступа и будете получать небольшие отчисления с продажи препаратов.

Оказалось, что «поймала» я того самого химика и доктора, который и придумал «твёрдую» форму нитроглицерина, совместив его с шоколадом. И он так и использовался, как лекарственное средство от повышенного кровяного давления.

Но теперь, когда стала известна схема совместного приёма аспирина и нитроглицерина при острых состояниях, все больницы и

доктора должны будут иметь определённый запас.

Именно это имел в виду мой новый знакомый.

Он действительно записал моё имя, а также сказал, что включит в патент и доктора Листера, как человека, на котором протестировали схему.

Я не стала отказываться, а ведь я даже не подозревала, что это может быть неизвестно, и ещё раз поразились, как случайность может повлиять на происходящее.

Вместо больницы я отвезла доктора Листера к нему домой и написала, что делать, если вдруг приступ повторится.

Супруге доктора сказала:

— Миссис Листер, не пускайте к нему никого, а особенно Пьера Шушеля. Доктору Джозефу сейчас необходим покой и душевное равновесие. Нервничать и переживать строго противопоказано.

Помимо таблеток, написала какие травяные сборы лучше пить. И пообещала заехать на следующий день.

В больницу добралась уже ближе к концу дня.

— О! — встретили меня коллеги радостными возгласами, — вы что отмечали успех, куда вы дели доктора Джозефа, мисс Лейла?

Пришлось рассказать, что случилось с доктором, и о роли Шушеля я тоже молчать не стала.

Доктора Стена не было, он после суток отсыпался дома, но остальные доктора, были поражены случившимся.

Но долго мы это не обсуждали. Доктор Варчовски, который так и остался работать в нашей больнице, взял управление на себя, как старший врач, и отправил всех работать.

Сегодня привезли еще семерых детей, у которых болезнь уже перешла в катаральную стадию. Если и завтра так будет, то надо будет освободить палаты под карантин.

До вечера мы носились как сумасшедшие, я понимала, что медсёстрам будет непросто ночью, но не поехать к Роберту Тиндалю не могла, пенициллин ждал меня, и я могла помочь этим деткам, может даже уже завтра.

Когда вышла из больницы, то сразу увидела чёрный автомобиль принца, припаркованный неподалёку.

На углу улицы, как и всегда, меня ждал один из братьев Белтон, сегодня это был Том. Махнула ему рукой, он подошёл, и я объяснила ему, что сегодня снова еду по делам в лабораторию, после чего не оглядываясь, пошла, и села в распахнувшуюся дверцу автомобиля.

И не видела, что из-за угла здания больницы за тем, как я уезжаю, наблюдал Пьер Шушель.

***

Принц Максимилиан, герцог Кентский.

Сидел в машине возле этой небольшой бедной больницы, ожидая, когда деловая мисс соизволит выйти с работы, и думал о том, как изменилась моя жизнь.

Еще недавно просто «доживал», когда договорился с отцом о том, что не в силах быть наследником и поменялся с младшим братом, который как раз был счастлив, что очередь распределилась таким образом. Ему нравились все эти протоколы, первые страницы газет и альманахов.

Оставил себе тайную службу, руководство внешней разведкой, полностью погрузившись в обеспечение безопасности королевства. Единственным лучиком во тьме моей жизни, была Кати. Она всё ещё иногда просыпалась ночью, вскрикивая, и тогда я сам приходил и укачивал её. Кати всегда успокаивало, когда я брал её на руки. Она никогда не помнила, что ей снилось, но я знал, что ей снится пожар.

Я и сам до недавних пор просыпался в холодном поту от ужаса, что я бегу по пылающему дому и не могу никого найти. Но вот уже месяц старый кошмар не возвращался.

И когда я задал себе вопрос почему, в чём причина, то ответ на него был очевиден.

Всё дело в маленькой мисс докторше.

Сперва она меня жутко раздражала. Потом я и сам не понял, как вдруг начал заниматься её делами. Да что там, лучший разведчик, которому в принципе нельзя иметь никаких привязанностей, тоже начал приглядывать за мисс Лейлой.

И в последний раз, когда я понял, кто забирает её из больницы, я, чёрт подери, взревновал.

Специально поехал, чтобы раз и навсегда выяснить, что всем этим выпускницам приютов нужно только одно, богатые покровители,

чтобы они там не говорили, и был удивлён, когда понял, что мисс Лейла занималась там частной медицинской практикой.

Когда попытался поддеть, что у неё нет диплома доктора, чтобы этим заниматься, то она не испугалась. Уверена в том, что делает. Девушка-загадка. Как же хочется разгадать.

Но в целом настолько обрадовался, что чуть было не раскрыл личность Александра.

Потом прочитал его рапорт, что в разработке находится именно Майкл Джерард, банкир и бизнесмен. Задание Александра было, как и обычно долгоиграющим, быть в круге лиц, которые могут оказывать воздействие на экономику государства и контролировать их изнутри.

И какого было моё удивление, когда в другом его рапорте я прочитал, что как виконт Эрли он инвестирует в фармацевтический проект, в котором фигурировало имя мисс Лейлы Кроули.

А сегодняшнее выступление Лейлы было потрясающим. Я чуть было не предложил ей вакцинировать дочь, настолько она была убедительна. Но доктор Уислер прав, пока недостаточно доказательной базы.

Зато пригласил её на свидание. Пусть думает, что на деловое.

Глава 43

Доктор Роберт, как и обычно, был в своей лаборатории.

Сегодня мне ещё удалось проверить всех тех, на ком в травме испытывала дозировку пенициллина. Результаты были шикарные. Даже у тех, у кого было сильное воспаление с нарывами и с абсцессом, всё заживало на глазах.

Наверняка, работало ещё и то, что здесь у людей нет резистентности* к антибиотикам.

(*резистентность — это сопротивляемость (устойчивость, невосприимчивость) организма к чему-либо).

Так что лекарство вполне готово. И я вошла в лабораторию с намерением его забрать. Но, помимо этого, всюду шёл процесс подготовки шовного материала. Я проверила и поразилась, что вымоченное и очищенное сырьё уже нарезали на ленты.

— Пришлось привлекать механиков, — сказал доктор Тиндаль, и с гордостью добавил, — я когда перечитал ещё раз, как вы описали процесс очистки, долго думал, чем мы можем это сделать, — доктор сделал паузу, вероятно, чтобы мы с принцем прониклись значительностью момента, — и придумал.

И доктор Тиндал рассказал, что обратился на инженерный факультет и дал описание процесса и материала.

— И представляете, мисс Лейла, эти головастые ребята, за полдня соорудили вот этот аппарат.

И доктор Тиндал подвёл нас с принцем в дальнюю часть лаборатории, которая теперь скрывалась за ширмой, а там стоял станок, и принцип его работы заключался в том, что по конвейерной ленте подавался материал, а внутри были расположены скребки и щётки. Конечно, пока конвейерная лента приводилась в движение вручную, но на мой взгляд это уже был прототип станка для промышленной линии.

— Завтра начнём отбеливать в пергидроле и будем уже крутить нити, — закончил отчитываться доктор Роберт, и тут же накинута на принца.

— Ваше Высочество вы же понимаете, что мы получим совсем немного материала, и чтобы обеспечить всех, нам будет необходима поддержка. Ресурсов моей лаборатории не хватит.

Я слушала и понимала, что Роберт Тиндаль прав, как только все поймут ценность кетгута, спрос на него вырастет. Значит надо готовиться к этому уже сейчас.

Принц всё записал, пообещал просчитать или найти того, кто просчитает.

А я почему-то подумала про Йена, ведь он же в качестве виконта Эрли интересовался инвестициями в медицинское дело. И решила спросить его об этом, когда он появится.

У меня в больнице было двое детишек, очень плохих, с коклюшем. У обоих были очень сильные приступы кашля, с кровью. А ещё был совсем молодой парень, лет семнадцати, которого привезли с воспалением лёгких.

Я сперва не подумала о том, что можно ночью заехать в больницу, если его высочество согласится, и сделать инъекцию. Но теперь, мне показалось, что это отличная идея, на утро уже можно будет увидеть результат, да и больным облегчение. А у парня с пневмонией счёт вообще может идти на часы.

Хотела сразу об этом сказать принцу, но решила сделать это после ужина.

И когда мы вышли из лаборатории, и принц сказал:

— Наконец-то мисс Лейла мне удастся вас накормить, а то все эти вечерние перемещения заставляют меня думать, что вы вообще ничего не едите.

— Ха, Ваше Высочество, вы просто не знаете миссис Элис. Даже, если я прихожу домой поздно, я получаю тарелку горячей еды, и пирог.

— Да, вы счастливица, мисс, — улыбнулся принц, — когда я прихожу поздно, то во дворце все уже спят, и мне приходится самому искать себе еду, и очень часто это уже совсем не горячее.

— Да уж, — рассмеялась я, — оказывается непросто быть принцем.

Через пару кварталов принц остановил автомобиль. Я с удивлением смотрела на достаточно потёртую дверь. Но когда мы

вошли внутрь, то я ощутила вкусный аромат еды, пахло какими-то специями и чем-то мясным.

В помещении маленького ресторанчика было всего четыре стола, за двумя кто-то сидел. Принц прошёл к самому дальнему, в углу. Столик был так расположен, что мы могли видеть тех, кто входил в ресторан, но нас видно не было, с одной стороны стола стояла ширма с резным узором, и принц сел как раз к этой ширме и, если меня ещё можно было рассмотреть, то его высочество теперь вообще никто, даже, наверное, официант увидеть не мог.

— Как хорошо, что такой стол оказался не занят, — сказала я, оценив удобство. В таком месте можно было и поесть, и поговорить, не опасаясь, что прибегут какие-нибудь репортёры и начнут охотиться за сенсацией.

Принц раскрыл тайну. Оказалось, что владелец этого итальянского ресторана его друг и этот столик всегда свободен для принца.

— Ага, — сказала я, — значит вы лукавили про то, что ложитесь спать голодным во дворце.

Принц улыбнулся и стал советовать, что взять поесть.

Я вспомнила, что когда-то я обожала итальянскую кухню, а особенно пасту с баклажанами, и, о, чудо она была в меню

Принц даже подозрительно на меня посмотрел:

— А откуда вам известно фирменное блюдо Марио?

Я пожала плечами:

— Не знаю, просто название блюда звучит очень вкусно и поэтично: «Паста алла норма»

Принц усмехнулся:

— Да у итальянцев всё так звучит, Лейла

Посмотрел мне в глаза:

— Можно я буду вас называть просто по имени?

Я кивнула, подумала: «А почему нет?»

— Вы тоже можете называть меня по имени, когда мы вдвоём, — между тем продолжил принц

Я решила на всякий случай уточнить:

— Надеюсь, что это не будет выглядеть, что я согласна на что-то кроме делового сотрудничества, сэр

— Нет, Лейла, я помню ваши принципы, — ответил принц и снова улыбнулся.

Вскоре нам принесли еду и стало не до разговора. Потому что это было потрясающе вкусно. Вручную изготовленная паста, в ароматном томатном соусе. С обжаренными в чесночном масле кусочками баклажанов. От этой еды было не оторваться.

Я так увлеклась, что только после того, как проглотила последний кусочек баклажана пришла в себя и заметила, что принц смотрит на меня с улыбкой, а возле стола стоит невысокий полный мужчина, и вправду очень похожий на итальянца.

— Знакомься, Лейла, это мой друг Марио, и он создатель этого шедевра, который так тебе понравился, — с довольной улыбкой проговорил принц

Я даже смутилась, и сама удивилась, что съела всю порцию, хотя она была немаленькая.

— Макс, ну что ты смущаешь такую bella ragazza*, — наполовину на итальянском проговорил Марио

(*красивая девочка, итал.)

— Grazie, signor, era tutto molto buono* — не удержалась я, и тут же мысленно прикрыла глаза, поймав весьма удивлённый взгляд принца

(*спасибо синьор, это было очень вкусно, итал.)

После чего мы с Марио обменялись ещё несколькими фразами на итальянском, в основном про блюдо. Он сказал, что это их семейная тайна, но мне он готов выдать её.

Самое главное в этом блюде, помимо баклажан, конечно, это то, что сверху Марио посыпает пасту копчёной рикоттой. Он два раза подчеркнул, что именно копчёной и, чуть наклонившись шепнул:

— Но это большой секрет, сеньорита

Я провела пальцем возле губ, показывая, что мой «рот на замке».

Мы с Марио рассмеялись, а принц, который, похоже тоже неплохо знал итальянский удивлённо смотрел на нас.

В результате я получила от Марио комплимент в виде десерта, а когда он отошёл, небольшой допрос от принца.

— Вы не перестаёте меня удивлять, Лейла, — разглядывая меня, словно впервые увидел, сказал принц, — а итальянский-то вы откуда знаете?

— Я люблю учиться, Максимилиан, — сказала я, воспользовавшись правом назвать принца по имени

Не знаю, удовлетворил ли Его Высочество мой ответ, но больше в этот вечер мы к этому вопросу не возвращались.

После ужина я попросила принца отвезти меня в больницу

Он удивился, но повёз.

— Вы же сегодня не работаете, Лейла, — сказал принц

— Я бы хотела попробовать сделать инъекции полученного лекарства нескольким пациентам. Им срочно надо.

— А вы быстро освободитесь? — спросил принц

— Боюсь, что нет, Ваш... Максимилиан, я бы хотела два-три часа понаблюдать за больными.

— Я вас подожду, — вдруг заявил принц, — и потом отвезу до дома.

А я подумала: — «А кто сегодня дежурит?»

В эту ночь дежурили в больнице доктор Варчовски и Итан Рамзи. Оба были вовлечены в команду по разработке вакцины от коклюша и между нами были доверительные отношения.

Конечно, появление вместе со мной Его Высочества вызвало у коллег удивление, но они ничего не сказали. И я была им за это благодарна.

Я рассказала про препарат и поскольку я уже упоминала об этом на наших посиделках, когда мы говорили о методах лечения коклюша, то интерес, конечно, был огромный, и уколы мы пошли ставить все вместе.

По пути открыла «тайну», что дозировку подбирала, тестируя препарат на внешних ранах в «травме». И доктор Варчовски, которого, видимо, настигло озарение, вдруг воскликнул:

— А я-то думаю, что у меня половина больных с нарывами вдруг резко на поправку пошла.

И с лёгкой укоризной добавил:

— Ну, мисс Лейла, хоть бы предупредили.

В общем, первый в этой реальности укол получил парень, который не должен был выжить, потому что у него была двусторонняя пневмония. Обычно такие больные не выживали.

Следующие уколы, прямо микродозы, я поставила малышам с коклюшем.

В течение трёх часов я наблюдала за реакцией на препарат, всякое могло быть, но когда поняла, что у малышей количество приступов кашля стало сокращаться, то поняла, что скорее всего в этой битве я «победила».

Подумала, что надо бы ещё на всеобщую вакцинацию уговорить медицинское сообщество и тогда можно двигаться дальше.

Парень с пневмонией тоже не показал аллергических реакций, пока о положительном прогрессе после одного укола говорить было рано, всё-таки у него уже была запущенная форма. Но теперь доктор Варчовски мог справиться и без меня, Я оставила им один пузырек и расписала дозировку. До начала следующего дня парню надо было сделать ещё один укол.

— Всё, теперь можно и домой, — улыбнулась я принцу.

Но машина поехала в другую сторону.

— Куда мы едем, Ваше Высочество, — снова перешла я на официальное обращение, удивившись.

— Не злитесь, Лейла, просто хотел показать вам одно место, — улыбнулся принц

Вскоре автомобиль остановился на берегу Темзы, недалеко от выезда из города. Здесь река делала поворот, как бы огибая холм. И на этом холме принц и остановил машину.

Мы вышли, и принц показал рукой на город, встал у меня за спиной, взяв меня за плечи, наклонился к левому уху и прошептал:

— Мне кажется, что именно сейчас творится история. Вы видите, что город спит, и даже фонари уже почти не горят. И никто кроме нас с вами не догадывается что утром они проснутся, а всё уже будет по-другому.

Принц развернул меня к себе и поцеловал.

Глава 44

Я в этот момент ни о чём не думала. Всё произошло неожиданно, и обаяние ночи сделало своё дело. Я ответила на поцелуй. Это было скромно, но принц почувствовал, что его не оттолкнул, и поцелуй стал более откровенным.

Когда поцелуй закончился, я почему-то не смогла посмотреть Максимилиану в глаза, мне казалось, что он поймёт, что с ним только что целовалась не юная девочка. И я уткнулась головой ему в грудь. Принц вздохнул и меня это успокоило. Сердце его стучало быстро и сильно. И я поняла, что он тоже волновался.

Принц не стал пытаться ещё раз меня поцеловать, и я была ему за это благодарна. Вместо этого он спросил:

— Я бы хотел, чтобы ты приехала во дворец Лейла и выслушала предложение доктора Уислера. Сейчас под его управлением несколько интересных программ, на которые он готов поставить перспективных интернов.

— Но ваш Уислер не верит в то, что женщина может стать доктором, — возразила я

— Ну так в твоих силах доказать ему, что это не так, — улыбнувшись ответил принц

И я подумала, что возможно принц прав, если я «закроюсь» и продолжу сидеть под «крылом» доктора Листера, я не смогу идти дальше. А мне нужен диплом, мне нужно иметь возможность продвигать то, что я знаю.

Максимилиан как будто бы знал о чём я думаю и добавил:

— Доктору Листеру будет сделано предложение возглавить направление бактериологии, под него будет создан институт, в котором будет несколько лабораторий. Его труд получит заслуженное признание. Он и ещё несколько учёных начнут работать над этим направлением в науке, для того, чтобы перевести идеи в производство.

— О, наконец-то, неужели и остальные больницы начнут применять метод Листера для обеззараживания? — я была поражена, я не ожидала, что история так изменится в этой реальности. Возможно, что в этом есть и моя заслуга.

— Лейла, ты так удивляешься, но поверь, была большая проверка и в вашей больнице показатели в десятки раз лучше, — сказал принц, — поэтому всё обосновано.

— Я просто очень рада за доктора Джозефа, — улыбнулась я, и тут же спросила:

— А когда он об этом узнает?

Принц серьёзным тоном ответил:

— Уверен, что уже завтра

— Да? Ему придёт какая-то бумага?

— Нет, — рассмеялся принц, и неожиданно ткнул меня пальцем в кончик носа, — мы с тобой поедem его навестить и скажем

— Эй, я не маленькая девочка, — возмутилась я

— Маленькая, — сказал принц и снова обнял меня, прижимая к себе, но больше не делая попыток поцеловать.

Принц отвёз меня домой, спать мне оставалось всего три часа, зато уснула я сразу, несмотря на волнительные переживания этого вечера.

На следующее утро я всё-таки решила, что поеду во дворец, поэтому на работу одевалась тщательно. Миссис Элис даже удивилась и поинтересовалась:

— Лейла, а ты на работу или у тебя снова выступление в Королевском обществе?

Миссис Элис мною гордилась так, словно я действительно была её дочерью. Когда стало известно, что я буду выступать в Королевском обществе Лондиниума, миссис Элис ходила с высоко поднятым носом, рассказывая об этом всем.

Мистер Белтон даже пошутил, что если она так продолжит ходить, то непременно наступит на что-то гадкое и потом придётся отмывать ботинки или ещё того хуже спотыкнётся.

Но слава богу такого не произошло.

И вот сейчас миссис Белтон пыталась выяснить, не пригласили ли меня ещё раз на выступление перед учёными мужами.

Я не стала ей рассказывать, что поеду во дворец на встречу с главным королевским доктором, побоялась, что шуточные «предсказания» мистера Белтона могут и сбыться.

Просто сказала, что после работы хотела заехать навестить доктора Джозефа.

В больницу успела пораньше, ещё до утреннего обхода, и первым делом понеслась в палату к парнишке с воспалением лёгких, и с удивлением увидела, что он полусидит на кровати и уже по его глазам поняла, что кризис позади.

Доктор Варчовски, который сделал второй укол, сказал, что через четыре часа после второго укола стало заметно улучшение, и спросил:

— Что дальше, мисс Лейла?

Пока мы шли в сторону детских палат, я рассказала, что ещё минимум три дня надо будет делать уколы каждые восемь часов и помимо этого перевести парня на специальную диету. А дальше посмотреть по динамике.

Перед коклюшной палатой мы остановились, и доктор Варчовски, глядя мне в глаза, сказал:

— Я не знаю откуда у вас это лекарство, мисс Лейла, но, если бы вы были дьяволом, то я бы продал вам душу за него.

Я улыбнулась:

— Ну что вы, доктор, лекарство разработано в лаборатории совместно с доктором Робертом Тиндалем, королевская семья в курсе, поэтому я уверена, что скоро оно появится, — и шутливо добавила, — и поберегите свою душу.

Мне показалось, что после того, как я упомянула известного учёного, доктор Варчовски как-то расслабился.

Детки тоже сегодня дышали по-другому. Мы вместе с доктором Варчовски их осмотрели, послушали. И я сделала им ещё по маленькой дозе инъекции.

Доктор же на выходе из палаты снова сказал:

— Смотрю на вас, мисс Лейла, как вы делаете осмотр детишек, и такое впечатление, что вы не первый год работаете, а занимаетесь этим долгое время. Ваши руки, то, как вы их берёте, как с ними общаетесь, всё указывает на большой опыт.

— Я просто очень люблю детей доктор Варчовски и действительно основным направлением для себя считаю педиатрию.

А про себя подумала: — «Может и правда надо уже уходить из больницы, пока работала только с доктором Джозефом и доктором Стеном, они принимали как данность мои умения и не задавали вопросы, а вот Варчовски не такой, и кто его знает, как будут реагировать остальные?»

Отпросилась на сегодня, благо дневным врачом был доктор Стен, и вышла из больницы, собираясь нанять кэб до дворца.

Но увидела знакомый автомобиль.

«Ничего себе, неужели принц днём за мной приехал и сам повезёт меня во дворец. Он что действительно собирается за мной ухаживать?»

Но когда я подошла к автомобилю и наклонилась к окну, то вместо профиля Максимилиана увидела, что там сидит совсем другой человек, и я уже собиралась уйти, ругая себя за наивность, как этот человек вышел из машины и крикнул мне вслед:

— Мисс? Мисс Кроули

Я повернулась, обращались точно ко мне

— Да, это я

— Я знаю, — улыбнулся молодой парень, — а я за вами, меня послали из дворца. У вас же встреча с мистером Уислером.

— Да, — ошарашенно произнесла я, понимая, как изящно принц решил проблему «доставки» меня во дворец, не привлекая внимания к тому, что за мной прислали автомобиль Его Высочества.

Во дворец я въехала со всем шиком и комфортом. Когда проезжали двое ворот, да ещё и кружили по внутренней территории, я с ужасом представила, что было бы, если бы меня высадили на Дворцовой площади и, как бы я пробиралась во дворец, и искала там куда мне надо пойти. Наверняка бы опоздала, и доктор Уислер бы непременно это «отметил».

Доктор Уислер и его докторский «офис» обитали в отдельном здании на территории дворца. Когда я зашла, сопровождаемая всё тем же водителем, то там уже было несколько человек, причём не все они были мужчинами.

С большой радостью я увидела, что Элизабет Гаррет тоже приглашена. Элизабет, заметив меня расплылась в улыбке и с чувством обняла меня, шепнула:

— Ждём «великого и ужасного».

Пока мы ждали, Элизабет представила мне остальных. Всего нас было пятеро. Мы с Элизабет и трое мужчин. Нас объединяло одно, все мы были интернами.

До того, как пришёл мистер Уислер, мы успели обменяться информацией кто на чём планирует специализироваться. Из всех

присутствующих только я планировала заниматься детской медициной.

Элизабет, как и говорила во время экзамена, видела себя только в хирургии. Один из мужчин, некий Джон Редклифф собирался заниматься инфекционными заболеваниями, другой Питер Чембер, был более всего заинтересован в акушерстве, а третий, Рональд Купер, в психиатрии.

Я смотрела на то какие разные были выбраны направления и вспоминала слова принца, что у доктора Уислера в планах весьма интересные проекты. И почему-то появилось предвкушение чего-то хорошего. Хотя от доктора Уислера хорошего ожидать не приходилось.

Так и получилось, доктор Вильям Уислер пришёл, как и всегда, с надменным и недовольным лицом.

Выражение его лица немного смягчилось, когда он здоровался с молодыми людьми, а нас с Элизабет он почти проигнорировал.

— Здравствуйте, мистер Уислер — громко поздоровалась я, когда он, поздоровавшись и пожав руку мужчинам, попытался пройти мимо меня.

Ему пришлось остановиться и взглянуть на меня.

— Мисс Кроули, — произнёс он таким тоном, словно бы сказал: «снова вы».

Мне даже смешно стало, но я сдержалась.

После того, как нас всех вызвали в небольшую аудиторию, где были ещё три доктора, доктор Уислер рассказал, что под патронажем королевской семьи планируется развить несколько направлений в медицине, которые сейчас являются проблемными. И для этого специально пригласили интернов, у которых возможно не так много знаний и опыта, зато есть «свежий взгляд» на ситуацию.

Посмотрел внимательно на каждого из нас, с лица его ушло недовольство, как будто, войдя в эту аудиторию и, начав говорить, он принял решение, и сказал буквально следующее:

— В течение трёх месяцев каждый из вас будет курировать определённое направление в медицине.

И он перечислил направления, называя наши имена.

Мне досталось направление, которое, как бы неприятно это было осознать, я слышала впервые. Я даже не знала о чём он говорит: бэби фарминг.

И мне показалось, что доктор Уислер заметил мою растерянность, потому что, закончив перечислять направления, он спросил:

— Мисс Кроули, вы что-то хотели сказать? У вас ещё есть шанс отказаться.

Глава 45

«Ага, не дождётесь, мистер Уислер», — подумала я, а вслух сказала

— Весьма интересное направление, хотелось бы узнать подробности, что от меня ожидается и с кем я буду работать.

По выражению лица мистера Уислера было понятно, что мне предстоит очень непростое задание. Скорее всего невыполнимое. Но мистер Уислер не знает, что перед ним не просто выпускница приюта, и поэтому у меня тоже появилось на лице похожее выражение. И, судя по всему, мистера Уислера это несколько «отрезвило».

После того, как мистер Уислер закончил распределение, он представил сидевших в аудитории профессоров, которые забрали всех, кроме меня. Элизабет перед тем, как уйти оглянулась, и кинула на меня извиняющийся взгляд. Я незаметно махнула ей рукой.

Когда я перевела вопросительный взгляд на мистера Уислера, тот, усмехнувшись сказал:

— А вашу работу будет курировать сэр Годфри, глава министерства Юстиции, поэтому потрудитесь попасть к нему на приём и получить инструкции. Всего хорошего, мисс Кроули.

«Да, вот и первая сложность», — только и успела я подумать, как уже практически покинувший аудиторию мистер Уислер вернулся и, всё с той же злорадной ухмылкой, произнёс:

— Да, забыл сказать, приступить надо в течение трёх дней, иначе вы автоматически выбываете из программы.

И вышел.

Я вышла вслед за ним и обнаружила, что меня ожидает водитель, который привёз меня во дворец.

— Мисс Кроули, а я уже испугался, что вы каким-то образом проскочили мимо меня, — улыбнулся парень

— О, как здорово! Вы отвезёте меня обратно? — спросила я

— Его Высочество передал, что вам понадобится встретиться с министром Юстиции и просил передать, что он вас ожидает, — сказал «водитель», а я подумала, что, если присмотреться, то молодой человек мало похож на водителя.

Стало так тепло оттого, что Максимилиан позаботился о том, чтобы я смогла выполнить условия, поставленные невыносимым доктором Уислером.

И уже скоро я была в кабинете сэра Годфри, который тоже был молод, ну примерно ровесник принца и не смотрел на меня, как на недоразумение.

Он мне и рассказал про то, что происходит и что ожидается от меня.

Оказалось, что уже несколько лет назад правительство по поручению королевы озаботилось тем, что происходит на так называемых бэби-фермах*, этаким аналог яслей, которые постепенно превратились в приюты, куда детей отдавали родители и платили за их содержание.

(*бэби-фермы и условия проживания там детей нашли отражения и в литературе, наиболее известное произведение роман Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста», герой которого проводит свои первые годы в сиротском приюте, то есть как раз на бэби-ферме).

Но в большинстве случаев условия содержания детей и отношение к ним были плохими, и малыши часто умирали, а деньги за их содержание продолжали выплачивать, ничего не зная об истинной судьбе ребёнка.

Расследований часто даже не проводили, так как детская смертность до сих пор была очень высока даже в благополучных семьях.

И вот наконец-то был принят Акт о защите детей, и организован специальный комитет по контролю и лицензированию таких «домов малютки», но из известных медиков никто не хочет браться за это, поскольку не верят в успех, и ответственность за то, что дети продолжают умирать никто не хочет на себя брать.

— Доктор Уислер предложил вас и от вас мы будем ждать предложений по тем мерам, которые необходимо внедрить, — закончил свой рассказ сэр Годфри.

Я, конечно, была крайне удивлена тому, что для такого важного решения выбрали именно интерна, но понимала, что здесь каждый преследует свои цели, в том числе и главный королевский доктор, мистер Уислер, который не может напрямую противостоять королеве, а

вот продемонстрировать ей, что у женщин ничего не получается, он может.

И даже Элизабет Гаррет он объединил с другим интерном, чтобы показать, что у неё всё получилось только потому, что там был ещё и мужчина.

Поэтому я не стала больше задуматься о том, что многие, а особенно доктор Уислер, ждут моего провала, я решила всех «удивить» и сделать так, как нужно мне. Это же какую возможность мне предоставило провидение, что я сразу могу помочь многим малышам, да ещё и продвинуть педиатрию, как науку.

Надо пойти и «сказать спасибо доктору Уислеру», вот он удивится.

Да, такую работу вряд ли получится совмещать с работой в больнице, поэтому я не раздумывая подписала контракт, который мне дал секретарь сэра Годфри, что через неделю я должна в полной мере приступить к новым обязанностям. Контракт был на шесть месяцев, оплата была высокой, я будучи интерном получала почти докторскую зарплату.

Но самым главным было то, что в случае признания работы успешной, мне предлагалось отучиться в университете бесплатно, за счёт короны.

Я, честно говоря, не хотела тратить восемь лет на получение диплома, потому что, конечно, мои знания превышали тот объём знаний, которые мог дать университет в этой реальности, но я рассчитывала договориться о сдаче экзаменов экстерном.

Выходила я от министра юстиции с улыбкой на лице, но ещё больше моё настроение поднялось, когда, заглянув в окно автомобиля, я увидела там профиль Максимилиана.

— Приветствую вас, доктор Лейла, — улыбнулся принц

— Ну я ещё не доктор, — ответила я, тоже улыбнувшись, а сердце забилось учащённо, что привело меня в смущение, «вот никак не ожидала от себя такой реакции»

— Как! — с притворным ужасом в голосе вскричал принц, — мисс, вы не дочитали контракт?

Я достала из тонкой папки, которую мне презентовал секретарь министра вместе с моим экземпляром контракта, бумаги и стала снова их рассматривать.

— Посмотрите на странице три, — подсказал мне Его Высочество
И действительно на странице три было сказано, что на время проекта, интерн мисс Лейла Кроули получает статус доктора, конечно, со всеми вытекающими привилегиями и ответственностью.

Теперь стало понятно, почему мне буду так много платить.

А в руках принца было назначение доктора Джозефа Листера, про которое принц мне рассказал накануне.

После того, как навестили доктора Джозефа, принц отвёз меня в больницу, где я, предварительно надев на принца маску, отвела его в палаты к ребятишкам с коклюшем и сказала, что я уверена, что и в других больницах города ситуация не менее сложная и единственным выходом остановить распространение эпидемии является вакцинация.

— Но кто-то должен показать пример, и как правило это работает только, если кто-то очень уважаемый всеми сделает это, — сказала я

Да, я некоторой степени манипулировала принцем. После того, как он увидел больных ребятишек, а ещё и услышал, как они кашляют, он сильно задумался.

— Ты считаешь, что я должен вакцинировать Кати? — глухим голосом спросил принц, сразу поняв о чём я говорю

А что мне оставалось ответить. Будь у меня дочь, я бы первая вакцинировала её, как и сделала это когда-то в прошлой жизни. Но здесь у меня не было дочери, пока.

Я молчала, понимала, как сложно принцу принять такое решение.

Вдруг он посмотрел на меня потемневшими глазами и спросил:

— Ты уверена, Лейла?

— Да, — коротко ответила я

В этот момент из детской палаты снова донёсся ужасный лающий кашель, и принц принял решение.

Это стало заметно по тому, как сжались его губы и образовалась хмурая морщинка между бровей.

— Завтра, в десять утра за тобой приедет Герберт, будь готова, и захвати с собой всё необходимое.

Потом взглянул на меня и уточнил:

— Герберт, это мой сотрудник, он сегодня уже возил тебя

Я кивнула, значит верно я определила, что не такой уж и простой у меня сегодня был водитель.

После чего Максимилиан отвёз меня домой, и, коротко попрощавшись, даже не попытавшись меня поцеловать, уехал.

Стало как-то обидно, но я понимала, что на кону нечто большее, чем просто наши отношения.

А утром за завтраком мистер Белтон, который имел обыкновения прочитывать свежую прессу, вдруг сказал:

— Смотри, Лейла, сам принц и его ближайшие друзья объявили о том, что их дети пройдут вакцинацию и призывают всю страну последовать их примеру.

На первой полосе газеты было фото принца, его сфотографировали со здоровой стороны, и на руках он держал дочь, которая доверчиво улыбалась.

Глава 46

В больнице я с удивлением встретила и доктора Листера. Ему бы ещё несколько дней побыть дома в спокойной обстановке. Но я не стала ему ничего говорить, поняла, что каким-то образом газеты попали к нему на стол или кто-то из докторов, скорее всего доктор Варчовски, сообщил об объявлении, сделанном принцем Максимилианом. Мы все были одной командой. Хотя вакцина скорее воссоздавалась, по моей памяти, чем создавалась.

Этим и были обусловлены такие короткие сроки, в которые мы смогли получить практически готовый образец. И моя уверенность в том, что нам не нужны никакие тесты и испытания, я точно знала, что это тот анатоксин, который может нам помочь остановить быстро расползающуюся эпидемию.

— Мисс Лейла, — поприветствовал меня доктор Джозеф, — вы в курсе инициативы королевской семьи?

— Да, — ответила я кивнув, — мы это обсуждали с Его Высочеством накануне

— А вы уверены, — спросил, вошедший в кабинет, доктор Варчовски, — всё-таки дети из рабочего района и дети из дворца...

— Всё-равно дети, — немного резко сказала я. Мне не понравилось то, как доктор Варчовски это представил, и он не знал того, что знала я, что формула, по которой мы создали вакцину, успешно применялась на протяжении десятилетий.

— Да, Филлип, — с укоризной сказал доктор Листер, — не стоит так говорить, хотя я тебя понимаю.

— Джозеф, — доктор Варчовски, как и доктор Листер, тоже перешёл на неформальное обращение, — ты понимаешь, что с нами будет, если что-то случится с принцессой?

Доктор Листер вновь посмотрел на меня:

— Мисс Лейла, вы уверены?

Я кивнула. Да я кивнула бы ещё тысячу раз.

Варчовский открыл папку, которую принёс с собой. Там были двухнедельные наблюдения за теми детьми, которых мы уже вакцинировали. Понятно, что по той схеме, которая обеспечивала

наиболее высокую иммунизацию, мы ещё не получили данных, но первичные результаты доказывали, что вакцина работает.

Дверь в кабинет доктора Листера снова открылась и в неё, размахивая газетой забежал доктор Итан.

«Ещё один,» — подумала я

— Вы это читали? — воскликнул он, но увидев, что мы все в сборе, и лица у нас напряжённые, понял, что да, читали и уже даже начали обсуждать.

В общем мы провели оценку рисков, стоит ли действительно вакцинировать детей из дворца, или там смогут обеспечить их изоляцию. Потому что риски от заболевания, особенно для самых младших, по сравнению с вакциной были несоразмерно высоки.

Принцессе было около трёх, в этом возрасте болезнь ещё была опасна. Но и деткам старше пяти, я бы тоже поставила вакцину.

В десять утра к зданию больницы подъехал большой чёрный автомобиль. Герберт зашёл в больницу и пригласил меня поехать, и был очень удивлён, когда вместе со мной с саквояжами в руках вышли ещё доктор Листер и доктор Итан. Варчовски остался в больнице, всё-таки он сейчас замещал доктора Листера и не мог оставить больницу без главного врача.

— Что вы такие мрачные? — спросил Герберт и я снова подумала, что он всё-таки далеко не простой водитель.

Между тем, Герберт продолжил говорить:

— Там во дворце Его Высочество пригласил репортёров. И если вы с такими лицами выйдете из автомобиля, то это будет не слишком хорошо.

— Молодой человек, — обратился к нему доктор Листер, — то, что сегодня будет происходить навсегда изменит историю медицины не только в нашем королевстве. Поэтому мы не можем радостно выпрыгнуть из машины и широко улыбаться. Это очень серьёзное мероприятие.

Герберт пристыженно замолчал и всю оставшуюся дорогу больше ничего не говорил.

Я подумала, что надо будет парню потом объяснить, что обычно доктор Листер весьма деликатен, но сегодня он и вправду сильно переживал.

Герберт молчал, но зато мы с докторами говорили, ещё раз проговаривая, что будем делать, и как, и на что настраивать родовитых родителей, как проводить осмотр.

Нас провели сразу в жилую половину дворца. Это было очень верно, стерильность мы обеспечим, а вот для детишек очень важно, чтобы они были в комфортной обстановке.

Несмотря на слова Герберта, никаких репортёров мы не встретили, чему все были очень рады.

В небольшой гостиной, куда нас привели после того, как мы переоделись и надели маски, находился принц, двое молодых мужчин и женщина, у которой на руках сидел годовалый малыш.

Принцесса и ещё двое малышей сидели на ковре и собирали какие-то башенки из разноцветных кубиков, рядом с ними находилась девушка, в одежде попроще, видимо, няня.

Женщина с ребёнком на руках испуганно посмотрела на нас. Помимо испуга в её глазах была какая-то смесь злости и обречённости.

«Не хочет делать прививку, — пришла мысль, — но принц сказал надо и вот она здесь».

Мы вышли в другую комнату, где и я и доктор Листер описали процесс и дальнейшие действия.

На вопрос, сколько во дворце детей, оказалось, что не так уж и мало. Дворец был не просто отдельным зданием, а целым комплексом и на его территории проживали дети особо приближённых к трону вельмож, а также дети слуг.

Но после того, как принц вчера переговорил со многими у кого были маленькие дети, только двое согласились принять участие, оба друзья принца: барон Филипп Дадли и барон Генри Латимер.

Женщина, у которой на руках был годовалый малыш, была супругой барона Дадли. Я обратила внимание принца на то, что женщина боится и предложила поговорить с ней.

Но принц вместо того, чтобы дать мне возможность пообщаться с бедной матерью, спросил сам и довольно громко:

— Аделаида, вы не хотите, чтобы вашему сыну ставили вакцину?

Но вместо супруги ответил барон Дадли:

— Макс, мы договорились и Адель согласилась.

У барона Латимер ситуация была другая, его супруга была своеобразной женщиной и даже не появилась. То ли сильно доверяла

мужу, то ли её более интересовали другие дела

При этом разговоре присутствовали секретарь принца и дворецкий.

Я увидела, что они переглядываются. Принц тоже заметил и спросил их в чём дело.

— Ваше Высочество, я бы хотел попросить тоже привить моих малышей, — тихо проговорил секретарь, а пожилой дворецкий начал кивать: — и внука моего.

Так мы вакцинировали семерых детишек, проживающих во дворце. Каждому завели карточку и календарь.

Забавная ситуация получилась с малышкой Кати, маленькой принцессой. Несмотря на маску, она меня узнала и приказала снять. Я ей стала объяснять, что я работаю в больнице, там есть детки, которые болеют, и чтобы не приносить воздух из больницы сюда во дворец, я и другие доктора надели маски.

Тогда принцесса тоже затребовала маску и какое-то время старательно сидела и дышала через неё, но потом ей надоело и она сказала, несколько коверкая слова, потому что не все буквы хорошо выговаривала:

— Доктолом быть холосо, можно всех спасти, но я не буду доктолом, мне маска не понлавилась

— А кем ты будешь? — спросила я, держа девочку на коленях

— Я буду, как бабушка, королевой, и буду спасать доктолов.

Я подумала, что папа вот уже спасает, а скоро и дочка начнёт. А вслух сказала:

— Я очень рада, Ваше Высочество, что такая красивая королева будет нас спасать.

— Ты можешь называть меня плинцесса Кати, — разрешила мне девочка

Я поблагодарила маленькую принцессу за оказанную честь.

Никто из детишек на нас не обиделся, все прививки удалось сделать довольно быстро и безболезненно.

Потом детей увели, а мы договорились о том, что дежурить останется доктор Итан, через шесть часов приеду я и сменю его, и так первые сутки мы сами будем наблюдать, а потом будет достаточно младшего персонала.

Я специально взяла себе ночное время. Во-первых, на следующий день у меня уже были назначены встречи по бэби-фермам, а во-вторых, к вечеру и ночью все катаральные проявления, как правило, усиливаются, поэтому я хотела сама быть здесь в это время.

Мы уже собирались выходить, как в дверь постучали, вошёл человек в военной форме и что-то доложил принцу Максимилиану.

— Пусть войдёт — сказал принц

И в гостиную зашёл доктор Уислер. Вид у него был крайне недовольный и я поняла, что он ничего не знал о том, что здесь произошло.

— Как вы могли, Ваше Высочество? — вскричал он, — это совершенно безответственно!

Потом взгляд его наткнулся сперва на доктора Листера, потом на меня, лицо сэра Уислера скривилось:

— От вас, Ваше Высочество, такого не ожидал. Чем эта приютская девка вскружила вам голову, о чём вы думали, когда разрешили использовать неизвестный препарат на малышке Кати?

Я подумала, что главный королевский доктор весьма умело использует привязанность принца к дочери.

Но принц, похоже, даже не услышал, что ему сказал доктор Уислер, единственное на что он среагировал это, то, что Уислер назвал меня «приютской девкой».

— Потрудитесь извиниться перед мисс Лейлой, мистер Уислер, — я обратила внимание, что, когда принц злился, перекося плеча у него увеличивался, видимо, спазм становился сильнее.

Доктор Листер тоже что-то собирался сделать в мою защиту, но я его остановила и тихо сказала:

— Надо уходить, пусть принц сам всё объяснит доктору Уислеру.

Но быстро уйти не получилось. В результате провели во дворце ещё около двух часов, проговаривая аспекты и объясняя доктору Уислеру результаты работы и тех тестов, которые мы уже провели.

Доктор Уислер немного успокоился, принц тоже, и только тогда нас доктором Листером отпустили.

— Вы же вернётесь, мисс Лейла? — тихим голосом спросил Максимилиан, остановив меня на выходе из гостиной

— Конечно, я вернусь через несколько часов и буду здесь до утра, — улыбнулась я, — надеюсь, что возле комнаты Кати есть какой-

нибудь диванчик?

— Да, всё будет готово к вашему возвращению, — произнёс принц и посмотрел на меня долгим взглядом, и мне показалось, что он имел в виду совсем не то, о чём спрашивала я.

Глава 47

Я вернулась даже чуть раньше, чем планировала. Поговорила с Итаном, пока никаких негативных проявлений после прививки не наблюдалось. Все детки отужинали, Итан провёл осмотр, и детишек, особенно кто помладше уже уложили спать.

— Мисс Лейла, будьте осторожны с миссис Дадли, — предупредил меня Итан, — я сегодня случайно стал свидетелем неприглядной сцены между миссис и супругом. Она крайне недовольна, что супруг согласился на вакцинацию.

Я пообещала, что постараюсь не вызывать ещё большее раздражение. Хотя реакция женщины была понятной. Любая мать хочет защитить своё дитя.

Доктор Итан уехал, передав мне заполненные карты. Я находилась в выделенной нам комнате, где мы днём переодевались и распаковывали привезённые вакцины. Пользуясь тем, что пока никого нет, а стол с письменными принадлежностями есть, и освещение хорошее, я села готовить заявку на пенициллин. На кетгут доктор Роберт уже подал заявку и обещал «пробить» ускоренную регистрацию.

Зная пробивной характер учёного, я даже не сомневалась, что у него это получится.

Примерно через час, дверь тихо приоткрылась, и вошёл принц.

— Так и думал, что найду тебя здесь, — укоризненно сказал он, — хотя ты обещала быть рядом с комнатой Кати.

И добавил, копируя речь девочки:

— А она, между прочим, спрашивала про «доблую мисс доктола»

Я встала: — Пойдёмте

— Кати уже спит, и...Лейла, почему снова на вы? — в голосе принца появились недовольные нотки

Он подошёл, едва касаясь, провёл по моему лицу кончиками пальцев, приподнял моё лицо за подбородок и нежно поцеловал. Шепнул:

— Пойдём, я действительно там всё подготовил. Ты же наверняка, ничего не ела.

Я и вправду не успела поесть, так спешила, что не заскочила домой. Оттуда бы меня миссис Элис точно голодной не выпустила.

Мы с принцем расположились в небольшой комнате, которая сообщалась с гостиной, примыкающей к спальне Кати. Я так поняла, что обычно эта комната использовалась в качестве тамбура перед входом в покои маленькой принцессы, но, видимо, благодаря усилиям Максимилиана, в комнатке появился небольшой диван, столик, накрытый на двоих, и два стула. В комнате было даже небольшое окно.

— Я тоже не успел перекусить, — признался принц.

— А мы услышим принцессу, если она позовёт? — спросила я, немного нервничая от двусмысленности ситуации.

Вроде бы я здесь по делу, а мужчина расстарался, свечи, еда, диванчик. И моя нервозность не осталась незамеченной. Принц усмехнулся и несколько снисходительно проговорил:

— Там с ней няня, у неё очень чуткий слух, она всегда просыпается, если что, и обязательно позовёт нас. Я именно поэтому приказал накрыть здесь, чтобы мы могли поговорить, и не разбудили ни Кати, ни няню.

Принц сделал акцент на слове «поговорить» и это меня успокоило. Ну почему я всё время пытаюсь думать о нём плохо. Вроде бы в прошлой жизни у меня не было негативного опыта. Прожили с мужем душа в душу, правда я пережила его больше чем на десять лет.

Видимо это оттого, что принц смотрит на меня иногда слишком уж откровенно и жадно. Если бы не было опыта, возможно я бы и не обратила на это внимания, но опыт есть, и я чувствую его желание и что-то во мне откликается на это и сильно.

Но первым делом мне надо, чтобы он воспринимал меня не как женщину, а как врача, медика, способного принести пользу государству. Но после наших поцелуев я не знала, как разделить эти вещи.

Еда была вкусной и лёгкой. После еды разговор плавно перешёл на следующие шаги, и я рассказала, что надо сделать. Но принц и сам, лучше меня знал, как работает бюрократическая система и на какие рычаги надо надавить.

Вспомнив слова Герберта, я спросила:

— А журналисты и вправду сегодня планировались?

Максимилиан кивнул и сказал:

— Не просто планировались, они были и всё зафиксировали
В ответ на мой удивлённый взгляд принц рассмеялся и уточнил:

— Кто же чужих дядек пустит к маленьким детям. Я им сам всё рассказал, завтра выйдет большая статья.

Я рассказала принцу и про пенициллин. Показала подготовленную заявку.

— Только лабораторные и клинические тесты ещё не до конца готовы, но в течение двух недель я всё закончу.

— А со мной можно начать до окончания испытаний? — вдруг изменившимся голосом спросил принц

И я услышала, в его голосе, что он поверил, что я могу помочь.

— Да, что касается антибактериального препарата, да, — твёрдо сказала я, потом вздохнула, понимая, что, дав надежду на быстрое разрешение вопроса, сейчас её отниму:

— Но мне надо подобрать хирургов,

Я посмотрела в глаза принца, в которых только что горело предвкушение и увидела, как уходит из них свет.

— Сколько времени это займёт? — глухо спросил принц

— Макс, — я положила свою руку на его и чуть сжала, — я постараюсь найти быстро, после это понадобится две недели на подготовку.

— У тебе есть уже кандидаты? — улыбнувшись, спросил принц, ему явно понравилось, что я назвала его коротким именем

— Один точно есть, мы вместе сдавали экзамен на интерна, — решила я дать чуть больше информации, чтобы надежда не покидала глаз принца

— О, боже, — нарочито мучительно произнёс Максимилиан, — меня будут лечить доктора-недоучки

Я сперва удивилась, но потом поняла, что принц шутит. А Макс взял мою руку и стал целовать ладонь.

— Лейла, — прошептал он, — как бы ни хотел оставлять тебя, но я подожду, когда ты сама не захочешь, чтобы я уходил.

Принц ушёл, а я сидела и не знала радоваться или плакать. Вроде ничего плохого не сказал, а вроде и сказал. Принцы берут в жены обычных девушек только в сказках. Пройдёт ещё много лет прежде, чем произойдут изменения.

И как меня угораздило влюбиться в Его Высочество. Ничего, завтра займусь новой работой и ненужные мысли быстро выветрятся из головы.

Ночь прошла на удивление спокойно. Принц сказал, что все в курсе, где меня искать, помимо этого всегда есть дежурный доктор из службы Уислера. Но никто ночью не обращался. С утра мне принесли завтрак, после я первым делом провела маленькую принцессу, потом остальных детишек, к Аделаиде Дадли зашла в последнюю очередь.

Взгляд, который бросила на меня женщина, был полон ненависти. Я поняла, что сейчас не стоит ей ничего говорить, она просто на просто не воспримет эту информацию.

Зато миссис Дадли мне высказала всё, что у неё наболело. Конечно, услышав гневную и нервную интонацию матери, мальчик начал плакать.

— Вот видите и так всю ночь, — завила мне она, но всё-таки позволила осмотреть ребёнка, который у меня на руках, чувствуя мою уверенность, слыша доброжелательный голос, довольно быстро успокоился

— С вашим сыном всё хорошо, — улыбнулась я, — температура нормальная, удивительно крепкий малыш.

Любой матери приятно слышать хорошие слова про своего ребёнка и миссис Дадли не была исключением, поэтому в какой-то момент её враждебность уже не была такой явной. И расстались мы, конечно, не друзьями, но мне показалось, что она стала спокойнее воспринимать всю эту ситуацию.

Я же, передав «пост» сменившему меня доктору Листеру, поехала по делам своего «проекта».

Мы договорились, встретиться вечером в больнице. Доктор Листер собирался передавать дела тому, кто останется вместо него и нам надо было обсудить, подачу заявки на одобрение вакцинации.

Так прошла неделя. Все знатные и не знатные вакцинированные во дворце перенесли нашу прививку без осложнений. Я получила разрешение на вакцинацию детей на «бэби-фермах», но в приёме заявки на одобрение королевский научным обществом нам отказали, предложив подождать ещё одну неделю.

А спустя неделю во дворец добралась эпидемия, заболели сразу несколько детей. Причём двое из них были совсем крошками.

Но, по нашим данным, заболели только те, кого мы не вакцинировали.

Неожиданно нас, всех тех, кто участвовал в разработке вакцины, срочно вызвали в на заседание медицинского совета, возглавлял его, конечно, доктор Уислер.

Глава 48

Здание заседаний Королевского общества Лондинума

Разговаривали сэр Вильям Уислер и сэр Пол Ричардс, секретарь главного королевского врача

— Вы уверены, сэр Ричардс? — нахмурившись и почёсывая в задумчивости правую бровь спросил сэр Уислер

— Да абсолютно, — чётко отвечал секретарь, — вакцина работает, те, кого привили даже неделю назад, уже обладают иммунитетом.

И вытащил из папки несколько тетрадей.

— Вот взгляните, сэр, это журналы, которые доктора вели во дворце.

Доктор Уислер внимательно посмотрел журналы, после чего взглянул на сэра Ричардса и удивлённо спросил:

— Они начали вакцинировать остальных всего через три дня после того, как вакцинировали первый поток?

Секретарь указал на первую тетрадь, в которой были плотно заполненные таблицы, и ответил:

— После трёх суток, все привитые дети чувствовали себя хорошо. А вот здесь указаны результаты двухнедельной давности из больницы на разных возрастных группах.

Секретарь сделал небольшую паузу, как будто бы ему требовалось время, чтобы подобрать слова.

— Доктор Кроули очень торопилась, она всё время в медицинских кругах повторяла, что времени нет. И тогда было принято решение вакцинировать всех остальных детей во дворце.

Сэр Уислер поморщился:

— Пол, она не доктор

Было похоже, что секретарь намеренно совершил «ошибку», потому что он улыбнулся и процитировал пункт из договора с «интерном Лейлой Кроули».

Чем вызвал недовольную гримасу на лице сэра Уислера, который в этот раз промолчал. И после почти полуминутной паузы, спросил:

— А многие сделали?

— Многие, — уверенно ответил секретарь, и добавил, — потому как это поддержал не только принц Максимилиан, но и королева.

— Но не все, — задумчиво произнёс доктор Уислер и, приподняв бровь спросил:

— А есть те, кто отказался?

Секретарь, который, казалось, ждал именно этого вопроса, набрал воздух и выпалил:

— Да, и семья графа Фонсборо, как раз из их числа, причём граф сам настоял на том, чтобы не вакцинироваться.

Доктор Уислер задумчиво посмотрел на секретаря и вдруг задал неожиданный вопрос:

— Пол, а вы? Вы вакцинировали ваших детей?

— Да, сэр Уислер, всех троих, — всё так же чётко, как и докладывал, ответил секретарь главного королевского врача, который тоже проживал с семьёй на территории дворцового комплекса.

***

Заседание медицинского совета было назначено на два часа дня. Поэтому с утра я решила посвятить время своему проекту. У меня в плане была «Бэби-ферма», расположенная недалеко от Ист-Энда, поэтому я рассчитывала вернуться к полудню, и ещё успеть вместе с коллегами проверить отчёты.

Сама ситуация с этими фермами была разная. Где-то к детям действительно относились нормально, а где-то мне приходилось вызывать полицию, и распределять детей либо в приюты, либо по другим «бэби-фермам».

Помогало то, что был принят закон, и министр юстиции обеспечил полную поддержку. Со мной теперь в обязательном порядке ездил инспектор министерства. Мне сказали, что это было распоряжение самого министра, но мне казалось, что это Максимилиан обо мне позаботился.

В редкие свободные моменты, когда нам удавалось увидеться, мы с ним говорили и он расспрашивал, как проходит мой проект. И я имела неосторожность сказать, что иногда «бэби-фермы» расположены не в самых благополучных районах, да и «фермерши» бывают не слишком дружелюбными.

И на следующий же день после этого разговора, со мной стал ездить инспектор министерства. Не слишком молодой, но и ещё не

старый, в приличном чине. И мне сразу же стало легче и комфортнее работать.

Когда я думала о принце, в душе разливалась нежность, щедро перемешанная с благодарностью и восхищением. И это был очень опасный коктейль, для меня.

И я старалась как можно больше погрузиться в работу, чтобы не оставалось ни времени, ни сил на «опасные увлечения».

По работе можно было действовать по оговорённому регламенту. Никто не требовал от меня «революционных решений».

И я понимала, что от меня никто и не ждал самостоятельной переделки системы, в мою задачу входила разработка программы контроля, чтобы у детей был выработан стандарт питания и ухода.

Но я не могла пройти мимо, если видела, что другие службы, которые контролировали именно содержание детей, ещё не добрались, поэтому и тратила время, помимо основной работы занимаясь ещё и этим.

Так получилось и в этот раз. То, что мы увидели с инспектором, заставило нас снова вызывать констебля и составлять протоколы.

Я не переставала удивляться людской жадности и злобе. «Бэби фермы» в основном организовывали те, кого все вокруг считали добропорядочными вдовами, потому как именно вдовам больше доверяли люди, отдавая детей на содержание. То, что иногда мы видели вызывало во мне желание самолично расправиться с этими злобными тварями.

И мне не было их жалко, хотя я знала, что после нашего вмешательства этих женщин будут судить и отправят на каторжные работы. Но именно там им и место.

В результате и сегодня после того, как мы всё оформили, я едва успевала к самому заседанию, и когда я вошла в уже знакомую мне аудиторию, то была поражена большим количеством собравшихся.

И да, там были репортёры. Тогда я поняла, что либо Уислер готовит что-то разоблачительное, что на долгое время закроет нам возможность продвигать идею вакцинации, либо наоборот.

Я пробежалась глазами по аудитории, Максимилиана не было. Это было плохо. Прошла к своим. На первом ряду сидел доктор Листер, Варчовски и доктор Итан.

— Доктор Стен остался за главного в больнице, — тихо сказал доктор Листер, — мисс Лейла, вам бы посмотреть отчёты, сейчас могут быть вопросы по результатам.

И доктор Листер передал мне тетради, где мы отмечали динамику изменения роста заболеваемости в зависимости от количества вакцинированных.

Я обратила внимание, что нет журналов из дворца. А мне казалось, что это то, что больше всего всех интересовало.

— Я думал они у вас, — сказал Итан

«Да, — подумала я, — послать кого-то за ними уже не успеем»

Но доктор Итан неожиданно предложил съездить во дворец и привезти.

— Вы можете не успеть, — прошептала я

— Но я хотя бы попытаюсь, — улыбнулся доктор Итан, — а вы тяните время, если что.

И так это прозвучало, что стало понятно, мы стали командой, готовой друг друга поддерживать. Стало легче.

Заседание задерживалось, вероятно кого-то ждали.

Нам это было только на руку. Но даже, если доктор Итан на автомобиле, то всё равно пока доедет, пока пройдёт все пропускные пункты, пока вернётся, пройдёт не меньше сорока минут, а то и целый час. Заседание к тому времени может уже закончиться.

Наконец дверь распахнулась и в аудиторию вошёл мрачный мужчина. На мужчине был дорогой костюм, пальто за ним нёс то ли слуга, то ли кто-то из встречавших его докторов. Мужчина был не из простых, в глаза бросалась и слишком прямая осанка, и надменное выражение породистого лица, и тщательно уложенные седые волосы, в руке у него была трость с головой какого-то зверя. И шёл медленно, словно впечатывая каждый шаг в ступени аудитории.

— Граф Фонсборо, — тихо проговорил доктор Листер, и почти шёпотом добавил, — его внук был отмечен, как один из заболевших. Не вакцинирован.

У меня внутри всё похолодело, я будто бы знала о чём сейчас пойдёт речь.

Мужчина медленно прошёл к кафедре и встал, оглядывая аудиторию. Его взгляд остановился на мне.

«Пусть смотрит, всё же я единственная здесь женщина, может и не всё так плохо,» — размышляла я, старательно пытаюсь не разглядывать мужчину в ответ. Но интуиция кричала, что всё очень и очень плохо у этого мужчины, и он хочет мести.

Вскоре к кафедре вышел сам доктор Уислер, поздоровался с графом Фонсборо и постучал молоточком по металлической пластине на столе, призывая всех прекратить разговоры.

Когда в аудитории воцарилась тишина доктор Уислер прокашлялся и громко произнёс:

— Коллеги, сегодня мы собрались, чтобы обсудить и..., — доктор сделал паузу и после чуть громче сказал: — возможно и осудить, наших коллег, которые несколько заигрались.

Доктор Уислер обернулся на стоящего рядом графа Фонсборо и извиняющимся тоном сказал:

— Простите, граф, за прямоту слова, иначе не приучен

Граф едва заметно кивнул.

Ну и началось.

Доктор Уислер, конечно же, говорил о нас и вакцине. А всё сводилось к тому, что суть претензии, поступившей от графа Фонсборо, была в том, что наша «группа врачей» якобы решала «кому жить, а кому умирать».

У графа Фонсборо умер внук, задохнулся во сне, ему было несколько месяцев, и это для коклюша самый опасный возраст. Ребёнок почти не кашлял, но у него произошла внезапная остановка дыхания. И граф обвинил нас. Конкретно меня. В том, что это мы «принесли» болезнь во дворец, «заразив» прививками детей.

Я же поняла, что графу Фонсборо сейчас всё равно мы или не мы, он «хотел крови».

Что тут началось. Медицинское сообщество разделилось, около половины было настроено негативно, остальные, другая половина пытались нас защищать. Были и те, кто пока молчал, не присоединяясь ни к тем, ни к другим.

Мне была непонятна позиция доктора Уислера. С одной стороны, он собрал это заседание, явно не поставив в курс принца, зато пригласил графа Фонсборо. А с другой стороны, он изложил сообществу суть претензии аристократа, пока, не дополняя её своим мнением. Я пока не понимала, на чьей стороне доктор Уислер.

Но зато отчётливо понимала, что, если сейчас начать приводить аргументы, то это никто не будет слушать. Многие были словно собаки, которым сказали команду «фас» и пока не отменят, они не остановятся.

Я не представляла, что делать. Если нас сейчас «затопчут», то решение по вакцинации отодвинется на неопределённое время, и что тогда будет происходить с эпидемиологической обстановкой неизвестно. Спасти нас могло только чудо.

И оно произошло.

Глава 49

Внезапно распахнулись двери в аудиторию и быстро вошли около десятка высоких и мощных мужчин в форме королевских гвардейцев. Они бесцеремонно сдвигали, находившихся слишком близко к проходу докторов, и вставали, выстраиваясь живым коридором.

Доктор Листер прошептал:

— Кто-то из королевской семьи

И действительно в открытые двери аудитории прошла королева. Я не знала с какой целью она пришла, спасти нас или окончательно утопить, но она была прекрасна. Королева обладала зрелой красотой, она выглядела как женщина, знающая о том, что она красива, и умеющая это выгодно подчеркнуть.

Мне сидящей в самом низу показалось что в аудитории даже стало светлее. Королеву, которая уже была бабушкой, но при этом оставалась привлекательной женщиной, словно бы окружал ореол силы и уверенности. Такой же эффект я замечала у Максимилиана, благодаря этому следы от ожогов, изуродовавшие его внешность, становились малозаметны, ты просто переставал обращать на них внимание.

Королева остановилась и оглядела аудиторию. Все резко замолчали и встали. Её Величество увидела стоящих внизу за кафедрой графа Фонсборо и доктора Уислера и стала спускаться по ступенькам.

Вслед за королевой в дверях аудитории появилась баронесса Дадли, на лице у баронессы застыло надменное выражение, и сложно было понять с чем она пришла.

Еще несколько дней назад, я бы точно сказала, что баронесса пришла нас всех «утопить», но что на уме баронессы сегодня, предсказать было сложно.

Снова шёпот, на сей раз от доктора Итана:

— Баронесса Дадли, мы пропали

Мне хотелось сказать, что возможно не всё так страшно, но королева уже спустилась и пришлось смотреть исключительно на королеву.

Доктор Уислер выбежал из-за кафедры и склонился перед королевой, вслед за ним низко поклонился и граф Фонсборо.

— Примите мои соболезнования граф, — произнесла королева своим красивым голосом, — всегда тяжело, когда уходят дети.

Граф молча склонил голову.

Потом королева обвела взглядом всех, так и продолжающих стоять медикусов, на пару секунд дольше задержалась взглядом на нашей «группе» и спросила:

— А что у вас сегодня за заседание, доктор Уислер?

Доктор начал говорить: — Мы собрались здесь, чтобы обсудить вопрос продолжать или...

Вдруг доктора бесцеремонно перебил граф Фонсборо:

— Мы собрались здесь Ваше Величество, чтобы закрыть наконец-то это безнравственное деяние, и спасти страну, а горе-докторов, с позором изгнать.

Королева непонимающе перевела взгляд с одного мужчины на другого.

— О каком безнравственном деянии вы говорите, граф? — в голосе королевы звучало искреннее удивление.

— О вакцинации, конечно, — теперь и в голосе графа Фонсборо звучало удивление, — об этом дьявольском изобретении докторов-недоучек, да ещё и среди них, вы представляете Ваше Величество?!

Здесь у графа даже растрепались его тщательно уложенные волосы, так он был возмущён:

— Среди них... женщина, — наконец-то выговорил граф, — и кто только додумался брать в женщин в доктора.

Граф так распалился, что, видимо, забыл о том, что на благотворительном балу именно королева ратовала за программу женщин-докторов.

— Вообще-то, это я, — коротко произнесла королева и внимательно посмотрела на графа.

А я в это время смотрела на доктора Уислера. Тот быстро сориентировался, вот что значит не только доктор, но ещё и опытный придворный.

Доктор Уислер отступил от графа Фонсборо, фактически оставив его одного стоять перед королевой. Нам, сидящим несколько на возвышении над кафедрой, это было особенно хорошо заметно.

Граф Фонсборо уже и сам понял, что его занесло, но остановится он не мог:

— Полагаю, Ваше Величество, когда вы делали это, вы не думали, что всё так обернется?

— Почему же, граф, именно об этом я и думала, и я вам больше скажу, мечтала, — королева склонила голову набок и улыбнулась.

Граф замолчал, было заметно, что он нервничает, и не понимает, куда свернул разговор. Вроде бы только что королева пришла, чтобы поддержать его, графа Фонсборо, а сейчас получается всё иначе.

И здесь граф перевёл взгляд на, стоящую подле королевы, баронессу Дадли, он даже сделал шаг чуть в сторону, чтобы оказаться прямо перед ней:

— Аделаида, ну что же вы молчите! У вас же тоже маленький ребенок, вас же практически заставили вакцинировать его, вы же сами жаловались!

— Да, граф Фонсборо, — баронесса не поддержала фамильярное обращение графа:

— Поначалу я была настроена крайне негативно, но теперь я поняла, что эти люди спасли меня от беды куда большей. И, поверьте, — баронесса подошла и положила руку на предплечье графа: — я вам очень сочувствую, очень, и прошу вас подойдите к этим прекрасным людям, — баронесса Дадли показала на нашу группу: — докторам от бога, и пусть они сейчас же поедут и сделают прививки вашим остальным внукам: маленькой Софии и малышу Ричарду.

После того, как баронесса закончила говорить она повернулась к Её Величеству, та едва заметно качнула головой и баронесса, взглянув на сидящих медикусов громко сказала:

— Уважаемые господа, я здесь чтобы выразить благодарность докторам, которые спасли жизнь не только моего сына, но и многих других, и поддержать это начинание.

Королева стояла, стояли и все остальные. Её Величество взглянула на доктора Уислера и тихо проговорила, так, чтобы её было слышно исключительно на кафедре или максимум на первом ряду. Во всяком случае, я услышала.

— Вильям, я на вас рассчитываю и надеюсь, что вы примете верные для государства решения.

После чего королева взглянула на поникшего графа Форнсборо, и ещё раз проговорила:

— Крепитесь, граф, и сделайте то, что вам посоветовала Аделаида.

Королева повернулась и к нашей группе, застывшей стоя на первом ряду.

— Мисс подойдите, — королева сделала приглашающий жест рукой.

А поскольку среди нашей группы была только одна мисс, то я встала и подошла к королеве. Её Величество была выше меня, да и ещё, видимо, в туфельках на каблуках, поэтому она чуть наклонилась и, глядя мне прямо в глаза, тихо проговорила:

— Не подведите меня, мисс Лейла! Я в вас верю!

После этого королева пошла вверх по ступеням. А Аделаида Дадли не спешила покинуть зал вслед за королевой, она тоже подошла ко мне, обняла меня и прошептала:

— Какая же вы молодец! Спасибо вам!

Вслед за королевой зал заседаний покинул и граф Форнсборо. К нам он так и не подошёл.

Доктор Итан прошептал мне так тихо, что слышала только я:

— Вот старый дурак.

А доктор Уислер вновь постучал молоточком по металлической пластине, призывая всех к порядку и ... объявил голосование на принятие программы вакцинации и выдачи сертификата на использование разработанной вакцины.

Так мы получили добро на всеобщую вакцинацию.

***

Время летело очень быстро, прошли два с половиной месяца и наступило рождество. Конечно, справлять я собиралась в кругу семьи. Семья Белтон стала моей родной семьёй в этой реальности. Совершенно незаметно у меня появился ещё один брат, даже скорее не брат, а бестолковый племянник. Мы все так и продолжали жить вместе в одном доме, в доме Мака, хотя принц, как и обещал выделил деньги на строительство нового дома для семьи Белтон. Но Белтоны решили начать строится с весны, чем очень обрадовали Макинтоша.

Мак очень хотел, чему-либо научиться, но пока ничего толком у него не получалось. Хотя на работу он всё же пристроился в ...

больницу. Конечно, его взяли по моей рекомендации, и я надеялась, что не пожалею, что уговорила доктора Стена и Надин взять именно Макинтоша.

Пока Надин была им довольна. А доктор Стен не часто общался с младшим санитарным персоналом. Он теперь стал главным врачом больницы Хартли, заменив доктора Джозефа Листера.

Сам доктор Джозеф был восстановлен в качестве почётного члена Королевского общества Лондиниума и принял пост главы института бактериологии, куда вошли сразу несколько лабораторий, включая и лабораторию профессора Тиндаля, и лабораторию при военно-морском колледже доктора Брюса и ещё несколько лабораторий, которые тоже занимались изучением микромира.

Институт доктора Джозефа также отвечал за сертификацию антибактериальных лекарств и поэтому мы с Робертом Тиндалем весьма быстро получили все необходимые документы для использования и промышленного производства пенициллина.

Пенициллин и вакцину от коклюша начали производить на небольшой фармацевтической фабрике, которая принадлежала виконту Эрли. Объёмы производства пока были не большие, но здесь самое главное было отработать технологию.

Зато мы меньше чем за три месяца остановили эпидемию. Еще случались то здесь, то там отдельные случаи возникновения заболевания, но массовых случаев уже не было. Вакцинация работала.

Производство кетгута мы с Робертом Тиндалем посоветовались и ... продали известному промышленнику, который вдруг заинтересовался разработками в области медицины и попытался выкупить патент, но мы с доктором Робертом встали стеной, но не потому, что хотели подзаработать, а чтобы не отдавать в руки одного предпринимателя то, что должно принадлежать всем. А вот эксклюзивный договор на три года с возможностью продления, заключили.

Помимо этого, некий банкир Майкл Джерард вложил в производство медицинских перчаток, дело пока было не прибыльное, но доктор Листер мне «по секрету» сказал, что скоро выйдет акт, который будет регламентировать обязательное использование перчаток докторами во время осмотров, и проведения медицинских манипуляций.

Как мне рассказал Максимилиан у сэра Джерарда не было выхода, оказывается его собирались арестовать за какие-то махинации со страховками, но вместо этого он решил обогатить государство, вернув ему долг вот таким вот образом. Конечно, подробностей мне Максимилиан не рассказывал, но я думаю, что здесь совершенно точно не обошлось без Йена-Александра.

Кстати, с Йеном мы практически не общались, он больше не приезжал, да и куда, я почти всё время проводила либо в инспекциях бэби-ферм, либо во дворце, либо в лаборатории. Переговоры по производству тоже велись не им, а его юристами, а вот на подписание виконт Эрли всё-таки приехал. И так как поначалу был только он, я и доктор Тиндаль то мы не стали сдерживаться и обнялись.

Хорошо, что доктора Тиндаля почти ничем нельзя было удивить, иначе потом бы не обошлось без сплетни, но учёного интересовали исключительно результаты его работы и новые открытия.

Всё ещё стоя и обнимая утратившего всю свою аристократическую высокомерность виконта Эрли, я проговорила:

— Я не буду с вами общаться, виконт, пока вы не объясните куда дели моего друга Йена.

Йен-Александр чмокнул меня в макушку и рассмеялся:

— Он был в рабочей командировке, мисс Лейла, но теперь вернулся.

И вот, почти что, наступила зима и уже совсем скоро мне сдавать результаты работы по моему проекту, а ещё меня пригласили на рождественский бал во дворец.

И так как у меня теперь появились деньги, всё-таки зарплата доктора, которую я получаю, гораздо выше, чем получает интерн, и я заказала себе бальное платье. Правда заказ разместила не там, где богатые горожанки, а в скромной мастерской у знакомой миссис Бентон. Но всё равно мне очень хочется быть красивой и не только для себя, но и для него.

Наши отношения с Максимилианом так и не перешли критическую черту. Да, мы с принцем часто виделись, иногда ужинали либо во дворце, либо в маленьком итальянском ресторанчике. Но мы не были парой, мы не посещали вместе официальных приёмов, и не знакомились с родителями.

Хотя принц часто брал с нами на прогулки маленькую Кати, вот для кого все условности ничего не значили, она весело щебетала, называла меня Леля, и всё время держала за руки и меня и папу, и в эти моменты на её личике появлялось выражение полного счастья.

Когда мы оставались вдвоём поцелуи принца становились всё горячее, а руки позволяли себе много больше. Да, и я уже много раз подумывала о том, что надо либо прекращать эти отношения, либо «сдаться на милость победителя», но что-то каждый раз останавливало меня.

Хотя я хорошо отдавала себе отчёт, что сердце моё будет разбито в любом случае. И я начала задумываться о том, чтобы после операции Макса, которую назначили на второй неделе после Рождества, серьёзно с ним поговорить и как у нас говорили «остаться друзьями».

А на рождественском балу, как сказал мне Макс по секрету, нас, всех участников «битвы с коклюшем», будут награждать, и я решила попросить дать мне возможность сдать экстерном экзамены на диплом доктора. Пусть это займёт год, но я не могу позволить себе потратить восемь лет на обучение тому, что я уже знаю.

Надеюсь, что королеве удастся убедить «непримиримого» доктора Уислера, который является главой университета, позволить мне это сделать.

Так я всё себе расписала, но единственное, что я забыла, что в Рождество и в этой реальности всё происходит не так, как запланируешь.

Глава 50

Наступило Рождество, это было мое первое Рождество здесь, и, конечно, я была полна надежд, тем более что все складывалось удачно, ну, кроме моей глупой влюбленности в принца.

На нашей улице было красиво, каждый как мог украсил свой дом, братья Белтоны и Мак тоже постарались, миссис Элис наплела венков и теперь наш дом напоминал картинку с праздничной ярмарки. Даже перед домом поставили рождественские ясли, правда никаких фигурок в них не было, зато ясли были украшены рисунками с изображением волхвов, и остальных участников священного действия. Рисунки были сделаны потрясающе. С этим у меня даже вышел конфуз.

Я приехала с работы и увидела эту конструкцию, меня потрясло как красиво всё было сделано. Возле конструкции ковырялся Мак, я подошла, встала рядом и поняла, что мы, вероятно все в большой беде, потому как с Мака станется позаимствовать чужое, поэтому сразу спросила:

— Макинтош, ты что украл ясли из церкви?

Мак на меня странно посмотрел, потом почему-то шмыгнул носом, на лице у него появилось выражение боли, и он убежал в дом.

Я зашла в дом, и увидела, что Мака в общей гостиной нет, значит он побегал в свою комнату. Зато был Том, у него я и спросила:

— Откуда у нас около дома такая красота?

Том хитро улыбнулся:

— Оказалось, что наш Мак-то талант, мисс Лейла

— Это что? Это всё он сделал? — я не просто удивилась, я испытала второе потрясение за вечер, потому что у меня в голове словосочетание «Мак и сделал», не складывалось.

— Да, — кивнул Тон, — с яслями мы ему маленько помогли, а вот раскрасил он сам. Видели какие красоты вышли? Как у настоящего художника.

— О, боже, Том, я его обидела, — прикрыла я ладонью рот, словно пытаюсь вернуть назад неприятный вопрос, который уже прозвучал.

Я схватила Тома за руку:

— Пойдём, поможешь мне к нему пройти и извиниться.

Хорошо, что Мак был очень лёгкий и отходчивый. Конечно, мы с ним помирились. А я призадумалась, что у парня талант, только вот куда бы его направить? Такой талант, работая в больнице, не разовьёшь в мастерство, и мир потеряет отличного художника, а может даже гениального.

Зато теперь даже мама Мака, которая так и оставалась безучастной ко всему, похоже любила, когда её выносили на улицу и она подолгу сидела возле этих яслей, думая о чём-то своём и улыбаясь.

Когда она улыбнулась первый раз, то Мак заплакал и сквозь слёзы проговорил:

— Я так давно не видел, как мама улыбается.

Я же проверила маму Мака, физически она была здорова, ей не хватало движения, но после моих рекомендаций, Мак начал делать с ней определённый комплекс упражнений, и результат уже был заметен. Но с точки зрения психического здоровья явных улучшений пока не наблюдалось.

Справлять Рождество мы собрались в доме Мака за большим столом. Миссис Белтон приготовила рождественского гуся,

Гусь был покрыт поджаристой корочкой, внутри гуся миссис Белтон положила нарезанных крупными дольками яблок. Старалась миссис Белтон еще и потому, что на Рождество приехала ее дочь, она была на последнем месяце беременности и приехала к нам рожать. Приехала одна, без мужа, который не мог оставить хозяйство. А миссис Белтон так и сказала, что «дочь может доверить только Лейле и ее коллегам.»

Я смотрела на дружную семью и подумала, что скоро у миссис Белтон появится внук, хотя все и ждали, что девочка, но я видела по животу, что скорее всего будет мальчик. Не стала говорить, пусть гадают, так даже веселее.

Появится внук и будут у миссис Белтон бабушкины заботы.

— Ну, наконец-то, — я прямо услышала, как заурчало в желудках у парней, и они простучали по стулу ритм пальцами — мясо, мясо, мясынько.

Миссис Белтон даже замахнулась на развеселивших парней тряпкой:

— Всего неделю мясо не ели, а подпрыгиваете, как будто вас месяц не кормили.

Но всё это, конечно, были шуточные перепалки, и вскоре мы приступили с Рождественскому ужину.

По традиции гуся делил мистер Белтон, всем дал определенную часть с напутствием. Мне досталась крылышко.

— Улетит скоро наша Лейла — сказал мистер Белтон, — как пить дать улетит и будет летать так высоко, что оттуда земля ей будет казаться маленькой маленькой, а людей вообще не видно. Вот и хочу пожелать, чтобы, как бы высоко ты ни взлетела, помни, что там на земле есть люди и они тебя любят и ждут.

Мне стало тревожно и, видимо, это отразилось на лице, потому как миссис Белтон, взглянув на меня недовольно проворчала:

— Да что несешь-то дурень, куда же она улетит? Здесь ее дом!

— Вот увидишь, Элис, правду я говорю

А в остальном это Рождество еще запомнилось подарками, я подарила главе семейства новую трубку, миссис Элис получила от меня в подарок швейную машинку, правда не новую, но в очень хорошем состоянии.

Тому и Барни я подарила по рубашке. Разных цветов, но обе одной модели, широкие.

Дочери миссис Элис досталась тетрадка, я начала писать ее сразу как стала интерном: методичка по уходу за ребенком. Ну и небольшой сувенир, а то боюсь пока Елена, дочь, Белтонов, не сможет по достоинству оценить мой подарок и может расстроиться, поэтому я подарила ей еще и красивую чашечку.

Макинтош получил от меня в подарок карандаши и небольшую коробочку с красками.

В общем праздник удался.

А на следующий день планировался рождественский бал. И поскольку теперь я работала не в больнице, и мне не надо было выхлестать на сутки, а по новой работе, отчет по проекту был почти готов, я могла позволить себе хорошенько выспаться.

Те шаги, которые я предложила сделать, я уже предварительно согласовала с министерством юстиции. Сначала мы проговорили это с инспектором, с которым я работала, а потом у меня была аудиенция с министром.

Теперь для того, чтобы открыть бэби ферму, надо было получить лицензию, и также министерство юстиции организовало спецотдел, каждая бэби ферма закреплялась за госпиталем, совсем маленьких детей вели патронажные сестры.

Но я не ограничилась бэби фермами, я еще добралась и до приютов. Помимо медицинского проекта, пользуясь тем, что я была знакома с министром юстиции, я рассказала ему историю про мадам Стинк и предложила создать систему профобразования для сирот, многие с радостью начнут работать, а работодатель будет заинтересован, если ему вместе с новым работником дадут какую-нибудь плюшку в виде послабления по налогам.

В общем я рассчитывала выполнить данное «Лейле» обещание.

***

Вот и сегодня в день бала, утро было прекрасным. Нет оно было пасмурным, на небе висели низкие темно-серые облака, но это не мешало моей душе «петь».

На душе было светло, хотелось благодарить бога за то, что вот так вот исполнилась моя неожиданная мечта, когда-то в другой реальности воплотившаяся в двух словах.

И я, словно Золушка, иду на свой бал. Правда он у меня не первый, но зато с принцем. Приглашение на бал было подписано королевой, ровно такие же получили и коллеги доктора, но мне нравилось думать, что я иду с ним, с моим принцем.

Я не знала, как он отреагирует на мое предложение не продолжать отношения и поэтому хотела насладиться всеми теми днями, что у нас оставались до того момента, как я «все испорчу»

Я спустилась на завтрак, кроме миссис и мистера Белтон никого не было, беременная дочка еще спала, парни вместе с Маком ушли в церковь, обещали помочь там раздавать рождественские подарки детям в округе.

На завтрак были остатки творожного пирога, ароматно пахнущего ванилью.

Взяла кусочек пирога, положила на язык, и на некоторое время даже прикрыла глаза от удовольствия, потому что пирог буквально таял во рту.

— Мистер Белтон, что ты в своих газетах, там хоть что-то стоящее пишут? — вдруг услышала я по-доброму ворчливый голос миссис

Белтон

— Пишут, миссис Белтон, — прокряхтел в тон супруге мистер Белтон, — пишут, что сегодня Рождественский бал во дворце

— О! Ну это мы и так знаем, — подмигнула мне миссис Белтон, — там сегодня самой красивой девушкой будет наша Лейла

— Так-то оно так, да вот говорят заморская принцесса приехала, в невесты нашему принцу прочат, всяко разоденется в камень да в шелка — с усмешкой произнёс мистер Белтон и приготовился зачитать, что там написано

А у меня неожиданно в груди неприятно заныло, захотелось заткнуть уши и не слышать, что мистер Белтон скажет дальше. «Тихо, Лейла, спокойно, ты знала, что так будет!»

Что-то случилось у меня и со слухом, потому что словно сквозь вату прозвучал вопрос от миссис Белтон:

— А какому принцу пророчат-то?

— Так понятно, какому...

Но мистер Белтон не успел ответить, потому что в этот момент я подавилась непрожёванным кусочком пирога и сильно закашлялась

— Ой, Лейла, ты чего это? — взволнованно воскликнула миссис Белтон

Я схватила чашку с чаем и постаралась запить. Через полминуты мне удалось справиться с кашлем.

— Мистер Белтон, а можно мне газету? — непонятно зачем попросила я

Мистер Белтон остро взглянул на меня, но газету передал.

Я открыла на первой странице, там действительно была статья про рождественский бал. А рядом была большая фотография в полный рост прекрасной принцессы, которая на самом деле принцессой не была.

Сперва я не могла прочитать, потому что строчки прыгали и буквы не хотели складываться в слова. Снова помог чай. Я сделала несколько глотков, невидяще продолжая смотреть на газету, и, наконец-то прочитала: — «Августа Гессен-Кассельская, наследница княжества Оранского.

Дальше шли описания журналистов про княжну, что она считается старой девой, что все выгодные партии упустила, и остался

только вдовый принц. И в конце статьи неизвестный автор оставил вопрос: — «Получится ли что-нибудь?»

— Лейла, что с тобой, не поела ничего, что-то бледная, — продолжала волноваться миссис Белтон

— Спать надо больше, а работать поменьше, — пробурчал мистер Белтон, — вот и порумянеет

Я попыталась улыбнуться, но получилось неважно.

«Дыши, дыши Лейла, ведь знала же, что так будет, сама же хотела прекратить отношения. Просто чуть раньше.»

Кое-как, не чувствуя вкуса доела творожный пирог и, извинившись поднялась к себе.

Мне действительно надо было доработать отчет.

Глава 51

Отчёт занял почти всё время до бала и, когда дверь в мою комнату распахнулась и в дверном проёме появилось встревоженное лицо миссис Элис, я поняла, что теперь точно не буду самой красивой на балу. Просто не хватит времени.

Миссис Элис всплеснула руками:

— Да вы посмотрите на неё, чего удумала, снова работает, а к балу кто будет готовиться?

Я отлично понимала миссис Элис, самой хотелось вот так вот голосить. Ведь столько времени ждала этот бал, готовилась, сшила платье и на тебе, прочитала статью и сразу сникла.

— Миссис Элис, — улыбнулась я, — спасайте, может ещё успею хоть как-то привести себя в порядок.

— Что значит хоть как-то? — миссис Элис недовольно поджала губы, — я всем сказала, что наша Лейла будет самая красивая на балу, значит так и будет.

Она деловито осмотрела меня:

— Ты у нас и так красавица, давай освежись, а я сейчас

И миссис Элис куда-то убежала.

Пока освежалась, думала о том, что отчёт всё-таки рано сдавать. Сегодня внесла поправки с точки зрения выпускниц приютов. Вспомнила Тину и себя, как металась по городу, совершенно не понимая, где смогу провести ночь. Безусловно любому выпускнику нужно хотя бы на первое время жильё, какое-то общежитие, пусть это не будет бесплатно, но, если это будет безопасно, и стоит вменяемых денег, а у выпускников будет работа, то все эти факторы вполне могут сложиться в более-менее предсказуемое будущее. Это, по крайней мере, хоть какой-то старт. И тогда у таких как миссис Стинк и мадам Лестар, просто не будет шанса.

Так размышляя, я вымылась и, только успела завернуться в простыню, заменявшую мне полотенце, как дверь снова распахнулась и словно ветер в неё влетели две девушки. Я их знала, это были сёстры Сайлерс, они держали парфюмерную лавку на соседней улице.

— Лейла, нас послала миссис Элис, сама она не может так быстро бегать, как мы, поэтому мы здесь, а она скоро придёт, — протараторили они вместе. Как я поняла, что они сказали, даже для меня осталось загадкой.

И девчонки в четыре руки начали наводить мне красоту. К тому моменту, когда миссис Элис вошла в мою комнату, я уже была причёсана и подкрашена. Оставалось надеть бельё, чулки и платье.

— Лейла! — вдруг послышался голос одного из братьев, кажется Тома, из коридора, — там за тобой автомобиль приехал. Большой, чёрный, что сказать?

Первым эмоциональным порывом было отказаться, но тогда я точно опоздаю на бал. Потому что Рождественский бал в отличие от благотворительного проходил на территории дворца, а туда не каждого пускают, а как туда проходить тем, кто приехал сам, я не знала.

Я посмотрела на миссис Элис, которая сидела и наблюдала, как меня одевают.

— Том! — крикнула миссис Элис, — скажи, что мисс Лейла скоро выйдет.

— Ой, ну и чего вы так орёте? — вдруг раздался недовольный голос Элены, дочери мисси Элис, — прямо как не уезжала из деревни.

И так забавно это прозвучало, что все рассмеялись.

И сама будущая мама заулыбалась.

Элена тоже зашла ко мне в комнату и замерла:

— Ой, красота какая! Мисс Лейла какая же вы счастливая, едете на бал! Вы обязательно должны потанцевать с принцем, только с младшим. Он красивее.

Вспомнив про принца, я ожидаемо вспомнила и про «его невесту». Настроение снова начало портиться.

Миссис Элис, словно что-то почувствовала, всплеснула руками и грозно нахмутив брови сообщила:

— Вот ещё, не будет наша Лейла с принцами танцевать, пусть они со своими невестами пляшут, а наша Лейла найдёт себе кого получше.

Я подумала, что ещё чуть-чуть и расплачусь, поэтому поспешила вниз к машине.

— Стой, — вдруг остановила меня одна сестёр. Я остановилась и удивлённо на неё посмотрела.

Она смущённо потупилась и вдруг достала из сумочки красивый флакон. Баснословно дорогие духи от Герлен.

— Это нам с фабрики, как оптовым покупателям прислали подарок на магазин, чтобы мы коллекцию продвигали, — продолжая смущённо улыбаться пояснила она.

И, подойдя ко мне поближе, два раза брызнула на меня, один раз на шею, сзади, я почувствовала брызги где-то между линией волос и шеей, и второй раз на руку, на запястье с внутренней стороны.

Я вышла на улицу, возле машины стоял Герберт и разговаривал с Томом. Увидев меня, глаза Герберта расширились, а Том с гордостью, как будто в этом только его заслуга, произнёс:

— Да, вот такая наша мисс Лейла, и умница и красавица.

Я подошла к машине, но Герберт так и стоял, молча глядя на меня, потом вдруг спохватился и открыл дверцу машины.

Я стала усаживаться и услышала, как Том говорит Герберту:

— Ты там, эта, присмотри за сестрёнкой, чтобы никто не обидел.

И я у меня снова чуть не брызнули слёзы. Я вдохнула глубоко несколько раз, пытаюсь успокоиться. И через некоторое время знакомая ещё с прошлой жизни техника мне помогла.

Всю дорогу до дворца ехали молча, я размышляла о своём, а что случилось с обычно говорливым Гербертом, я не очень поняла. Только когда мы уже въехали на территорию дворцового комплекса и подъехали к красивому зданию, в котором проводился бал, и Герберт снова открыл дверцу автомобиля, подал мне руку, помогая выбраться из машины, он наклонился ко мне и тихо сказал:

— Вы самая красивая девушка Лондиниума, мисс Лейла

Я посмотрела ему в глаза и поняла, что он не льстит, он действительно так думает.

— Спасибо Герберт, — улыбнулась я с благодарностью

— Если бы я мог, я бы занял все ваши танцы, которые вы сегодня будете танцевать, — вдруг сказал мужчина, не выпуская мою ладонь из своей руки.

Я осторожно потянула ладонь на себя, недоумевая, с чего бы это вдруг, доверенный агент тайной службы, всё это время изображавший моего личного водителя, начал проявлять ко мне мужской интерес.

— Герберт, комплимента про самую красивую девушку было вполне достаточно, — строго сообщила я мужчине и, развернувшись

пошла к красиво украшенному входу.

Во мне буйным цветом расцветала подозрительность, уж не собирается ли Его Высочество таким образом меня отвлекать. Но вроде бы он взрослый самодостаточный мужчина, на него совсем непохоже. Так же, как и непохоже, чтобы Герберт, взял и внезапно «пал» от моей «неземной» красоты. Странно всё это.

Но вскоре мысли мои сменились на рождественское настроение. Ну и что, что невеста, зато, когда я вошла в здание, первое, что увидела, была высоченная, украшенная разноцветными шарами ёлка. Расположившийся в специально выделенном месте огромного зала оркестр, играл прекрасную, лёгкую, какую-то необыкновенно праздничную музыку. Ярko сияли лампы, в зале собирались люди, все были очень нарядно одеты.

Я снова видела сословное разделение, но это не смотрелось чем-то чужеродным, наоборот, людям из одного сословия было более комфортно находиться среди своих. И отовсюду слышались разговоры, смех. Все ждали начала, как и в прошлый раз начало бала открывал приход королевской семьи.

Я увидела «своих». Доктора снова стояли довольно близко к тронному месту. И что хорошо, не только я увидела, но и меня заметили. Доктор Роберт Тиндаль в совершенно бесцеремонной, присущей только ему манере, крикнул на весь зал:

— Мисс Лейла, идите сюда к нам! — и так громко это у него получилось, что он даже оркестр перекричал. А увидев, что мне не так-то просто пробраться через прибывающих людей, пошёл мне навстречу, словно ледокол сквозь арктические льды.

И уже скоро я тоже стояла среди докторов. К нам даже присоединилась Элизабет, которую отец сначала утащил к аристократам, но девушка всегда имела собственное мнение и уже скоро мне стало весело, потому что Элизабет комментировала каждую вновь прибывшую аристократическую пару и не просто комментировала, а рассказывала смешные короткие истории.

Я и думать забыла про то, что сегодня расстраивалась почти до слёз, и решила, что это знак и не надо его игнорировать. И я уже подумала, что весь бал у меня пройдёт весело и непринуждённо, но мои ожидания, снова не совпали с реальностью.

Спустя полчаса, когда в зале уже было почти не протолкнуться, прозвучало объявление о королевской семье.

В этот раз мне было всё очень хорошо видно. Коллеги-мужчины освободили нам с Элизабет первый ряд, и мы наблюдали за проходом королевской семьи, можно сказать из партера.

Королева несла себя, словно шла по канату, король рядом с ней казался откровенно старым, хотя разница в возрасте у них был не большая. У меня снова появились вопросы к доктору Уислеру, неужели нельзя как-то поддержать короля, ведь такие состояния, если нет серьёзных противопоказаний, можно отрегулировать с помощью специальной диеты.

Я подумала: — «А, если я сегодня у Максимилиана спрошу снова посмотреть колени Его Величества?», — и мне стало весело, хотя имя принца и отозвалось какой-то глухой болью в груди.

За правящей парой шёл кронпринц, младший брат Максимилиана. Он был не такой мощный, как Максимилиан, но безусловно красив. Безупречная осанка, тёмные волосы, выразительные черты лица, широкие плечи, тонкая талия, умело подчёркнутая удлинённым камзолом, длинные стройные ноги, уверенный шаг.

Вслед за братом, я удивилась, что не рядом, но потом поняла почему. Макс шёл позади брата, потому что вёл под руку красавицу княжну Оранскую, чьё лицо я сразу узнала. Всё-таки фото в газете было неплохим.

А в жизни княжна была ещё красивее. Уж не знаю, что там журналисты писали про то, что она старая дева, как по мне, то княжна находилась в самом, что ни на есть прекрасном возрасте.

Да она не смотрелась юной, её красота расцвела, тем более что княжна не была худой, у неё была очень женственная фигура. Но это нисколько её не портило.

И в какой-то момент я вдруг почувствовала собственную неполноценность. И мне захотелось крикнуть: — Почему? Почему не я?

— Лейла, что с тобой? — вдруг услышала я шёпот Элизабет, — тебе плохо? Ты вся побледнела.

А я в этот момент смотрела на принца, который... смотрел на меня. Мне пришлось опустить глаза, потому что в какой-то момент

княжна Оранская, увидев, что взгляд принца направлен в одну сторону, тоже решила посмотреть.

Да ещё и Элизабет снова зашептала:

— Что-то эта Оранская так на тебя смотрит. Вы знакомы?

Я помотала головой.

Королевская чета и кронпринц прошли мимо, никого не замечая, а вот Максимилиан, поравнявшись со мной, взял и поздоровался:

— Добрый вечер, мисс Кроули, я рад, что вы пришли.

Я взглянула на принца, его глаза улыбались, а вот взгляд княжны Оранской мне не понравился.

Девушка явно была не только красивая, но и умная. Вот мне только проблем не хватало от «умных и красивых».

Бал только начинался, а мне уже захотелось уйти. Но до награждения было нельзя.

Глава 52

Ну вот, — подумала я, — обещала же себе не расстраиваться. Взрослая же женщина, в жизни чего только не бывало.

А потом подумала, что такого вот точно небывало, не было в моей прошлой жизни ни принца, ни его невесты княжны. Был мой простой, обычный и уютный Джефри, с которым прожила шестьдесят три года. Он ушел на десять лет раньше меня.

Вспомнила Джефри и стало легче. Правда глаза наполнились слезами. Да что же это такое!

— Ты тоже плачешь? — вдруг ворвался в мою действительность срывающийся голос Элизабет, — это так волнительно, Лейла, я так горжусь тобой, и очень рада, что ты дружишь со мной.

И я поняла, что настолько глубоко ушла в свои мысли и воспоминания, что не заметила, как началось награждение, и сейчас младший принц говорил о том, как важна была работа докторов, которые работали не жалея себя, и днём и ночью, и выправили ситуацию.

— Сейчас будут объявлять имена героев, — с придыханием прошептала Элизабет, и я подумала, какая она ещё молодая.

«Так надо сосредоточиться,» — попыталась я привести мысли и чувства в порядок.

Наконец-то, мне это удалось, особенно помогло то, что на тронном возвышении, там, где сидели король и королева, и стояли принцы, я не увидела княгиню Оранскую. Она, как и остальные аристократы, стояла у подножия.

Нас всех вызвали командой, помимо тех, кто в нашей больнице разрабатывал вакцину, объявили имя Роберта Тиндаля и двух его студентов. Я с радостью узнала ребят, которые помогали нам с кетгутом.

Неожиданно я почувствовала, что кто-то смотрит на меня и увидела Йена, он стоял среди аристократов, очень близко к княгине Оранской. Увидев, что я его заметила, Йен ободряюще мне улыбнулся. Станным образом это придало мне сил и уверенности, и я вместе с доктором Джозефом и остальными пошла к трону.

Мужчины галантно пропустили меня вперёд, так я оказалась прямо перед тронным возвышением, стоящая практически одна, перед улыбающейся королевой и усталым королём.

На Максимилиана старалась не смотреть, но с кронпринцем поздоровалась. За время работы во дворце мы несколько раз встречались, и принц Джордж показался мне весьма умным и позитивным молодым человеком. Во всяком случае никакого снобизма я не заметила. Да и Максимилиан всегда хорошо отзывался о брате, чувствовалось, что у них в семье были очень хорошие отношения.

Ко мне спустился младший принц, в руках он держал орден на ленте, но я поняла, что ему неловко надевать на меня ленту, потому что её требовалось застегнуть, а для этого мне нужно было подойти к нему близко и низко наклонить голову, открывая шею.

Теперь мне пришлось ободряюще улыбаться. Я без колебаний сделала шаг навстречу принцу отметив, что он такой же высокий, как и его брат. Кронпринц улыбнулся и у меня защемило сердце, настолько улыбка принца Джорджа была похожа на улыбку его брата. И я, не удержавшись взглянула в сторону Максимилиана. Он стоял и не отрываясь смотрел на меня. Взгляд принца был настолько пронзительный, что мне даже стало жарко. А ещё я обратила внимание, что он больше не носит корону, маскирующую его шрамы на голове. И, я, вот же глупая, взяла и улыбнулась.

— Мисс Лейла, — похоже, что уже не первый раз повторял принц Джордж

Я вздрогнула и перевела взгляд на него.

— Наклоните голову, — тихо, стараясь не открывать рта, прошептал кронпринц.

Я склонила голову, обнажив шею, и принц застегнул мне орденскую ленту.

Когда принц Джордж закончил, я сделала шаг назад, уступая место следующему. Тихонько осмотрелась, похоже никто не обратил внимания на заминку.

Подумала о том, что принц Максимилиан на меня «плохо действует», голова отключается и я начинаю совершенно не о том думать. А мне сейчас надо сосредоточиться и попросить награду.

Наконец мы все выстроились и к нам спустилась Её Величество. Она останавливалась возле каждого, поздравляла, и задавала только

один вопрос: — «Какую награду вы хотите для себя?».

Я теперь оказалась в самом конце стоящих, где-то в середине стоял Роберт Тиндаль, громкий голос которого, казалось, разнёсся по всему залу, когда он сказал: — «Ваше Величество, мне бы инженеров толковых, да денег, хочу специальный аппарат создать».

Я улыбнулась, есть кое-что стабильное, Роберт Тиндаль всегда просит средств на свои проекты.

Наконец очередь дошла и до меня. Королева очень тепло мне улыбнулась и после поздравления, тихо, почти не открывая рта, сказала:

— Молодец, девочка, ты справилась!

Потом чуть громче задала тот же вопрос, что и остальным:

— «Какую награду, мисс Лейла, вы хотите для себя?»

Я посмотрела в красивое лицо королевы, кинула взгляд на доктора Уислера, который, как мне показалось, вытянулся, чтобы тоже услышать, что же попросит «эта выскочка». Такое у него было выражение лица. Впрочем, когда мы с ним общались, у него всегда было такое недовольное лицо.

И твёрдо сказала:

— Ваше Величество, я хочу получить возможность сдать экзамены на диплом доктора общей практики за...

Я снова кинула взгляд на Уислера, лицо которого стало желтеть, как только он услышал первую половину моего желания. Но возможно, что это свет так неудачно падал. Я подумала, что после того, как я озвучу вторую половину, у доктора Уислера есть риск получить полноценный разлив желчи.

— ...за весь курс университета экстерном.

Королева усмехнулась и тоже оглянулась на главного королевского доктора, который увидев, что королева на него смотрит, постарался изменить выражение лица, но у него плохо получилось, потому что, судя по гримасе, искажившей лицо Уислера, у него «свело» мышцы лица от моей наглости.

Первой справилась королева:

— Это весьма похвальное желание, мисс Лейла, я вас услышала, и мы это непременно обсудим и с вами, и с ректором университета.

И обратилась к доктору Уислеру:

— Вы слышали Вильям? Придётся вам подумать, как это организовать.

«Ну, вот, — пришла мысль, — снова мы столкнулись с доктором Уислером, я у него, кажется, как «кость в горле»».

После награждения все разошлись, к нам стали подходить коллеги и поздравлять. Моё сознание словно раздвоилось. Одна половина принимала поздравления, мило улыбаясь и сообщала всем, что мне очень приятно. А вот другая половина наблюдала, как королевская семья сошла с тронного возвышения, как резко развернулась княжна Оранская, чтобы присоединиться к Максимилиану, который смотрел в мою сторону, стараясь разглядеть меня в толпе других докторов, и как дорогу ей заступил виконт Эрли, он же Йен-Александр.

Я заметила, что Макс пошёл в мою сторону. Я не хотела с ним встречаться и развернулась, чтобы пойти в другую сторону и ... уткнулась в чью-то грудь, в розовой рубашке и сером сюртуке. Я подняла глаза:

— Очень приятно познакомиться с одной из героинь сегодняшнего вечера, — довольно низким голосом произнёс мужчина, обворожительно улыбнулся и представился:

— Франц фон Мекленштейн Стрелиц, к вашим услугам, мисс Кроули

Я вопросительно посмотрела на импозантного средних лет, на взгляд около сорока, сорока пяти лет мужчину.

— Я иностранный гость, — доверительным тоном шепнул господин фон Мекленштейн, — и я представляю здесь Университет нашего княжества, и готов сделать вам предложение.

И здесь из-за моей спины прозвучал недовольный голос Макса:

— Франц, вам своих талантов мало? На наши заритесь?

— Максимилиан, дружище, — расплылся в улыбке фон Мекленштейн, — вам ли не знать, что талантов много не бывает.

Видимо мужчина оценил ситуацию, что не просто так принц подошёл именно ко мне, и чуть наклонившись ко мне, снова доверительным тоном, почти что прошептал:

— Оставьте мне один танец, мисс Кроули

После чего поклонился и отошёл, оставив нас с принцем вдвоём.

Глава 53

— Мисс Лейла, разрешите вас поздравить, — голос принца звучал официально, но в глазах прыгали озорные огоньки

— Благодарю вас, Ваше Высочество, — не менее официально проговорила я, только вот у меня не было настроения «озорничать», и принц почувствовал, что, что-то не так.

— Мисс Лейла я бы хотел, чтобы вы посмотрели подготовленные документы, — неожиданно заявил принц, хотя ни о каких документах не было и речи, и я вообще не представляла себе о чём он говорит.

И хотела заявить, что не собираюсь смотреть никакие документы, но Максимилиан уже захватил мою руку и потащил меня сквозь весь зал. Мне оставалось только перебирать ногами.

«Что он творит?» — в панике думала я, ловя на нас с принцем очередной удивлённый взгляд

Неожиданно один из взглядов заставил меня споткнуться, настолько холодно смотрела на нас с принцем княжна Оранская.

Остановился Максимилиан только, когда мы вышли из бальной залы и оказались в одном из безлюдных коридоров. Перед этим мы прошли пост охраны, и я поняла, что безлюдность обеспечивалась тем, что охранники просто никого из приглашённых на бал не пускали в этот коридор.

— В чём дело, Максимилиан, — я еле успела договорить имя принца, как мои губы накрыл жадный поцелуй.

— Я скучал, — прервавшись прошептал принц мне в губы, — всё Рождество думал только о тебе

— А как же твоя невеста? — не удержалась я от сарказма

— Не думай о ней, Лейла, — произнёс принц и потянул меня дальше по коридору, а я обратила внимание на то, что он не стал отрицать наличие невесты, и что значит «не думай о ней»?

— Ваше Высочество, прекратите меня тянуть, — мне и вправду надоело, что он меня тянет за собой, словно машинку на верёвочке

— Лейла, да что с тобой? — Максимилиан наконец-то обратил внимание на то, что я не собираюсь никуда идти.

Я, конечно, не ожидала, что принц скажет, что никакой невесты нет, что есть только я. Ну а кто не верит в чудо? Хотя бы где-то в глубине души. Но и не понимала, как он может целовать меня и в то же время не опровергать наличие невесты.

— Максимилиан, — я решила, что сама разорву наши обречённые с самого начала отношения. Не хотела, чтобы моя «вера в чудо» привела к тому, что принцу придётся мне сказать, что наши отношения закончены, вдруг ему ещё придёт в голову подарить мне какой-нибудь прощальный подарок.

— Ну вот, наконец-то ты правильно ко мне обращаешься, — с улыбкой проговорил принц и снова потянулся ко мне с поцелуем.

Но я отвернула голову и отстранилась, как бы тяжело мне ни было, но это надо было сказать:

— Максимилиан, я долго думала и пришла к выводу, что нам надо прекратить наши отношения.

Мне очень хотелось зажмуриться, но усилием воли я продолжила смотреть в глаза принца.

Мне было больно наблюдать, как улыбка сползла с его лица, как стал ледяным взгляд, как поджались губы, и по бокам от рта образовались скорбные складки.

Принц опустил руки, которые всё ещё лежали у меня на талии.

— Почему? — глухо прозвучало от принца

Он склонил голову и посмотрел мне прямо в глаза:

— Я обидел тебя чем-то, Лейла? Почему ты решила за нас?

Я вдруг почувствовала, что мне тяжело говорить, что мне хочется убежать, где-нибудь спрятаться и поплакать.

— Максимилиан, у тебя своя жизнь, у меня своя и наши жизни, как две параллельные прямые, они не могут пересечься, — я очень надеялась, что принц поймёт о чём я.

— Но наши жизни уже пересеклись, — принц не хотел понимать

— Макс, я хочу лечить детей, я хочу выйти замуж, возвращаться с работы домой в семью, где будет муж и дети, — вырвалось у меня

Принц отвернулся, сейчас он смотрел в сторону, лицо его было спокойным. И только сжимающиеся кулаки выдавали, что внутри у него бушуют чувства.

Прошло несколько минут, показавшихся мне вечностью, прежде чем Макс заговорил.

— Я услышал, вас мисс Кроули, и уважаю ваше решение, — чужим тусклым голосом произнёс принц, — пойдёмте я провожу вас в зал

Чувство утраты наполнило всю меня, как будто у меня отобрали всю радость. Вот только что она была, пусть даже и горькая, а теперь её не стало.

Но я шла за принцем, который больше не держал меня за руку, и, казалось, даже избегал прикосновений, и пыталась себя убедить, что я всё сделала правильно.

Как только мы прошли пост охраны в начале коридора, принц, всё таким же чужим голосом извинившись, ушёл, а я вышла в шумный и ярко освещённый зал. После полутёмного коридора яркий свет немного ослепил меня, но я помнила, где находились доктора и пошла, но уже не через середину зала, как мы шли с принцем, а осторожно по краю. По стенам зала поставили фуршетные столы, на которые расторопные официанты разносили закуски. И мне приходилось обходить группы людей, толпящихся у столов.

Мне хотелось уйти. Мне казалось, что мне больше нечего здесь делать, так мне было плохо.

И вдруг прямо передо мной встала элегантная и красивая княжна Оранская. Улыбнувшись, она протянула мне руку и спросила:

— Вы же мисс Лейла Кроули? Это вас сегодня награждала королева?

Что мне оставалось делать? Я кивнула, с удивлением глядя на красавицу княжну, чья улыбка, была только на лице, а вот глаза оставались холодными.

А княжна Оранская между тем продолжила улыбаться и говорить:

— Я бы хотела, чтобы мы подружились мисс Лейла

— Зачем, — я сама от себя не ожидала такого вопроса

Лицо княжны стало жёстким, и теперь выражение лица соответствовало выражению глаз:

— Затем, мисс, что скоро я выйду замуж за вашего принца и мне бы не помешал совет женщины, хорошо знакомой с привычками моего будущего мужа

Я даже опешила от такого, она что думает, что мы с принцем любовники?

Я разозлилась и несколько сгоряча, возможно, я потом пожалею, ответила:

— Может быть вам поговорить с королевой? Кто как не мать лучше всех знает привычки сына.

Оранская вспыхнула и вдруг, сделав полшага, встала ко мне близко-близко, и прошептала:

— Мне не нужен совет матери, мне нужен совет женщины принца. Потому как я девственна, и опыта у меня нет.

Этот вечер, который должен был стать, волшебным с каждой минутой становился всё хуже.

— Простите, княжна, — я начинала задыхаться, мне нужно было срочно бежать и желательно подальше от дворца.

Не дожидаясь ответа, я обогнула княжну и с удвоенной скоростью ринулась в «докторский угол».

На подходе увидела, что немного в стороне от того места, где сейчас шло обсуждение очередной идеи Роберта Тиндаля, чей громкий голос разносился, перекрывая даже музыку в этой части зала, стоит Йен-Александр и беседует с импозантным иностранным гостем.

Франц фон Мекленштейн вспомнила я и, решив, что хуже уже быть не может, пошла к этим двоим. Может его предложение поднимет мне настроение?

Я ещё не дошла, а Йен уже улыбался мне. Даже махнул рукой:

— Мисс Лейла, идите сюда

Когда я подошла, Йен собирался представить мне хитро-улыбающегося мужчину. Но тот перебил его и широко улыбнувшись произнёс:

— Я уже имел честь представится мисс Кроули,

А я вдруг сообразила, что фамилия нового знакомого совпадает с названием его княжества.

Видимо, заметив моё удивление, и верно расценив его, фон Мекленштейн, улыбнувшись, уточнил:

— Я младший брат князя Мекленштейна, и по совместительству ректор Университета.

Я кивнула, всё никак не находя в себе силы ответить что-нибудь вслух.

Но моего ответа и не требовалось, потому как фон Мекленштейн, сразу добавил:

— Я услышал, что вы обратились к королеве с просьбой о сдаче экзамена экстерном и предлагаю вам сделать это в моём университете.

Это было так неожиданно, что я даже растерялась и не сразу ответила.

— Спасибо за шикарное предложение, но я, пожалуй, дождусь ответа профессора Уислера.

Фон Мекленштейн усмехнулся так, как будто он точно знал, что Уислер мне ответит, но, ничего об этом не сказал и, поклонившись произнёс:

— Конечно, мисс Кроули, я подожду вашего ответа.

И здесь, наконец-то, вмешался Йен, который сейчас явно соображал лучше, чем я:

— А на каких условиях вы приглашаете мисс Кроули в ваш Университет?

О, да, простите, — фон Мекленштейн теперь тоже выглядел не слишком самоуверенно, но быстро справился и с достоинством произнёс:

— Мисс Кроули, сдача экзамена совершенно бесплатно, но вы будете должны отработать три года в нашем княжестве, начиная со дня получения диплома доктора.

Глава 54

Не скрою, мне очень понравилось предложение фон Мекленштейна. Да и сам Франц был обаятелен. А по сравнению с ректором нашего университета, коим являлся Вильям Уислер, вообще казался каким-то добрым волшебником, сошедшим с небес, чтобы всех благодетельствовать.

Но я не могла сразу согласиться, хотя очень хотелось. У меня были дела, которые надо было завершить, да и я ждала ответа от Уислера. Была надежда, что мне не придётся уезжать, и я смогу сдать экзамен здесь.

Здесь был мой дом, семья, Тина, доктор Листер, Роберт Тиндаль ... Максимилиан, Кати. Я сама не заметила, как много появилось вокруг меня людей, которые стали мне по-настоящему дороги.

Но, если Уислер не даст мне возможности получить диплом врача, то я уеду.

До конца вечера принц больше не появился, а вот я пробыла на балу почти до конца. Упадническое настроение, возникшее после прочтения газеты, а затем после того, как ко мне подошла красавица княжна Оранская, которая тоже почему-то ушла с половины бала, почти испарилось.

Мне не хотелось думать, что княжна Оранская ушла и находится где-то с моим принцем.

Смешно. С «моим» принцем. Я непроизвольно продолжала «присваивать» себе Его Высочество, хотя сама же оттолкнула его, даже не дождалась, когда закончатся праздники.

Но на балу было весело. Когда вдруг ко мне начали подходить родители детишек, которые были вакцинированы во дворце, и рассказывать, что и как сейчас происходит. Советоваться по дальнейшему графику, я погрузилась в приятные ощущения от качественно сделанной работы.

Помимо этого, у меня неожиданным образом оказались расписаны все танцы. И я так устала, что даже попыталась отказаться, когда вдруг услышала, что кто-то приглашает меня неуверенным голосом

— Мисс Лейла, позвольте вас пригласить на танец

Я обернулась, собираясь отказаться, но вдруг увидела прямо перед собой интерна Чарльза Брайта.

— О! Чарльз, простите, я вас не видела и не знала, что вы на балу,
— обрадованно произнесла я

— Да, мисс Лейла, я пришёл позже, заработались, — действительно несколько устало произнёс Чарльз.

Конечно, танцевать с ним пошла, и во время танца нам удалось поговорить.

Чарльз рассказал мне, что они готовы оперировать принца, но хотят, чтобы я им ассистировала.

Я удивилась:

— Чарльз, у вас в госпитале профессиональные медсёстры, зачем вам я?

— Лейла, — Чарльз тоже перестал использовать официальное обращение, — вы знаете как должны выглядеть швы, и ...

Чарльз запнулся, явно подбирая слова:

— Вам не надо будет брать в руки скальпель, вы просто будете смотреть

Я внимательно посмотрела на Чарльза, подумала, о том, что скорее всего он хотел сказать совсем не это.

Мы врачи, стараемся не делать операции тем, кто нам дорог. Не это ли хотел сказать Чарльз Брайт?

— Хорошо, я согласна, — ответила, улыбнувшись.

Танец закончился, Чарльз проводил меня в тот же угол, где и нашёл. Докторов там стало гораздо меньше, многие доктора и профессора от медицины уже покинули бал, оставались те, кто помоложе и те, кто как Роберт Тиндаль были увлечены беседами с коллегами.

Ещё бы, ведь в остальное время такие как Роберт практически не покидали своих лабораторий, жалея время на всё другое, кроме своих исследований.

Ноги у меня устали, но, когда подошёл мой «деловой партнёр», виконт Эрли, и, хитро улыбаясь, сказал немного растягивая гласные, как будто смакуя каждое слово:

— Мисс Лейла, вы потанцевали с половиной Лондиниума, остались ли у вас силы на несчастного поклонника ваших... талантов

Все, стоящие вокруг даже замерли. Пришлось выкручиваться и намекать, что мне тоже есть, что сказать:

— Виконт, да вы шутник, или не вы?

— Сдаюсь-сдаюсь! — поднял руки вверх Йен-Александр, потом протянул мне руку и, как раз объявили заключительный танец.

— Рад, что ты смогла повеселиться, — кружа меня в вальсе, проговорил Йен, — надеюсь, что это не только заслуга Франца фон Мекленштейна, но и в целом тебе понравился Рождественский бал.

— Мне понравилось, — не стала я скрывать, — было весело и интересно.

Вдруг лицо Йена изменилось, с него сошла та шутливая улыбка, которую он сохранял до сих пор, и он спросил:

— О чём тебе говорила Оранская?

Не сказать, что я не удивилась этому вопросу, я же давно знала, что Йен не просто виконт, а ещё и агент.

— Она хотела со мной подружиться, — ответила я, и сбилась с ритма, хорошо ещё Йену как-то удалось, прихватив меня покрепче, приподнять на очередном па и я смогла «распутать ноги».

Настроение у меня упало. Вот незачем было Йену вспоминать княжну Оранскую.

Йен будто бы почувствовал, что моё настроение изменилось и внимательно посмотрел на меня и неожиданно спросил:

— Лейла, а ты не хочешь поехать домой? Я могу тебя отвезти

— Это было бы прекрасно, Йен, — забывшись, я назвала виконта Эрли совсем другим именем.

Но Йен-Александр только усмехнулся и не стал меня поправлять.

Музыка ещё не закончилась, а он уже вёл меня к выходу.

На улице мне полегчало. К вечеру похолодало, и воздух стал почти прозрачный. Неподалёку от ступенек стоял большой чёрный автомобиль. Я вздрогнула.

— Это водитель, — Йен махнул рукой и Герберт подбежал и вытянулся перед виконтом.

— Я сам отвезу мисс Кроули, можешь быть свободен, — несколько вальяжно проговорил Йен-Александр.

Герберт стрельнул на меня глазами, и я кивнула:

— Да, Герберт, спасибо

По дороге мы молчали, и уже на подъезде, Йен произнёс:

— Какие планы на завтра, Лейла

Я, глядя в переднее окно автомобиля, на тёмную стелящуюся под колеса машины дорогу, ответила:

— Работаю

Йен засмеялся:

— Ну, конечно, как я мог подумать иначе. Работа прежде всего.

Потом усмехнулся и снова спросил:

— Ну а вечером?

— Вечером я, наверное, поеду в госпиталь к Чарльзу Брайту и его учителю

На лице Йена отобразилось удивление, и я пояснила:

— Через несколько дней они делают операцию принцу, и просили меня ассистировать.

— Ты по серьёзному взялась за королевскую семью, — всё-таки не удержался от шутки Йен

— Вовсе нет, — и в голосе моём, несмотря на улыбку, прозвучала грусть, — у меня ещё король не охвачен, но боюсь, что меня к нему без диплома не подпустят.

Машина затормозила у входа дома Мака.

Йен вышел и открыл дверь. Помог мне вылезти из автомобиля, подал сумочку и проводил к лестнице. Уже поднимаясь к двери, я вдруг поняла, что забыла отдать и Максимилиану приготовленный подарок.

***

Максимилиан. Герцог Кентский

Я ушёл с бала, чтобы не сорваться. Мне хотелось взять её за плечи и трясти, пока она не скажет, почему? Я же берёг её, старался, чтобы о наших отношениях не пронюхали ушлые журналисты.

Я сидел и смотрел на коробочку, которую так и не подарил ей. Это были самые модные духи. Сначала я хотел подарить что-то из ювелирных украшений, но потом, осторожно спросил совета у Аделаиды Дадли, и она посоветовала подарить именно духи.

Ещё эта чёртова Оранская приехала и привезла документ, где было прописано королевское обещание. Это был очень древний документ, что-то вроде современного меморандума*. И в этом документе ещё наши прадеды скрепили обещание объединить семьи.

(*memorandum, что буквально означает: «то, о чём следует помнить», как правило дипломатический или юридический документ)

Все уже и думать забыли про это. По крайней мере я такого документа в глаза не видел. Скорее всего лежит и пылится в архиве.

А вот Оранские не забыли. Хорошо ещё, что княжна Оранская не стала претендовать на кронпринца, а сразу заявила, что согласная на брак со мной.

Ну до чего же тошно.

— Папочка, папочка! — вдруг раздался звонкий голосок, и принц очнулся от мрачных мыслей

— Кати! — поднял он руки девочку в красивом платье, вбежавшую в кабинет

— Пап, пошли на бал, — заявила маленькая принцесса, — я хочу к Леле

«Я тоже хочу к Лейле, — подумал про себя принц, мысленно усмехнувшись», а вслух огорчённо сказал:

— Там только взрослые, сегодня детей на бал не приглашали.

— Папуля, хочу одни глазком, — не сдавалась Кати

Деваться принцу было некуда, и он согласился. И, взявшись за руки, они пошли по направлению к бальной зале.

На выходе из жилой части они встретили княжну Оранскую, видимо, она решила покинуть бал.

— Ваше высочество, — склонилась в поклоне Оранская, — позвольте пойти с вами. И не дожидаясь ответа принца, ловко ухватила принца под руку.

А вот маленькую принцессу княжна Оранская словно бы не заметила. Но Кати не привыкла к тому, что её не замечают, поэтому так и сказала:

— Папа, давай пойдём вдвоём, пусть эта тётя уйдёт

Максимилиан остановился:

— Простите княжна, но вам придётся нас оставить

Княжна кинула нечитаемый взгляд на малышку и, поклонившись ушла, а Кати, посмотрела на папу и заявила:

— Злая

Принц и Кати подошли ко входу в бальную залу со стороны коридора с охраной. Стоявший у дверей лакей распахнул дверь, и принц с девочкой застыли, глядя на танцующие пары. В самом центре

что-то доверительно обсуждая, в вальсе кружилась Лейла и виконт Эрли. Музыка ещё играла, когда эти двое вдруг остановились и направились к выходу.

Ревность чёрной змеей шевельнулась в груди Максимилиана. И он вспомнил слова Лейлы о том, что ей хочется нормальную семью. И он подумал:

— «Если Александр придёт за отставкой, я его пристрелю.»

Кати не увидела Лейлу, и посмотрев на папу грустно спросила:

— А Леля уже ушла спать?

— Ушла, — глухо ответил принц, поднял дочь на руки, и добавил,
— пойдём и мы.

Глава 55

Праздники закончились быстро. Днём я работала, а вечера проводила в госпитале святого Томаса, где главным врачом был Эмиль ван Эрменгем, а Чарльз Брайт трудился там интерном. Правда ван Эрменгем каким-то хитрым образом перевёл Брайта в статус оперирующего хирурга. Я так поняла, что это произошло после того, как Чарльз успешно провёл операцию по удалению аппендицита*. И я очень гордилась, что успеху операции также способствовали разработанные нами с Тиндалем иглы и кетгут.

(*Первую достоверную аппендэктомию выполнил в 1735 году в Лондоне королевский хирург, основатель госпиталя Святого Георгия Клавдий Амаян. Он оперировал 11-летнего мальчика, который вскоре поправился. Первые операции удаления червеобразного отростка были проведены в 1884 году в Англии. В России первая операция по поводу аппендикулярного гнойника была сделана в 1888 году)

День операции, к которой мы готовили принца Макисмилиана и готовились сами, наступил. Я сегодня впервые увидела принца, после того как мы «поговорили» на Рождественском балу.

Он тоже не ожидал меня увидеть, и мне даже показалось, что он сейчас резко выскажется против того, чтобы я вообще присутствовала на операции.

Мы планировали применить эфирный наркоз, который уже два месяца использовался именно здесь в клинике ван Эрменгема. Об этом наркозе было известно ещё до того, как я «попала» в эту реальность, очнувшись в теле Лейлы Кроули, но не было отработано ничего, что помогло бы его использовать. Ни дозировка, ни процесс.

Из истории медицины я помнила, что первое успешное применение позволило «отключить» сознание и болевые ощущения для пациента на десять минут. И это был довольно безопасный срок. Нам требовалось больше времени.

Закись азота, который в простонародье носил название «веселящий газ» тоже уже был открыт, но снова всё упиралось в процесс. За последний месяц была изготовлена специальная ёмкость

для газа и помпа, даже сделано несколько масок разного размера, которые уже протестировали на пациентах.

Таким образом мы подготовились к тому, что первую часть операцию самую болезненную с большим рубцом на спине принца мы проведён под эфирным наркозом, а келоидные рубцы более мелких размером, буюм иссекать под закисью азота, пока у нас будет возможность подавать его непрерывно.

Проведённые тесты показали, что мы у нас будет примерно тридцать-сорок минут.

Моя задача будет следить за сердечным ритмом, давлением, и в целом корректировать, если я «увижу» что-то не то.

Но вопреки моим опасениям, принц же, увидев меня, сначала замер с нечитаемым выражением на лице, а потом улыбнулся и произнёс:

— Я рад, мисс Лейла, что вы будете рядом, теперь я смогу лечь на операционный стол спокойно.

В больнице ван Эрменгема давно применялись все известные методы обеззараживания, а в последние месяцы Эмиль внедрил и методы стерилизации, предложенные Робертом Тинадалем.

Я удивилась, что доктор Уислер не «прибежал». Но оказалось, что его не поставили в известность. Принц загадочно улыбнулся, а ван Эрменгем, почесав бородку сказал:

— Прибежит, руки не помост, а нам потом отдувайся

Так выяснилось, что оперируем мы принца без согласия главного королевского врача. И я подумала, что, когда доктор Уислер узнает, что и я в этом принимала участие, то он точно сделает всё, чтобы я в его университете не смогла получить диплом.

Когда Максимилиан уже лежал на столе, полностью обнажённый и прикрытый тонкой простынёй, я взяла его за руку, а он сжал мою ладонь, посмотрел мне в глаза, и сказал:

— Ты будешь мне сниться

Я улыбнулась и закрыла лицо принца, свёрнутой в несколько слоёв тонкой марлевой тканью.

Через эту ткань мы делали дозировку эфира, по капле дозируя эфирную жидкость.

Вскоре принц погрузился в глубокий сон, и Чарльз Брайт твёрдой рукой гениального хирурга сделал первый разрез.

План операции был отработан до миллиметра и до секунды, я смотрела как парень уверенно оперирует и внутренне ликovala, что в этом времени нашёлся такой «Паганини от медицины».

Операция прошла без осложнений, я контролировала дыхание, пульс и давление нашего пациента. Давление здесь можно было измерить с помощью ртутного манометра, поэтому делала я это с периодичностью, и только, если менялся пульс. Всего за время операции сделала три раза.

Конечно, мы провели довольно большой объём оперативного вмешательства, но у нас был пенициллин, и Максимилиан был молод и здоров. Но всё равно первые сутки после операции были самыми критичными. И я, предупредив своих, особенно миссис Элис, которая вечно переживала за меня, осталась в больнице на ночь.

Надо ли говорить, что и ван Эрменгем и Чарльз Брайт тоже остались. Никто не мог уйти, и не только потому, что это был принц, а ещё и потому, что мы сделали такую операцию впервые. Как мы могли спать?

— Лейла, — проговорил уставший Чарльз Брайт, от усталости растерявший неуверенность и перешедший на нормальное обращение, — вы ни разу не остановили меня

— Чарльз, — поддержала я неформальное общение, которое теперь, после того, как мы провели столько времени у операционного стола стало необходимостью, — вы всё сделали идеально, я не увидела ни одного момента, чтобы что-то было не так.

Ван Эрменгем рухнул на стул, стоявший стены в операционной, мы ждали, когда принц проснётся, чтобы отвезти его в палату. Я продолжала контролировать пульс, держа Максимилиана за руку.

Казалось бы, всего тридцать семь минут шла операция, а все были в таком состоянии, будто бы разгрузили, как минимум, пару вагонов с углём.

Наконец, пульс принца начал ускоряться.

— Он просыпается, — чуть громче сказала я, потому как мне казалось, что коллеги немного ушли в себя и могут меня не слышать.

И, видимо, принц тоже слышал мой оклик и открыл немного затуманенные глаза. Он был весь перевязанный, поэтому говорит ему было трудно. Большая повязка была на спине, шее и голове, лежал

принц на животе. Но несмотря на неудобство он попытался улыбнуться и прошептал:

— Я же говорил, что ты будешь мне сниться.

Помимо меня это услышали все. Но я сделала вид, что так и должно быть, подумаешь, чего только люди после наркоза не говорят.

Но ночью, когда ван Эрменгем отпустил меня отдохнуть пару часов, сменив у кровати принца, он потом пришёл, разбудил меня и, смущаясь, произнёс:

— Лейла, сейчас очередь Чарльза, но ..., — судя по всему, доктору было сложно подобрать слова, и он ограничился тем, что сказал, — в общем принц зовёт вас.

Несколько часов до утра, что я провела у кровати то просыпающегося, то засыпающего Максимилиана, стали для меня часами откровений. Принц, в те моменты, когда у него поднималась температура, или заканчивалось действие обезболивающего и мне приходилось его обновлять, рассказывал, что Лейла стала для него путеводной звездой, что он не хочет отпускать её, но и не может ничего предложить, что было бы её достойно. Что он готов, даже терпеть её мужа, только бы она осталась в королевстве и принц мог бы её видеть.

Потом принц просыпался и, увидев меня у своей кровати, спрашивал:

— Я что-то говорил?

Я отвечала:

— Нет, Максимилиан, спи

И принц, успокоившись засыпал.

К концу следующего дня, антибиотики и сильный организм принца сделали своё дело. И к тому моменту, как в палату ворвался взбешённый главный королевский врач, принц уже полностью контролировал своё сознание, отказавшись от обезболивающего и оставшись на травяных отварах.

Конечно, уколы пенициллина мы планировали продолжать до пяти дней.

— Ваше высочество, — не успев войти, громогласно воскликнул доктор Уислер.

Вошедший вслед за ним доктор ван Эрменгем, не дал ничего ему больше сказать:

— Сэр, здесь палата послеоперационной реабилитации, прошу вас, надо надеть халат и маску, и тщательно обработать руки.

Ван Эрменгем был значительной фигурой, поэтому Уислер конечно же, не стал с ним спорить, но, обернувшись, чтобы выйти, доктор Уислер заметил меня. Глаза его нехорошо прищурились, и он прошипел:

— И вы здесь

Я промолчала. Понимала, что бесполезно что-то объяснять доктору Уислеру, если я с самого первого раза словно «кость в горле» у старого шовиниста.

Но Уислер всё-таки вышел, больше ничего не произнеся.

Принц, заметивший все эти «шипения» тихо произнёс:

— Лейла не обращай на него внимания, он не посмеет тебе помешать. Сдача экзамена дело решённое.

Я, конечно, кивнула и даже успокаивающе погладила Максимилиана по открытой щеке.

«Наивный мой принц, — подумала я, — если Уислер захочет, то экзамен я не сдам, даже, если он меня к нему допустит».

Вернувшийся, переодетый в халат и в маску, доктор Уислер, делал вид, что меня нет в палате. Он задавал вопросы ван Эрменгему, периодически выслушивал объяснение подошедшего по просьбе ван Эрменгема Чарльза. Потом попросил показать ему документацию и ушёл в сопровождении ван Эрменгема, не попрощавшись именно со мной.

Принцу же он сказал:

— Это очень безответственно, Ваше Высочество, и я ничего не скажу Её Величеству просто потому, что не хочу её волновать.

Но, судя по всему, слово своё доктор Уислер не сдержал, потому что уже на следующий день к принцу потянулись визитёры и только благодаря авторитету ван Эрменгема, удалось сократить количество визитов до одного в день.

Но это не исключило того, что приехала королева, а вместе с ней княжна Оранская.

Меня попросили выйти из палаты, и поскольку был уже четвёртый день, и прошло две перевязки, которые показали, что динамика положительная, то я решила, что мне уже можно немного отдохнуть и отпросилась домой.

А утром, королевский курьер привёз письмо с указанием даты экзамена и большим конвертом, в котором была стопка листов с вопросами, которые могут быть заданы на экзамене.

Экзамен должен был состояться через четыре месяца.

Я оценила «тонкий юмор» или лучше сказать «изошрённый юмор» доктора Уислера. Через три месяца истекал мой контракт на проект. И в течение этого времени он имел право давать мне столько заданий, сколько пожелает нужным.

А ещё, мой экзамен должен был состояться во время выпускных экзаменов медицинского факультета университета, то есть все студенты, отучившиеся несколько лет в университете, будут там тоже сдавать выпускной экзамен.

Ну что же? Мне не в первый раз противостоять вызовам.

Глава 56

Прошёл месяц с того дня, как я получила официальное уведомление о дате сдачи экзамена. Как я и предполагала, доктор Уислер нашёл возможность сделать так, чтобы у меня «голова не поднималась». С одной стороны, он принял проект по бэби-фермам, а с другой стороны, он почти сразу же дал мне задание об организации службы патронажных сестёр.

У меня уже был готов план, и я рассчитывала передать его по больницам, но я вновь стала ответственной.

И теперь это занимало всё моё время. Основная сложность была не в том, чтобы найти женщин, и подготовить их к этой работе, а в том, чтобы убедить глав больниц и госпиталей принять женщин на работу и обеспечить им условия.

Без поддержки Максимилиана я бы не справилась. С его подачи меня продолжало поддерживать министерство юстиции и из его канцелярии главным врачам больниц приходило соответствующее распоряжение.

Сам принц всё ещё находился на реабилитации. Мы виделись с ним почти каждый день, и почти всегда это происходило поздно вечером. Но, к сожалению, ничего романического в этих встречах не было.

Я проверяла как идёт заживление. И ... готовила ему еду. Моя задача была, чтобы иммунитет Макса не пострадал после приёма антибиотиков. Поэтому ему приходилось есть овощные супы, и котлеты из сельдерея.

Про княжну Оранскую мы больше не говорили, хотя она так и продолжала гостить во дворце.

Зато с малышкой Кати я тоже встречалась, у меня даже сложился ритуал. Если я приезжала до того, как малышка засыпала, то мы с ней вместе шли к папе, Кати «измеряла ему пульс», пользуясь стетоскопом «слушала дыхание», а потом мы с ней записывали это в «папину карту». После чего «принцесса-доктор» шла спать.

Если по каким-то причинам, я приезжала позже, то Макс показывал мне в карте записи, внесённые ещё не уверенной ручкой

Кати. Вернее так, вписывал сам папа, а Кати ставила закорючку «подтверждая, что всё проверено».

Я по динамике заживления видела, что операция прошла великолепно. Даже большой шрам на спине у принца, заживал быстро и скорее всего второй операции не понадобится, особенно если принц на определённом этапе получит соответствующую терапию, и будет делать специальные упражнения. Я даже начала искать того, кто сможет делать Максу массаж, чтобы научить.

Вот и сегодня я приехала, к сожалению, поздно и Кати уже спала, зато в комнатах принца меня ждал сюрприз в виде Её Величества, королевы Анны-Шарлотты.

Первым моим желанием, когда я, привычно без стука, открыв дверь в гостиную покоев принца вошла и увидела там королеву, было желание сбежать.

— Лейла, постойте, — обратилась ко мне королева, видимо, «прочитав» на моём лице, что я готова ретироваться.

Пришлось входить. Я вошла и поклонилась, произнесла:

— Добрый вечер, Ваше Величество

А сама быстро осмотрелась и поняла, что Максимилиана в гостиной нет

— Я попросила Его Высочество оставить нас вдвоём, — проговорила королева, заметив, что я осматриваю гостиную.

Мне стало неприятно, что я буду делать, если королева начнёт спрашивать о наших отношениях с принцем? Какой-то бред, принц же взрослый мужчина, тем более что я вообще почти никто.

Но, к моему большому облегчению, мои опасения не оправдались. Королева пришла поговорить насчёт здоровья ... короля.

— Лейла, я вижу, что ты смотришь на медицину с другой точки зрения, — королева вздохнула, похоже, что ей нелегко сразу сказать, что от меня требуется, поэтому она начала с аргументов. Звучало так, будто бы она пытается убедить себя, что она всё делает правильно.

Я молчала, решив, что чем меньше будет слов с моей стороны, тем больше доверия будет у королевы.

Потому что мы сопротивляемся, когда нас убеждают другие, но довольно быстро соглашаемся, стоим нам самим подобрать аргументы для собственного убеждения. В моей реальности великий поэт сказал: «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!»

И так и произошло, королева довольно быстро сама себя убедила и уже скоро мы с ней начали обсуждать ухудшившееся здоровье короля.

Вскоре, уже ближе к концу нашего с королевой разговора, пришёл Макс. Он был всё ещё перевязанный, из дворца не выходил, но в кровати удержать деятельного принца не представлялось возможным, поэтому он опирался на трость, чтобы не тревожить спину, и таким образом перемещался по дворцу.

И к королю мы пошли все вместе.

Я шла и думала о том, что снова «отбираю хлеб у Уислера», хорошо бы его не встретить по дороге.

Макс, который всегда очень хорошо определял по моему лицу, что я чувствую, сказал:

— Доктор Уислер не во дворце

Я вздохнула и краем глаза заметила, что королева улыбнулась. Вот же они с принцем заговорщики.

Осмотр короля проводили в королевской спальне. Король, к моей радости, был предупреждён, а то я опасалась, что королева с принцем «забыли» предупредить короля, и похоже, что не возражал, что его будет осматривать «врач-недоучка».

Здесь, стратегия доктора Уислера, направленная на то, чтобы не оставить мне времени на подготовку к экзамену, сыграла мне на пользу. И королева, и король рассуждали так, если доктор Уислер «доверяет девочке такие сложные проекты, значит девочка и вправду профессионал».

Король почти не мог наступать на ногу. Когда он открыл своё колено, я поняла, что заболевание перешло в хроническую форму.

Я заранее спросила разрешение на пальпацию и заранее извинилась если будет больно. Колено было опухшим и покрасневшим, при пальпации король поморщился, температура в самом суставе явно была повышенная. Посмотрела на короля, глаза были уставшие, скорее всего и общая температура была далека от нормы.

Подумала: «Эх, поговорить бы с Уислером, чем он там лечит Его Величество»

Принц, как будто бы прочитал мои мысли, принёс журнал, в котором подробно был прописан план лечения.

Для этой реальности лечение было стандартным, но естественно не включало в себя ни изменения режима питания, ни изменения образа жизни. Артрит у короля явно был подагрическим. Вес мужчины превышал норму и из-за постоянных болей король вёл малоподвижный образ жизни. Без изменений в этом направлении уменьшить болезнь и снизить количество рецидивов не представлялось возможным. Об этом я и сказала.

Но воспаление надо было снимать, а из противовоспалительных средств доступен был аспирин и салициловая кислота. И это можно было использовать.

Помимо этого, я решила, что развитие физики в этой реальности находится на том уровне, что вполне можно предложить для снятия воспаления у короля и рассказала, что терапия магнитными полями и небольшая стимуляция электротоком тоже может помочь. Но мне надо удостовериться, что есть подобные приборы.

Королева победно посмотрела на короля. А король, слегка наклонив голову, спросил:

— Мисс, а откуда вы столько знаете?

Я замерла, размышляя, что будет, если я отвечу свою стандартную фразу про то, что я люблю много читать и собираю информацию от мэтров, будет ли этого достаточно.

Но ничего проговорить не успела, меня выручила королева, которая улыбнулась и сказала:

— Дорогой, я же говорила тебе, что девочка на медицину смотрит с совершенно других углов.

И неожиданно помощь пришла и от Макса, который поморщился, слегка передёрнул плечом и сказал:

— Мисс Лейла, буду признателен, если вы и мне сделаете перевязку, что-то не комфортно.

Нас с принцем сразу же отпустили, а я пообещала расписать план лечения короля, и как можно скорее постараться выяснить про методы терапии.

Мы с Максимилианом молча прошли от королевских покоев, к его покоям, находившимся на этом же этаже. Но когда мы вошли в гостиную Максимилиан остановился возле самой двери, встав очень близко ко мне и вглядываясь мне в лицо проговорил:

— А ведь отец прав, ты удивительно много знаешь для такой юной девушки.

Я замерла.

А Максимилиан, отставил трость и здоровой рукой, ладонью, отвёл выбившийся из причёски локон с моего лица, зарылся в волосы, растрепав пучок на затылке и наклонившись близко-близко, прошептал прямо в губы:

— Девушка-загадка

Глава 57

— Ваше Высочество, Максимилиан, — я отвернула голову и вывернулась из объятий. Я была не готова возвращать наши с принцем романтические встречи.

Принц не стал настаивать, и я была ему за это благодарна. Думаю, что он действительно испытывал дискомфорт. Сейчас была финальная стадия заживления, и она не самая приятная, потому что был и небольшой зуд и уже необходимость движения, а за то время, что предшествовало операции мышцы спазмировались.

Пока я делала перевязку принцу, он молчал, я сняла перчатки и начала убирать инструменты.

— Лейла, я должен сказать тебе что-то важное, — произнёс принц, я взглянула на него, его глаза были полны решимости, — я хочу, чтобы ты была рядом, чтобы ты была со мной.

Я замерла, подняла глаза на принца и тихо ответила:

— Ваше Высочество, Максимилиан, вы мне не безразличны, но вы знаете, чего я хочу, я должна закончить своё образование и получить диплом врача. Мне это важно.

Я немного колебалась. Говорить это или нет, но всё же сказала:

— Тем более, что у вас есть невеста, и она в больше степени подходит вам

Максимилиан вздохнул, его взгляд стал мягче:

— Лейла, княжна Оранская не моя невеста.

Я удивлённо взглянула на принца:

— Значит пресса, да и сама княжна всех обманывают?

Максимилиан вздохнул и, сжав руку в кулак, ответил:

— И да, и нет, Лейла.

Я покачала головой и с лёгкой усмешкой сказала:

— Ваше Высочество, тогда я не понимаю.

— Да что здесь понимать, — почему-то начал раздражаться принц, — есть некий документ, подписанный ещё прадедом, что у нашего дома есть обязательство перед домом Оранских.

— Так княжна Оранская всё-таки ваша невеста, — произнесла я, и сама удивилась насколько много печали было в этом утверждении

Принц даже отвернулся:

— Да, какая она невеста, я же вижу, как она брезгливо морщит свой маленький носик, — с чувством произнёс принц, — какое отвращение в её глазах, когда она думает, что никто не смотрит на неё.

Принц развернулся обратно ко мне, схватил меня за руку:

— Я не понимаю, зачем ей этот брак. Не настолько она и стара, есть ещё более подходящие женихи.

А я вспомнила какой решимостью и злобой горели глаза княжны Оранской, когда она выговаривала мне, считая, что я стою между ней и принцем.

Принц снова привлёк меня к себе, зашептал:

— Лейла, для меня твой статус не имеет значения. Ты удивительна, и я хочу, чтобы ты знала, что для меня ты не просто очередная встреча.

Я подняла глаза и встретила с его взглядом.

— Но, Максимилиан, а как ты видишь наши отношения? Кем я буду?

Принц замолчал. А мне вдруг стало горько. Да, принцы женятся на простых девушках только в сказках. Я когда-то давно, много лет тому вперёд, читала своей дочери сказку про Золушку.

Он взял мою руку в свою, его прикосновение было теплым и успокаивающим.

— Лейла, я не могу дать тебе того, что ты хочешь сейчас, но я готов бороться за нас. Ты важна для меня, и я хочу, чтобы ты знала это. Пожалуйста, дай нам шанс.

Моё глупое женское сердце трепетало в груди. Я понимала, что передо мной стоял выбор — следовать за своими мечтами или позволить себе любить и быть любимой. Я опустила голову, размышляя над его словами.

— Почему ты молчишь? — принц всё ещё обнимал меня, не делая попыток снова поцеловать.

— Максимилиан, — прошептала я. — Я хотела бы верить тебе, хотя это выглядит сродни чуду. Но я всё ещё хочу закончить обучение и получить диплом врача.

Он улыбнулся, я боялась смотреть в его глаза, боялась того, что я там увижу.

— Я поддержу тебя, Лейла, — прошептал принц мне в макушку, — и подожду. Главное, чтобы ты тоже подождала.

Сколько мы так простояли обнявшись, я не знаю, но, когда Герберт привёз меня домой, уже светало.

***

На следующий день в королевском дворце разгорелся спор. Главный королевский врач, доктор Вильям Уислер, был вне себя от ярости. Увидев письменные рекомендации Лейлы, он, конечно, сдержался при Её Величестве, но у себя в медицинском корпусе выплеснул все эмоции.

— Это нелепо! — кричал доктор Уислер, краснея от гнева. — Я не позволю экспериментировать на короле с какими-то новыми методами!

К счастью, я приехала во дворец только во второй половине дня, хотя мне и передали, что доктор Уислер срочно хочет меня видеть. Я предполагала, что за вопрос вдруг возник у Уислера, и поэтому не торопилась во дворец. Надо было дать доктору время, чтобы он «остыл».

Я как раз была в физической лаборатории инженерного факультета и там попыталась объяснить, как должен был устроен прибор для магнитотерапии:

Лаборатория находилась при морском колледже и меня привёл к инженерам доктор Брюс. Заведующий кафедрой мне не понравился. Конечно, он явно был опытным инженером, но его представление о мире ограничивалось фразой, что «девушкам не место на инженерном факультете», которую он ляпнул, не разобравшись с какой целью доктор Брюс меня привёл.

Скорее всего именно поэтому сам заведующий не стал принимать участие в разговоре, выделил двух студентов выпускного курса и ушёл.

А я попыталась начертить схему прибора и рассказать. С радостью увидела, что уже после первых слов, студенты замерли, расширившимися глазами глядя на меня.

— Принцип действия устройства основан на создании переменного магнитного поля, — проговорила, показывая на рисунок. Основным элементом прибора — это катушка, через которую протекает переменный ток, создающий магнитное поле.

Я ещё раз показала на рисунок устройства и продолжила:

— Важно также учитывать частоту и интенсивность магнитных волн, чтобы достичь максимальной эффективности.

Я так увлеклась рассказом, что когда повернулась, чтобы задать вопрос про возможности этой лаборатории и самих студентов, то увидела, что оба студента сидят и конспектируют то, что я только что говорила.

Когда один из них дописал и подняв голову увидел, что я стою и смотрю на них, он срывающимся от волнения голосом произнёс:

— Мисс, а вы могли бы ещё раз повторить про разности частоты и интенсивности

В общем, мне пришлось потратить ещё около двух часов, но ребята попались толковые и действительно хорошо разбирались в физике, единственное чего им не хватало, это другого взгляда на то, что они обычно делали.

И я как раз показала им, как посмотреть на то, что уже есть, с другой стороны.

Оставив восхищённых идей будущих инженеров размышлять над вопросом, можно ли имеющимися средствами создать такой прибор, я с «тяжёлым сердцем» поехала во дворец.

Я была уверена в поставленном мною диагнозе и в том, что предложенная схема лечения поможет королю снять воспаление, а дальше вывести хроническое заболевание на тот уровень, с которым можно жить.

Но я также знала, что предстоящий разговор с доктором Уислером будет непростым.

Я вошла и поздоровалась, доктор Уислер что-то писал, услышав, что я уже в кабинете, намеренно медленно закрыл папку, отложил перо и размеренно произнёс:

— Вы на каторгу захотели, мисс? Вы куда полезли? Или вы уже получили ваш диплом?

Я стояла перед ним с поднятой головой, и спокойно ответила:

— Доктор Уислер, я понимаю ваши сомнения. Но наука не стоит на месте, развивается не только медицина, но и физика. У короля очень сложная ситуация, от физиотерапии, за которой, я уверена, будущее, хуже не будет.

Я посмотрела на доктора Уислера, его глаза будто бы накрыла пелена, пелена ярости, и поняла, что я могу здесь приводить аргумент

за аргументом, но толку от этого не будет.

Но всё равно предприняла ещё одну попытку:

— Доктор Уислер, магнитная физиотерапия и электролечение могут значительно облегчить боль и улучшить подвижность. Король заслуживает лучшего лечения, и я уверена, что эти методы помогут ему. Сейчас...

— Вон! — крикнул доктор Уислер, перебивая меня, хотя я хотела рассказать ему о встрече с инженерами, — и чтобы ноги вашей здесь не было! Не будет вам никакого диплома!

Мне показалось, что доктор Уислер сошёл с ума, так ужасно он выглядел, выкрикивая всё это.

Я, конечно, немедленно вышла. Зачем зря человека раздражать. И встала в холле медицинского корпуса, не понимая, что делать дальше. То ли бежать к Максимилиану, то ли к королеве, а возможно подождать пару дней. Вдруг доктор Уислер успокоится.

Глава 58

Прошло почти два месяца. Конечно же, с доктором Уислером договориться не удалось, но прибор для магнитотерапии ребята-инженеры всё-таки сделали. И я даже начала применять этот прибор в больнице, где начала работать.

Доктор Уислер быстро снял меня со своего проекта, и теперь во дворец я могла попасть только по приглашению принца.

Деньги у меня были, спасибо оформленным патентам, но всё равно устроилась в больницу Святого Томаса к доктору ван Эрменгему детским врачом. Мы с ним сразу договорились, что пока я готовлюсь к экзамену, не смогу работать в полную силу и на полную ставку. Правда мне ещё пришлось взять женские осмотры, но мне было нетрудно, самое главное, что ночных смен у меня не было, только периодически возникали срочные вызовы.

Зато появилась возможность подтвердить эффективность прибора для магнитотерапии. Но теперь сложность состояла в том, что получить сертификат на моё имя не представлялось возможным. Главный королевский доктор, применив мою схему снятия острого воспаления артрита с помощью аспирина для короля доказал свою незаменимость. И королю полегчало «без моего участия» и без использования «опасных и шарлатанских приборов».

С экзамена доктору Уислеру снять меня не удалось. Максимилиан заставил его сохранить согласованную дату экзамена и к этому дню я начала усиленно готовиться, тем более что Уислер закрыл мою практику ... с высокими оценками.

И всё бы хорошо, Уислера я не видела, работала, занимаясь любимым делом, готовилась к экзамену, но всё гладко не бывает.

Однажды утром, спустившись к завтраку, я, погружённая в мысли о том, как бы мне ввести регулярную детскую диспансеризацию, не только в приютах, но и для детей в семьях, не заметила, что мистер Белтон странно смотрит на меня.

Уже допивая ароматный чай, обратила внимание, что и миссис Элис странно молчалива.

— Что случилось? Почему вы такие странные? — отставив чашку, спросила я

Мистер и миссис Белтон переглянулись, а миссис Элис даже начала что-то натирать на идеально чистой плите.

Мне стало не по себе, настолько необычным было поведение тех, от кого не ожидаешь подвоха. И в привычное утро, к аромату пирога и чая, вдруг добавился странный привкус горького предчувствия.

— Да скажи ты ей, мистер Белтон, — вдруг не выдержала миссис Элис, — лучше пусть девочка от нас узнает

Я перевела взгляд на газету, которую мистер Белтон по утреннему обыкновению держал в руках:

— Какие-то плохие новости?

Мистер Белтон протянул мне газету. Я развернула её, пока не понимания отчего близкие мне люди могут так переживать и ... застыла, обнаружив на первой полосе своё фото.

Причём стояла я не одна, а с Его Высочеством Максимилианом, и фото это было довольно старое, это был наш самый первый совместный вечер, когда принц привёз меня на набережную и первый раз поцеловал.

На фото, слава богу, не было поцелуя, но мы стояли обнявшись, принц обнимал меня со спины, а у меня на лице была совершенно счастливая улыбка.

Но всё бы ничего, если бы статья не носила название:

"Скандальная связь или как получить диплом доктора"

В статье не было указано имени принца, но моё имя указали. Интересно почему? Я была настолько неприятно поражена, что, видимо, произнесла вопрос вслух.

Мне ответил Мистер Белтон, который нервничая, умудрился уронить ложку и теперь пытался здоровой ногой достать её из-под стола:

— Про королевскую семью нельзя писать плохо, Лейла, поэтому здесь нет имени принца

— Да что же это? — запричитала миссис Белтон, — да как же ты теперь?

Она достала платочек, и приложив к глазам прошептала:

— Лейла, людям же не объяснишь

Я сжала зубы:

— Да уж, миссис Белтон, вы правы, но я думаю, что поговорят и забудут

Я сказала чете Белтон, что меня не волнует, что там пишут журналисты, но на самом деле было крайне неприятно. Хорошо, что сегодня мне никуда идти не надо, я планировала посвятить этот день подготовке к экзамену. Об этом и сообщила миссис Элис

— Вот и славно — расплылась в улыбке миссис Элис, — и то правда, поговорят и забудут

Но не тут-то было, на следующий день на первой полосе снова была я, и фото тоже было провокационное, а в статье уже давались подробности что «ввиду особых обстоятельств интерну Лейле Кроули разрешено сдать экзамен без обучения»

До экзамена оставалась неделя.

Все статьи были подписаны неким Эль Женор. Я подумала, что это скорее всего псевдоним, уж больно странное словосочетание для имени. И самое неприятное было в том, что мы действительно одно время много гуляли с принцем и, думая, что вокруг никого нет, влюблённые же ничего не замечают, часто стояли обнявшись или принц целовал меня.

Было страшно, что ещё я увижу на первой полосе.

В больницу я хожу на работу накануне. Никто ничего не спрашивал и не говорил, но перешёптывания я ловила. Когда уже выходила с работы, меня вызвал ван Эрменгем. Зайдя в кабинет главного врача, присела на кресло для посетителей.

— Лейла, — ван Эриенгему явно было неловко, — я, да и многие другие, кто вас знает, не верят в ту чушь, что пишут в газетах.

Ван Эрменгем вздохнул, видимо опасаясь, что я могу превратно понять то, что он собирался мне предложить:

— До вашего экзамена остались считанные дни. Посвятите их подготовке, сделайте так, чтобы развенчать все гнусные инсинуации.

Я благодарно улыбнулась:

— Спасибо, Эмиль, я ценю то, что вы для меня сделали и делаете.

Поэтому сегодня я тоже не пошла на работу. А вечером к мне приехал Йен. Он прошёл прямо в дом, хотя до этого ни разу не входил. Поздоровался с мистером Белтоном, братья где-то гуляли, Мака тоже не было. В руках у Йена была коробочка с эмблемой известной

кондитерской. Коробочку Йен с поклоном передал миссис Элис. Та даже засмушалась.

— Лейла надо поговорить, — напряжённо заявил он

— Ну, мы пока на кухню, — сразу сообразила миссис Элис о чём пойдёт речь

Мы с Йеном остались в гостиной, я предложила Йену присесть на диван, сама продолжила сидеть на стуле. Йен явно был взволнован и никак не мог найти нужные слова, но начал сразу о деле:

— Ты уже знаешь про статьи, — Йен не спрашивал, он говорил в утвердительной форме, поэтому мне оставалось только кивнуть.

Йен снова замолчал, лицо у него было напряжённое, мне даже было странно это видеть, потому как обычно в образе Йена, виконт Эрли всегда был весел.

— Принц и тайная служба начали расследование, — наконец произнес он, — они разыскивают тайного фотографа и журналиста, который раскопал эту историю. Ты не думала, кто бы это мог быть?

— Я не знаю, — пожала я плечами, — не хотелось бы никого обвинять. Единственный кто приходит в голову, это доктор Уислер, но я не могу себе представить его бегающим по Лондиниуму с фотоаппаратом? — мне даже стало смешно, когда воображение нарисовало достаточно крупного мужчину, прячущегося в кустах с фотоаппаратом.

Йен тоже улыбнулся:

— Доктора Уислера проверили сразу, он не причастен, это точно

— Тогда у меня больше нет кандидатур, — снова пожав плечами сообщила я, и подумала про княжну Оранскую. Но она в то счастливое для меня время ещё не была в Лондиниуме.

Мне показалось, что Йен знает несколько больше, чем говорит, и я пристально взглянув на него, спросила:

— А у вас есть подозреваемые?

— Мы считаем, что кто-то из твоего окружения может быть причастен, — объяснил Йен. — Дай нам пару дней, и мы узнаем, и кто такой этот Эль Женор и от кого он получает информацию.

Мне стал неприятно до боли:

— Что значит из моего окружения? Вы подозреваете кого-то из моей семьи?

Йен поджал губы, и они стали тонкими, что сделало лицо Йена немного злым, когда он бросил:

— Мы ничего не можем исключить.

Я даже начала задыхаться: — «Как жить? Если никому не можешь доверять?»

А вслух сказала:

— Хорошо я поняла, что мне надо делать?

Йен постарался улыбнуться, но улыбка у него получилась грустная:

— Лейла, принц лично заинтересован в том, чтобы выяснить правду и защитить тебя от возможных неприятностей.

Йен странно опустил глаза, будто бы стесняясь того, что собирался произнести:

— Принц предложил тебе уехать на время, если ты захочешь.

У меня даже растерянность прошла, нахлынула злость, почему это я должна куда-то ехать, и я с возмущением сказала, пости что крикнула:

— Ни за что! Я сдам этот чёртов экзамен!

Йен улыбнулся:

— Я в тебе не сомневался, Лейла. Покажи им! А я тебе обещаю, что найду тех, кто это сделал.

Перед уходом, уже стоя у двери, Йен сказал:

— Если вдруг чьё-то имя придёт тебе в голову, сразу же дай мне знать. В день экзамена за тобой приедет Герберт

Эти слова заставили меня задуматься. Но я не могла позволить себе отвлечься от подготовки к экзаменам, несмотря на все происходящее вокруг.

У меня мелькнула мысль, что мог быть Пьер Шушель, но я её отбросила. Я знала что доктор Листер всё-таки взял с собой Пьера Шушеля и поставил его в институте руководителем лаборатории тестов.

Когда я спросила доктора Листера: «Зачем?»

Тот помолчал, а потом медленно, будто бы продумывая каждое слово перед тем, как его произнести, сказал:

«Вы ещё очень молоды Лейла, поймите я не мог бросить своего ученика, потому что когда меня все бросили, Пьер не побоялся и пошёл со мной в бедную больницу на улице Харви».

А больше кандидатур у меня не было.

Глава 59

Вот и настал день экзамена. Казалось бы, чего бояться мне, знающей гораздо больше, чем вся медицинская академия Лондиниума. Но, парадокс заключался в том, что я, как и тысячи студентов до меня и после, испытывала предэкзаменационный стресс. Удивительное дело!

Даже Герберт, который приехал за мной, попытавшись шутить и не добившись нужного эффекта, пожал плечами:

— Мисс Лейла, я вас не узнаю, вы уже два раза не попад ответили мне на вопрос.

Я вдохнула, подняла глаза на молодого человека:

— Герберт, спасибо за поддержку, что-то мне волнительно

— Ну-ну, вы же умница, вон принца нашего как вылечили, красавчик стал, можно снова в женихи, — радостно произнёс Герберт

А у меня сразу испортилось настроение. Зато мысли перетекли в сторону моих отношений с Максимилианом, и я несколько расслабилась и больше не страшилась того, что ждёт меня на экзамене.

А зря. Потому как, когда мы подъехали к зданию университета, то и Герберта и меня удивило большое скопление людей ещё задолго до входа в здание учебного заведения.

— Что происходит? — холодея от плохого предчувствия спросила я

Герберт притормозил, взгляделся и решительно повернувшись ко мне, сидевшей на заднем сиденье, сказал:

— Посидите здесь, мисс, я сейчас схожу и посмотрю.

Машину Герберт припарковал в тени большого здания. То есть от стен университета машину практически не было видно. Почему-то мне казалось, что всё это «звенья одной цепи»: статейки в газетах, и столпотворение в день экзамена.

Хотя, может быть, я зря переживаю, сегодня же не только я сдаю экзамен, но и выпускной курс.

Вскоре вернулся Герберт, лицо у агента Его Высочества было озабоченное. Он молча уселся в машину, посидел пару секунд, будто бы собираясь с мыслями. Я терпеливо ждала.

Наконец, Герберт повернулся и произнёс:

— Вас ждут, мисс, выкрикивают заголовки из газеты

И Герберт передал мне, свёрнутую газету, которую держал в руке, словно ядовитую змею, посмотрел мне прямо в глаза:

— Можем уехать, не стоит вам туда идти, через толпу я не проеду, дорога перегорожена.

В сегодняшней газете на первой полосе был заголовок:

«Лейла Кроули: Диплом врача за благосклонность?»

Я ожидала чего-то подобного, но оказалась не готова. Стало страшно, но сдаться я не могла.

— Я могу организовать констеблей, — зло покусывая уголок рта сказал Герберт, — но это займёт время

— Сколько? — спросила я, уверенная в том, что за оставшиеся до начала экзамена полчаса, это вряд ли получится. Да и доктор Уислер, вряд ли пойдёт на нарушение правила об опоздании на экзамен.

Герберт понял, почему я переспросила про время и, отвернувшись от меня, ударил обеими руками о руль.

— Я не пущу вас, — зло бросил мужчина

Я положила руку ему на плечо:

— Не надо, Герберт, это мой путь, я пройду его

И решительно открыла дверцу автомобиля.

Герберт тоже вышел из машины:

— Неужели вы думали, мисс, что я останусь сидеть?

Мужчина улыбнулся:

— Пойдём вместе и покажем им, что вам плевать на гнусные слухи

Герберт преложил мне руку, и мы пошли.

Чем ближе мы подходили к толпе, тем сложнее мне было заставлять себя переставлять ноги. В основном толпа состояла из молодых людей. Вероятно, студенты. Они все держали в руках газеты, громко что-то выкрикивали, смеялись. Периодически, когда звуки начинали стихать, кто-то словно подначивал и всё начиналось сначала.

Герберт зло «выплюнул»:

— Подготовились

— Я тоже заметила, что не просто так стихийная толпа, — проговорила, и крепче вцепившись в локоть мужчины, сказала, — пошли, я готова

И мы подошли вплотную к толпе. Девушек в ней не было, всё-таки образование в основном получали мужчины, поэтому нас сразу заметили. И кто-то присвистнул:

— Она явилась!

Толпа перед нами угрожающе сомкнулась. Но страха у меня больше не было, и я уже готовилась крикнуть, что всё это гнусные наветы, как Герберт вытащил пистолет и резко взмахнув оружием, выстрелил вверх.

Я его не узнавала:

— Следующий выстрел будет в того, кто сделает хоть один шаг по направлению к мисс Кроули, — прозвучал резкий, совсем не похожий на тот голос шутника Герберта, к которому я привыкла. И мне даже показалось что он гораздо старше.

Толпа раздвинулась, образуя узкий коридор, и мы пошли. И я уже надеялась, что мы так и пройдем до входа в университет. Но когда оставались последние метры, что-то вдруг взлетело у меня над головой и... пролилось холодным «душем».

«Хорошо, что, не нечистоты,» — подумала я, понимая, что меня залили, скорее всего, свиной кровью.

Так я и вошла в университет, волосы, слипшиеся от крови, следы на белом воротничке строгого синего шерстяного платья и с закрытыми глазами чтобы кровь не попала на слизистую.

Герберт провёл меня в туалетную комнату. Подозреваю что женской комнаты в университете не было, но мне было всё равно. И попросив наклониться, помог умыть лицо. Когда я смогла открыть глаза, то увидела, что Герберт пожертвовал своим белоснежным носовым платком.

— Сколько осталось до экзамена? — понимая, что доктор Уислер «не войдёт» в моё положение, спросила я

— Не волнуйтесь, мисс, ещё есть четверть часа, — ответил мне внешне невозмутимый Герберт, снова ставший похожим на того рубаху парня, которого я знала.

— Герберт, спасибо, не знаю, чтобы я без тебя делала, — искренне проговорила я, чувствуя, как начинают трястись колени.

С внутренней усмешкой подумала: — «Что предэкзаменационный стресс полностью прошёл».

— Да что вы, мисс, — Герберт прополоскал и выжал ставший розово-серым платок, — у меня сёстры ненамного младше вас, я как представил, что они пойдут учиться, а им вот так...

Помолчал и добавил:

— Все, кто вас знает, мисс, не верят ни единому слову, написанному этим писакой

Я собиралась ещё произнести слова благодарности, но из-за двери возмущённо прозвучало:

— Эй, там, освободите помещение, не одни!

Мы переглянулись с Гербертом, представляя, как эпично сейчас будет выглядеть наш выход из туалетной комнаты.

— Выше нос, мисс, — подбодрил меня Герберт и распахнул дверь.

Надо было видеть лица двух парней, стоявших возле двери в туалетную комнату, когда я с гордо задранной головой, с влажными волосами, на которых всё ещё были видны подтёки крови, вышла из туалетной комнаты, за мной вышел Герберт, отпустив придерживаемую дверь.

Когда мы немного отошли я, усмехнувшись сказала:

— Ну вот, ещё один слух.

К аудитории, в которой проходил экзамен, мы подошли за несколько минут до начала. Около аудитории стояли бледные студенты.

Я попробовала обратиться к ним, чтобы уточнить какой процесс, но меня все проигнорировали.

«Понятно, что здесь все тоже обработанные»

Вдруг раздался женский голос:

— Лейла, боже, как ты прошла! Это ужасно! — я с радостью увидела Элизабет Гаррет

Её громкий голос встряхнул стоявших, с недовольными лицами выпускников. На бледных лицах мелькнул интерес.

Не боясь запачкаться, Элизабет обняла меня, и зашептала:

— Отец тоже в комиссии, я напросилась сюда с ним, всё расскажу, что знаю, но позже, — и Элизабет подтолкнула меня к двери:

— Тебе сейчас надо до начала экзамена заглянуть, чтобы тебя записали.

Я распахнула дверь и крикнула:

— Лейла Кроули, запишите, пожалуйста

Стоявший возле двери с той стороны молодой мужчина, оглядев меня с головы до ног, брезгливо поморщился, потом перевел взгляд куда-то у меня над головой и вписал моё имя в тетрадь, которую держал в руках.

Я оглянулась и увидела, что надо мной возвышается Герберт.

Мужчина с тетрадью прошипел:

— Записаны

И я уже собиралась прикрыть дверь, как из-за моего плеча вылезла Элизабет и холодно приказала:

— Покажите

Мужчина повернул к нам тетрадь, где было в самом конце написано моё имя.

Элизабет недовольно поджала губы и произнесла:

— Время укажите

Мужчина, как мне показалось, нехотя подчинился, указав время за три минуты до начала экзамена и подняв глаза на Элизабет, спросил:

— Всё, леди?

Элизабет сухо обронила:

— Да, господин секретарь, теперь всё.

Когда дверь закрылась Элизабет ухмыльнулась:

— Вот же вредные мухоморы!

И мы рассмеялись.

На нас недовольно посмотрели, всё так же молчавшие, выпускники.

— Теперь тебе ждать, пока все пройдут, — сообщила мне Элизабет, — но хорошая новость, что, если записана, то они обязаны тебя принять.

Элизабет мне сообщила, что в экзаменаторах также присутствует и Франц фон Мекленштейн.

— Последний раз, когда приезжал ректор университета из другой страны, было лет пять назад, — прошептала мне на ухо Элизабет, и заговорщицки добавила:

— Я думаю, что это из-за тебя, уже очень он хочет, чтобы ты к ним переехала, и знаешь...

Элизабет оглянувшись по сторонам и ещё тише сказала:

— У них очень хороший медицинский факультет сильнее, чем у нас. Я сама одно время рассматривала возможность учиться в Лихтенштейне. Но мне стало жалко мать.

А я подумала:

— Посмотрю, как всё пойдёт, может это и есть тот путь, который надо выбрать.

Студентов начали вызывать на экзамен. Кто-то выходил счастливым, кто-то не очень.

Герберт, извинившись уехал сразу, как только меня записали, пообещав вернуться к шести вечера

Два раза члены приёмной комиссии выходили на перекусы. И я действительно видела Франца фон Меклентштейна, который сперва удивлённо уставился на мой внешний вид, а после, как-то понимающе хмыкнул, и слегка поклонился.

Моё имя прозвучало через семь часов.

Уже открывая дверь аудитории, я увидела, что по лестнице поднимается Максимилиан в сопровождении Герберта.

«Приехал,» — с теплом подумала я и, вдохнув сделала шаг.

Глава 60

Максимилиан, герцог Кентский

— Я не понимаю, почему прошло почти две недели, а статьи продолжают появляться? Вы так королевскую семью защищаете?

В кабинете Максимилиана находились главы отделов внутренней безопасности. Они никогда не видели своего начальника таким разгневанным. Максимилиан даже, если очень злился, всегда сохранял внешнюю невозмутимость. Только губы слегка бледнели, да глаза становились серо-металлическими, вместо серо-синих. Ну, это знали только те, кто давно работал с принцем.

А сейчас в кабинете находились те, кто знал принца Максимилиана очень давно, но никаких признаков того, что принц злился они не видели, они просто не узнавали его.

Встал глава службы дознавателей. Он был чуть старше Максимилиана, и служил в тайной службе ещё до того, как её возглавил принц.

— Осталось только закрыть газеты, Ваше Высочество, или арестовать сотрудников, — сжав ладони в кулаки, проговорил офицер

Принц вскинул голову, вопрос крутился на языке, но он не стал его задавать, ждал.

Офицер-дознаватель, видя, что принц не спешит спрашивать, после небольшой паузы произнёс:

— По закону нарушений нет. Королевская семья не была упомянута ни в одной публикации

Принц возмущённо спросил:

— А моя фотография?

Сидевший в несколько вальяжной позе за столом, виконт Эрли усмехнулся:

— Ваше Высочество, фото к делу не пришьёшь, может это и не вы вовсе.

Принц Максимилиан и сам знал, что фото недостаточно для того, чтобы «прикрыть» всю эту писанину по закону:

— И что, у них нет никаких нарушений?

— Я вам, Ваше Высочество предлагал, как можно решить этот вопрос, — с мрачной решимостью на лице произнёс виконт Эрли, и со зловещей усмешкой добавил, — поручите это Йену, он точно справится.

Принц замолчал, глядя куда-то в центр большого мощного стола из морёного дуба. Вспомнил как четверо здоровых мужчин с трудом смогли сдвинуть этот стол, когда принцу понадобилось передвинуть его на другое место. Когда-то он думал, что и сам такой же мощный и его нельзя сдвинуть, потому что все его слабости сгорели в том большом пожаре.

И вот теперь, девушку, которую он полюбил, обижают, а он ничего не может сделать.

Когда принц поднял взгляд, там светилась решимость принятого решения:

— Все газеты, где выходили лживые статьи про мисс Кроули, закрыть, и начать проверки. На проверку всех изданий выделить двух самых дотошных агентов.

— Ваше Высочество, — обратился к принцу глава управления аудита, — это будет долго. Самые дотошные потратят не меньше двух недель на проверку только одного издания.

Принц с какой-то веселой злостью ответил:

— Ну, и хорошо! Пусть не спешат

И атмосфера в кабинете, которая ещё несколько минут назад давила словно бетонная плита, несколько смягчилась.

— Есть у меня двое, пока до Средних веков не докопаются из «лап» не выпустят, — усмехнулся главный аудитор.

Виконт Эрли покачал головой:

— А я бы лучше Йену поручил, надёжнее

Принц исподлобья взглянул на виконта, будто бы о чём-то размышляя:

— Александр, задержись, — проговорил принц, одновременно попрощавшись с остальными

Когда принц и виконт остались одни, то Максимилиан, убедившись, что дверь закрыта, достал из ящика стола тонкую папочку и передал её Йену-Александр.

— А вот это как раз для Йена, — произнёс принц, и весело взглянув на виконта, который сразу же открыл папку и теперь читал

вложенные в неё бумаги — как думаешь Йен справится?

Александр взялся рукой за подбородок, почесал небольшую щетину, нахмурился и, не отвечая на вопрос принца, спросил:

— Информация точная?

— Обижаете, виконт, — нарочито укоризненно произнёс Максимилиан, — точнее не бывает.

Йен-Александр кивнул будто бы в задумчивости и без обычной вальяжности и шутливости произнёс:

— Будет сложно, Макс, возможно даже очень, но я... Йен сделает.

— Я не сомневался в тебе, Алекс, — произнёс принц, понимая, что только что попросил друга о невозможном, но, если виконт Эрли не справится, то больше никто.

Отпустив виконта, принц стал собираться, сегодня Лейла, его девочка, сдавала экзамен.

Но не успел он выйти из кабинета, как в дверь постучали.

Это был Герберт, вид у него был виновато-взъерошенный.

— Что случилось? — в груди возникло нехорошее предчувствие, — что-то с Лейлой? Ты отвёз её в Университет?

— Да, — выпрямившись, ответил личный агент Его Высочества, — отвёз, но были сложности.

И Герберт рассказал с чем им пришлось столкнуться, чтобы пройти в Университет.

В душе принца возникла тёмная ненависть к неизвестному кукловоду, и почему-то стало казаться, что истоки всего этого, именно в нём, это не Лейле, девочке из приюта, кто-то мстит, это месть именно ему, Максимилиану.

Вот только кто? И, почему?

***

То, что Максимилиан приехал придало мне уверенности, что, несмотря ни на что всё будет хорошо, я сдам экзамен. О том, смогу ли я работать после, я не думала, но скорее всего, если Максимилиан умело справится ситуацией, то постепенно всё утихнет, а с дипломом, никто не запретит мне работать и, помня об истории доктора Листера, который не сдался и пошёл работать в бесплатную клинику, я знала, что и я справлюсь.

Войдя в аудиторию, я увидела сидящих на кафедре мужчин, почти всех я знала, кроме одного. Грузный, даже толстый, с безразличным

выражением лица, которое, помимо этого, выражало также крайнюю степень усталости.

Меня встретил секретарь, провёл на возвышение, располагавшееся на третьем уровне. И объявил:

— Претендент на сдачу теории за весь курс медицинского факультета.

Сразу же прозвучал голос:

— Позвольте! — это возмутился толстый господин, — мы что же здесь ночевать собираемся? Я возражаю.

Возникла напряжённая тишина и в этой тишине прозвучал голос Максимилиана:

— Претендентка пришла на экзамен вовремя?

Секретарь, явно не ожидавший появления высокой особы, несколько заикаясь произнёс:

— Д-да, вовремя, — и протянул куда-то в сторону то ли принца, то ли комиссии свою папку со списком

— Профессор Уислер, — сухим официальным тоном обратился принц, — вы глава экзаменационной комиссии.

И было непонятно задал принц вопрос или просто констатировал факт

Дождавшись, когда Уислер подтвердит свои полномочия, принц Максимилиан холодно спросил:

— Разберитесь с нарушениями ваших коллег, пожалуйста

И уселся где-то позади, явно намереваясь проследить, как будет проходить экзамен.

Я обернулась, и увидела родной и встревоженный взгляд Максимилиана, который, конечно же заметил, и следы крови на моём платье, и испорченную причёску,

— Мисс Кроули, — вдруг раздался недовольный голос доктора Уислера, — не отвлекайтесь.

И мне пришлось снова повернуться к комиссии. Все члены которой теперь сидели и внимательно смотрели на меня, включая толстого недовольного господина. Только Франц фон Мекленштейн отчего-то улыбался и перебегал взглядом с принца на меня.

Усталым голосом доктор Уислер разъяснил основные правила и экзамен начался.

Через два часа объявили первый перерыв. Пока всё шло очень хорошо, была письменная часть по элементарным вопросам. Похоже, что экзамен двигался не вразнобой, а курс за курсом.

За окнами уже было темно, когда объявили второй перерыв. Все члены комиссии удалились, и я закрыла глаза, и устало опустила внезапно потяжелевшую голову на руки и постаралась дышать ровно. Сама не ожидала, что будет настолько непросто.

Вдруг уловила аромат жареной рыбки и картошечки. Открыла глаза, на ряд ниже, передо мной стоял Максимилиан, улыбался и держал в руках небольшой круглый поднос, на котором стояла пузатая чашка с дымящимся напитком и большая тарелка с фиш-энд-чипс*

(*Рыба и картофель фри. Считается неофициальным национальным блюдом Великобритании и является неотъемлемой составляющей британской кухни)

— Ваше Высочество, — отчего-то я решила обратиться к Максимилиану, как положено, — вы мой спаситель

Принц же, укоризненно на меня посмотрел, и устало проговорил:

— Ты умница, Лейла, я тобой горжусь, и... прости, что тебе пришлось сегодня пережить всё это.

И принц дотронулся до моих волос, которые оставались слипшимися. Мне даже представить было страшно, как я выгляжу.

Принц, видимо, понял о чём я думаю, и шёпотом сказал:

— Ты самая красивая

После чего стащил у меня из тарелки несколько долек картошки.

— Эй, это моя картошка, — шутливо прокричала я, принц рассмеялся и стащил ещё и кусочек рыбки.

Так смеясь и разговаривая ни о чём мы и съели, показавшийся мне невероятно вкусным, ужин, и после того, как я допила вкусный травяной отвар, я поняла, что усталость отступила и я снова готова штурмовать экзамен.

После второго перерыва начались вопросы от комиссии.

Я готовилась отвечать на такие вопросы, понимая, что, если буду говорить так, как меня учили в моём времени на пользу мне это не пойдёт. Здесь в университете была своя программа, из неё я и исходила, добавляя чуть больше.

— Ваши знания впечатляют мисс Кроули, — вкрадчиво произнёс доктор Гаррет, отец Элизабет, и я поняла, что его вопрос будет

провокативным, так и вышло, — ответьте-ка на вопрос, отчего при переливании крови половина пациентов не выживает.

Я вспомнила что именно этот вопрос вызвал наибольшее количество обсуждения на экзамене интернов. Но самое неприятное заключалось в том, что группы крови* пока не были открыты. Вернее так, в научных кругах велись обсуждения о теоретическом аспекте разницы в крови человека, но доподлинно известно не было.

(* В земной истории человечества группы крови были открыты на рубеже XIX и XX веков состоялось величайшее достижение биологии и медицины: австрийский иммунолог Карл Ландштейнер открыл группы крови. Казавшаяся одинаковой кровь была различной по свойствам эритроцитов, так называемых «красных кровяных телец». Ландштейнер подразделил кровь всех людей на три группы: О (первой), А (второй) и В (третьей). Несколько позже было установлено наличие четвёртой группы крови — АВ.)

Теперь надо было пройти по «лезвию бритвы» ответить и в то же время не сказать ничего лишнего

Я могла бы многое рассказать по этому вопросу, и про свойства эритроцитов, и про географическое распространение различных групп крови, и устойчивость тех или иных групп к различным инфекционным заболеваниям, но, увы, не могла.

Пришлось ответить так, как бы, на мой взгляд ответил студент-медик, в этом году окончивший университет:

— Существуют различия в составе крови, но пока есть лишь теории, которые не имеют под собой доказательной базы. Однако, были проведены исследования...

Я назвала имена уважаемых докторов, которые действительно занимались этой тематикой и не только в Британии. Увидела, как удивлённо поднялись брови у Франца фон Мекленштейна, который сразу же что-то записал.

Я вообще заметила, что и Франц фон Мекленштейн и ещё двое профессоров, выслушивая мои ответы, довольно часто помечали что-то в своих блокнотах.

Ответ был принят, но доктор Уислер отметил, что я, якобы отдалась общими фразами.

«Ну кто бы сомневался, — подумала я, — у доктора Уислера мнение уже сформировано, вся надежда на непредвзятость остальных»

Экзамен продолжался.

Глава 61

Следующий вопрос задал сам доктор Уислер. Я подумала о том, что доктор, вероятно, потратил немало времени продумывая, какой вопрос можно задать мне, чтобы была возможность покритиковать.

Вопрос касался ... принца. Конечно, не самого принца, а анестезии, которая использовалась во время проведения операции для Максимилиана.

Я рассказала о всех тех методах, которые применялись и были общеизвестны, но комиссию интересовал вопрос, как я пришла к тому, чтобы использовать эфир и закись азота.

Кстати, после того, как мы таким образом прооперировали принца, Чарльз Брайт при поддержке своего учителя ван Эрменгема уже провели несколько десятков операций и пока не было ни одного не успешного случая. Правда и операций длительных, больше сорока пяти минут не было.

Я решила, что могу об этом рассказать. Но по мере рассказа доктор Уислер стал заваливать меня вопросами. Надо отметить, что вопросы были весьма профессиональные.

Например, после того, как я рассказала об опасности передозировки на разных этапах введения наркоза, он спросил:

— Каким образом вы можете контролировать дозировку?

Я, конечно, могла бы рассказать ещё раз, как рассчитать дозировку, но с современными приборами точного контроля пока было сложно достигнуть.

Так и сказала. В ответ получила критическое замечание по необдуманному применению. Неожиданная помощь пришла со стороны фон Мекленштейна, который широко улыбнувшись обратился к Уислеру:

— Дорогой коллега, иногда требуется принимать риск, иначе наука так и будет стоять на месте.

Уислер недовольно пожал губы и язвительно произнёс:

— Вот когда на вашем венценосном брате будут проводить подобные эксперименты, я посмотрю, что вы скажете.

Кто-то из комиссии недовольно пробурчал:

— Коллеги, давайте всё же по существу. Все устали.

Следующие вопросы от каждого члена комиссии были разными. Кто-то спрашивал довольно известные вещи без подоплёки и даже не задавал дополнительных вопросов. Но ещё один вопрос мне запомнился и прозвучал он от толстого господина, и касался вопрос микромира.

Звали господина профессор Клейн*, и по тому, как был сформулирован его вопрос, я догадалась, что он «из лагеря» оппонентов моего учителя и друга Джозефа Листера.

(Такой профессор существовал на самом деле, но история не сохранила подробностей из его жизни, только лишь одну, связанную с великим учёным и врачом, чья трагическая судьба достойна отдельной книги. Профессор Клейн был руководителем Земмельвейса, и это он первым организовал негласную войну против молодого акушера, одного из основоположников асептики, который внедрил в медицине практику мытья рук и инструментов хлорной водой за что и получил народное звание «спаситель матерей»)

Профессор представлял акушерскую школу, и я поняла, что меня сейчас втянут в медицинскую дискуссию. Когда профессор Клейн с усмешкой заявил, что дело вовсе не в «невидимках», а в «миазмах» и для того, чтобы избежать заражений и родильной горячки надо вкладывать средства в вентиляцию, меня понесло.

Я устала и это сказалось, потому как тема была больная, я как раз перед тем, как меня отстранили занималась описательной частью того, что надо менять в отношении детей и рожениц.

— Профессор Клейн, отвечая на ваш вопрос, хотелось бы отметить, что сейчас в Германии идёт разработка прибора*, который позволит увидеть тех, кого вы называете «невидимками».

(*На самом деле первый «микроскоп» в земной истории был изобретён Галилео Галилеем в 1609 году, но в том совершенном виде, в котором увеличение достигло тех значений, при которых можно было увидеть бактерии, микроскоп стал в 1866-1873 годах, усовершенствованный Эрнстом Аббе. Немецкая компания «Карл Цейс» использует это открытие и стала ведущим производителем микроскопов того времени.)

Профессор Клейн отчего-то очень довольно посмотрел в сторону Уислера:

— Милая мисс, вы, конечно, обладаете хорошей памятью, и возможно именно это и позволило вам так успешно, — профессор даже покрутил головой на короткой шее, — подготовится к сдаче экзамена.

Мужчина сделал паузу, налил себе воды из графина и сделал большой глоток, после чего, всё так же довольно улыбаясь, продолжил:

— Не просто так люди учатся много лет, за время учёбы они совмещают теорию и практику, и у них нет времени на выдумки.

После этой фразы профессор Клейн повернулся и посмотрел на других членов комиссии:

— Лечить людей, это большая ответственность, мы не можем дать эту возможность фантазёрке.

За моей спиной прозвучал голос принца:

— Доктор Уислер, прошу следить за соблюдением необходимого протокола проведения экзамена.

Сердце моё преисполнилось благодарности к Максимилиану, ну и пусть про нас говорят злые языки, а он взял, приехал, и почти половину дня провёл в здании Университета, накормил меня.

Если честно, то я очень устала, у меня практически темнело в глазах, я не представляла себе, сколько я ещё продержусь.

Усталый голос доктора Уислера произнёс:

— Профессор Клейн, у вас есть вопросы по ответу претендентки? Ваше мнение мы обсудим позже.

— Нет, — профессор Клейн замотал головой так, что у него затряслись щёки, а лицо сделалось обиженное

— Есть у кого-то ещё вопросы, господа? — обратился Уислер к остальным членам экзаменационной комиссии.

Все промолчали, и профессор Уислер, тяжело вздохнув, всё-таки и ему непросто дался этот день, произнёс:

— Мисс Кроули, вы свободны

Какие же это были приятные слова: — «Я свободна».

Мне захотелось рассыпаться в благодарностях, я была готова обнять противного Уислера за эти два слова. Но, несмотря на то что я была готова убежать, я медленно собралась и чинно прошла к выходу из аудитории. Сразу вслед за мной вышел Максимилиан.

Я заметила, что в коридоре стоит Герберт. Подумала, что это хорошо, что он здесь, сил добираться до дома самой не было вообще.

Максимилиан остановил меня, взял за руку, произнёс:

— Ты умница, Лейла, ты справилась

Я устало на него посмотрела, подумала: — «Интересно, а принц понимает, что мне, скорее всего, не дадут диплом?»

Максимилиан в сумерках коридора смотревшийся красавцем, просто со странной причёской, сжал мою руку и сказал:

— Я останусь здесь ещё ненадолго, езжай домой, отдыхай.

Автомобиль вёз меня домой по ночному Лондиниуму, я молчала, и Герберт, поняв, что мне после такого экзамена не до разговоров, тоже молчал. Мысли у меня крутились разные.

Завтра станет понятно, что решила комиссия, отчего-то крепла уверенность, что Уислер найдёт слова, чтобы убедить принца в каком-либо промежуточном решении. Но меня не устраивало это. Как не устраивала и ситуация наших с принцем отношений, которые на мой, возможно, циничный взгляд врача, вели в никуда.

А утром мистер Белтон впервые был без газеты. На мой удивлённый вопрос:

— Что произошло? Вы решили больше не читать новостей?

Он ответил:

— В Лондиниуме закрыли все издательства, кроме двух, но они специализируются на дорогих журналах и книгах. Говорят, какие-то нарушения, будут проверять.

Глава 62

Что-то мне подсказывало, что проверки издательств могут быть связаны с тем, что некоторые из них занимались распространением непроверенной информации.

— Так им и надо, — заявила миссис Элис, — пишут не пойми что, а честные люди страдают.

Я благодарно улыбнулась. Вроде бы и спала хорошо, а всё равно не выспалась, Экзамен и мне дался нелегко. Интересно, сегодня я получу бумагу или вызов? В каком виде комиссия предпочтёт мне сообщить результат. И словно в ответ на мои размышления, раздался стук в дверь.

— Сидите, — сказала я, попытавшейся вскочить миссис Элис, и пошла к двери.

Открыв дверь, с удивлением уставилась на неприметного человека в сером костюме, который приподняв с головы шляпу-котелок, произнёс:

— Не извольте беспокоиться, мисс

И закрыл дверь так быстро, что я даже не успела увидеть, а что там было. Но сразу поняла, что это люди тайной службы охраняют дом, а там снаружи что-то произошло и ребята вовремя среагировали.

— Что там? — любопытная миссис Элис уже выглянула в коридор.

Я, зная, что миссис Элис всё равно не остановить, решила ещё больше подогреть её любопытство:

— Мне кажется, что наш дом окружён тайной службой, а вот что они там делают увидеть мне не удалось

И уже через секунду мимо меня продефилировала миссис Элис, в руках он несла тарелку с двумя большими кусками пирога, который сегодня был у нас на завтрак.

Я улыбнулась, вот же предприимчивая женщина, скоро наверняка вернётся с подробностями.

Мы с мистером Белтоном переглянувшись, решили время зря не терять и тоже съели по куску пирога, а то вдруг там агентов много и тогда нам может и не достаться.

Вскоре вернулась миссис Элис. Мельком взглянув на стол, понимающе усмехнулась, точно определив, почему и кто доел пирог.

— Молодцы, что доели, а то я бы действительно ещё ребятам отнесла. Говорят, что стоят с ночи и уже предотвратили три попытки прокрасться к нашему дому и с краской, и с помоями.

Миссис Элис помрачнела и также мрачно добавил:

— Вот же кому-то неймётся

Посмотрела на меня внимательно:

— Вот ты нам ещё не рассказала, как экзамен прошёл

Я подумала, что, если сейчас начну рассказывать, как на меня вылили кровь, по пути к Университету, как я несколько часов отвечала на вопросы профессоров, и иногда вопросы перемежались недоверием, тогда точно Белтоны расстроятся.

И я просто сказала, что всё прошло штатно, Герберт меня подвёз к зданию университета, на экзамен подъехал принц, вопросов было много и не на все мне удалось ответить так, как того ожидали.

— Я уверена, Лейла, — с вызовом в голосе произнесла миссис Белтон, — я уверена, что ты всё ответила, просто эти старые индюки так преисполнены собственной «мужественности», что не видят дальше собственного носа.

Представила себе всех тех, кто вчера сидел в комиссии в виде индюков с красными носами и мне стало очень смешно, так, что я даже чаем подавилась.

— Когда скажут результаты? — произнёс сидящий здесь же мистер Белтон

— Обещали сегодня, — ответила я сама не до конца уверенная в том, что мне сегодня так или иначе доведётся узнать информацию, которая изменит мою жизнь.

За мной прислали курьера только к четырём часам после полудня. Как я и предполагала меня вызвали в университет и обозначили время в шесть часов вечера.

Когда я вышла на улицу, автомобиль принца, припаркованный неподалёку стоял на противоположной стороне улицы и я пошла по направлению к машине.

— Мисс Лейла, — вдруг прозвучало из-за спины.

— Господин фон Мекленштейн? — обернувшись, я поздоровалась.

— Рад видеть вас в добром здравии, мисс, — расплылся в широкой улыбке иностранец, — всё-таки вчера был очень сложный день. Даже обсуждение ваших результатов перенесли на вечернее время, хотя всех остальных студентов уже поздравили и даже сделали распределение на практику.

Фон Меклентштейн пошёл рядом со мной:

— А у меня к вам дело мисс, и я намеренно спешил, чтобы ещё раз подтвердить, что моё предложение остаётся в силе. Получение диплома нашего университета и частная практика в Меклентштейне в течение трёх лет.

Я увидела, как с угрожающим видом в нашу сторону двинулся Герберт, заметил это и фон Меклентштейн, и улыбнувшись, шутливо произнёс:

— Всё, пойду я, пока меня ваша грозная охрана не депортировала.

И фон Меклентштейн быстрым шагом пошел в противоположную сторону. А я даже не успела спросить у него как там мой экзамен, наверняка, они обсуждали и уже есть предварительное мнение?

Вот странное существо человек. Я умом понимала, что доктор Уислер что-то гадкое придумает, чтобы не давать мне диплом сразу, а какой-то частичкой продолжала надеяться на лучшее.

Пока собиралась, размышляла, что либо фон Меклентштейн очень-очень хочет затащить меня в своё княжество, либо он уже знает предварительные итоги и поэтому ещё раз напомнил мне, что «когда закрывается одна дверь, сразу же открывается другая».

Сегодня людей возле университета было немного, меня это не удивило. Век быстрого распространения информации ещё не наступил, газеты сегодня не вышли, вот и не удалось невидимому организатору вывести своих последователей. Да ещё, то здесь, то там мелькали неприметные мужчины в серых костюмах в похожих шляпах.

По пути спросила Герберта, осторожно, чтобы не показать сильную заинтересованность:

— Герберт, а Его Высочество собирался подъехать?

— Я не слышал, — не отрываясь от дороги, ответил мужчина, — он знает о времени оглашения результатов, если сможет, то подъедет

Мне не понравился ответ, обычно Максимилиан передавал через Герберта свои планы, но сейчас было как-то непонятно. То ли что произошло, то ли принц сегодня не посчитал нужным что-то сообщать.

Но, когда я вошла в ту же самую аудиторию, то увидела, что принц Максимилиан уже там.

Да, собственно, и вся комиссия там, и выглядело это так, что они сидят довольно давно и ждали только меня.

Профессор Клейн снова затряс щеками, выражая крайнюю степень возмущения, но вслух ничего не сказал.

Слово взял доктор Уислер, обратила внимание, что он выглядит более усталым, нежели довольным, но удовлетворение на его лице тоже мелькало.

Подумалось, что хочется уйти и не слышать, что они мне сейчас скажут.

Подавила в себе малодушие, и вся превратилась в слух.

— Мисс Кроули, — между тем продолжил доктор Уислер, — мы посовещались и все сошлись в мнении, что вы действительно изучили программу университета. И удивительным образом проявили великолепную эрудицию, рассказывая о новых изобретениях.

«Вот сейчас он скажет «но!», — так и вышло

... — Но звание врача несколько шире просто теории поэтому мы решили предложить вам следующее:

— Мы засчитываем вам экзамен за первые три года обучения, а экзамены за остальные курсы вы сдаёте под одному за каждый курс в конце учебного года. Итак, вы можете за четыре года года сделать то, что не удавалось до вас никому.

Доктор Уислер взглянул на остальных, сидящих в полном молчании, потом снова посмотрел на меня, и договорил:

— И мы все будем спокойны, что выдали диплом заслуженно.

Как мне удалось сохранить спокойное лицо я не знаю, но внутри меня всё кипело: — «Четыре года!»

Сколько всего я могла сделать за это время. Мало того что я женщина, так ещё и в статусе интерна.

Нет, я вполне понимала мотивацию комиссии, одно только было несправедливым:

— Я знала гораздо больше программы университета и делать там мне однозначно было нечего.

Я спокойно обвела взглядом членов комиссии, и, остановившись на Уислере, который смотрел на меня в упор, буквально впившись своими взглядом в моё лицо, сказала:

— Благодарю, — я сделала лёгкий кивок, и продолжила, — это была уникальная возможность проверить свои силы и знания.

Все замерли. Но я не собиралась больше ничего говорить. Скажу принцу позже. Надеюсь, что он меня услышит.

— Разрешите идти? — спросила я доктора Уислера

Он удивлённо смотрел на меня, судя по выражению лица потеряв дар речи:

— Мисс Кроули, это всё, что вы хотели сказать комиссии?

— Да, сэр, — невозмутимо ответила я, и развернувшись спиной к комиссии, пошла к выходу из аудитории.

Глава 63

— Мисс Кроули, я вас не отпускал, — раздался голос доктора Уислера.

А я вдруг поняла, что мне надоело выслушивать и молчать, каждый раз опасаясь того, что он может помешать мне или отстранить.

Я вдруг поняла, что Франц фон Мекленштейн предложил мне не просто альтернативу, он дал мне возможность освободиться от этой ставшей уже больной, набившей оскомину, зависимости.

«Интересно, — подумала я, — если я, наконец-то, сейчас отвечу доктору Уислеру так, как хочу, какое у него станет лицо?»

И я остановилась и повернулась, мельком увидела растерянное лицо Максимилиана, даже пожалела его, ему-то с этим человеком оставаться и задала вопрос:

— А разве вы не всё сказали, профессор?

— Я всё сказал, — тоном человека, уверенного в том, что всё делает правильно ответил Уислер.

— Так и я всё сказала, — холодно улыбнулась я доктору и остальным членам комиссии, по крайней мере, трое из которой, включая фон Мекленштейна, прятали понимающие улыбки

Принц встал, и молча пошёл в направлении двери, то есть ко мне. Но доктор Уислер словно не хотел понимать, он ещё раз переспросил:

— Мисс Кроули, вы что отказываетесь от предложения?!

— Да, — со вкусом, наслаждаясь каждым слогом произнесла я, — я отказываюсь тратить четыре года на то, что я и так знаю.

Я безусловно рисковала, но кто поверит, что в юном теле душа древней старухи из другой реальности. А «охоты на ведьм» в этом времени уже не было. Прогресс делал своё дело.

Я посмотрела на фон Мекленштейна и кивнула ему, подтверждая, что готова принять его предложение. Увидела предупреждающий взгляд принца, от которого не укрылись наши переглядывания.

Из аудитории мы вышли вместе.

На выходе из здания университета стоял Герберт, подогнав автомобиль к самым дверям.

Увидев принца, вытянулся и пошёл открывать дверцу.

Но Максимилиан остановил его, бросив:

— Езжай домой, Герберт, я сам отвезу мисс Кроули.

Возле здания университета были люди, студенты, выходившие с занятий, какие-то компании молодых людей, было ещё не очень поздно. Поэтому я удивилась, что при «всём честном народе» мы с принцем сели в одну машину, он на водительское сиденье, я рядом с ним на пассажирское и машина довольно резко отъехала, так, что щебёнка вылетела из-под колёс и взлетев вверх простучала по каменным ступеням уже после того, как автомобиль отъехал.

Какое-то время принц молчал, я слышала только его дыхание. Машина выехала на набережную, это было в другой стороне от Ист-Энда.

— Ты не возражаешь, если мы заедем в наше место? — голос принца выдавал волнение.

Было ещё достаточно светло, я подумала о том, что мы ещё ни разу здесь не бывали с Максимилианом в светлое время, только поздно вечером или ночью, когда никто нас не мог увидеть. Но сегодня мне было всё равно, я не опасалась, дурных слухов, я больше не была зависима от этого.

Макс остановил машину, но не спешил выходить. Я усмехнулась и сама открыла дверцу. Вышла наружу, вдохнула влажный воздух. Здесь в этой части города он был чистый. Здесь было мало домов, все они были частные и не было производств, которые использовали каменный уголь, от вонючего которого первое время в Ист-Энде мне было не по себе.

Максимилиан тоже вышел, подошёл ко мне, но не стал обнимать, просто встал близко, так что я чувствовала тепло его кожи, спросил, не используя вопросительной интонации, а утверждая:

— Ты решила уехать

Я, смотревшая на воду и на симпатичные домики на том берегу реки, повернула голову к принцу и посмотрела ему в глаза:

— У меня нет другой альтернативы, только эта. Ты же видел сам, ваш королевский доктор непробиваем.

— А как же мы? — Максимилиан всё же положил руки мне на плечи

И если бы мне было девятнадцать, я бы никуда не уехала, потому что вся моя женская суть тянулась к нему, обнять, прижаться, поцеловать сказать, что я люблю его, что верю ему. Но я знала, что моё

предназначение, то, зачем я здесь, для чего получила второй шанс, главное.

Поэтому я просто потянулась губами и прижалась к губам принца, который сперва несколько растерялся от моей инициативы, но быстро сориентировался, превратив невинное прикосновение в настоящий поцелуй.

Когда поцелуй закончился, я улыбнулась и попыталась пошутить:

— Хорошо, что ты закрыл газеты, иначе завтра бы наш поцелуй увидела вся страна.

Но принц не улыбнулся, остался серьёзен и, прижавшись губами к моему лбу, прошептал:

— Прости, прости за то, что тебе пришлось это испытать.

Снова посмотрел мне в глаза, слегка наклонив голову:

— Давай ты не будешь спешить, ещё немного подумаешь, а я посмотрю, можно ли что-то решить с Уислером.

Я подумала о том, что мне совсем не хотелось больше иметь никаких дел с Уислером, и я даже испугалась, что принц надавит на него и придётся мне с этим чванливым индюком снова вместе работать.

А вслух спросила, намеренно сгустив требования до максимума:

— Ты снимешь Уислера с поста ректора и с поста главного королевского доктора?

Принц даже вздрогнул и ожидаемо ответил:

— Нет, надеюсь, что до этого не дойдёт

— Тогда не делай ничего, — слегка нахмурившись произнесла я, — я не хочу вообще иметь никаких дел с господином Уислером.

Максимилиан посмотрел так, сто стал ясно, что принц понял почему я вдруг решила уехать.

Но на всякий случай, когда мы ехали с набережной в Ист-Энд, я сказала:

— Дело не в тебе, Максимилиан, и даже не в наших отношениях. И не в том, что мы вынуждены их скрывать

Максимилиан хотел что-то возразить, но я его остановила:

— Дел в том, что по каким-то причинам мне здесь, в нашей стране, сложнее пробиться к своему предназначению, поэтому решила воспользоваться предложением фон Мекленштейна и получить диплом там в их княжестве.

Принц какое-то время молчал потом произнёс:

— Я умом всё понимаю, Лейла, но не могу представить, что ты уедешь на три долгих года.

А когда мы подъехали к дому Мака, то увидели возле дома карету скорой помощи из больницы Харли стрит.

Я выбежала из машины, Том и Барни как раз помогали вынести носилки из дома. На носилках лежала миссис Элис. Я хотела к ней подойти, но увидела, что женщина на носилках находится в беспмятстве или спит.

Подошла к человеку в медицинском хирургическом халате, это оказался один из санитаров больницы, из тех, что были наняты мной.

— Мисс Доктор, — обрадовался парень, — это ваша мама?

— Да, — не стала я уточнять, — мама

Парень покачал головой, выражая сожаление:

— У миссис был сердечный приступ.

Я удивилась, ведь Элис никогда не жаловалась на сердце, но уточнила про симптомы

Долго расспрашивать не стала, парню надо было ехать. Сегодня дежурил Стэн, в нём я была уверена, почти как в себе.

— Вези, если очнётся, передай, пожалуйста, что я приеду позже. Подожди, — попросила парня подождать и быстро написала записку Надин, с просьбой подежурить до моего приезда у кровати миссис Элис.

Принц не уехал, но когда я подошла к нему, то заметила, что он стоит и с ненавистью смотрит на дом

Я развернулась и увидела, что на стене дома красной краской было написано:

«Шлюха»

Сразу стало понятно, почему миссис Элис настиг сердечный приступ. Она всегда очень болезненно реагировала на такие вещи.

А принц посмотрел на меня и медленно произнёс:

— Может ты и права

Глава 64

Я стояла смотрела на надпись, и как-то отстранённо реагировала на то, что говорил Максимилиан.

Принц кому-то отдавал приказы, начало смеркаться, вскоре появились двое мужчин в руках у одно было небольшое ведёрко. Остро пахло краской.

— Интересно, а где были эти в «котелках»? — отвернувшись от рассматривания надписи, спросила я Макса

Максимилиан, нахмурившись, ответил:

— Наружное наблюдение идёт только, когда ты в доме, они перемещаются за тобой.

После чего прикусил уголок губы и вздохнул:

— Мы не ожидали, что будут происходить такие провокации

Я прислушалась к себе, и поняла, что мне, в сущности, уже всё равно, завистники и вообще «добрые» люди будут всегда. Но здесь, я кому-то определённого перешла дорогу. Кто же это может быть?

В душе зрела злость на то, что покусились на близких мне людей.

— Максимилиан, а ты не думал, что это кто-то очень влиятельный и богатый?

Принц посмотрел на меня потемневшими глазами, или мне в сумерках показалось, что они потемнели.

— Я не думаю, я знаю, Лейла. Редакторы тех изданий, которые печатали статьи получили очень большие деньги, потому как после того, как были закрыты издательства, трое редакторов переехали в новые дома, а один даже в другую страну.

У меня возникла одна мысль, но не хотелось озвучивать предположение, однако, что-то, видимо, мелькнуло у меня на лице, потому что принц спросил:

— Ты кого-то подозреваешь?

Пришлось отвечать:

— Я не подозреваю, просто из тех, кто богат, меня может ненавидеть один человек...

И я уже собиралась назвать имя, как из дома появился мистер Белтон. Увидев меня, он крикнул:

— Лейла, Элис забыла свой платок

Голос у мистера Белтона дрожал, я ещё никогда не видела сурового циничного дядьку таким растерянным. В руках он сжимал любимую шаль супруги.

— Лейла, как же она без платка, надо ей обязательно отвезти.

Я подбежала к мистеру Белтону:

— Не волнуйтесь, мальчики с ней, я сейчас соберусь и тоже поеду, передам миссис Элис шаль.

Потом поняла, что если ещё и я уеду, то мистер Белтон останется один в доме вместе с матерью Мака, которая живёт в каком-то своём мире, дочь Белтонов родила и уже уехала обратно к себе в деревню:

— А где Мак, вы не знаете?

Мистер Белтон покачала головой:

— С утра его не видел.

Потом, видимо, понял, что я не просто так спросила про Мака:

— Не волнуйся за меня, Лейла, ей ты сейчас нужнее

Я, позабыв, что Максимилиан так и остался стоять на улице, быстро пошла в дом, взять халат и кое-какие лекарства, которых могло и не быть в больнице, а дома я всегда держала небольшой запас.

— Лейла, — раздался голос принца, я остановилась, — я отвезу тебя

Я, оглянувшись, благодарно улыбнулась и зашла внутрь. И сразу же наткнулась на мать Макинтоша. В темноте коридора она казалась какой-то тенью. Я даже испугалась:

— Ой, миссис Ренни, это вы? Как вы себя чувствуете?

Иногда на миссис Ренни находило просветление и в эти короткие моменты она вспоминала, что у неё есть сын, что надо что-то делать по дому. Вот и сейчас она спросила меня именно об этом:

— А где Макинтош?

Я покачала головой:

— Простите миссис Ренни, я только приехала, ещё не видела его.

Увидев на лице мамы Мака сожаление, я поспешила успокоить женщину:

— Мак, взрослый мальчик, он работает в больнице, возможно, что ещё не пришёл с работы.

Пришлось отвести миссис Ренни в её комнату и налить ей чаю. На кухне всё было так, словно миссис Элис всё приготовила, а потом

вышла на улицу и уже вернулась с приступом.

Слёзы навернулись у меня на глаза. А я вспомнила, что так и не сказала принцу кого подозреваю. Мне было странно, что такой человек может опускаться до таких вещей. Правду говорят «мы никогда точно не знаем, что у другого человека в голове».

Когда я вышла из дома, то увидела, что ни Максимилиана, ни его автомобиля нет.

Уже собиралась пешком добираться до больницы, но ко мне подскочил один из «котелков» и сообщил:

— Мисс, подождите буквально пять минут, машину сейчас подадут, принца срочно вызвали во дворец, вызов был от королевы-матери.

И точно, ровно через пять минут подъехал автомобиль, за рулём был незнакомый мне парень, но один из «котелков» сел на переднее сиденье и я спокойно уселась на заднее.

А уже через десять минут мы подъехали к больнице.

«Котелок» сказал, чтобы я не волновалась, они будут и здесь, и дома, а автомашина будет в моём распоряжении.

— Всю ночь? — спросила я, подозревая что в больнице могу провести гораздо больше времени.

Незнакомый мне водитель и «котелок» переглянулись»

— Не подумали, — сказал «котелок» по-военному, — как освободитесь. мы вызовем транспорт.

В больнице всё было по-прежнему. По-прежнему хорошо. Я не была здесь некоторое время, после того как ушла сначала я, потом доктор Листер, его заменил доктор Стен, атмосфера в больнице продолжала оставаться такой же санитарно-карболовой. И мне это нравилось.

За время работы над проектом я посетила разные больницы, пытаюсь понять, насколько велико «разнообразие» и сколько усилий может понадобиться для приведения всех, хотя бы столичных больниц, к единому стандарту.

Так вот, те больницы, в которых следовали положениям асептики, за внедрение которой и пострадал в своё время Джозеф Листер, выгодно отличались от других, даже дорогих коммерческих больниц, которые старались решить вопросы не наведением ежедневной

чистоты и обеззараживания, а проветриванием и установкой благовонных курильниц.

Не успела я войти как встретила Надин, которая сразу протараторила:

— Лейлочка, привет, Элис твоя у меня в палате, там нет никого, я её одну положила, вот, иду чай ей сделаю

— Она быстро пришла в себя? — сердце моё переполнилось благодарности, ну до чего есть хорошие люди. Ведь с утра на ногах, в ночную дежурит, а побежала чаю делать.

Я обняла Надин:

— Спасибо тебе

Женщина даже засмушалась:

— Ой, ну что ты, прямо как не родная, ты же наша, значит и мамка твоя наша теперь.

Слёзы выступили у меня на глазах, что-то я расклеилась, наверное, тоже сказывается накопившееся напряжение. Хорошо ещё организм молодой да здоровый. Я глубоко вдохнула.

Надин заметила мои заблестевшие глаза:

— Ой, ну вот начала сырость разводить, всё с ней хорошо, пойдём, посмотришь

— А доктор Стен уже смотрел? — я подумала, что надо бы сначала к нему зайти

— Сразу смотрел, как только привезли, братишки-то твои сразу за ним побежали, еле их остановила, они прямо в ботинках, да без халатов, сейчас сидят у мамки в палате, — и Надин кивнула в сторону больничного коридора.

— Ладно, или неси чай, а я сначала к доктору Стену, потом к мисс..., — я запнулась и поняла, что больше не хочу миссис Элис назвать как какую-то знакомую или соседку, и сказала, — потом к... маме... в палату.

Надин одобрительно улыбнулась и тоже вытерла уголок глаза кончиком санитарного платка, повязанного на голову.

Доктор Стен обнаружился на выходе из операционной.

— Лейла, я рад тебя видеть, — раскрыл он «кровавые объятия». Ну, в смысле халат бы ему поменять, руки-то доктор наверняка промыл.

Я помогла доктору Стену сменить запачканный после операции халат, не стала расспрашивать что там, меня сейчас интересовало другое.

— С ней всё хорошо, сама пойдёшь посмотри, я не увидел ни инфаркта, и ни сердечного сбоя, — я слушала и не верила, но доктор Стен знал о чём говорит, и я подумала, так могло случиться в одном случае, но мне тоже надо было удостовериться.

— Можно я проведу осмотр? — попросила я коллегу, всё же, он теперь здесь главный врач, и без его разрешения было бы неэтично.

Но доктор Стен, несмотря на карьерный рост, оставался всё тем же классным парнем, с которым мы провели немало «буйных ночей» в операционной этой больницы зашивая, разрезая, вправляя. Это было настоящее медицинское крещение.

Доктор Стен достал тоненькую карту.

— Смотри, что-то я успел записать, буду признателен, если допишешь после осмотра.

Я подумала: — «Вот же хитрюга, и мне хорошо, и себе поменьше работы»

Доктор улыбнулся:

— Ну а как ты думала, я тебя ещё ангажирую на парочку сложных пациентов.

— Всегда пожалуйста, — кивнула я и убежала к... маме

В палате у миссис Элис было тихо. Братья, оба в белых халатах и бахилах, которые мы с ввели ещё в бытность доктора Листера главным врачом больницы, сидели на двух стульчиках вокруг кровати. Сама миссис Элис, обложенная подушками располагалась полусидя и пила чай.

— Лейла, — обрадованно воскликнула она и вдруг лицо её скривилось в плаксивой гримасе.

Я быстро подошла, присела на кровать:

— Мальчики, выйдите, я маму осматриваю

Но начали мы не с осмотра. Мы с миссис Элис обнялись и порыдали. Со слезами вышло напряжение и мне показалось, что и лицо женщины стало спокойнее.

Диагноз, предварительно поставленный доктором Стеном, полностью подтвердился. У миссис Элис не было сердечного приступа, как и не было инфаркта. У неё была паническая атака.

Прямо по классике. К сожалению, в этой реальности пока не было классифицировано такое заболевание, просто называли нервический припадок, но симптомы были уже описаны.

Я расспросила миссис Элис, что она чувствовала и как всё это проявилось. Ведь, что характерно для панической атаки, она всегда начинается внезапно и остро.

— Лейла, я ходила в магазин, и всё мне казалось, что кто-то за мной ходит. Но было же светло, и я быстро вернулась.

Миссис Элис глотнула чаю и продолжила рассказ:

— А потом в дверь начали громко стучать, как будто палками, мистер Белтон даже достал ружьё и крикнул, что выстрелит. А мальчишки-то на работе.

Какое-то время миссис Элис молчала, собираясь с силами, я не торопила, понимала, что ей непросто рассказывать, раз она так напугалась, что в организме произошла гормональная реакция.

Вполне ожидаемо, потому как по сути, что такое паническая атака? Это последствие выброса определённых гормонов в кровь.

— А потом, я всё-таки вышла, — слёзы снова потекли из глаз женщины, — а там...

— Мама, не волнуйся, — я снова обняла миссис Элис, — всё уже покрасили и всех поймали.

Здесь я, конечно, «покривила душой», но мне надо было успокоить миссис Элис.

— Всё, мама, не думай об этом, лучше расскажи, что почувствовала, как поняла, что стало дурно, — попросила я

И Элис рассказала, что был и жар, и в пот бросило, и воды даже не смогла проглотить, потом стакан из рук выпал и руки стали слабыми

— Я даже не могла полотенце удержать, Лейла, думала, всё, помираю, — с ужасом в голосе произнесла миссис Элис, и добавила, — как в тумане, как будто бы не со мной всё происходит.

Все описанные симптомы и то, как сейчас миссис Элис реагировала и на меня и на то, что рассказывала, а также давление и пульс, всё указывало на то, что это действительно была паническая атака.

Из хорошего, было то, что панические атаки проходят практически без осложнений, плохо то, что возможно повторение.

Я задумалась, что можно попить из настоек, лекарств-то таких не было, надо бы ещё научить миссис Элис диафрагмальному дыханию*.

(*Это техника дыхания, при которой задействована брюшная мышца. Его также называют брюшным дыханием или дыханием животом)

— Лейла, — окликнула меня миссис Элис, прерывая мои размышления, — а надолго я тут?

— Да, нет, — улыбнулась я, — можем хоть сейчас домой поехать

И с радостью увидела, как осветилось счастьем добродушное лицо женщины.

— Ой, как хорошо, а то там мистер Белтон и мама Мака одни совсем

Я укоризненно посмотрела на миссис Элис:

— Вам надо сейчас о себе подумать, я сделаю настойку* из трав, а вы будете два-три раза в день принимать и беречь себя. Обещаете?

(*Вот такую настойку собирается сделать Лейла для миссис Элис: Взять по 100 г плодов чайной розы и цветков ромашки; затем по 50 г листьев мелиссы, тысячелистника, корня дягиля и зверобоя; добавить по 20 г шишек хмеля, корня валерианы и листьев мяты перечной. Заваривать кипятком, настаивать и пить слегка теплым 2 раза в день)

И я нарочно нахмурилась, изображая «злого доктора» и строго проговорила:

— А не то придётся вас в больнице оставить.

Миссис Белтон, конечно же разгадала мою игру, и заулыбалась ещё шире:

— Буду, буду и настойку твою пить и себя беречь

Потом помолчала и, хитро прищутив глаза, упрямо добавила:

— Но о семье тоже буду заботиться.

Я позвала братьев, ребята обрадованные, что с мамой всё в порядке, побежали вызывать автомобиль и вскоре мы уже были дома и пили полуночный чай, а вот Мак домой так и не пришёл. А я и в больнице его не видела, а у Надин спросить забыла.

А ещё я не стала рассказывать пока про экзамен и про своё решение. Решила отложить на утро, как и то, что хотела сказать принцу.

Глава 65

С утра мне надо было идти на работу, и так уже несколько дней не появлялась. Миссис Элис одну оставлять не хотелось, хотя она уже с раннего утра несмотря на то, что ночь выдалась не простая, гремела сковородками на кухне.

Время у меня было, и я решила немного рассказать миссис Элис что делать, если вдруг она снова почувствует такие симптомы.

Когда-то считалось, что при панической атаке надо дышать в бумажный пакет. Этому, конечно, было обоснование. Потому как при панической атаке сердцебиение ускоряется, кровь приливает к внутренним органам, и они начинают работать очень активно, это относится и к лёгким, которые начинают насыщать кровь кислородом, снижая количество углекислого газа в крови и вроде как дыхание в пакет позволяет ограничить доступ кислорода к легким, повышая, таким образом, уровень углекислого газа в крови.

Но на мой взгляд это не совсем верная техника, я придерживалась мнения, что гораздо эффективнее «дышать животом», а ещё как только появляется ощущение паники можно помассировать себе мочки уха или кончики пальцев.

Так мы спокойно позавтракали вкуснейшей запеканкой, и я поучила маму Элис, как дышать, если вдруг снова начнётся приступ.

На запах запеканки пришла даже мама Мака. И снова спросила, не видели ли мы его. И здесь я задумалась, а Том сказал, что они спрашивали в больнице, но Надин им ответила, что Мак уволился, и не работает уже неделю.

Мы переглянулись. Что-то было не так.

Не мог Мак так поступить и никому ничего не рассказать.

Я, заметив, что лицо миссис Ренни «окаменело», кинула быстрый взгляд на Тома. Том сразу понял, что я хотела и замолчал, постаравшись перевести разговор на другую тему.

Конечно, мама Мака всё же была нестабильна, и чтобы не провоцировать её, мы решили поговорить об этом отдельно.

Когда маму Мака отправили обратно в её комнату, я сказала:

— Может быть нам обратиться к констеблю? Всё же очень непохоже на Мака, чтобы он не ночевал дома.

Том почему-то странно на меня посмотрел:

— Кто-то редко бывает дома, Мак постоянно не приходит ночью.

— А что же делать? — я ни капельки не сомневалась, что Том говорит правду

— Пока ждать

Я прикрыла глаза, собираясь с мыслями. И решила, что мне надо сегодня ещё заехать в приют, навестить Тину и рассказать ей, что мы скоро уезжаем в Лихтенштейн.

Глядя на то, как хлопочет мама Элис, и как все радостно, и я в том числе, съели запеканку, понимала, что вот этого мне будет очень сильно не хватать. Но и здесь я оставаться не могла. Получу диплом и вернусь.

Не успела я позавтракать, как в дверь постучали. Это снова был тот же «котелок», с которым мы общались вечером.

— К вам посетитель, — сообщил «котелок», изобразив дворецкого

Я не растерялась и в тон «котелку» произнесла:

— Зовите

Мужчина усмехнулся, явно оценив шутку, и в дом вошёл Франц фон Мекленштейн.

Захотелось процитировать из моей прошлой реальности

«Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног.» *

(*Цитата из книги «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова)

— Мисс Лейла, — коротко кивнул мужчина и поздоровался с остальными, — не мог дожидаться утра, вот, привёз вам контракт.

И с этими словами протянул мне небольшую синюю папку.

— Сколько у меня есть времени? — отчего севшим голосом проговорила я, понимая, что вот сама не рассказала, а теперь и Элис, и мистер Белтон смотрели на меня крайне удивлённо.

— Благодарю вас, — ответила я фон Мекленштейну и взяла папку

— Когда нужно подписать? — уточнила я, уже зная какой будет ответ, но я ошиблась и это было приятно потому как фон Мекленштейн сказал:

— Подумайте, мисс Лейла, возьмите столько дней на это, сколько вам надо.

После чего посмотрел на меня жалостливыми глазами и неожиданно пошутил:

— Только не надо затягивать до старости, вы моложе, а вот мы с братом можем и не дожить.

Я рассмеялась, осознавая, что хотела бы учиться в том университете, где такой вот ректор. Насколько разительно отличался в выгодную сторону от Уислера Франц фон Мекленштейн.

Но когда я открыла контракт, то начинался он с предоставления мне возможности сдачи экзамена, причём теоретическая часть была зачтена, ректор Мекленбургского университета предлагал мне провести вскрытие и после этого получить диплом врача.

Франц фон Мекленштейн откланялся, оставив карточку с адресом, сказав, что задержится ещё на пару дней, и, если у меня возникнут вопросы, то я могу с ним связаться.

— Лейла, а это что? — растерянно спросила миссис Элис, — ой, ты же вчера экзамен сдавала, — всплеснула руками женщина, обернувшись на мистера Белтона, — а у меня совсем из головы вылетело

— Мама, не волнуйся, — обняла я миссис Элис, которая вдруг сникла и устало опустилась на стул.

Мистер Белтон встревоженно смотрел на супругу.

А миссис Элис перевела взгляд на концерт в моих руках и вдруг спросила:

— Ты уезжаешь?

Я подумала, что надо сесть и спокойно всё обговорить, всё равно уже на работу вовремя не успею, а близкие люди важнее.

Так и предложила. Дождалась, когда все расселись за столом и рассказала, что после сдачи экзамена мне предложили отучиться четыре года, а ректор университета из соседнего государства предложил диплом. Но есть условие, я должна три года отработать у них в стране врачом.

Не стала добавлять тревожности, рассказывая, что произошло до экзамена и какая была атмосфера.

Самое странное, что первым высказался Барни, который и говорил-то не очень и в основном всегда молчал, предоставляя более шустрому брату говорить:

— Да чего думать-то, Лейла, ехать надо. Ты уже сразу станешь доктором, а не через четыре года, а через три года вернёшься к нам, такая вся деловая.

Сразу вслед за Барни и мистер Белтон тоже высказался:

— Нам, конечно, будет тебя не хватать, дочка, прикипели мы к тебе, но ты как птица певчая, нельзя тебя «держать в клетке», а то так и просидишь всю жизнь в Ист-Энде.

Потом перевёл взгляд на жену, миссис Элис, сидела и промокала глаза платочком. Увидев, что все на неё смотрят, рвано выдохнула, потом вделал глубокий вдох и сквозь слёзы грустно улыбнулась:

— Конечно, надо ехать, только как ты там одна-то?

Я улыбнулась:

— Хочу Тину с собой забрать, она как раз скоро выпустится из приюта, а там у меня будут средства и на учёбу её устроить.

Том покачала головой:

— Вот ты сказанула, сестрёнка, мамка говорит, как ты там одна, а ты «а мы там с малявкой вдвоём», насмешила, вам нужен кто-то, кто за вами присмотрит.

— Том, — я постаралась говорить размеренно, чтобы убедить людей, ставших мне настоящей семьёй, что со мной всё будет в порядке, — я там буду под покровительством княжеской семьи поэтому волноваться нечего.

Том взглянул на меня укоризненно, но промолчал. Мол, «здесь ты была под присмотром королевской семьи», и что?

Миссис Элис поджала губы и немного дрожащим голосом произнесла, намеренно по-простецки, чтобы скрыть волнение:

— Ладно, чего в конверт вцепилась, давай читай, что там написано, что они тебе предлагают, вместе думать будем.

После того, как прочитали контракт, были потрясены не только Белтоны, но и я.

Поэтому не стала ничего возражать, когда Том сказал:

— Ты как хочешь, Лейла, а только мы тебя одну не отпустим, хотя бы на первое время.

Потом взглянул на мать с отцом и добавил:

— За деньги не волнуйся, найдём, Барни останется здесь, а я с вами поеду, заодно и мир погляжу.

Взволновало Белтонов крайне щедрое предложение. Я, конечно, рассчитывала, что Мекленштейн расщедрится, но не думала, что настолько.

И подумала, что сейчас начали поступать ежемесячные выплаты от предприятия виконта Эрли, по производству антибиотиков, я уже два раза получила довольно приятные суммы, поэтому вполне потяну и Тину, и Тома, если он всё-таки поедет.

Помимо диплома доктора, мне предлагалось возглавить педиатрическое отделение в клинике и войти в состав группы медиков, занимающихся развитием педиатрии во всём княжестве. Я подумала, что фон Мекленштейн неплохо подготовился, изучив мои работы под патронажем Её Величества, когда я работала по проектам бэби-фарминга.

В дополнение к этому предлагалась зарплата, размером сопоставимая с зарплатой главного врача клиники, а также, если я вдруг решу патентовать свои идеи, предлагалось услуги юриста по патентному праву бесплатно, и единовременные выплаты за патент в княжестве.

Я понимала, что фраза «возглавить педиатрическое отделение» хоть и звучит громко, но на самом деле скорее всего означает весьма небольшое поле деятельности. Потому как педиатрия только-только начинала развиваться, и как, например в нашей больнице, это было всего три палаты и пока никаких выделенных врачей.

Но всё равно такая щедрость казалась мне необычной, особенно после того, как мне приходилось здесь отстаивать каждый свой «шаг», и это захотелось обсудить с кем-то более знающим реалии, прежде чем подписывать. И я, окончательно решив, что сегодня не пойду на работу, собралась, чтобы поехать в институт к доктору Листеру.

Но сегодня был день неожиданных визитов.

Одевшись, я спустилась, и в этот момент в дверь постучали. Том, вызвавшийся меня проводить, открыл дверь и на пороге показался Йен.

Йен, как и всегда, в руках держал коробочку со сладостями, видимо, из своей любимой кондитерской, потому как уже второй раз такую приносит.

Коробочка вскоре оказалась в руках миссис Белтон, которой поцеловали ручку и отвесили несколько искренних комплиментов,

даже мистер Белтон сделал вид, что ревнует.

— Здравствуй, Лейла, — наконец-то дошла очередь и до меня, — куда собралась?

— На работу, — почти искренне соврала я

Йен с укоризной покачал головой:

— Ай-ай, не хорошо обманывать старых друзей.

— Ну ладно, Йен, расскажу, только, по дороге, я и так уже задержалась, ещё чуть-чуть и даже во второй половине дня на работу не успею

Йен сделал нарочито надменное лицо:

— То есть ты хочешь, что я тебя отвёз?

Я усмехнулась и в тон ему произнесла:

— Ну вообще мне предоставили автомобиль, так что вам, «ваше сиятельство» не обязательно так утруждаться, но, если вы хотите поговорить, то я готова поехать в вашем автомобиле.

Йен сразу же пошёл на попятный:

— Не пугай так, я специально сегодня встал рано, чтобы с тобой поговорить, — произнёс Йен серьёзно.

Я вопросительно взглянула на мужчину.

— Про экзамен и про предложение Уислера я знаю, — сразу же опережая мой вопрос произнёс Йен, глаза и голос были серьёзными, когда он договорил, — что предложил фон Мекленштейн?

— Вот как раз об этом я и хотела поговорить с доктором Листером, — я открыла сумочку и передала конверт Йену.

Йен вытащил документы и быстро пробежался глазами по тексту. Присвистнул:

— Ох и ничего себе, как представитель княжеской семьи расщедрился.

Я внимательно взглянула на Йена:

— Вот и меня это немного пугает, Йен

— Это хорошая идея показать контракт Джозефу Листеру, — Йен открыл верь пропуская меня наружу, и, вдруг, произнёс своим обычным саркастично-шутливым тоном:

— Я вас отвезу, леди

Я только улыбнулась и покачала головой.

Уже в машине Йен прямо спросил:

— Уедешь?

Я сразу поняла, что он спрашивает именно об отъезде из страны. И у меня появилось сомнение, от своего ли лица говорит Йен и, поэтому, вместо того, чтобы ответить я тоже задала вопрос:

— Скажи, Йен, только честно, — тебя Максимилиан прислал?

Йен ответил быстро, так, будто бы ждал такого вопроса:

— Нет

— Тогда скажу, да, я уеду, как только выясню для себя, что никакого подвоха нет.

— Может тебе и вправду обратиться к Максимилиану? Он тоже неплохо знаком с княжеством Лихтенштейн и с братьями Мекленбургскими.

Я посмотрела на Йена и подумала: — «Неужели он не понимает, что я не могу вот так вот взять и сказать Максимилиану: «Дорогой принц, я решила уехать из твоей страны, но мне от тебя нужна информация, что мне будет там безопасно...»

А вслух сказала:

— Не думаю, что это хорошая идея, Йен

Йен страдальчески закатил глаза:

— О, боже, мы обречены, я своими руками отправляю жемчужину нашей медицины укреплять другую страну.

Теперь настала моя очередь хмыкать и скептически смотреть на Йена, который сделал вид, что не заметил моего возмущения.

А вскоре мы доехали до института, который теперь возглавлял доктор Джозеф Листер.

Но прежде, чем войти внутрь, Йен снова предупредил, что обращаться к нему здесь надо, как к виконту Эрли.

Войдя в административный корпус, первым, с кем мы столкнулись, оказался Пьер Шушель, который сперва с интересом на нас уставился, а потом скривившись, пошёл в противоположную сторону.

Глава 66

Йен сделал вид, что не заметил демарша Шушеля и громко спросил, стоявшего на входе, швейцара:

— Милейший, как найти профессора Листера?

Но швейцар, как старой знакомой улыбнулся Лейле, и произнёс, обращаясь именно к ней:

— Мисс Лейла, доктор Листер сегодня вёл лекции, он в учебном крыле, проходите, пожалуйста

Йен удивлённо хмыкнул:

— А тебя здесь оказываются знают, и когда ты всё успеваешь?

Я решила, что оправдываться неуместно, не рассказывать же Йену, что однажды приехала в институт к профессору Листеру, а у местного швейцара был резкий скачок давления. Человек он был тучный и справится самостоятельно ему было очень сложно. Я просто заметила, что ведёт он себя неадекватно, тогда как другие думали, что это происходит от природной вредности охранника.

Вот с тех самых пор он и считает своим долгом мне помочь.

Доктор Листер только порадовался за меня. Не смущаясь присутствия аристократа, виконта Эрли, он высказал, что «наше», несомненно прогрессивное с точки зрения развития медицины и других технологий государство, погрязло в ощущении «собственной важности», и это весьма опасное явление.

Оказывается, что у профессора Листера в институте есть двое аспирантов, окончивших Мекленбургский университет. Профессор Листер предложил позвать их, но я отказалась.

Чего себя обманывать, для себя уже решила, что уеду, мне просто для того, чтобы принять окончательное решение не хватало вот этого уверенного от доктора Листера:

— Даже не раздумывайте, мисс Лейла, езжайте

Королевский дворец. Герцог Кентский

Принц Максимилиан был взбешён, хотя по внешнему виду принца этого не было заметно. Сегодня прошли переговоры с князем Оранским и его дочерью по поводу отказа от выполнения данных их предками обязательств об объединении королевских семей.

По заключённому соглашению наследником княжества Оранского становился общий ребёнок принца Британии и княжны. Князь Оранский принятие решения отдал дочери, не желая становится меду ней и её счастьем, княжна была непреклонна. Она хотела замуж за принца Британии и даже то, что он не был более кронпринцем её вполне устраивало.

Принц Максимилиан ворвался в кабинет и даже не заметил, что был там не один. Потому что, оказавшись в кабинете, дал волю чувствам и схватив со стола огромное и довольно увесистое пресс-папье, собирался зашвырнуть его в направлении окна.

Внезапно раздавшееся в тишине кабинета:

— Вот это экспрессия!

Заставило принца, резко похолодев, положить пресс-папье обратно на стол, и сухо проговорить:

— Виконт, кто дал вам право врываться кабинет без моего ведома

Но, ничуть не смутившийся виконт Александр Эрли, ответил:

— Вы, ваше высочество

И принц вспомнил, что, посылая Йена на встречу с Лейлой, сам сказал ему, «если что-то важное, сразу ко мне».

Принц вопросительно посмотрел на Йена:

— Он решила принять предложение фон Мекленштейна, — сразу резко проговорил виконт Эрли, и упреждая то, что скажет принц, добавил, — и я думаю, что это верное решение.

— Твоё мнение, Александр, я пока не спрашивал, — в голосе принца звучало раздражение.

— Ты не спрашивал, Макс, — в своей обычной, несколько развязной манере, произнёс Йен-Александр, — но это не значит, что у меня его нет

Викон устало вздохнул и сказал, прямо глядя в глаза своему принцу, начальнику и другу:

— Отпусти её, Макс, я же вижу, что ты сейчас размышляешь над вариантами, как бы её оставить здесь. Но поверь, лучше будет, если какое-то время она побудет там в другой стране.

Теперь настала очередь принца тяжело вздохнуть:

— Та не понимаешь Алекс, времени у меня нет, срок выполнения обязательства перед Оранскими истекает через год.

Виконт Эрли, он же Йен, смотрел на принца и, как мужчина его понимал, но как друг Лейлы, он должен был защитить и её:

— Тем более, Макс, тебе нечего ей предложить.

Принц сел за стол и уронил голову на руки. Прошло долгих пять минут, прежде чем он поднял голову и посмотрел больными глазами на Йена.

— Пусть едет.

После чего принц встал и позвал гвардейца, дежурившего за дверь, отдал ему распоряжение созвать совещание глав отделов ведомства безопасности. Посмотрел на Йена и сообщил:

— Пусть Лейла едет, а мы поймем ту тварь, которая раздула всю эту травлю.

***

Лейла

Я, совершенно не подозревая, что моя судьба решилась на самом верхнем уровне, передала подписанный контракт лично в руки господину фон Мекленштейну, внеся туда сроки и пункты о праве на изобретения.

И основной причиной такого быстрого решения послужило не то, что я больше не хотела потакать странным амбициям доктора Уислера, и даже не то, что меня пугали дальнейшие отношения с принцем, а то, что, вернувшись домой после встречи с доктором Листером я обнаружила дома гробовую тишину.

В доме пахло настойкой корня валерианы. Этот запах вообще сложно с чем-то перепутать.

Братья и мистер Белтон сидели на кухне, лица их были хмурыми, они молчали.

У меня тревожно забилось сердце:

— Что случилось? Где миссис Элис?

— Мама спит, — ответил на мой вопрос Том

— А почему пахнет валерьянкой? — спросила я, и Том удивлённо принюхался, а мистер Белтон сказал:

— Миссис Элис выпила и прилегла

Я присела за стол и взглянула на ставших мне родными людей, которые сидели на полутёмной кухне, на которой обычно пахло пирогами, а вот теперь вместо этого был запах валерьянки, и спросила, чётко проговорив каждое слово:

— Что произошло?

— Мак, — глухим голосом ответил Том

Я похолодела:

— Что с Маком?

— Да с ним-то всё в порядке, — голос Тома вдруг стал язвительным

— Предатель он, — вдруг сказал, до этого хранивший молчание Барни.

Мистер Белтон добавил:

— Это он, Лейла, следил за тобой и за... принцем, и он делал снимки

— Да как вы узнали? Это точно? — неверяще спросила я, не в силах принять то, что сейчас говорят за правду.

— К сожалению, да, — ответил мистер Белтон и кивнул Тому.

Том куда-то вышел и вскоре вернулся, принеся и вывалив на стол катушки... с плёнками. Взяв в руки одну из них, я увидела, на маленьких кадрах негативные изображения людей, не смогла рассмотреть я это или принц, но того, что я увидела было достаточно, чтобы поверить.

— А где Мак? — придя в себя спустя несколько мгновений спросила я

— Ушёл, — ответил мистер Белтон, — и просил тебе передать, что «он просто хотел подзаработать».

Мне стало горько, я даже не представляла, что может быть так горько от предательства. Мак тоже стал мне близок, может и не настолько, как Белтоны, но «племянником» я его совершенно точно считала. И вот такой поворот. И я очутилась перед дилеммой. Мне же надо сообщить принцу, но какие последствия ждут паренька? Вдруг я сломаю ему жизнь?

Но у мистера Белтона и братьев сомнений не было:

— Надо искать другой дом, а Мака отдать принцу, пусть его как следует потрясут, очень интересно, кто же стоит за всеми этими гадостями.

Дом Белтонов строили, как и обещал принц, но работа, конечно, ещё не была завершена.

— А что сказал Мак?

— Он попросил нас задержаться здесь, присмотреть за его матерью, пока наш дом строится

— А сам он где?

— А у него какая-то квартира в центре Лондиниума, поэтому он здесь появляться не будет.

— Ну что же, так и сделаем, — воскликнула я

— Как так? — удивился мистер Белтон.

— А так, — ещё звонче произнесла я, — переезжать никуда не будем, миссис Ренни не виновата, что Мак такое сотворил, да и мы все привыкли. Потому не будем вставать в позу обиженных и делать хуже всем.

Высказал общее мнение Том:

— Ну вот, а мы то уже хотели бежать собирать чемоданы

А мистер Белтон, как-то уже слишком серьёзно, взглянул на меня и спросил:

— Уезжаешь?

Я кинула, если у меня и были сомнения, то теперь мне не хотелось ни дня оставаться в доме человека, совершившего предательство ради денег.

Но хотелось сказать спасибо, потому что я восприняла это как знак, отрезавший путь, в котором бы я оставалась интерном. Значит пришла пора двигаться дальше.

В голове складывался план действий. Подписать соглашение, забрать Тину, и... уехать. Мелькнула мысль встретиться с принцем, но её я «затолкала» поглубже.

Я ему лучше напишу.

Глава 67

Удивительно, как становится легко, после того как выбор сделан.

Как часто мы встаём перед выбором и мучительно думаем, что же нам делать, какой вариант выбрать, не понимая, что чем дольше происходит процесс принятия, тем сложнее, потому что время не останавливается пока мы размышляем, думая, что оно у нас есть.

Мы задержались на мгновение, а мир уже изменился, и мы изменились, просто мы об этом не знаем.

Я же знала ещё до того, как поехала на тот злополучный экзамен, что мне не дадут его сдать так, чтобы я получила диплом, однако всё равно мне надо было через это пройти. Зачем?

Вот и Мак сделал свой выбор, снова решил, что ничего страшного в нет в том, чтобы преступить этический закон, пара — другая фотографий «погоды не сделает», а он получит хорошие деньги, даже квартиру в центре Лондиниума.

Но каждый выбор формирует наше будущее, не думаю, что оно у Мака будет таким, каким бы могло быть, если бы он не пошёл по пути «лёгкого» обогащения.

И мой выбор тоже повлияет на моё будущее. Скорее всего в нём больше не будет Максимилиана, маленькой Кати. К сожалению, между нами, много условностей, а Максимилиан не тот человек, чтобы идти против установленных правил.

Авантюризм это не про него.

В общем, приняв решение, я занялась сборами. И первым делом оформила опеку над Тиной, которой оставалось до совершеннолетия чуть больше месяца.

С документами мне очень помог Йен. Он просто взял и сделал мне весь пакет документов, которые были нужны на переезд. Я, наконец-то, получила паспорт, оригиналы документов за все сданные здесь экзамены и проведённые проекты. Документы на изобретения.

И даже помог с подготовкой к переезду.

— И что, ты все эти бумаги собираешься тащить с собой? — в своей привычной язвительной манере, спросил он

— А как же без бумаг? — удивилась я, пока слабо себе представляя с какими бюрократическими сложностями могу столкнуться.

За этим разговором с встревоженным лицом наблюдал Том, которому тоже пришлось побегать, чтобы выправить себе документы, с которыми он мог пересечь границу.

— А, правда, сэр, — как и выражение лица, голос Тома тоже был встревоженный, — как же без документов?

Парень не мог понять, как это, он же столько времени потратил на то, чтобы выправить бумаги, а теперь оказывается, что «тащить с собой не надо».

Я не знаю. как Йен сдержался и не поиздевался надо мной и Томом, потому что , я и сама удивилась, что такая простая мысль мне в голову не пришла.

Но Йен, напротив, весьма спокойно ответил:

— На все важные документы, кроме паспорта, необходимо подготовить копии и заверить их у нотариуса, а сами документы положить в банк, с возможностью курьерской доставки банком.

И, если мне хотелось закрыть лицо ладонью, то Том, чья встревоженность сменилась восторженностью, посмотрел сперва на Йена, потом на меня и с восхищением сказал:

— Вот, Лейла, учись! Мы бы с тобой ни за что не догадались бы.

Я промолчала, но про себя усмехнулась: — «Да уж, Лейла, ни за что бы не догадалась»

Тина радостно переехала из приюта в дом Мака, где мы пока оставались. Но мистер Белтон стал каждый день с тросточкой прохаживаться к старому дому и сообщил, что строительство пошло быстрее.

Я вот даже не сомневалась, что Белтоны переедут обратно в свой дом, и заберут с собой маму Мака, если Мак не вернётся. Такие уж они люди, других в беде не бросают.

Письмо Максимилиану я всё же написала, ничего не сказала там про Мака. В конце концов, зачем портить парню жизнь, если я всё равно уезжаю.

Королеве я тоже написала, я же была её «проектом» и то, что так сложилось не её вина и не моя, но выводы надо делать.

Хотя стратегия королевы всё же сработала, в медицинские училища стали принимать женщин. Правда набор пока был очень маленький, но я-то точно знала, что этот ручеек обязательно превратиться в полноводную реку

Я не хотела встречаться с принцем и даже спланировала отъезд таким образом, чтобы все думали, что мы уезжаем в выходные, а на самом деле наш поезд уходил в пятницу. Но встреча всё же произошла.

Буквально за два дня до отъезда Йен пригласил нас, меня и Тину, мы теперь отдельно не ходили, посмотреть выставку японской культуры*.

(*В Великобритании действительно впервые в 1910 году провели британско-японскую выставку)

Для Лондиниума это было необычное событие, оказывается Япония долгое время и в этой реальности была закрытым островным государством, и в Британии мало что знали об этой стране. И вдруг, японцы совместно с географическим обществом Лондиниума привезли выставку, причём «живые экспонаты».

Японцы привезли целые сады, только маленькие, они привезли сады, состоящие из деревьев бонсай, камни и конструкции. Оказывается, подготовка и строительство этой выставки началось больше года назад, и помимо географического общества, эту выставку поддерживало Королевское общество садоводов, при участии королевы.

А везли все экспонаты и материалы на военных кораблях, так что событие было грандиозным. Но для меня интерес представляла медицинская часть выставки, потому как на выставке были представлены все области промышленности и науки Японии, и Йен, который конечно, же был в курсе всего сообщил, что японский министр здравоохранения крайне заинтересован в покупке вакцины и дальнейшей работе.

— Может тебе будет интересно на них посмотреть или послушать, что они будут говорить. Сегодня второй день работы, будет много интересных выступлений, — уговаривал меня Йен, — а то уедешь в захолустный Лихтенштейн, и не увидишь такую красоту.

Тина, которая копошилась, перебирая вещи и краем уха прислушивалась к тому, что говорил Йен, повернула ко мне своё личико и сложив руки на груди просительно посмотрела

— Ну ладно, но только на пару часов, нам же надо собираться — сказала и сама удивилась: — «что там ещё собирать, если так посмотреть, то мы были уже собраны, вот садись на поезд и уезжай.»

Но выставка и вправду была грандиозно-потрясающей, построенные пагоды, мостики через «настоящие» ручьи, целый сад карликовых деревьев, да ещё и воздух пах совершенно нездешними, не лондонскими ароматами. Я была потрясена, как устроителям удалось создать настоящий кусочек загадочной Японии прямо в сердце Лондиниума.

Мы с Тиной ходили по выставке «раскрыв рот», и не могли остановиться, а после, найдя радость, устремились за Йеном, он сегодня был виконтом Эрли, в кафетерий, который находился рядом с выходом с выставки.

Тина, не в состоянии усидеть, умчалась рассматривать витрину с пирожными, официант, который и предложил пойти к витрине и сделать самостоятельный выбор, еле успел пойти за ней. А я, оставив Йена сидеть за столиком, пошла в туалетную комнату.

Когда я уже выходила из туалетной комнаты, то столкнулась с ... княжной Оранской. Я сначала удивилась, потом пришла мысль, что она всё же королевская особа, и вероятно, ей и положено по таким выставкам ходить.

От неожиданности я поклонилась, и поздоровалась:

— Добрый день, ваше сиятельство, — произнесла я безо всякой подоплёки, но княжна Оранская решила, что я над ней насмехаюсь

— А что здесь делает доктор-недоучка? — с усмешкой проговорила она и стала оглядываться, видимо, пытаясь найти профессоров, которые ей подтвердят, что я «недоучка».

Но вместо ожидаемых профессоров она увидела направляющегося к нам виконта Эрли. Мне показалось, что улыбка на лице Йена была какая-то зловещая.

А княжна Оранская перевела взгляд с Йена на меня и прошипела:

— Быстро же ты сориентировалась, недоучка,

И, кивнув подошедшему Йену, она с гордо поднятой головой проплыла за свой столик, за которым её ожидал... Максимилиан.

Максимилиан нас не заметил, он сидел за столом, на нас была повернута пострадавшая часть его лица, и я заметила, что на месте страшных красных рубцов теперь были где-то совсем незаметные

полоски шрамов, а где-то ещё оставались белые линии, оставшиеся после иссечения профессиональным скальпелем.

Принц бы задумчив, и, когда княжна к нему подошла, встал, предложил ей руку, княжна тут же ухватилась за принца, и так под ручку они и направились к выходу.

Глупое моё сердце сбилось с ритма, и голова у меня закружилась.

Я смотрела вслед уходящей паре, а слышала стук железнодорожных колёс.

Глава 68

Несколько месяцев спустя. Княжество Лихтенштейн.

Я слушала стук колёс трамвая и вспоминала, как несколько месяцев назад мы вместе с Тиной переехали сюда. Что удивительно, здесь всё и вправду оказалось именно так, как обещал Франц фон Мекленштейн — лучший ректор лучшего университета, как его называли все без исключения студенты.

Я сдала практический экзамен, самостоятельно осуществив вскрытие, и хотя даже в прошлой жизни патологическая анатомия не была моей сильной стороной, профессоров местного университета, так же и тех, кто пришёл просто поглазеть, я поразила.

Конечно, нашёлся один вредный дядечка, но когда ему господин Франц сказал, что это я разработала терапию с применением антибиотика, то и он расписался в ведомости.

Так я получила диплом врача общей практики. И теперь работаю в клинике дэ Гранжет, в столице Лихтенштейна, Мекленбурге. Том прожил с нами месяц, потом уехал, сказав:

— Разжирею я здесь с вами, на всём готовеньком, а там брат без меня, мамка с отцом.

Том, конечно, убедился сперва, что здесь безопасно. Он очень нам помог. Мы с ним вместе выбрали дом, в который мы с Тиной и заселились.

Дом имел отдельный вход, находился в спокойном районе, окна квартиры выходили на набережную реки Рейн.

Тину мы устроили в женский пансион, где давали образование, и школьное, и профессиональное, и готовили к поступлению.

Тина прошла тесты, уровень образования оценили, как средний, и предложили проучиться год, чтобы подготовиться к поступлению и параллельно получить специальность.

Тина учиться дальше пока не собиралась, её больше привлекала возможность получить профессиональное образование. Девушке очень нравилось шить, но не просто одежду, Тина мастерила сумки. И в пансионе была возможность освоить эти навыки.

Я втайне надеялась, что Тина немного повзрослеет и всё же решит пойти учиться дальше, но не настаивала, пусть сама решает.

Так что, в течение недели Тина ночевала в пансионе, возвращаясь домой в пятницу на выходные.

— Тебя всё равно никогда нет дома, — сказала мне подруга, ставшая сестрой, — а в пансионе весело, там занятия, кино, подружки, — хитро блеснула глазками Тина.

С отъездом Тома и мне так было спокойнее, всё же в выходные я не всегда работала, и нам удавалось с Тиной проводить время вместе, а в будние дни, я иногда приходила поздно, а иногда вообще оставалась на дежурстве в больнице.

Всё, что обещал Франц фон Мекленштейн, всё было сделано. Я действительно получила должность заведующей педиатрическим отделением старейшей больницы княжества. И, как я и предполагала это было только что созданное отделение.

Но мне же не привыкать. Сейчас, спустя три месяца, наше отделение в больнице занимает половину этажа. Не хватает врачей, я до сих пор провожу интервью, набирая тех, кто готов и может работать с детьми.

Помимо клиники, занялась наукой. В общем делаю всё, чтобы не думать и не вспоминать.

Но разве когда-либо что-то в жизни шло так, как мы планируем?

***

Обычно утром я езжу на работу на трамвае, остановка находится в пяти минутах от нашего с Тиной дома. В Мекленбурге очень симпатичные трамвайчики, едут не быстро, но в них всегда чисто, даже как-то уютно, с утра всегда мало людей.

Несколько остановок и я в центре города, где и располагается клиника. Обычно газет я не читаю, но сегодня зайдя в трамвай увидела, что кто-то оставил на сиденье газету. Меня заинтересовал заголовок. Мне было видно только половину газеты, где на первой полосе, было изображен Букингемский дворец и было написано «сенсационная новость».

Я подумала, что, в Британии что-то произошло, а я так увлеклась новой жизнью что совсем перестала следить за новостями, и развернула страницу.

С газетной полосы на меня смотрел Максимилиан, рядом с которым счастливо улыбаясь стояла великолепная блондинка, и было написано, что на первое ноября назначена помолвка ненаследного принца Максимилиана, герцога Кентского и наследницы Оранского княжества, княжны Августы Гессен-Кассельской.

Газета была датирована сегодняшним днём, двадцать шестым августа.

Я смотрела на фото Макса, было впечатление, что они взяли старое фото, я такое видела в доме Белтонов, где он молодой кронпринц, без следов ожогов и без нахмуренных бровей.

Я вспомнила, как пыталась разгладить эту морщинку, а Макс смеялся, говорил: — «Это то, что ты не сможешь вылечить».

«Я и не смогла, а она смогла, на фото в газете нет морщины между его бровей»

Мне вдруг перестало хватать воздуха. Трамвай остановился, до клиники ещё оставалось пару остановок, но я решила, что время есть, я лучше пройду, мне срочно надо на воздух.

Выпрыгнула из трамвая и подбежала к ограде набережной озера, стараясь как можно глубже вдохнуть.

Я думала, что мои чувства вдали от Макса уже утихли, но это оказалось не так, просто пока я знала, что он там, мне, вероятно, казалось, что он всё ещё мой. Глупая!

Глаза наполнились слезами, я подняла глаза вверх, чтобы посмотреть на небо, здесь почти всегда чистое и голубое небо, но это не помогло, слёзы всё-таки полились из глаз. Я вцепилась руками в ограду и мне хотелось не только плакать, но и кричать.

Почему? Почему всё-так не справедливо?! У него обязательства, у меня снова работа. Всё понимаю... Но почему мне так больно...

— Девушка, что с вами? Вам плохо? — раздался вдруг приятный мужской голос из-за спины.

Я отрицательно покачала головой, не в силах повернуться. А как повернуться, когда слёзы продолжают литься из глаз и губы искусаны.

Но мужчина не собирался уходить, и даже пошутил:

— Что бы ни случилось, поверьте, это не лучший способ решать проблему, да и с этой стороны мелко, даже вам будет по пояс

У меня даже слёзы пересохли, сначала от возмущения, потому как захотелось повернуться и сказать, «не дождётесь», а потом и от смеха,

когда я поняла, что это была шутка.

Я развернулась.

Напротив меня стоял высокий импозантный мужчина. Не юный, на висках седина, но подтянутый и моложавый. Одет в дорогой костюм, на руке золотые часы, дорогая обувь.

— Ну и как? — раздался вопрос от мужчины

И я с ужасом поняла, что всё это время стояла и бесцеремонно разглядывала его.

— О! Простите, пожалуйста, — я даже зажмурилась

— Ну что вы! Мне даже приятно, особенно если вам понравилось, — великодушно улыбнулся мужчина.

— Да, — ляпнула я, — ой, то есть..., вы очень хорошо выглядите, — наконец, смогла я собраться и сформулировать.

— Первого ответа было достаточно, — снова улыбнулся мужчина.

Улыбка ему очень шла, я даже залюбовалась, как простая эмоция меняет жёсткое и холодное лицо, делая его более мягким и тёплым.

— Генрих Лифорш, — вдруг произнёс мужчина, и пристально посмотрел на меня, то ли ожидая, что я представлюсь в ответ, то ли отслеживая мою реакцию на его имя.

Но его имя мне ни о чём не говорило, поэтому я представилась:

— Лейла Кроули

— Какое красивое имя, — произнёс мужчина, а мне вдруг стало неприятно слышать от него какие-то банальные комплименты.

Взгляд мой упал на башню с часами, и я с ужасом поняла, что до начала рабочего дня осталось около восьми минут, а бежать мне ещё две остановки.

— Простите, что-то я не рассчитала время, — несколько холоднее, чем собиралась, произнесла я, — мне надо бежать.

— Так давайте я вас подвезу, — мужчина жестом показал на автомобиль, припаркованный здесь же на набережной у него за спиной.

«Боже мой, — подумала я, — у него даже автомобиль той же марки, что и у Макса»

— Да что вы, не стоит, я здесь недалеко работаю, — мне стало неловко

— Садитесь, — мой новый знакомый уже открывал дверцу автомобиля.

И действительно уже через три минуты он высадил меня возле здания клиники.

Вышел сам, открыл мне дверцу, и взяв за руку спросил:

— Мисс Лейла можно я буду к вам так обращаться?

— Конечно, — улыбнулась я, и попыталась вытащить свою руку из его руки

Но мужчина не отпустил, наклонился и поцеловал запястье с внешней стороны, там, где был край перчатки.

— До свидания, мисс Лейла

— Прощайте, — кивнула я, и добавила, — простите, мне надо бежать.

Я пробежала три ступеньки потом сообразила, что забыла поблагодарить мужчину, и оглянулась, но автомобиль уже разворачивался, чтобы уехать.

Глава 69

Лондиниум. Кабинет главы государственной безопасности принца Максимилиана.

— Не пойму, это что, всё? — голос принца был холоден, даже Александре Эрли, привыкший к тому, что ему вечно сходит с рук постоянная язвительность, был серьёзен.

Дело, которое начиналось с того, что кто-то попытался воздействовать на решения королевы, третируя участников её личного проекта, вдруг выросло в огромную проблему, связанную с саботажем на государственном уровне. И, как сегодня выяснилось, началось всё задолго до того, как появилась эта девочка, Лейла, ради которой принц вдруг сам влез во всю эту историю.

Первой «птичкой» стал доктор Листер, которого просто затоптали, причём не иностранные коллеги, а свои же, маститые члены Королевского научного общества Лондиниума.

Были и ещё случаи, когда талантливых и прогрессивных докторов или учёных «дружно» начинали выпихивать, не пропуская их идеи, и, их самих ставя в такие условия, что проще было либо уехать в другую страну, либо перестать этим заниматься.

Так Британия лишилась нескольких важных изобретений, таких как микроскоп, асептические препараты, «уехали» из страны и исследования на туберкулёз.

— И можно было предположить, что есть ещё что-то чего мы не знаем, — подвёл итог принц, сжимая в руках листы с отчётами.

Виконт Эрли ударил кулаком по столу:

— Сидят в тёплых креслах, ж... отравили, опасаются, что их заменят. Снять всех одним махом и всё!

Ещё один из присутствующих, постарше принца и виконта, задумчиво произнёс:

— Мы не можем точно быть уверены в том, что все, кто занимает важные посты, участвуют в саботаже.

Принц оглядел всех и усмехнулся:

— Какие ещё есть идеи, кроме того, чтобы всех снять?

— Создать королевскую комиссию, как предварительный орган для оценки всех подаваемых на рассмотрение в учёный совет изобретений, — произнёс тот же советник.

— Интересно, — оценил принц, но тут же добавил, — но не идеально.

Встал и кивнул, отпуская тех, с кем работал уже много лет и кому доверял:

— Ладно, даю вам два дня, чтобы ещё раз подумать, проработать со своими людьми и прийти сюда с идеями.

— Виконт, оставайтесь, — уже привычно прозвучало от принца, который каждый раз оставлял виконта, что получить отчёт об ещё одном деле, касающихся его личных интересов.

— Рассказывай! Вижу по довольной роже, что ты узнал кто, — коротко бросил принц.

— Узнал, вот только и сам не рад, — виконт достал из внутреннего кармана письмо и передал Максимилиану.

Почерк был незнакомый.

«Дорогой друг,

Мне очень жаль, что с вами такое произошло, всегда тяжело терять близких, особенно если это дети. Но не отчаивайтесь, лучше подумайте о том, как не допустить такого на уровне страны.

По моим сведениям, герцог Кентский сейчас сильно увлечён некоей особой, и это может стать проблемой в будущем. Здесь мы с вами можем помочь друг другу.

У меня есть некий документ, который не допустит неравных союзов, а у вас есть влияние, чтобы разрушить романтические иллюзии.

Я отправлю в Британию свою дочь, а вы помогите ей, чтобы не пришлось бороться с неизвестно кем за внимание будущего супруга.»

— Подписи нет, — задумчиво произнёс принц

— Так это копия, оригинал достать пока не удалось, — удручённо сказал виконт, сразу перестав быть похожим на весельчака Йена.

— А кому было адресовано? — у принца был вариант, но он хотел подтверждения.

— Графу Фонсборо, — прозвучал ответ.

— Да-а, — протянул принц, — всё сходится, у графа Фонсборо действительно достаточно денег и влияния, чтобы организовать такую

травлю. Но...

Принц запнулся, взгляд его стал рассеянным, как будто он сейчас видел не то, что в кабинете.

— Но от него не ожидал

Теперь настала очередь усмехаться Александру:

— Ты удивишься, Макс, сколько этих старых пер..., прости, аристократов спят и видят, чтобы всё осталось по-прежнему, чтобы ничего не менялось.

Виконт даже вскочил, не в силах усидеть за столом:

— Дай им волю, и они вовсе остановят прогресс.

Взгляд принца снова стал осмысленным, когда он сказал:

— Значит не будет у них воли.

Принц вызвал секретаря и приказал пригласить нескольких юристов.

— Что ты собираешься делать? — удивлённо спросила Александр

— Будем менять законы, — мрачно усмехнулся принц.

Александр ушёл, а принц ещё какое-то время просидел в кабинете, думал о том, что ему нужно еще немного времени, чтобы все те, кто считает себя самыми «умными», сделали так, как нужно ему, при этом думая, что победили.

Перед глазами стояло расстроенное лицо любимой женщины. Принц стиснул в кулаке оставленное Александром письмо.

«Они ответят ему за каждую её слезинку».

***

Княжество Лихтенштейн. Лейла

День на работе выдался суматошным. Поступили несколько детей из одной школы-пансиона с пищевым отравлением. Ничего серьёзного, но это сразу привело меня к размышлениям о том, как обеспечить безопасность общественного питания.

Я уже изучала этот вопрос в Британии, когда проверяла бэбифермы, здесь, имея полную поддержку от князя, да ещё при гораздо меньших размерах страны внедрить то, уже разработано можно будет гораздо быстрее.

Поэтому, когда выдался перерыв, не пошла обедать вместе со всеми, а закрылась в кабинете и набросала предварительный план.

У меня снова появилась тетрадь, в которую я записывала то, что помнила. Сейчас в двух разных лабораториях в княжестве шла

разработка вакцин, одна против дифтерии, другая против полиомиелита.

От полиомиелита страдали много детей, хотелось сразу создать пероральную вакцину*, самую удобную, эффективную и безопасную для деток. Но не хватало уровня развития технологии. Пока получалось только создать, так называемую «мёртвую вакцину», но насколько я помнила она была не такой эффективной, как живая. Но это всё же лучше, чем ничего.

(*В нашей реальности разработана Альбертон Сэйбином, американцем русского происхождения.)

А вот против дифтерии уже была разработана «живая вакцина», но она была очень дорогой, и я списалась с её автором* и предложила схему создания инактивированной вакцины. И сейчас во второй лаборатории мы как раз этим и занимались.

(*В нашей реальности вакцину против дифтерии первым получили в 1890 году Китасато Сибасабуро и Эмиль фон Беринг из Берлинского университета)

Ни разу за весь день так и не вспомнила ни про Макса, ни про своего нового знакомого, а вот уже перед концом рабочего дня, когда все собрались в ординаторской выпить чаю перед передачей дневной смены, реальность снова ворвалась в мою жизнь.

— Доктор Кроули, — окликнула меня одна из медицинских сестёр, которые кучкой сидели за одним из столов.

— Да, Марция, — отвлеклась я от просматривания графика тестов по новым вакцинам, которые сегодня вечером собиралась обсудить с коллегами, работающими в лабораториях.

Лаборатории были расположены на базе Мекленбургского университета и оснащены всем необходимым, у них даже были приборы ступенчатой стерилизации Роберта Тиндаля, которые, насколько я знаю, ещё не поступили в массовое производство.

— Доктор Лейла, а вы же из Британии? — вопрос девушки вновь всколыхнул во мне неприятные воспоминания сегодняшнего утра

Я кивнула, в душе надеясь, что вопросы будут не про «сенсационную новость», о которой было написано в газете.

Но надежды мои не оправдались, и Марция спросила именно об этом, вернее о принце.

— А вы видели принца Максимилиана вблизи? — спросила девушка, пока другие выжидающе смотрели на меня, явно рассчитывая получить положительный ответ.

— Да, конечно, я видела принца Максимилиана, мы вместе работали над проектом вакцинации от коклюша, и он был одним из первых, кто привёл свою дочь, — постаралась я перевести тему разговора на медицину.

Но девушек не интересовала вакцина от коклюша:

— А правда, что он страшно изуродован?

«Ну вот что я могла ответить?»

— Что ты имеешь в виду, Марция, не понимаю твой вопрос

После чего Марция вытащила газету, другую, но фото там было то же самое и сунула мне её под нос:

— Вот, мы с девочками поспорили, что это фотография не настоящая, потому что принц сейчас не такой, каким был когда-то, а здесь, видите он красавчик.

Да что же такое! На меня опять смотрел Максимилиан, а рядом с ним снова была княжна Оранская. Снова захотелось плакать.

Усилием воли я сдержалась и произнесла, продолжая смотреть на фото Макса:

— Нет, Марция, он именно такой... красавчик, шрамы больше не уродуют так его внешность. И, если ты приглядишься, то заметишь, что причёска у принца немного ассиметричная.

— Да, точно, надо же! — воскликнула, Марция, наконец-то забрав у меня из рук злополучную газету,

— Смотрите девочки! — Марция отошла от меня, продолжая щебетать уже в кругу других медсестёр.

А мне срочно захотелось домой, заварить себе чаю с ягодами, и предаться воспоминаниям, которые в отличие от принца, только мои.

Но прежде мне надо было съездить в Университет.

Отчего-то мне показалось, что я сейчас выйду из больницы, а рядом стоит припаркованный чёрный автомобиль. Но нет, никакого автомобиля рядом с клиникой не было.

Через несколько дней я перестала так сильно реагировать на новость о помолвке Макса, хотя несколько раз при мне люди обсуждали и его, и его невесту.

А однажды утром, выйдя из дома, я увидела чёрный автомобиль, возле которого стоял мой новый знакомый, которого я тоже уже почти забыла.

Я вышла и привычно, почти что вприпрыжку, понеслась на остановку трамвая, как вдруг меня окликнули:

— Мисс Лейла

Остановившись, обернулась и увидела его, он стоял на другой стороне дороги, а в руках у него был маленький букетик фиалок.

— Господин Лифорш, — сразу вспомнила имя, — доброе утро, — поздоровалась, глядя, как остановке подъезжает мой трамвай.

Мужчина заметил, что я смотрю на трамвай и улыбнувшись проговорил:

— Из-за меня вы опоздали на трамвай, я просто обязан вас подвезти

А я отчего-то разозлилась, наблюдая как трамвай уже отъезжает от остановки:

— Ничего вы мне не обязаны, я могу и пешком прогуляться. Погода сегодня хорошая.

— Простите, Лейла, я не так выразился, — виновато произнёс он, и взглянул на букетик в своей руке, — я здесь не просто так, я ждал вас.

И так он искренне это сказал, что мне стало неловко за свою суровость.

— Ну тогда ладно, — улыбнулась я, — подвезите и расскажите мне, зачем вы меня поджидали.

Глава 70

Генрих Лифорш оказался на удивление лёгким человеком, ехать до клиники на автомобиле было совсем быстро, поэтому он, уточнив, сколько у меня есть времени до начала рабочего дня, сделал круг по центральной части города.

Он действительно меня ждал, потому что хотел увидеть.

— Вы мне понравились, — без всякого кокетства или излишней навязчивости сказал он, — я понимаю, что вы очень юны, но, если вы не возражаете, то я бы хотел за вами ухаживать.

Я сразу вспомнила про то, что «если закрывается одна дверь, то сразу открывается другая» и надо просто увидеть это, а не стоять возле закрытой двери. «Внутри меня плакала юная влюблённая девушка, а прожившая жизнь женщина её уговаривала.»

— Не возражаю, — улыбнулась я Генриху, подумав, что надо попробовать, пусть за мной поухаживают, не тайные встречи при закрытых дверях, или в безлюдных местах, а по-настоящему, «с конфетами и букетами».

Договорились, что вечером он за мной заедет и мы сходим куда-нибудь поужинаем.

После этой утренней поездки у меня весь день было хорошее настроение. Я удивлялась сама себе. Всё ещё тяжело переживая то, что Максимилиана ждёт помолвка с противной княжной Оранской, мне в то же время было приятно, что и в моей жизни появился интересный человек и то, что я нашла в себе силы не отказываться от этого шанса.

Вечером, я не стала задерживаться, и не поехала в университетские лаборатории, а вышла из больницы и увидела припаркованный чёрный автомобиль. На долю секунды меня настигло дежавю. Но рядом с автомобилем стоял Генрих, в руках он снова держал маленький букетик, уже свежий, и улыбался.

Мне понравилось, что он дарил такие маленькие букеты. Их было легко носить в руках, и тот, что он подарил мне утром, я поставила в своём кабинете на подоконник. Не нужно было искать вазу, я поставила цветы в обычный стакан.

— Я забыл спросить какую вы кухню предпочитаете, поэтому выбрал итальянский ресторан, — придерживая дверцу автомобиля, чтобы я могла присесть, проговорил мужчина, даже не подозревая, что мне сразу захотелось крикнуть «нет, только не итальянский».

Но я, конечно же не стала кричать, это было бы глупо, тем более вряд ли там окажется его друг итальянец, «который всегда держит для него стол».

Генрих же не принц? Я еще раз внимательно на него посмотрела, мужчина скорее был похож на успешного бизнесмена, хотя манеры выдавали в нём аристократа, но не такого чопорного, как британские.

Мужчина заметил, что я как-то нестандартно отреагировала:

— Вы не любите итальянскую кухню? Если что, то в этом же ресторане можно взять традиционные блюда немецкой кухни.

Пришлось его успокаивать, что просто вспомнила один момент, но уже всё хорошо, и буду рада поужинать сегодня в итальянском ресторане. Посмотрим, возможно, когда-нибудь я ему расскажу.

К счастью, ресторан, куда Генрих привёз меня, был совершенно не похож на ресторан, куда мы ходили с Максимилианом.

Этот ресторан располагался прямо на берегу Рейна, само здание ресторана было в некотором отдалении от берега, в парковой зоне, но перед зданием были выставлены столики, которые находились ближе к линии набережной.

На улице было тепло, от реки веяло свежестью, и фонари ещё не зажигали, света было достаточно. Так что мы выбрали столик на улице. Мимо сновали официанты, к нам довольно быстро подошёл один из них и предложил выбрать, что мы желаем на ужин.

Генрих поразился, что я отказалась от меню на английском и стала выбирать, пользуясь меню, которое было на итальянском языке.

Официант, находившийся рядом предложил взять антипасту и выбрать основное блюдо. Покосившись на моего кавалера, официант всё же решился предложить:

— Если пожелаете, то сейчас сезон спаржи, могу предложить блюда из сезонного меню, но я отказалась:

— Спасибо, но сегодня у нас итальянский ужин.

Сама не заметила, что официант говорил по-итальянски и я перешла на этот язык.

— Вы хорошо говорите по-итальянски, — удивлённо заметил Генрих.

А я подумала, что история повторяется, и попыталась отшутиться:

— Зная латинский алфавит сложно перепутать слова паста и пицца.

Генрих шутку оценил и попросил меня рассказать о себе.

— Пока я знаю, что вы работаете в одной из лучших клиник Мекленбурга, — мужчина поправил право рукой волосы, как будто ему было неловко, и спросил:

— Вы медицинская сестра?

— Нет, я врач, — ответила коротко.

Взгляд мужчины из заинтересованного стал неверящий:

— Вы шутите! — мужчина весело рассмеялся, — я видел врачей, они все седые толстые дядьки.

Я молчала и улыбалась и постепенно улыбка сошла с лица Генриха:

— Пойдите, так вы и есть та самая девушка из Британии, которая экстерном окончила университет?

Я осторожно кивнула, ещё не зная, как новый знакомый отреагирует на положительный ответ.

— Это потрясающе! — с восхищением проговорил мужчина, и воскликнул — но я... я представлял вас совсем другой!

Мне даже стало интересно, какой он мог меня представлять, и я почему-то подумала, что кем-то вроде Элизабет. Так и вышло.

— Я представлял вас бойкой, высокой, громкоголосой, — честно признался Генрих.

Я улыбнулась и доверительно сообщила мужчине:

— Вы почти точно описали мою подругу, и она, кстати, тоже скоро будет врачом.

— Каюсь, — сказал Генрих, — я стал жертвой стереотипов, посмотрел на меня, — но, согласитесь, что вы очень необычны.

— Соглашусь, — рассмеялась я

Официант принёс еду, и мы на время замолчали. Закуски здесь подавали отличные, на блюде были маленькие тосты, хотя скорее по-итальянски их можно было бы назвать брускетты. Они все были разными и мне хотелось попробовать их все, но впереди меня «ждали» равиоли с рикоттой, поэтому пришлось часть «оставить Генриху».

Пока жевала брускетту с кальмаром, задумалась, а когда подняла глаза, то увидела, что мужчина на меня смотрит и даже смутилась и зачем-то сказала, что я сегодня не успела пообедать.

— Конечно, когда вам обедать, если вы университеты экстерном заканчиваете, — рассмеялся Генрих.

Вообще, ужин прошёл легко, было пару раз несколько моментов, которые вызывали неловкие паузы, но они как-то быстро «исчезали».

Выяснилось, что Генрих инвестирует в различные технологические проекты, и он оказывается слышал о разработках в магнитотерапии. И уже связывался с ребятами из Британии которые разработали этот прибор.

— Позвольте, — вдруг сказал он, — а Л. Кроули, это же вы?

— Да, — я улыбнулась, зная, что наверняка, ему, чтобы приобрести патент, понадобится согласие всех трёх участников, потому что по условиям, я даю финальное разрешение. Количество патентов ограничено, чтобы не было перенасыщения рынка, и я намеренно внесла такое условия, чтобы не продавать патенты тем, кто скупает их, чтобы они продолжали «лежать под сукном».

Об этом и сказала Генриху:

— Я должна убедиться, что вы действительно готовы инвестировать в производство, тогда подпишу.

После чего удостоилась восхищённого взгляда.

После ужина Генрих отвёз меня домой. И прощаясь, сказал:

— Вы сама удивительная девушка, я счастлив, что в тот день остановился на набережной.

Мне стало неловко, мы стояли друг напротив друга, не очень близко, но достаточно, чтобы чувствовать запах его парфюма, поэтому я решила перевести разговор на другую тему и нарочито обиженно заявила:

— А вы про себя так и не рассказали, господин Лифорш

Мужчина вздрогнул, услышав официальное обращение:

— Предлагаю обращаться к друг другу по имени и обещаю всё рассказать на следующей... — мужчина запнулся, и перефразировав произнёс:

— На следующем свидании. Как вам такое предложение?

Я улыбнулась и ответила, что полностью поддерживаю.

Мужчина взял мою руку и осторожно поцеловал:

— Тогда до завтра?

— Завтра не могу, работа, — с сожалением произнесла я, это была правда, потому что у меня действительно было ночное дежурство.

И тогда мы договорились встретиться через два дня.

Глава 71

Мы начали встречаться с Генрихом. Теперь у меня всегда и дома и на работе были свежие маленькие букетики. Они всегда были разными. Но Генриху удивительным образом удавалось подобрать букеты под настроение дня. Или может это букетики формировали настроение?

Я познакомила Генриха с Тиной.

Был выходной день, кажется воскресенье, и Генрих пригласил меня и Тину на воскресный бранч, чем заслужил приличный плюс.

Конечно, он знал нашу историю, о том, что мы вместе были в приюте, я сама рассказала ему, и, как оказалось, он понимал, что, между нами, больше, чем просто дружба. Мы действительно воспринимаем друг друга как сёстры.

Уже после того, как мы вернулись и попрощались с Генрихом, Тина, конечно же сказала, что он для меня старый. А я подумала, как всё-таки относительно время, читая Шекспира мы отождествляем себя с Джульеттой, а ведь её матери на момент происходящего в романе было двадцать восемь лет.

— А знаешь, — Тине ещё хотелось пообщаться, а Генрих оказался интересным объектом для наших девичьих разговоров, — я где-то видела его фото.

— Ты начала читать газеты? — удивилась я

— Конечно, — с деланым возмущением воскликнула Тина, хитро улыбнулась и добавила, — но исключительно светскую хронику.

— Но Генрих инвестор, и сейчас даже я с ним обсуждаю вариант сотрудничества, — задумчиво проговорила я, — может ты видела его фото в новостной ленте?

— Нет-нет, — Тина помотала головой, — кто-то из девочек приносил Альманах и мне кажется, что я видела его именно там.

Если фото человека было в Альманахе, значит он относился к высшей аристократии. Я помотала головой, стряхивая дурные мысли.

«Завтра спрошу»

Утром автомобиль Генриха поджидал меня на нашем месте. Это, за те две недели, что мы встречаемся, стало ритуалом. Я выходила

пораньше, а он довозил меня на машине до клиники, а перед этим мы делали небольшой круг.

Уж сидя в машине, я спросила:

— Тина сказала, что видела твоё фото в Альманахе, у тебя есть титул?

Генрих замолчал, но уже через пару секунд ответил:

— Герцог Рионский

Теперь замолчала я. Почему-то стало обидно, ну почему вокруг одни герцоги?

Генрих словно почувствовал, что моё настроение изменилось. Остановил машину, вышел и подошёл к дверце с моей стороны, открыл, помогая мне выйти.

Я удивлённо на него посмотрела, мы явно ещё не доехали до клиники.

— Лейла, — Генрих положил руки мне на плечи, притягивая к себе, — мне сорок лет, я уже был женат, у меня есть взрослый сын. Но я никогда ещё не был так счастлив, как эти дни с тобой. Мой титул не обязывает ни тебя, ни меня ни к чему.

Генрих замолчал, прикрыв глаза, но уже через пару мгновений снова посмотрел на меня и с жаром прошептал:

— Я люблю тебя Лейла, и хочу быть с тобой. Ты выйдешь за меня замуж?

Я подняла на Генриха лицо, удивлённо распахнув глаза. А он наклонился и будто бы опасаясь, что я сейчас отвернусь, начал осторожно покрывать поцелуями моё лицо. Накрыл своими губами мои губы, и поцеловал мягко, нежно, долго.

— Я так давно мечтал об этом, — произнёс он, когда поцелуй закончился.

А мне хотелось плакать. Генрих прекрасный человек, и я чувствовала, что он говорил совершенно искренне, признаваясь в своих чувствах. Но мне хотелось, чтобы меня целовал другой.

Вечером, забрав меня из лаборатории, где я сегодня застряла и пропустила свидание, Генрих предложил мне прогуляться.

И повез меня за город.

— Куда мы едем? — раньше мы никогда не выезжали из города, только по выходным, но это было днём, и мы были вместе с Тиной.

— Не волнуйся, — Генрих взял мою ладонь и притянув к своим губам поцеловал, — тебе понравится.

Это было здание будущей фабрики, которое Генрих планировал достроить уже к концу года.

— Ты сказала, я сделал, — он внимательно на меня посмотрел и добавил, — это вопрос доверия. Я знаю, что ты пока не готова мне открыть своё сердце, но моей любви хватит на двоих.

С этими словами Генрих достал маленькую коробочку из кармана, в которой было кольцо, и я завороченно, даже не делая попыток его остановить смотрела, как Генрих надевает кольцо мне на палец.

— Я не тороплю тебя, и готов подождать, Лейла, — уверенным спокойным тоном произнёс мужчина, — для себя я всё решил.

Я смотрела на кольцо с красивым камнем, явно дорогущее, потому что даже в тусклом свете уличных фонарей камень переливался словно маленькая звезда.

Генрих накрыл мою руку своим ладонями:

— Можешь носить, можешь пока подождать, первого ноября будет мой день рождения, я хотел собрать самых близких мне людей и буду рад, если к тому времени ты примешь решение.

Не удержавшись, я облегчённо вздохнула. Понимая, что выглядит это не очень дружелюбно и Генрих скорее всего не понял, к чему может относиться мой вздох, я тихо сказала:

— Хорошо, что так, а то я уже, как наяву увидела своё фото в Альманахе.

Генрих рассмеялся:

— Кто-то мечтает попасть в Альманах, а доктор Лейла боится.

— Я вообще побаиваюсь прессы, — грустно сказала я.

— Я знаю, — произнёс Генрих, — я видел твою историю. Я бы такого не допустил.

Мне не понравилось то, как Генрих это сказал, но я промолчала, мне не хотелось упоминать имя Максимилиана. И уж тем более обсуждать, кто бы что допустил.

Обратно мы ехали молча. Сперва я хотела рассказать про ту ситуацию и травлю, которая произошла в Британии, но поняла, что не хочу.

Не хочу жить вчерашним днём, постоянно оглядываясь назад. Для меня важно то, что есть сейчас и будет завтра.

Настроение было странное, поэтому возле дома я быстро попрощалась. Генрих, видимо, чувствуя моё настроение, не стал настаивать на прощальном поцелуе, за что я была ему очень благодарна. Лишь на мгновение прижался губами к моим волосам, глубоко вдохнув, после чего отстранился, позволяя мне уйти.

Я уже открыла дверь, когда услышала тихое:

— До завтра...

Утром, перед выходом на работу я сперва надела кольцо, потом всё-таки сняла и убрала его обратно в коробочку. Надеюсь, что Генрих поймёт почему. Тем более что я врач, а нам ни кольца, ни длинные ногти нельзя.

До выхода ещё было время, когда вдруг раздался звонок в дверь. Это было необычно.

Открыв дверь, я увидела Генриха, в руке которого вместе с привычным букетиком была утренняя газета.

— Лейла, прости, я не удержался, — с радостной улыбкой размахивая газетой сказал он.

А я подумала: — «Ну вот, только вчера поговорили, что от прессы сложно ожидать чего-то хорошего».

— Проходи, — посторонилась я, — кофе хочешь?

— Не откажусь, — всё так же весело проговорил Генрих.

«Детский сад какой-то,» — пришла в голову мысль.

И я уже сварила кофе, и мы даже сели за стол, а Генрих всё ещё не рассказал, что в этой газете и почему он так радостно улыбается.

— Лейла, ну нельзя же так, — укоризненно посмотрел на меня Генрих, — ну ты же девочка, тебе должно быть любопытно.

— Мне любопытно, — я поджала губы, потому что не хотела с утра сюрпризов, — но я боюсь.

Генрих вздохнул и развернул газету. На первой полосе была фотография нескольких человек и сначала я узнала лицо доктора Джозефа, Итана и...себя.

В заголовке было написано: «Группа учёных из Британии номинирована на премию Майера в области медицины».

Генрих снова широко улыбнулся:

— Поздравляю! Это большая победа!

Я схватила газету, и сначала просто вглядывалась в лица коллег, вспомнила что это фото мы делали, когда стало понятно, что эпидемия

пошла на спад. Все были уставшие, но счастливые. Поняла, как сильно я соскучилась по доктору Джозефу и остальным.

— Через две недели тебя надо ехать в Хомбург, там происходит вручение награды, — я даже сначала не поняла о чём Генрих говорит.

— Почему в Хомбург? — и в тот момент, когда я спросила, я осознала, что в этой реальности я всё-таки получила «нобелевскую премию» *

(*в нашей реальности доктор Лейла Денмарк, которая являлась прототипом главной героини, так и не получила нобелевскую премию за свою вакцину от коклюша, хотя и была номинирована, а получила она премию Фишера, не менее престижную, но не такую известную)

***

Британия. Принц Максимилиан

Я собирался поехать Германию на церемонию вручения премии Майера. Такое событие! Группа учёных из Британии получила престижную награду.

Вообще-то должен был поехать только наследный принц или кто-то из правящей пары, но отец по-прежнему не очень хорошо себя чувствует, а мать не желает оставлять его одного. Было принято решение, что от королевской семьи поедет крон принц, но брат всегда был на моей стороне, поэтому мы едем вместе.

Сегодня пришлось выслушать от Оранской целую истерику, что она как невеста тоже должна быть там.

Ну уж нет, до официальной помолвки её статус не невеста, а кандидатка в невесты, поэтому на международных встречах мы пока не должны появляться вместе, так ей и сказал, поэтому я еду с братом.

А на самом деле мне хотелось хотя бы одним глазком увидеть её, мою Лейлу.

Дверь в кабинет распахнулась. Так входить ко мне мог только Александр Эрли.

В руке у него была утренняя газета.

— Только не говори, что ты тоже едешь на награждение, — не поздоровавшись, сразу с порога заявила эта нахальная морда, которая по совместительству была моим лучшим другом.

— И тебе здравствуй, — холодно произнёс я

Но его, конечно, не обманула моя холодность.

— Макс, ты её подставишь, для начала надо закончить расследование, — тон Алекса больше не был шутливым, он говорил серьёзно, — мы не знаем точно сколько их и на что они способны.

— Я не подойду к ней вне церемонии, но я ... я хочу просто её увидеть, — я надеялся, что в моём голосе не было слышно отчаяния.

Я знал, что вокруг неё вертится герцог Рионский, но не знал, насколько далеко у них всё зашло, мне просто надо было посмотреть в её глаза. Я чувствовал, что теряю её.

— Ладно, но будь очень осторожен, — если бы я не знал Алекса, я бы подумал, что он перестраховывается, но он никогда не боялся идти на риск. Значит и вправду считает, что опасность для Лейлы вполне реальна.

— Пока они думают, что она для тебя никто, она в безопасности, — добавил Алекс, прежде чем уйти.

А я пошёл собираться на очередной приём, куда снова иду со своей «возможной невестой».

Глава 72

В этот же день, когда Генрих принёс мне газету, не успела я зайти в клинику, как мне сообщили, что рано утром курьер доставил мне большой конверт.

— Курьер был в форме цветов княжеского дома, — с придыханием сообщила мне молоденькая девушка, работающая за стойкой регистратуры, — сказал передать вам лично в руки.

И она торжественно вручила мне большой конверт. Не успела я пройти в общую комнату, как все, кто там был, кинулись меня поздравлять.

Даже заведующий клиникой пришёл и улыбаясь в пышные седые усы, с деланным возмущением пожурил меня:

— Ну, надо же, какая вы у нас скромница, ни словечком не обмолвились!

— Доктор Лейла, — зашебетали медицинские сёстры, — ну, давайте, открывайте конверт, пожалуйста.

Пришлось открывать, хотя, если честно, то первым желанием было, забрать конверт и вскрыть его у себя в кабинете.

Но событие действительно было выходящее за рамки обыденности, поэтому я видела, что каждый хотел чувствовать себя причастным, и не стала лишать коллег маленького чуда.

Достала из конверта большую папку. Внутри папки были различные формуляры, которые следовало заполнить до приезда на церемонию, а также несколько красивых карточек с приглашениями на все дни проведения церемонии.

Также там был сертификат на бронь гостиницы и два талона на ужин.

Взяв в руки список приглашённых я с радостью прочитала имена своих коллег и очень обрадовалась, что никого не забыли.

Я с радостью подумала, что увижусь с доктором Джозефом и остальными. Вроде бы прошло совсем немного времени, а я так соскучилась!

Церемония награждения проводилась в Хомбурге, это всего лишь около четырёх часов на поезде от Мекленбурга. Номинантов собирали

за два дня до самой церемонии. В первый день проходила регистрация и небольшой гала ужин для участников. Во второй день организовывались мини сессии, где каждый номинант рассказывал о своём проекте, проходили эти мини сессии в формате выставки с живым общением с теми, кто приходил, а не только со специалистами. И только на третий день проводилась грандиозная церемония вручения премий.

Разъезжались все уже на четвёртый день.

Я собиралась взять с собой Тину.

Но позже, разобравшись со всеми бумагами из конверта, поняла, что сопровождающего можно было взять одного и только того, кто являлся близким родственником. Обычно люди вносили в приглашение либо с супругов, либо брали кого-то из родителей.

И я поняла, что Тину взять не могу. По документам моё опекуновство над ней закончилось по достижении ею восемнадцати лет.

Больше у меня кровных родственников не было.

Можно было купить приглашение, но стоило оно, словно самолёт какой-то, я примерно столько зарабатывала в год.

Мелькнула мысль спросить Генриха, не собирается ли он посетить церемонию наверняка он мог себе позволить купить приглашение, но я побоялась, что он воспримет это как положительный ответ, который я пока не была готова ему дать.

Тина, конечно, расстроилась, но несмотря на это помогала мне готовиться.

Шить вечерние туалеты времени уже не было. Благодаря «продвинутому» в моде подружкам Тины из пансиона мы с ней получили название ателье, которое было довольно дорогим, но зато всегда имело заготовки, из которых быстро можно было «собрать» готовый наряд.

Для самой церемонии вручения был определённый дресс-код и это тоже было прописано в формулярах. Прочитав, я хмыкнула: — «Чёрное и белое». Интересный выбор стиля, но это облегчало задачу.

За три дня до отъезда меня пригласили в княжеский дворец. Причём сначала пришло официальное приглашение, которое тоже доставили в клинику и тоже курьер в форме цветов правящего дома, белый с красным.

На этот раз мне удалось его увидеть. Высокий, молодой, лет восемнадцати, плечистый парень с лицом греческого бога. При взгляде на него сразу возникал вопрос, почему такой красавчик служит княжеским курьером? Зато теперь я поняла почему девушка из регистратуры была так взволнована.

Князь Мекленбургский с супругой приглашали меня на дружеский обед.

А к концу рабочего дня приехал Франц фон Мекленштейн, чтобы пригласить лично.

— Лейла, ты совсем перестала ко мне заходить, — шокируя медицинский персонал панибратски обратился ко мне лучший ректор лучшего университета.

Я была рада видеть Франца. Во-первых, он тот, кто вытащил меня из той среды, в которой мне было плохо, я в тот момент уже устала бороться с обстоятельствами, а он дал надежду. Во-вторых, он очень помог здесь в Мекленштейне в первое время, пока шёл процесс адаптации.

И в-третьих, он действительно был прав, я, довольно часто бывая в университете в лабораториях, ни разу не зашла ему. Потому что в последнее время за мной туда приезжал Генрих, и я отдавала предпочтение убежать на свидание, тому, чтобы пообщаться с другом.

Мне стало стыдно.

— Ну ладно, — добродушно проговорил Франц, — я не сержусь, дело молодое, — добавил он и подмигнул.

Я покраснела, понимая, что ни от кого не укрылось, что я встречаюсь с Генрихом, но я же сама этого хотела, встречаться и не прятаться. И мы встречались, почти каждый день, кроме тех дней, когда я дежурила.

Как раз сегодня и был такой день, сегодня я работала. Сказав то, что можно было сказать при всех, Франц предложил поговорить с глазу на глаз, и мы вышли на улицу.

— Лейла, — начал Франц, когда мы вышли из клиники, — ты же получила приглашение?

Я кивнула, и насторожилась, понимая, что не просто так князь Мекленштейн решил пообедать в моём обществе.

Видимо, что-то изменилось в выражении лица и Франц заметив это по-доброму усмехнулся:

— Ничего страшного на обеде не будет.

Но несмотря на такое оптимистичное заявление, Франц сделал паузу, более пристально взглянул на меня, и продолжил:

— Тебе сделают предложение... поменять гражданство.

Я замерла, мне совсем не хотелось принимать какие-то серьёзные решения ни прямо сейчас, ни тем более на обеде.

— Да не пугайся ты так, Лейла, — попытался успокоить меня Франц, — это стандартная практика для привлечения выдающихся личностей, коей ты несомненно являешься.

Я молчала, ожидая, что ещё скажет Франц.

— Подумай, не отказывайся и... не принимай сразу, — после небольшой паузы проговорил мужчина, — князь может тебе предложить титул.

— Спасибо, что предупредили, Франц, — наконец-то смогла я выговорить, испытывая благодарность, что буду заранее готова к тому разговору, который произойдёт на обеде в княжеском дворце.

— Ну и хорошо, — выдохнул облегчённо Франц фон Мекленштейн. И попрощавшись легко сбежал по ступенькам вниз, а уже внизу вдруг обернулся, хитро улыбнулся и спросил:

— Кстати, а как тебе курьер?

Я, стоя наверху, пожала плечами, ожидая, что Франц как-то объяснит свой вопрос.

— Это молодой герцог Рионский, — сообщил Франц и подмигнул, после чего не оборачиваясь пошёл к припаркованному неподалёку автомобилю.

Франц уехал, а я ещё какое-то время стояла на улице возле входа в клинику и думала о том, что жизнь здесь делает весьма крутые повороты. Прошлая моя жизнь была гораздо спокойнее в личном плане.

Было сложно, особенно в те периоды, когда были мировые войны, и нам приходилось потуже «затягивать пояски», но таких эмоциональных качелей не было. Моя семейная жизнь протекала спокойно, муж мой был надежен, трудолюбив и флегматичен. Я даже не припомню чтобы хоть раз мы с ним поругались. Даже в первые годы между нами не было страсти, общие интересы, дети, дом... Работа. Работа! Вот что меня по-настоящему увлекало и заводило. Там я чувствовала себя по настоящему живой.

А здесь я похоже, что расплачиваюсь за годы, проведённые в личном спокойствии. Наверстываю упущенные эмоции и чувства.

И зачем была эта фраза про «молодого герцога Рионского». Намёк на то, какие красивые у меня могут быть дети? А может мальчик пошёл внешностью в мать?

***

Где-то в Лондиниуме

— Король совсем плох, — проговорил герцог Оранский, тайно посетивши Британию, — надо бы поспешить с помолвкой, и не затягивать со свадьбой.

— Но, отец, — голос княжны Оранской звучал плаксиво, — мне не удаётся вызвать хоть какие-то чувства в этом уроде, и он даже не кронпринц. Почему я не могу выйти замуж за младшего брата?

— Тебе и не нужны его чувства, дорогая, — устало, как будто уже не первый раз об этом говорит, проговорил князь Оранский, — тебе нужна его фамилия, остальное я сделаю сам. А за кронпринца тебе никто не позволит выйти, потому что в документе чётко написано «старший наследник» и это не изменить. Кто же мог предположить, что он откажется от трона.

Оранский слушал, как дочь рассказывала, что принц собирается ехать на церемонию премии Майера и жаловалась, что её с собой не берёт и думал: — «Ну что ещё этому Максимилиану надо? Красавица, в нормальном возрасте. Неужели до сих пор сохнет по этой приютской докторше?»

Оранский обнял дочь, погладил по голове как маленькую:

— Ты ещё будешь королевой, обещаю.

Глава 73

Дресс код для обеда в княжеском дворце не был особенно строг. Поскольку это был обед в узком кругу, то допускалось что-то вроде коктейльного платья, с поправкой на моду начала двадцатого века, то есть длина и уровень открытости должны были быть соответствующими. Такое у меня было.

Довольно скромное, одноцветное, приятного жемчужно-серого оттенка, И, если бы не одна деталь, то оно было бы совсем простым. Но деталь была и это делало платье очень необычным.

Спина в этом платье закрывалась плотным кружевом, похожим на гипюр. И в этом кружеве были переплетены серебряные нити. Таким же кружевом был отделан воротник стоечкой и низ узких рукавов, отчего создавалось впечатление образа такой «порочной чистоты». Я в нём чувствовала себя очень женственной.

Малый круг для княжеской семьи подразумевал шестнадцать человек.

Естественно, князь Мекленбургский с супругой, их сын и наследник, я не знала точно, сколько ему лет, но точно не больше двадцати. Франц фон Мекленштейн, родной брат князя, несколько семейных пар, подозреваю, что это различные тёти и дяди, и... герцог Рионский с дамой. Дама была пожилая, похоже, что Генрих пришёл с матерью.

Но во время представления выяснилось, что это бабушка его сына и мать его почившей супруги. Сын герцога тоже был на обеде.

Тёщу Генриха звали Елизавета, графиня Ольстерская, а вот сына он представил просто, Александр.

Александр учился в военном училище и служил при канцелярии князя, именно поэтому важные послания, проходившие через канцелярию князя, развозил именно такой родовитый курьер.

Несмотря на то, что вокруг были одни аристократы, обстановка царила непринуждённая, чувствовалось, что все здесь свои, все друг друга хорошо знают. Я тоже не ощущала отчуждённости, единственный момент, который мне не понравился, был взгляд, брошенный на меня графиней Ольстерской, бывшей тёщей Генриха.

Но, возможно, что мне показалось.

Все, и это было заметно наслаждались обществом друг друга и едой.

Блюд было много, а размеры блюд маленькие, но это было очень хорошо, потому что попробовать хотелось всё. Хотя некоторые мужчины и шутили, что повар князя жадничает и специально делает маленькие порции, чтобы сэкономить продукты.

Зато, когда подали десерт, на него ещё оставалось место. А то было бы обидно, потому что такого десерта я ещё не видела. Цвет был фиштакковый. И когда я попробовала, то поняла, что это вишнёвое желе с кусочками ягод, с каплями горького шоколада, украшенное нежным, похожим на мороженое, фиштакковым кремом.

И как раз во время десерта князь Мекленбургский спросил меня о том, как мне нравится жить и работать в Мекленштейне.

Я не стала кокетничать, сказала, как есть, что да, нравится, что есть условия заниматься не только работой, но и наукой.

И тогда-то и прозвучало предложение от князя:

— А вы не думали, чтобы остаться здесь жить навсегда?

И хотя я была предупреждена Францем, что такой вопрос будет, но вкусная еда и особенно десерт так меня расслабили, что я растерялась. Я же заранее решила, что скажу. Я собиралась сказать, что пусть сначала пройдут три года, а потом буду решать. Но сейчас, когда вокруг все вдруг замолчали и смотрели на меня я поняла, что это прозвучит невежливо.

Пауза затягивалась, я посмотрела на Франца, тот ободряюще улыбнулся, Генрих сидел, напряжённо глядя на меня, так, как будто бы от моего ответа зависело что-то очень важное, а вот от его тёщи я снова уловила неприязненный взгляд. На этот раз совершенно точно.

— Я думала об этом, Ваше Сиятельство, — наконец смогла выговорить я, — и мне очень нравится здесь в княжестве, но это очень непростое решение, мне нужно время.

Князю не понравился мой ответ, это было заметно, но он всё же сказал:

— Подумайте, мисс Лейла, как гражданке княжества вам будет доступно много больше.

А я поняла, что всем правителям что-то всегда нужно, иногда больше, чем ты можешь им дать.

После десерта всем предложили пройти в оранжерею, княгиня занималась разведением каких-то необычных орхидей и в оранжерее как раз было пополнение.

Генрих было дёрнулся подойти ко мне, чтобы предложить мне руку и пройти вместе в оранжерею, но графиня Ольстерская, предварительно отправив внука помочь какой-то даме, вдруг сама подошла ко мне и с милой улыбкой попросила сопроводить её до оранжереи.

Генрих бросил на меня взгляд, который я «прочитала» как «продержись, в целом она безобидная старуха» и прошёл вперёд, догоняя князя.

— Лейла, — графиня улыбнулась, уцепившись за мой локоть, — вы же не возражаете, если я так по-простому буду вас называть?

Мне показалось, что в её словах был намёк, что моё «простое» происхождение, даёт ей право обращаться ко мне «по-простому».

Но я сделала вид, что не обратила внимания на намёк и кивнула.

— Ну вот и отлично, — ещё шире улыбнулась графиня, — так мне будет легче с вами говорить, ведь я хочу быть с вами откровенной, вы умная девочка и должны всё знать с самого начала.

Конечно же, речь пошла о моих отношениях с Генрихом.

— Я знаю, — сообщила мне графиня, — что герцог Рионский сделал вам предложение. И я поддерживаю его стремление помочь княжеству, и привязать вас, даже жертвуя собой.

Графиня на несколько секунд замолчала, вероятно ожидая какой-то реакции от меня на это практически «неприкрытое оскорбление».

Но я промолчала.

Тогда она продолжила:

— Единственное о чём хочу вас предупредить, что вы должны быть готовы к тому, что у вас не будет детей.

На этот раз ей удалось меня «заинтересовать» и, хотя я и собиралась молчать, один вопрос всё же вырвался:

— Почему?

— Ну как же?! — в свою очередь изумилась графиня, не переставая при этом мило улыбаться, — кто родится от вас? Вы же из приюта, и, наверное, даже не знаете своих родителей, что же говорить о предках.

И мне захотелось ударить противную бабуку, прямо по её милой улыбке. Но я сдержалась, улыбнулась ей так широко, как могла и доверительным тоном сообщила:

— У меня будет много детей, и они точно будут знать своих предков, по крайней мере со стороны отца.

Глаза у старой графини выпучились, словно у рыбы, выброшенной на берег, и она пару раз смешно открыла и закрыла рот, а я жестом подозвала слугу и попросила принести графине стакан воды.

Сама же, не без труда отцепив свой локоть из её руки, извинилась и пошла в сторону остальных, стоявших возле какого-то стеклянного куба. Подошла как раз на моменте, когда княгиня закончила рассказывать, как сложен процесс транспортировки этих сложных в уходе цветов.

Генрих, стоявший рядом с герцогом, переместился поближе ко мне, встревоженно переводил взгляд с меня на графиню, которая теперь уже не улыбалась, а стояла с обиженным лицом, и тихо спросил:

— Что произошло?

Я не собиралась молчать и как-то жалеть Генриха, я была раздражена, мне надоели все эти игры аристократов, поэтому несколько резко сказала:

— Графиня меня просветила, что ты жертвуешь собой и не собираешься больше иметь детей.

Генрих печально улыбнулся:

— Надеюсь, что ты ей не поверила

Больше мы ни о чём не успели поговорить, но провожать меня до дома герцог всё-таки пошёл сам, отправив сына провожать настырную бабушку.

И по дороге до дома я спросила, собирается ли он на церемонию. Герцог грустно улыбнулся:

— Я уже не рассчитывал, что ты спросишь.

Оказалось, что он ждал именно от меня, что я приглашу, и был готов купить билет, но подумал, что раз я ничего не говорю, значит мне хочется побыть там с коллегами и не отвлекаться на него.

Я оценила, хотя почему-то стало немного грустно.

О произошедшем на обеде мы больше не говорили, но перед тем, как попрощаться Генрих меня поцеловал и в этот раз я ответила.

***

И вот я еду в Хомбург. Сажу в вагоне, глядя в окно на проплывающие мимо поля и аккуратные домики и понимаю, что совершенно не выпалась.

Полночи я думала о том, почему я так среагировала на слова старой графини, а потом, поняв, что не могу понять себя и своих чувств, а потому не могу заснуть, встала и стала писать.

В прошлой жизни я написала всего две книги по педиатрии, потому что начала делать это поздно. Здесь же хотела исправить это упущение.

Мысли в невыспавшейся голове бродили хаотично, настроение тоже было соответствующее. Ожидание встречи с друзьями и коллегами, предвкушение от новых впечатлений и общения с теми, кто для меня раньше был историей.

Я прочитала список номинантов и уже увидела, что там есть изобретатель прибора для измерения электрической активности сердца*. Это феноменально, но один из участников проекта был инженер, с которым мы разрабатывали прибор для магнитотерапии.

(*прим. автора. В нашей реальности нидерландский физиолог Виллем Эйнтховен еще в 1903 году разработал прибор для регистрации электрической активности сердца)

Я чувствовала, что на этой неделе будет много интересного, но я даже не подозревала, что эта поездка изменит всё.

Глава 74

По приезду меня закружила настоящая «карусель» тщательно подготовленной церемонии. Всё было настолько хорошо продумано и организовано, что казалось весь город работает на то, чтобы тем, кто приехал получать награды, было удобно и комфортно. Даже погода стояла великолепная, несмотря на то что уже была календарная осень.

Прямо с поезда меня встретили и привезли в отель, расположенный рядом с парком, в котором находился дворец Собраний, где и планировалось проведение церемонии.

Пока автомобиль медленно двигался по аллее, которая вела прямо к отелю, у меня была возможность рассмотреть местный ландшафт.

Деревья вдоль аллеи были аккуратно пострижены и всё ещё сохраняли зелёную листву, хотя уже и с оттенком красно-жёлтой осени.

Водитель, заметив, что я смотрю в окно, сказал:

— Такая же аллея ведёт от вашего отеля к дворцу Собраний, по ней можно проехать на автомобиле или прогуляться.

Отель был шикарный, организаторы явно не скупились на номинантов. Мне одной выделили номер с двумя комнатами. Это был мастер-номер со спальней и гостиной. И я ещё подумала, что можно уже начинать привыкать к роскоши. При мысли об этом почему-то стало грустно.

Но вскоре меня вызвали вниз и грустить стало некогда. Потому что там уже собралась вся наша докторская команда.

Поэтому вечер и следующий день просто пролетели. Коллеги поздравляли меня и с получением заслуженного диплома и с тем, что я практикую именно то, что хотела.

Но при этом доктор Джозеф сразу сказал:

— Я жду тебя, Лейла, знаю, что тебе нравится работать с детьми, но науку тоже бросать нельзя

— Ага, — хохотнул доктор Итан, — за три года кто-нибудь уведёт нашу Лейлу и не вернётся она в Британию.

Я улыбнулась, и доктор Джозеф, театрально схватившись за сердце прокричал:

— Нет! Лейла, продержись, мы тебе в Британии жениха найдём

Так с коллегами нас посадили за одним столом на гала-ужине. На следующий день, нас тоже всех вместе отвезли в большой пассаж, расположенный в центре Хомбурга, и мы почти целый день общались с теми, кто специально приехал, чтобы хотя бы так прикоснуться к научным открытиям.

В общем это были весьма насыщенные и весёлые два дня. Я вспомнила, как это было в прошлой жизни, когда доктора собирались на такие вот симпозиумы, обменивались опытом, знакомились с коллегами. Такое общение было необходимо, для людей, объединённых одной профессией и целью.

А в день церемонии награждения мужчины с утра поехали на какую-то ярмарку, а вот тем немногим женщинам, которые были здесь, предоставили «на растерзание» целый салон красоты.

Хотя я бы назвала его дворец красоты. Потому как здесь был и бассейн, вокруг которого стояли лежаки, а над всем этим был застеклённый потолок, и казалось, что солнце светит прямо на тебя, а вокруг растут пальмы и ты не в центре Европы, а где-то на тропическом пляже.

Там же была и турецкая баня, которая, как оказалось была весьма популярна в Германии, а я и не знала, что это так.

Тем кто захотел ещё предоставили возможность сделать массаж. Я захотела.

Мне вообще казалось, что я попала в волшебный отпуск, которого у меня никогда не было, мысли после бани и массажа текли вяло и я плохо представляла себе, как я смогу не заснуть, а ещё продержаться целый вечер на церемонии, которая, как говорили может продлиться не меньше четырёх часов.

Я очень давно так со вкусом не отдыхала и подумала о том, что, когда вернусь, надо бы обязательно выяснить, есть ли что-то подобное в Лихтенштейне, и сводить туда Тину.

Но зря я переживала, поспать мне тоже удалось, но после сна нам устроили бодрящее чаепитие вместо полноценного обеда и каждой выделили время для того, чтобы нам помогли с причёсками и макияжем.

Здесь работали настоящие профессионалы, и когда я взглянула на себя в зеркало, то там больше не было юной девочки из приюта. Из

зеркальной глади на меня смотрела уверенная в себе молодая женщина, красивая и сильная. Да ещё и платье, оно тоже было необычным, я видела, что многие надели просто чёрные платья, украсив их либо белом шарфиком, либо большой белой брошью-цветком, либо воротником. На одной женщине было красивое меховое боа из серебристо-белого меха.

А моё платье было чёрно-белым в буквальном смысле. Половина платья была белая, а другая половина чёрная, низ верх менялись, и такая геометрия смотрелась очень необычно. Ещё это платье было без рукавов, зато с длинными перчатками, закрывающими руки почти что до плеч. Я смотрелась такой геометрически-шахматной королевой.

В зале дворца Собраний сновали фотографы. Нас тоже остановили на широкой лестнице для того, чтобы сделать фото.

Мы, выполнив указание фотографа, стояли и смотрели на него, сам фотограф стоял спиной к поднимающимся по лестнице людям.

Вдруг к нему подошёл один из распорядителей, которые всех встречали внизу и что-то ему сказал.

Фотограф тут же попросил нас подождать и не уходить

— Вы же из Британии? — широко улыбнувшись произнёс он

Доктор Джозеф ответил за всех.

— Тогда не уходите, пожалуйста, там подъехал ваш кронпринц, и он хочет сделать с вами фото.

Все сразу же посмотрели на вход.

А для меня мир сузился до одного человека. Потому что на церемонию прибыл не только кронпринц, но и его брат, принц Максимилиан.

***

Принц Максимилиан. Герцог Кентский.

Я стоял и смотрел Лейлу, и не узнавал. Это была она и одновременно не она. Как будто я не видел её не несколько месяцев, а несколько лет.

Уверенная в себе, невозможно красивая, похожая на деву Зимы, такая же прекрасная и недостижимая.

— Макс, — вдруг услышал я голос брата, — Макс, — судя по всему повторял он уже не первый раз, — очнись

Я обернулся, взглянул на брата, и понял, что стою у подножия лестницы, а наверху стоят наши номинанты и она, и все смотрят на

нас, ожидая, когда мы поднимемся наверх для фотографии. Так кажется, сказал распорядитель, встречая нас возле входа, когда мы вышли из автомобиля.

— Пошли наверх, — прошептал брат

Фотограф попросил нас с братом встать в центре, а остальных расставил вокруг нас, Лейлу поставили рядом со мной, и я почувствовал тонкий аромат её духов, тех духов, которые я когда-то ей так и не подарил.

Я чувствовал тепло её тела и вдруг понял, что никакая она не дева Зимы, а настоящая, тёплая, живая, и сейчас, сегодня она здесь, я могу взять её за руку, заглянуть в её глаза, спросить...

И как только я это понял, всё... у меня что-то слетело в голове, и все те искусственные барьеры, что я так долго возводил, уговаривая сам себя продержаться ещё какое-то время, всё это просто снесло... Снесло словно снежной лавиной, сметающей всё на своём пути и осталось только незамутнённое ничем понимание, что есть я и она, и мне больше ничего и никого не надо

***

Лейла

Я сначала почувствовала его взгляд, а потом увидела и его самого. Я не узнавала его. Ко мне шёл красивый, уверенный в себе, без тени физической неустойчивости, молодой мужчина.

Он был один. Я даже вытянула шею, чтобы посмотреть, не подкрадывается ли откуда-нибудь княжна Оранская. Но нет, принц был один. Вернее, они были вдвоём с кронпринцем.

Максимилиан замешкался у подножия лестницы, но потом они с братом поднялись и фотограф, довольный тем, что ему удалось сделать фотографии особ из королевской семьи, расставил нас так, что я оказалась рядом с Максимилианом, который тут же завладел моей рукой.

Я взглянула на него, он смотрел куда-то в объектив фотоаппарата. И мне показалось, что он весь в своих мыслях, и даже не понял, что держит меня за руку.

Дальше нас, как номинантов провели на первые ряды, а принцев отправили в ложу для королевских особ. В первом перерыве мы, конечно же пошли в буфет, но Максимилиана я там не увидела, подумала, что, наверное, у них какой-то свой буфет имеется. Но во

время второго перерыва, который был после нашего награждения, принцы спустились в общий зал.

Я как раз отходила в туалетную комнату, а когда вернулась, то увидела, что рядом с моими коллегами стоит Максимилиан.

— Я вас поздравляю, мисс Лейла, — торжественно сказал принц и взяв мою руку, поцеловал.

Я растерянно оглянулась на коллег.

Доктор Джозеф, улыбнувшись сказал:

— Нас, Его высочество уже поздравил.

Хитро подмигнул мне и добавил:

— Пусть теперь поздравляет главную виновницу.

— Благодарю, Ваше Высочество, — слегка присела я в книксене, а после подняла голову и посмотрела принцу прямо в глаза.

И вдруг поняла, как соскучилась по нему, поэтому слегка усталому выражению лица, по этой его глубине в темноте глаз. Еле подавила какое-то неосознанное желание прижаться у нему, ощутить твёрдость мышц, его запах.

«Сумасшествие какое-то, — подумала я, — хорошо, что нас сейчас снова «разведут» в разные стороны и я, не видя его успокоюсь».

Но даже сидя в зале, мне почему-то казалось, что принц, не отрываясь смотрит на меня. Я физически ощущала его взгляд.

Даже доктор Джозеф заметил мою нервозность, но понял по-своему:

— Лейла, уже немного осталось, потом поедешь сразу в отель, отдохнёшь.

Когда объявили конец церемонии, я буквально сбежала из зала дворца Собраний и уселась в автомобиль, который отвозил нас до отеля. Джентльмены предпочли прогуляться. Но у меня просто не было сил.

Вернувшись в свой номер, первым делом скинула туфли и села, не включая свет, прямо на пол. Силы покинули меня.

Сколько я так просидела, не знаю, только из хаоса размышлений меня выдернул стук в дверь.

Я решила, что это кто-то из коллег, может они только дошли до отеля. Я включила свет в коридоре и открыла дверь.

Глава 75

За дверью стоял Максимилиан. Глаза у него были совершенно сумасшедше-больные.

— Лейла, — выдохнул он и шагнул в комнату.

Осторожно, будто бы опасаясь, что я его оттолкну, и словно не веря в то, что это действительно я, он обнял меня, а потом поцеловал. И женщина во мне... отпустила себя, даже не сомневаясь, что всё делает правильно.

А утром, когда за окном ещё были серые предрассветные сумерки, в дверь постучали. Макс пошёл открывать, и я услышала тревожно-умоляющее, торопливо сказанное мужским голосом:

— Ваше высочество, не могу больше ждать, у меня через полчаса заканчивается разрешение на нахождение в воздушном пространстве Германии. Не губите. Надо лететь.

— Сейчас, — коротко прозвучало от Макса

Я закрыла глаза, не желая ставить ни его, ни себя в неловкое положение торопливого прощания.

Слышала, как он одевался, пытаюсь что-то разыскать в полумраке, потом наклонился надо мной, втянул воздух, словно собираясь забрать с собой мой запах и прошептал:

— Я люблю тебя.

И вскоре я услышала, что он осторожно, стараясь не хлопнуть, прикрыл дверь, надавливая на замок.

Я вскочила с кровати и подбежала к окну, от отеля отъезжал чёрный автомобиль. На часах было четыре утра.

В полдень мой поезд уходил обратно Лихтенштейн. Спать мне больше не хотелось, и я пошла собираться.

Я хотела собраться и выехать из номера, чтобы не показываться в этом отеле, потому что казалось, как только горничные увидят следы нашей с Максом ночи на кровати, все сразу начнут «показывать на меня пальцами».

Но это был страх не мой, а Лейлы. Я же нисколько не жалела.

Я не знала, что ждёт меня в будущем, да и принц ничего не обещал, последнее, что я услышала от него было признание в любви.

И это было искренне.

Зато теперь я точно знала, чего я не хочу.

Я не хочу компромисса, он у меня уже был. Когда-то в прошлой жизни, та Лейла так и не разрешила себе безумств, не узнала, каково это быть с тем, кого любишь. Муж мой был очень комфортный человек, мне с ним было очень уютно и надёжно, но я никогда не испытывала того, что испытала в нашу первую и, скорее всего, последнюю ночь с Максом.

И вспомнились мне строки:

«Что без тебя просторный этот свет?

Ты в нем одна. Другого счастья нет.» *

(*Строки из сонета Шекспира)

Так же и Макс для меня..., и я вдруг поняла, что по-настоящему счастлива, по-настоящему жива... и честна.

А Генрих обязательно тоже будет счастлив с какой-нибудь графиней, он просто её ещё не встретил, а вместе с ним будет счастлива и его тёща.

И мне стало так легко, я приняла решение и ушло давящее чувство какой-то неизбежности, что надо дать ответ, который давать не хочется.

И стало легко. Всё правильно.

***

Прошёл месяц.

Сегодня было первое ноября. День, на который была назначена помолвка герцога Кентского и княжны Оранской.

Не скрою, я всё-таки ждала.

Я, как и сотни, тысячи, а может и больше женщин до меня, продолжала верить в сказку. Каждое утро я проспалась с мыслью, что вот раздастся стук в дверь, а там он.

Я даже стала покупать газеты, чтобы однажды увидеть там, что никакой свадьбы не будет. Но в газетах не было новостей из Британии.

И только сегодня, проснувшись, я поняла, что больше ждать не стоит, надо продолжать жить дальше.

Я свободна жить так, как хочу и возвращаться в Британию я не буду, приму предложение князя и стану полноправной гражданкой княжества.

Правда, титул мне пока так и не предложили, но не за горами мой следующий патент, и скорее всего и номинация на почётную награду, за разрабатываемые здесь вакцины. Так что титул, если мне будет очень надо, я получу.

Выйдя на улицу, глубоко вдохнула прохладный воздух. Несмотря на ноябрь настоящих холодов не было, но после ночи тоненькая корочка льда украшала остатки маленьких луж на тротуаре.

В трамвае, как и обычно, было очень мало людей, и я с комфортом доехала до клиники.

Рабочий день начался как-то нервно, сегодня в нашем отделении был грудничковый день. Это тоже было моё нововведение, особенно актуально вот такой осенью, когда начинаются сезонные простуды, и надо исключить пересечения подросших ребятишек, которые уже имунно-социализированы и таких вот малышей.

Но родители всё равно приводили и тех и других.

Мне надо было просто пережить этот день, поэтому я даже радовалась такому наплыву пациентов. И когда все пошли попить чаю, отказалась, оставшись в кабинете.

И в какой-то момент поняла, что прошло уже больше получаса, а никто так и не вернулся.

А пациенты всё еще ждали своей очереди.

Я приняла двоих пациентов, но не могла их отпустить, мне нужно было, чтобы медсёстры им оформили документы, но никого не было.

«Да что же это сегодня за день такой,» — раздраженно подумала я, ведь не собиралась злиться, хотела, чтобы он просто тихо прошёл, а всё равно нашёлся повод расстроиться.

Вдруг дверь открылась и в проёме показалась Марция:

— Доктор Лейла, ну что же вы здесь сидите, пойдёте! — будто бы не замечая моего недовольства, воскликнула она

— Вообще-то я работаю, а вот где вы все?! — раздражение всё-таки вырвалось из меня.

Но Марция не среагировала, наоборот, улыбнулась и ещё раз повторила:

— Пойдёте.

Пациентов за дверью в коридоре не было, и я пошла за девушкой, гадая, что же там могло произойти, что она так настойчиво меня зазывает.

Когда я вошла в ординаторскую, там было очень много людей: доктора, медсёстры, даже кто-то из администрации. Создалось впечатление, что в комнату сбежались со всей клиники.

— Что здесь происходит? — удивлённо спросила я

Но все продолжали толпиться у окна и никто, кроме нескольких медсестёр из моего отделения, даже не повернулся

— Что! Здесь! Происходит! — громко, чеканя каждое слово повторила я.

Столпившиеся у окна доктора и медсёстры начали поворачиваться.

Доктор из хирургического отделения, высокий грузный мужчина, который, как мне казалось, недолюбливал меня, видимо, втайне считая выскочкой, вдруг возмущённо сказал:

— И она ещё спрашивает, что происходит?!

Я совсем перестала что-либо понимать, и пошла к окну. Все расступились, дав мне возможность подойти.

Сперва даже не поняла, что я вижу. Мне показалось, что выпал снег...

Вся площадь перед клиникой была в цветах... там был просто миллион... белых роз, а в центре всего этого цветочного великолепия стояли двое...

Мужчина и маленькая девочка. Она держала его за руку, слегка подпрыгивала, не в силах устоять на месте.

В глазах у меня вдруг стало мутно, я поняла, что не могу вдохнуть. Зажмурилась, а когда открыла глаза, то и цветы, и Макс с Кати все ещё были там, на площади.

«Боже, там же холодно!» — вдруг пришла мне в голову мысль, и я побежала.

Я выскочила на улицу, и была оглушена звуками полицейских сирен, но не видела никого, кроме мужчины и ребёнка.

— Папа, смотри, вон Леля, наша Леля — услышала я родной голос девочки

«Как же я соскучилась по ней, по этому доверчивому Леля»

Я шла по площади, старательно обходя квадратные корзины, которые были поставлены вплотную друг к другу, отчего создавалось впечатление, что цветы уложены сплошным ковром.

Макс взял Кати на руки и пошёл мне на встречу.

Когда мы приблизились настолько близко, что могли почувствовать дыхание друг друга, Кати снова крикнула, опережая папу:

— Леля, а мы приехали звать тебя жениться. Будешь моей мамой!

Я посмотрела на принца. Он виновато улыбнулся и расстроено произнёс:

— Прости, я хотел сам

— Папа, ну давай же колечко, — и Кати потянулась руками в нагрудный карман на пальто Макса.

— Нет, Кати, — вдруг строго сказал Максимилиан, — это я сам, — и улыбнулся уже начавшей куksиться девочке, и она с готовностью кивнула.

Максимилиан поставил Кати на землю, вытащил из кармана маленькую коробочку из синего бархата, и открыв её произнёс:

— Мисс Лейла, выходите за меня замуж,

И посмотрел... на Кати

Та, улыбаясь смотрела то на папу, то на меня.

Принц укоризненно посмотрел на Кати: — Ну!

На лице девочки вдруг отразилась целая гамма чувств и она, важно сдвинув бровки торжественно произнесла:

— Возложения принимаются

На лице у принца появилось страдальческое выражение, и мне захотелось рассмеяться, так комично это выглядело.

Но Кати не растерялась, и, набрав воздуха, произнесла ещё раз:

— Возложения не принимают.

Принц выдохнул, погладил дочь по голове и прошептал:

— Молодец.

— Ну раз возражения не принимаются, — рассмеялась я, настолько забавно всё получилось, — тогда я согласна.

Вдруг раздались аплодисменты и одновременно с этим чей-то голос, усиленный каким-то оборудованием, прокричал:

— Уберите цветы, вы нарушаете общественный порядок!

Вслед за этим прозвучали ещё сигналы, гораздо более громкие. Мы с Максом оглянулись, увидели, что неподалёку припарковались два автомобиля.

Из них вышли люди в одинаковых костюмах и направились к нам, тоже тщательно обходя корзины с цветами.

Один из тех, кто вышел из автомобилей, остановился на почтительном расстоянии, и почти просительно сказал:

— Ваше Высочество, вы незаконно пересекли границу княжества, мы просим вас либо покинуть территорию, либо подать прошение о визе.

Принц посмотрел на меня:

— Сколько тебе осталось отработать?

— Два с половиной года, — ответила я с сожалением

Максимилиан повернулся к говорившему и сказал:

— Я хочу подать прошение на визу на два с половиной года.

Но, если бы всё было так просто...

Эпилог

Если б всё было так просто, наша с Максом история о «докторе-золушке» и «заколдованном принце» закончилась бы на этом. Но просто не было.

Князь Лихтенштейна оказался настолько дальновидным и мудрым политиком, что использовал возникшую ситуацию на благо своего княжества.

Я всё-таки сменила гражданство, и через полгода после дня, получившего в Лихтенштейне название «цветочный ноябрь» стала баронессой Лихтенштейнской, получив в подарок на помолвку, а также за заслуги перед отечеством, небольшой замок недалеко от границы в лесистой части княжества.

Князь Мекленбургский вписал меня в книгу семьи через официальное удочерение без права на наследование, и тем самым обеспечил себе родство с правящим домом Британии, через мой будущий брак с принцем Максимилианом.

И всё это резко осложнило жизнь Макса, которому приходилось придумывать всё более изощрённые способы, чтобы увидаться со мной.

Его несколько раз отлавливали при незаконном пересечении границы, потому что визу-то ему дали, но проезд представителя правящей семьи другой страны не мог проходить обыденно, без церемоний. Нельзя было так просто взять и прилететь.

А нам просто хотелось увидаться и побыть вдвоём.

Поэтому мне пришлось научиться кататься на горных лыжах, а брату Максимилиана организовать несколько медицинских выставок в Лондиниуме.

Приехав на первую из которых, я и узнала, что на самом деле скрывалось за травлей и преследованиями. Рассказал мне об этом виконт Александр Эрли, он же «профессор» криминального мира Йен, представлявший на выставке свою фармацевтическую компанию.

И я поняла, почему, пока не было завершено расследование Макс не позволял мне вернуться в Британию. Он опасался за мою жизнь.

Оказалось, что за всем этим стоял князь Оранский, правитель небольшого княжества, ещё меньшего по размеру, чем Лихтенштейн, но амбиции которого простирались далеко за географические границы, принадлежащей ему земли.

Он сам был виноват в том, что его дочь «засиделась» и стала считаться «старой девой», потому как князю «всё было мало», те кто делал брачные предложения его дочери, не устраивали князя за недостаточностью знатности рода.

Сам он давно засматривался на королевский дом Британии и даже, когда только дочь родилась, сразу послал предложение породниться через брак детей.

Но ему отказали, объяснив это тем, что «тёмные» времена остались в прошлом, и дети сами выберут с кем им продолжать династию. Но ему не запретили участвовать в балах и встречах, и привозить свою дочь для знакомства с британскими принцами и аристократами.

Но так сложилось, что наследный принц Максимилиан, вдруг влюбившись, женился на герцогине Виктории Заальфельдской и у них очень быстро родилась дочь.

И тогда князь Оранский придумал свой страшный план и сделал всё, чтобы расчистить дорогу своей дочери к британскому трону. Но не рассчитал случайности, и наследный принц, ставший почти инвалидом, отказался от престола. А младший даже и не смотрел на дочь Оранского, во-первых, в силу возраста, а во-вторых, он уже был помолвлен с дочерью союзника Оранского, Маргаритой Люксембургской.

Герцог Люксембургский, зная амбиции своего визави, сразу же его предупредил, что если что-то случится с его дочерью или с принцем Британии, то от Оранского княжества останется лишь строчка в учебнике.

И князь Оранский снова обратил свой взор на бывшего кронпринца Максимилиана. И здесь снова случайность. Появилась я, «выскочка», «никто», «приютская девка», в которую принц имел неосторожность влюбиться.

И так «удачно совпало», что у графа Фонсборо произошла трагедия, связанная с «моей деятельностью», и князь Оранский решил,

что можно действовать «чужими руками». Слово там, письмо здесь, нашлись люди-иуды, за денежку готовые предать, и пошло-поехало.

Макинтош, которому заплатили за снимки, и моя подруга... Дана Верн, за которую я так переживала, но которая была основным звеном в связях с прессой и донесением пикантных подробностей.

Я, кстати, встретилась с ней. Она сама пришла на выставку и дождалась, когда я освобожусь.

Она смотрелась какой-то очень взрослой, как будто ей было на десять лет больше, сильно накрашена, на высоких каблуках, на ней было облегающее, провокационно смотревшееся платье, и много украшений. Как будто она пыталась всем сказать: «Посмотрите, как я богата!»

Я уже знала о её роли в моей травле и потому спросила:

— Дана, за что? Почему?

Красивое, ухоженное лицо её скривилось, и она ответила:

— Я ненавидела тебя и... ненавижу! Ты! Такая вся святая! Чистенькая! Готовая всё отдать! Ненавижу!

На последнем слове голос её сорвался, получилось громко, и люди вокруг стали оборачиваться на нас. Дана огляделась, поправила стильную шляпку и, развернувшись, ушла.

Но в глазах ее помимо ненависти я заметила какое-то затравленное выражение, как у зверька, который всё время боится, что его съедят.

Вечером я рассказала Максу об этой встрече. А через две недели, в газетах прочла объявление, что в Британии была раскрыта целая шпионская сеть, в которой состояли и граждане Британии, завербованные другим государством, и граждане другого государства, те, кого можно было выслать из страны.

Иностранные граждане были высланы, остальные были арестованы. В списке арестованных было имя Даны Верн и Макинтоша Ренни.

Княжна Оранская тоже была выслана из страны, а княжеству Оранскому была направлена нота протеста и объявлена экономическая война.

— Уверяю тебя, любовь моя, — сказал мне Макс, — скоро от княжества Оранского останется лишь воспоминание. Оранский уже

запросил договор помощи у герцога Люксембургского, а тот всем известен как хищник, помощь которого смертельна.

Свадьбу с Максимилианом мы сыграли в сентябре, потому что и королева Анна, и князь Мекленбургский стали опасаться появления незаконнорождённых наследников.

***

Пять лет спустя

Наследники всё же появились и сразу двое, но тех, кто пытался посчитать вовремя они появились или всё же нет, ждало разочарование.

Всё же мне, как женщине другого времени было доступно знание, как можно регулировать нерегулируемый процесс зачатия, о чём я и написала в своей второй книге для женщин.

Кати стала важной старшей сестрой, но поскольку младшие были мальчишками, продолжала чувствовать себя единственной принцессой, что ей очень нравилось.

Моя новая роль жены и матери совершенно не мешала мне руководить здравоохранением в стране. Я абсолютно безжалостно боролась с мракобесием и тупостью, а королева-мать меня поддерживала.

Короля Георга мы всё-таки подлечили, и главный королевский врач теперь не доктор Уислер, а Чарлз Брайтон, который продолжает развиваться в хирургии, оставаясь самым талантливым хирургом.

Семья Белтонов теперь живёт в совсем другом районе Лондиниума в новом доме. После того, как Макинтоша арестовали, миссис Элис забрала с собой его мать. Том пошёл учиться на юриста, а Барни женился на такой говорушке, что его молчание стало практически незаметным.

Джозеф Листер весь в науке, практически перестал принимать больных, настолько увлёкся исследованиями в области микробиологии. Его институт расширился до международных филиалов, а заместителем его стал Роберт Тиндаль, и именно его доктор Джозеф прочит в свои преемники.

Тина осталась жить в Лихтенштейне, там у неё небольшое производство сумок. Когда-то я ей подсказала, что будет очень разумно сразу развивать свой бренд, и девочка, как-то быстро ухватила эту

идею. Сумки под брендом «LoveL» ,Лавель, по фамилии Тины, стоят дорого, но пользуются большой популярностью.

Генрих Лифорш пока не женился, но говорят, что его уже несколько раз видели в обществе молодой дамы, вдовы герцога Кински. Эта дама живо интересуется косметическим направлением и считает, что фармацевтика и косметология вполне могут дополнять друг друга. Думаю, что скоро на фабрике медицинских препаратов Лифорш появится новая производственная линия.

Я очень надеялась, что Генрих найдёт своё счастье, ведь то, что я не приняла его предложение не было связано с тем, что он плохой. Нет, напротив, он добрый, честный и порядочный, просто он не мой.

А мой мужчина до сих пор с ужасом вспоминает те дни, когда он думал, что потерял меня.

Это и есть настоящая любовь, когда ты не ждёшь, что то, что ты делаешь, кто-то когда-то оценит. Ты просто делаешь то, что должен, чтобы защитить того, кого ты любишь.

Конец

От автора

Вот и закончилась эта история! Но то, что для кого-то конец, для другого начало и Лейле с Максом только предстоит прожить жизнь и пронести свою любовь, которая очень непросто им досталась, через годы. Возможно, в их реальности не будет мировых войн, которые пережила доктор Лейла Денмарк, ставшая прототипом для моей героини.

Или будут, но это уже совсем другая история.

С любовью,

Ваша Адель